

5

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

19

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

59

КРИМИНОЛОГИЯ

85

КРИМИНАЛИСТИКА

131

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

201

АВТОМАТИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

**ГЕНЕЗИС СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ОТ ЗАГРЯЗНЕНИЯ**

Ермолинский П.М.
канд. юрид. наук, доцент
Международный университет «МИТСО»

Аннотация

Решение уголовно-правовых проблем охраны природных объектов от загрязнения требует, прежде всего, анализа развития уголовного законодательства, условий его формирования, тенденций и перспектив развития. Использование метода исторического анализа содействует более эффективному прогнозированию путей его дальнейшего совершенствования с учетом ошибок прошлых лет.

Первое упоминание об уголовной ответственности за преступное загрязнение окружающей среды выявлено автором в Уголовном уложении Российской империи, Высочайше утвержденном 22 марта 1903 г.

Так, в ст. 220 Уголовного уложения было закреплено, что уголовной ответственности подлежит «виновный в порче воды, служащей для питья или для водопоя, бросанием, сваливанием, выливанием, спуском в нее или мочением в ней веществ, делающих воду непригодной для питья или водопоя» [1, с. 86].

В ст. 261 Уложения было закреплено, что уголовному наказанию за нарушение закона о пользовании водами для орошения земель в Закавказье подлежит «виновный в засорении водовместилища или в допущении в него скота, или в перегоне через оное в месте, для сего не предназначенном» [1, с. 100].

В главе Уголовного уложения «О нарушении постановлений о надзоре за промыслами и торговлею» специально была выделена и законодательно закреплена уголовная ответственность за загрязнение природных объектов владельцев и должностных лиц субъектов хозяйствования.

Так, в ст. 311 было закреплено, что уголовной ответственности подлежит «хозяин завода, фабрики, ремесленного или торгового заведения или заведующий оными, виновный в том, что не устроил в таком заведении приспособления, предписанного законом или обязательным постановлением для предупреждения заразы воздуха, воды или почвы» [1, с. 116–117], а согласно ст. 312 «виновный в устройстве бойни без соблюдения установленных законом или обязательным постановлением правил или неоправданном содержании бойни» [1, с. 117].

Уголовное уложение Российской империи закрепляло уголовную ответственность согласно ст. 383 «за неиспользование установленной законом или обязательным постановлением обязанностей содержать в исправности колодцы», а согласно ст. 385 «за проведение трубы для отвода нечистот в реку или канал, где сие воспрещено законом или обязательным постановлением, или в непредназначенную для сего городскую трубу» [1, с. 140].

Помимо этого, в главе Уголовного уложения «О повреждении имущества...» согласно ст. 550 уголовной ответственности подлежит виновный в повреждении

«чужого скота посредством отравления водопоя, а также рыбы в чужих водоемах посредством отравления воды» [6, с. 193], а в главе «О самовольном пользовании чужим имуществом» согласно ст. 633 виновный «в самовольном свозе на чужую землю камней, мусора, палых животных и нечистот» [1, с. 231].

Как видно из вышеизложенного, Уголовное уложение Российской империи предусматривало ответственность за преступное загрязнение вод и земель. Однако ответственность за загрязнение леса и атмосферного воздуха им предусмотрена не была.

В первые годы советского периода использование законодательства Российской империи было резко ограничено. Разрешалось пользоваться «законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [2, с. 5].

Прямое указание по данному вопросу дает и примечание к ст. 22 Положения о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г.: «Ссылки в приговорах на решения свергнутых правительств воспрещаются» [3, с. 15].

Что касается Руководящих начал по уголовному праву, то в ст. 590 так характеризовался рассматриваемый период революционного правотворчества: «Без особых правил, без кодексов, революционный народ справлялся и справляется со своими угнетателями. В процессе борьбы со своими классовыми врагами пролетариат применяет их на первых порах без особой системы, от случая к случаю, неорганизованно» [4, с. 17].

В силу специфики периода первых лет Советской власти приоритеты в уголовном законодательстве были направлены на борьбу с контрреволюцией, классовыми врагами трудящихся. Ответственность же за загрязнение окружающей среды законодательно не предусматривалась. Диссертантом при исследовании законодательства этого периода выявлен лишь один акт – постановление ВСНХ РСФСР от 20 февраля 1919 г. «О центральном Комитете водоохранения» [5, с. 6], в котором были разработаны меры санитарной охраны водоемов от загрязнения сточными водами и водами промышленных и коммунальных предприятий.

В 1922 г. принимается первый Уголовный кодекс РСФСР, распространивший свою юрисдикцию и на территорию нашей республики, в котором лишь ст. 99 предусматривала уголовную ответственность за преступные посягательства на охрану природы (сбережение лесов, охота в недозволенном месте, в недозволенное время, недозволенными орудиями, способами и приемами и разработка недр с наруше-

нием установленных правил). Ответственность за преступное загрязнение окружающей среды в УК не предусматривалась.

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. уже четыре статьи регулируют отношения в области охраны природы (ст. 85 «Нарушение постановлений, изданных в интересах охраны лесов от хищений и истреблений», ст. 86 «Производство рыбного, звериного и других водных добывающих промыслов в морях, реках и озерах...», ст. 86¹ «Производство охоты в запрещенных местах, в запрещенные сроки и запрещенными способами или орудиями», ст. 87 «Разработка недр земли с нарушением установленных правил» [6, с. 45–46]. Однако и здесь нормы, регулирующие охрану природных объектов от загрязнения, отсутствуют.

Не нашли своего законодательного закрепления нормы об ответственности за преступное загрязнение окружающей природной среды и в первом УК Беларуси – Уголовном кодексе БССР 1928 г. [7].

Таким образом, первые советские Уголовные кодексы, в том числе и УК БССР, еще не восприняли подхода к указанной проблеме, содержащегося в Уголовном уложении.

В 30-е гг. в связи с тем, что действующим Уголовным кодексом Белоруссии ответственность за преступное загрязнение окружающей среды не предусматривалась, а в судебной практике применялась аналогия, Пленум Верховного Суда СССР своим постановлением от 28 декабря 1934 г. разъяснил, что действия должностных лиц, нарушающих предписание о сохранении чистоты вод и воздуха, квалифицируются по статьям о должностных преступлениях. Ответственность же граждан, не являющихся должностными лицами, за эти деяния не предусматривалась [8, с. 375–376].

После принятия 25 декабря 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, на четвертой сессии Верховного Совета БССР пятого созыва 29 декабря 1960 г. был принят Уголовный кодекс Белорусской ССР, которым впервые за советский период была установлена уголовная ответственность за загрязнение природных объектов.

В ст. 218 «Загрязнение водоемов и воздуха» предусматривалась уголовная ответственность за загрязнение рек, озер и других водоемов и водных источников неочищенными и необезвреженными сточными водами, отбросами или отходами промышленных, сельскохозяйственных, коммунальных и других предприятий, учреждений и организаций, причинившее или могущее причинить вред здоровью людей либо сельскохозяйственному производству или рыбным запасам, а равно загрязнение воз-

духа вредными для здоровья людей отходами промышленного производства [9, с. 117].

Введение данной нормы права обусловилось бурным развитием промышленности, транспорта, связи, сельского хозяйства, невиданным ранее по интенсивности использованием ресурсов с выбросом (сбросом) в окружающую среду значительного количества вредных отходов производства.

В процессе дальнейшего совершенствования законодательства конкретизировалась редакция ст. 218 Уголовного кодекса 1960 г. Так, согласно редакции ст. 218 УК, измененной и дополненной Указом Президиума Верховного Совета БССР от 7 апреля 1986 г., дополнительно предусматривалась уголовная ответственность за засорение вод, порчу и загрязнение земель, а также вредное физическое воздействие на атмосферный воздух, причинившие или могущие причинить вред здоровью людей, народному хозяйству либо растительному и животному миру.

Кроме этого, законами Республики Беларусь от 23 апреля 1992 г. и от 1 марта 1994 г. дважды изменялись санкции, предусмотренные ст. 218 УК 1960 г. «Загрязнение вод, земель и атмосферного воздуха» в сторону ужесточения.

Действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь, выделивший экологические преступления в самостоятельный раздел, устанавливает, что преступления данной группы признаются общественно опасными деяниями, причинившими или могущими причинить вред земле, водам, недрам, лесам, растительному и животному миру, атмосфере и другим природным объектам, отнесенным к таковым законодательством об охране

окружающей среды. Рассматриваемые раздел и глава предусматривают уголовную ответственность самостоятельными нормами за преступное загрязнение земель, вод, атмосферного воздуха и лесов, что должно способствовать более эффективному применению законодательства об охране окружающей среды от загрязнения.

Анализ основных этапов развития уголовного законодательства об охране окружающей среды от загрязнения в дореволюционный, советский и современный периоды позволяет сделать следующие выводы:

1. Процесс законотворчества в данной области права, как впрочем и в юриспруденции в целом, отражает основные процессы и тенденции социально-политического характера. При этом господствующая идеология, государственная политика и состояние правосознания напрямую определяют смысл и содержание законов и подзаконных актов об охране природы от загрязнения.

2. В полной мере не учтены серьезные качественные изменения характера экологических преступлений в современный период: повышение их общественной опасности (загрязнение природной среды радиоактивными, химическими и бактериологическими средствами).

3. До настоящего времени не урегулирована ответственность за экологические преступления, связанные с загрязнением природных объектов международного характера (биоцид, экологический терроризм, загрязнение территорий соседних государств радионуклидами, межгосударственные перевозки особо опасных веществ для их захоронения).

9

Список использованных источников

1. Уголовное уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. – СПб.: Изд-во Маркова, 1903.
2. Развитие уголовного права Белорусской ССР: сб. ст. / Под ред. И.И. Горелика и И.С. Тишкевича. – Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1973.
3. Швеков, Г.В. Первый советский уголовный кодекс / Г.В. Швеков. – М.: Высш. шк., 1970.
4. СУ РСФСР. – 1919. – № 66. – Ст. 590.
5. СУ РСФСР. – 1919. – № 4. – Ст. 45.
6. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года. – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929.
7. Уголовный кодекс БССР 1928 года. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1942.
8. Комментарий к УК РСФСР 1960 г. / Под ред. М.Д. Шаргородского и Н.А. Беляева. – М.: Юрид. лит., 1962.
9. Уголовный кодекс Белорусской ССР. – Минск: Беларусь, 1985.

Дата поступления: 20.10.2011

ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ И БЕЗДЕЙСТВИЕ КАК ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДЕЛ О ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЯХ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА И ТЕХНИКИ БЕЗОПАСНОСТИ

Ткачев И.А.
ОАО «Белтрансгаз»

10

Изучением причин и причинной связи в окружающем мире издавна занимались философы. И прежде чем анализировать состояние вопроса о причинной связи в теории права, рассмотрим в самом общем плане философскую проблему причинной связи. Для этого необходимо рассмотреть такие философские понятия, как *причина* и *следствие*.

Причина и следствие – это понятия, используемые для познания взаимосвязи явлений в объективном мире. В философской литературе *причина* определяется как взаимодействие вещей или элементов внутри вещи, а *следствие* – это изменение, возникающее во взаимодействующих вещах [1, с. 67].

Причина понимается как представление об отдельном объекте, об определенном действии или поведении человека. Философы понимают причинную связь как воздействие одного тела на другое [1, с. 17; 2, с. 72]. Сущность воздействия состоит в передаче энергии (массы, импульса) от одного тела к другому [3, с. 108].

Производимое причиной следствие в свою очередь зависит от условий, а условия – это совокупность взаимодействий данного тела с другими телами, за исключением взаимодействия его с телом, с которым оно находится в причинном отношении [2, с. 81].

Считается, что причина – относительно активный фактор. В то же время, условие – относительно пассивный фактор, влияющий на результат, который вызывает причина. Однако условие не является причиной этого результата.

Конечно, различия между причиной и условием имеют не абсолютный, а относительный характер. При этом разграничительным фактором причины и условия является то, что причина всегда относительно активна, а условия относительно пассивны [2, с. 83]. Такое же понимание причины и условия разделяют и другие философы, отмечая, что «во-первых, в отличие от причины, которая действуя переходит в следствие, условия могут сохраняться относительно неизменными длительное время. Во-вторых, причина всегда активна, тогда как условия относительно пассивны. В-третьих, число условий события обычно велико, тогда как его причины обычно менее многочисленны» [1, с. 100].

По мнению Г.А. Свечникова, причинные связи обладают следующими свойствами:

- во-первых, причина вызывает, производит следствие;
- во-вторых, в основе причинного отношения лежит взаимодействие вещей, элементов, тенденций;

Аннотация

Статья посвящена изучению дискуссионного вопроса причинной связи при бездействии. Анализируемый вопрос показывает, что в теории уголовного права наряду с мнением, обосновывающим наличие причинной связи при бездействии, существует и другая точка зрения. В статье рассматриваются проблемы: причинной связи; бездействия должностных лиц; расследования уголовных дел, связанных с нарушением правил охраны труда и техники безопасности.

в-третьих, причинные связи зависят от условий;

в-четвертых, связь причины и следствия при фиксированных условиях носит необходимый характер.

Иначе говоря, причинную связь можно определить как частицу всеобщего универсального взаимодействия, выражающуюся в том, что одно явление при определенных условиях неизбежно вызывает другое явление или изменение первого явления вызывает изменения второго [2, с. 90].

Проанализировав философское понимание причинной связи, перейдем к определению причинной связи в теории права. По нашему мнению, не может существовать свое обособленное учение о причинной связи в отдельной науке. И согласно этому не может существовать своя обособленная теория причинной связи применительно к уголовному праву. Вопрос о причинной связи должен решаться во всех случаях исходя из одинаковых предпосылок. Существует только одно единое философское понимание причинной связи в окружающем мире, которое и должно лежать в основе понимания причинной связи в других науках.

Так, еще Г.В. Тимейко писал: «Причинность – всеобщий закон природы и общества. Этот закон одинаково распространяется на биологические, физиологические, социальные и всякие иные процессы и явления. Поэтому никакое другое понятие причинности, кроме того, которое дается материалистической философией, не может быть исходным при разрешении причинной связи в уголовном праве» [4, с. 117].

По мнению М.Д. Шаргородского, принципиальными предпосылками для правильного теоретического разрешения проблемы причинности в праве должно являться следующее:

а) существует единое философское учение о причинности как объективной закономерности природы и общества, на основе которого и в соответствии с которым может и должна решаться проблема причинности в конкретных науках;

б) учение о причинной связи в праве должно быть единым для всех областей права, и решать вопрос о причинении следует исходя из общих теоретических положений для всех случаев ответственности за противоправный результат [5, с. 42].

Если наличие причинной связи при действии не вызывает разногласий, то с наличием причинной связи при бездействии согласны далеко не все ученые, хотя в курсе уголовного права наличие причинной связи при бездействии обычно не оспаривается.

Так, например, в курсе уголовного права утверждается «При пассивной форме поведе-

ния лицо позволяет другим лицам, механизмам, животным и проч. вызывать последствия, в то время как закон возлагал на него прямую обязанность не допустить этого, и такая возможность у бездействующего лица имела. Каузальный потенциал у действия и бездействия равен» [6, с. 247].

Такой же точки зрения придерживается и А.В. Наумов, который указывает, что «только в том случае, когда на лице лежала обязанность активного поведения, совершения определенных действий и оно не выполнило этих обязанностей, вследствие чего наступили общественно опасные последствия, можно говорить о наличии причинной связи между бездействием лица и наступившими последствиями. При отсутствии у лица такой обязанности вопрос о причинной связи между его бездействием и наступившими последствиями отпадает» [7, с. 339].

Важность исследования особенностей причинной связи в уголовном праве при бездействии обусловлена не только вопросами квалификации и дифференциации уголовной ответственности, но и развитием философской теории причиной связи. Сложность не только в том, что сам вопрос о причинной связи сугубо философский, но и в том, что на результат влияют условия, часто не связанные с действиями обвиняемого, но, тем не менее, оказавшие действие на результат.

В фундаментальной работе Т.В. Церетели довольно обстоятельно изложен вопрос о причинной связи. С ее точки зрения «для установления причинной связи между действием человека и общественно опасным последствием достаточно констатировать, что действие человека было необходимым условием его наступления. Однако вопрос об уголовной ответственности не может быть решен на основании одной лишь причинной связи. Для этого необходимо установить, носит ли это причинение общественно опасный и виновный характер» [8, с. 193].

Для наличия или отсутствия общественной опасности деяния и определения степени такой опасности она предлагает следующие критерии, которыми следует руководствоваться:

- 1) цель действия;
- 2) общественная значимость объекта, который подвергается опасности;
- 3) роль, которую сыграло или могло сыграть действие лица в наступлении преступного последствия [8, с. 199].

Далее Т.В. Церетели указывает, что «одинаковая степень способствования результату, благодаря существованию других компонентов общественной опасности, в одном случае может оказаться достаточной для положительного

решения вопроса об общественной опасности деяния, а в другом случае нет» [8, с. 203]. И делает вывод, что «пределной мыслимой границей общественной опасности деяния является реальная возможность лица оказать воздействие на фактический ход событий» [8, с. 206].

В более современной работе В.Б. Малинина для решения вопроса об установлении причинной связи предлагается соблюдать ряд условий:

- 1) установить, что деяние предшествовало по времени преступному последствию;
- 2) с одной стороны, изолировать (мысленно) поведение виновного, с другой – наступивший результат;
- 3) при исследовании причинной связи идти от последствия к деянию;
- 4) применить правило «мысленного исключения», согласно которому причинная связь признается только тогда, когда без интересующего нас деяния результат невозможен [9, с. 185–189].

В уголовном праве причинная связь является конструктивным признаком объективной стороны преступления с материальным составом. И поэтому она составляет необходимое условие уголовной ответственности за наступление общественно опасных явлений.

12

Для самого решения вопроса о причинной связи необходимо установить ряд обстоятельств, при наличии которых можно говорить о том, что данное общественно опасное деяние является причиной наступивших последствий. Этими обстоятельствами являются установленные последствия и факт совершения лицом общественно опасного деяния, указанного в законе.

В современной правовой науке главенствующее положение занимает теория, обосновывающая наличие причинной связи при бездействии. Но с такой точкой зрения согласны далеко не все ученые. Наряду с учеными, обосновывающими наличие причинной связи при бездействии [8; 14], существует и другой взгляд на эту проблему [9; 10; 11, с. 79–109; 12, с. 157–167; 13].

Сторонники теории бездействия, как причиняющего фактора, пытаются доказать причинную связь при бездействии волевым характером, тем, что бездействие развязывает внешние вредные силы, существующие в природе, или тем, что бездействие способствует возникновению мотива к действию у других лиц и тем самым способно стать причиной общественно опасного последствия.

Объединяет все эти теории общий мотив, говорящий о том, что в природе бездействие неспособно ничего причинить, но в обществе, где поведению человека присущ сознательный, волевой характер, бездействие способно стать причиной вредного результата.

Как утверждала Т.В. Церетели, только волевое, сознательное и целеустремленное действие человека может быть началом причинного отношения [8, с. 12].

Однако, по мнению Г.Ф. Тимейко, «воля и сознание, цели и намерения, выраженные воле в преступном деянии, характеризуют его с внутренней, субъективной стороны и имеют значение при решении вопросов вины и ответственности. Внешнее поведение, исполнение, движение, посредством которых осуществляется преступное деяние, характеризуют его с внешней, объективной стороны, и имеют значение при решении проблемы причинной связи» [11, с. 84].

В случае, если вред причиняется внешними силами, связь бездействующего объясняется тем, что он должен и мог воспрепятствовать проявлению таких сил. Понимается, что силы, непосредственно действующие на объект, находятся в сфере власти человека, а бездействующий их «развязывает» и тем самым причиняет вред [8, с. 265].

Как писал А.А. Пионтковский, «человек как субъект целой сети общественных отношений может быть поставлен в такие условия, что получает господство над силами природы, связями и отношениями между людьми. В этих условиях его бездействие может стать моментом, меняющим существующие связи между соответствующими явлениями и входящими тем самым в причинную цепь, приводящую к наступлению преступного результата» [14, с. 232].

Как замечает Б.В. Малинин, «наличие обязанности действовать имеет важное значение для решения вопроса об ответственности за бездействие, но не для установления причинной связи» [10, с. 147].

Понятие долга зависит от действия нормативного акта. И при одних и тех же обстоятельствах действие, признанное причиняющим при одном законодательстве, в случае отмены такого акта уже не будет признаваться причиняющим. Получается, что бездействие становится не объективным явлением внешнего мира, а некой юридической категорией. Но ведь сами юридические нормы это просто суждения людей о поведении, которые не объясняют природу причинности, а просто устанавливают правила поведения в обществе. И поэтому получается, что виноват тот, кто обязан был действовать.

Можно сказать, что придание лицу определенного статуса в виде обязанности и возможности действовать указывает только на социальную значимость этих факторов.

Причинение вреда бездействием в силу его мотивирующего значения объясняют тем, что бездействие своим психологическим факто-

ром оказывает влияние на поведение других людей, которые могут начать или прекратить свою деятельность и этим причинить вред.

Однако поведение человека может влиять, а может и не повлиять на поведение другого. Ведь человек не является бездумным существом и, получив какую-нибудь информацию, сам может сообразовать свое поведение. И если признать причиной поведения одного лица зависимость от поведения другого, то следует отрицать сознательное поведение вообще [10, с. 142].

Собственно, действующий должен поступать как велит ему его служебный долг, знания, опыт. А если он, пренебрегая этим, причиняет вредные последствия, то в данном случае налицо признаки для его самостоятельной уголовной ответственности.

Как пишет Б.В. Малинин, «причинная связь при бездействии отсутствует, а ответственность наступает за само бездействие, за неисполнение обязанностей как за таковое, но не за причинение» [10, с. 160].

Такого же мнения придерживался и М.Д. Шаргородский, при этом вопрос о причинной связи при бездействии он свел к практическому вопросу: когда человек отвечает за бездействие? Он полагал, что «при бездействии причинная связь отсутствует вообще. И вопрос, который нужно решать в этом случае – не о том, когда бездействие является причиной наступившего результата, а только о том, когда субъект отвечает за бездействие. Решение вопроса заключается в том, что если преступник, не желая наступления преступного результата, не совершил действие, которое мог и должен был совершить, его действия должны рассматриваться как самостоятельное преступление и караться лишь тогда, когда оно специально предусмотрено законом. Когда преступник желал наступления преступного результата и сознательно бездействовал для того, чтобы результат наступил, то хотя причинной связи нет, виновный отвечает как за причинение, ибо он обязан был действовать» [14, с. 231].

Значит проблема не в том, какой точки зрения придерживаться – существует причинная связь при бездействии или нет, а в том, что необходимо выявить само неисполнение обязанностей и дать им правильную уголовно-правовую оценку. Иными словами, необходимо установить вину.

При установлении вины требуется не только выяснить субъективную сторону преступления, но и отразить в процессуальных документах полученные результаты. При этом необходимо установить следующее:

1) какие конкретные результаты своей деятельности виновное лицо предвидело или не

предвидело, но при этом имело возможность и должно было предвидеть;

2) какие обстоятельства виновное лицо признавало или не признавало и имело ли возможность признавать;

3) желало или сознательно допускало наступления данного последствия либо рассчитывало и как именно его предотвратить;

4) каков был мотив, цель действия и степень вины.

Однако в каких случаях и за что наступает ответственность? Для этого рассмотрим следующий распространенный пример. На берегу реки находятся люди, из которых одна часть умеет хорошо плавать, другая часть плавает хуже, а третья часть вообще плавать не умеет. В реке тонет человек. Но никто из находящихся на берегу ему не помог и он утонул. Кого следует признать виновным в бездействии?

Если признать виновными в бездействии и непредотвращении вреда всех находящихся на берегу, то при дальнейшем рассуждении напрашивается следующий вывод, что виноваты все бездействующие, так как бездействовало все население земного шара. Понятно, что такое решение принято быть не может. Следовательно, виновато не все человечество и даже не те, кто находился на таком расстоянии, что реально имел возможность помочь, а виноват тот, кто ответственен за спасение. Поэтому применяется простая и практическая теория, что виноват тот, кто обязан был действовать.

Сам вопрос о противоправности бездействия имеет чисто юридическую основу и устанавливается на основании существования уголовно-правовых норм, где условием ответственности является обязанность лица действовать в силу нормативного акта. С юридической стороны бездействие означает невыполнение юридически обязательных, объективных необходимых и реально выполнимых действий, при совершении которых было бы предотвращено общественно опасное последствие или не допущена опасность создания такого последствия.

Отсюда возникает следующий вопрос: какие условия уголовной противоправности бездействия необходимо установить, чтобы быть ответственным за бездействие? Противоправность бездействия характеризуется следующей совокупностью условий и только при их наличии признается общественно опасным и уголовно наказуемым деянием:

1) правовая обязанность действовать;
2) объективная необходимость действовать;
3) реальная возможность действовать;
4) реальная возможность своими действиями предотвратить наступление вредного результата;

5) невыполнение реально возможных и необходимых в данное время и в данном месте действий;

6) причинение внешними силами вредного результата.

И, следовательно, возникает следующая задача расследования – установить данную совокупность условий как основание уголовной ответственности.

Для признания факта бездействия противоправным необходимо наличие правовой обязанности действовать. Объективно правовая обязанность действовать возникает со вступления в силу специального нормативного акта, а субъективно – с момента осуществления профессиональных или служебных функций. И, напротив, заканчивается с момента отмены нормативного акта, где она была предусмотрена, или же с момента прекращения исполнения своих обязанностей в связи с увольнением, болезнью, уходом в отпуск, отъездом в командировку и т.п.

Нужно учитывать, что обязанность по обеспечению безопасных условий труда – это вид трудовой деятельности. Кроме того, обязанность обеспечить безопасные условия труда должна быть реальной, а не формальной. Если субъект, формально занимая одну должность, в действительности реально выполняет работу по другой должности, то, по нашему мнению, он должен отвечать только за те действия, которые охватываются фактически выполняемой им работой.

Необходимость действовать исходит из реальной, сложившейся в окружающем мире ситуации, ограниченной местом, временем и обстановкой. При этом условия, сложившиеся на месте, требуют, чтобы совершаемое действие было необходимо для предотвращения вреда.

На практике бывает так, что фактически наступившие последствия неадекватны характеру нарушения. Часто грубейшие нарушения безопасности оканчиваются благополучно, а довольно незначительные нарушения приводят к тяжелым последствиям. Это связано с тем, что в наступлении результата участвуют множество различных факторов, но только один из них может явиться нарушением правил безопасности.

Приведем пример из российской судебной практики.

Производитель работ на строительном участке Г. дал указание рабочим В. и К. изготовить из металлических конструкций в помещении склада стеллажи для хранения металла. Эскиз стеллажей Г. составил сам. В тот же день В. и К. изготовили первый стеллаж. Несмотря на то, что стеллаж не был устойчиво закреплен, на нем по распоряжению Г., сложили металл. На другой день В. и К. смонтировали второй стеллаж, но надежно закрепить его

не успели. Тем не менее, Г. предложил и этот стеллаж загрузить металлическими изделиями. Загрузку стеллажей он не контролировал, рабочих о правилах загрузки не проинструктировал. Рабочие полностью заполнили все три яруса стеллажей, неравномерно расположив металлические изделия, что окончательно нарушило и без того их слабую устойчивость. Г. знал, что монтаж стеллажей не завершен, но направил В. и К. на выполнение других работ.

Через два дня Г. побывал на складе и обнаружил, что первый стеллаж от перегрузки металлом может обрушиться, но не принял никаких мер для ликвидации аварийной обстановки. В тот же день В. и К., у которых были ключи от склада, пришли туда, чтобы взять инструмент. Но не успели они сделать и трех шагов, как были придавлены обрушившимися стеллажами.

Технический инспектор совета профсоюзов пришел к выводу, что при сооружении стеллажей грубо нарушены нормы и правила их изготовления: они возводились по эскизам, в которых не было технических расчетов предельно допустимых нагрузок; монтаж стеллажей не был завершен (детали и конструкции не проверены, горизонтальные и вертикальные связи не только не установлены, но и не изготовлены), но они были полностью загружены металлом еще до сдачи их в эксплуатацию. Тем самым были нарушены соответствующие правила техники безопасности.

Таким образом, обвал находился в причинной связи с нарушениями, допущенными Г., создавшим условия для наступления несчастного случая. Суд признал виновным и осудил Г. по ч. 3 УК РСФСР [9, с. 307].

Само ничегонеделание не способно ни создавать, ни разрушать в окружающем мире. А статус обязанности и возможности ничего не меняет, а всего лишь указывает на социальную значимость, но не на причинность. В данном случае невыполнение возложенных обязанностей явилось только одним из условий, но не причиной наступившего результата. Необходимость реально действовать была обусловлена самим фактом перегрузки стеллажей и угрозой их обрушения. Все это создало такую ситуацию, при которой Г. был обязан совершить определенные действия для предотвращения аварии. Не выполнив свои обязанности, он должен нести ответственность, как ответственное лицо.

Реальная возможность действовать – это наступление такой ситуации, при которой человек мог своими действиями вмешаться в ход событий. Сама оценка возможностей обвиняемого действовать решается на основании изучения фактических обстоятельств происшествия. При этом сам вопрос, была ли возможность действовать, решают не только исходя из внешней обстановки, в которой обвиняемый имел возможность действовать, но также из его личных качеств, из умения предвидеть. Само понятие *предвидеть могущие наступить последствия* – понятие оценочное, субъективное. Предвиде-

ние основывается на обобщении теоретических и экспериментальных данных на закономерности и связи явлений. Из этого следует, что способность предвидеть у всех людей различная.

Никто не должен руководствоваться предвидением абстрактной возможности причинения вреда – в противном случае многие производственные виды деятельности станут просто невозможны. Всегда существует некая абстрактная возможность, что, например, при подъеме груза от вибрации, вызванной проехавшей неподалеку машиной, произойдет обрыв троса; что небывало сильный ливень подмоет фундамент и произойдет обрушение конструкций.

Невозможность действовать может быть обусловлена и такими субъективными факторами, как отсутствие опыта, низкая квалификация, недостаток специальных знаний.

Под реальной возможностью предотвратить вред понимается такое действие, где человек путем вмешательства в объективно возникшую причинность своей деятельностью овладевает протекающими естественными или техническими процессами, оказывает противодействие таким процессам и создает условия, при которых развитие данных процессов становится невозможным.

Наличие формальной обязанности лица еще недостаточно для привлечения его к ответственности только за сам факт непредотвращения вреда, наступившего в сфере его служебной компетенции. Сама реальная возможность предотвратить вред должна быть фактически доказана, а не мотивирована тем обстоятельством, что если вред наступил в сфере ответственности обязанного лица, и предотвращение вреда не произошло, то данное лицо должно нести уголовную ответственность.

Если предотвращение последствий находилось вне возможностей лица, то какие бы тяжелые они не были, ответственность за бездействие должна исключаться. Нужно помнить, что далеко не все силы природы подвластны человеку (например: дождь, холод, наводнение), поэтому обязанность заключается не в том, чтобы предотвратить, а заблаговременно принять меры предосторожности для предотвращения вреда.

В тех случаях, когда процесс полностью подконтролен человеку, непредотвращение неисправности может фактически означать нарушение техники безопасности и оказаться равноценно причинению вреда. Под невыполнением действий понимается, что виновный в бездействии вопреки своей обязанности и объективной необходимости не совершает ожидаемых от него поступков. Необязательно, чтобы фактически бездействие было совершено лично. Достаточно, чтобы не было потребовано совер-

шение необходимых действий подчиненными или подконтрольными лицами. Недостаточно просто констатировать, что не были выполнены определенные действия. Необходимо установить, в чем конкретно заключалось невыполнение, какие действия не были совершены, какие обязанности не выполнялись. Сама необходимость выполнить определенные действия должна обязательно входить в круг обязанностей должностного лица. В противном случае данное лицо не может нести ответственность за то, что не входит в его обязанности. Следует отметить, что последующие действия потерпевшего или других лиц способны прервать причинную связь. В таких случаях наступившие последствия могут и не быть вменены лицу.

Приведем пример.

Уголовное дело в отношении Б. рассматривалось неоднократно. По приговору районного суда г. Минска Б. был осужден по ч. 1 ст. 306 УК за нарушение правил охраны труда, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого телесного повреждения.

Он был признан виновным в том, что работая старшим мастером участка № 7 на РУП «Минский тракторный завод» и являясь должностным лицом, ответственным за соблюдение правил техники безопасности и иных правил охраны труда, в нарушение должностной инструкции разрешил полировщице С. выполнение фрезерных работ на другом участке по совместительству в основное рабочее время с одновременным выполнением работ на своем участке. Когда С. работала на фрезерном станке в перчатках, ее рука попала в станок, что повлекло причинение С. тяжких телесных повреждений.

По протесту заместителя Председателя Верховного Суда президиум Минского городского суда отменил приговор и дело направил на новое судебное разбирательство.

При повторном рассмотрении дела суд признал Б. невиновным и постановил оправдательный приговор за отсутствием состава преступления в его действиях. Суд пришел к выводу, несмотря на то, что Б. допустил нарушение трудовой и производственной дисциплины, это нарушение не состоит в прямой причинной связи с наступившими последствиями. По делу установлено, что не Б., а мастер участка З. являлся ответственным за соблюдение правил охраны труда на фрезерном участке, осуществлял руководство такими работами и допустил выполнение работ С. на фрезерном станке с нарушением правил техники безопасности [15, с. 31].

Несоблюдение правил охраны труда в создавшейся производственной обстановке не обязательно с неизбежностью приводит к травматическим последствиям, однако содержит реальную угрозу таковых.

Непосредственной причиной происшествия явилось несоблюдение потерпевшей техники безопасности, а условиями, способствующими созданию благоприятной обстановки для производственного травматизма, бездействие

мастера З. При этом непосредственная причина получила свое развитие на фоне действия отдаленной, но связанной с ней другой причиной – выданным разрешением Б. производить фрезерные работы. Ответственность мастера З. за случившееся наступила потому, что он был обязан не допустить нарушений техники безопасности и тем самым предотвратить несчастный случай.

В силу занимаемого служебного положения должностное лицо обязано действовать и обеспечить безопасное производство работ. При невыполнении своих обязанностей, если это невыполнение явилось условием наступления несчастного случая на производстве, должностное лицо в ответе за произошедший результат, то есть за свое бездействие.

Под причинением внешними силами вредного результата понимается невыполнение ответственным лицом юридически обязательных, объективно необходимых и реально возможных действий и этим представляется возможность внешним вредным силам причинить вред.

На практике часто встречается ситуация, когда действия и бездействие лица взаимосвязаны. Должностное лицо не только не принимает мер к соблюдению правил охраны труда, но и дает указания выполнять работы при таких условиях, при которых их производство запрещается.

Мастер бригады А. по ремонту объектов водоснабжения и канализации на селе был осужден по ч. 1 ст. 306 УК за нарушение правил охраны труда, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого телесного повреждения.

Он был признан виновным в том, что являясь должностным лицом, ответственным за состояние охраны труда и техники безопасности на закрепленном объекте, в нарушение п. 337 Межотраслевых общих правил по охране труда, утвержденных постановлением Министерства труда и социальной защиты от 3 июня 2003 г. № 70, при производстве демонтажа водопроводной сети на территории бывшего военного объекта допустил производство работ в траншее глубиной свыше разрешенных нормой 1,5 м., вырытой к тому же без соблюдения требуемой крутизны откоса и крепления стенок траншеи. В результате чего газосварщик К. был засыпан обвалившимся грунтом и получил телесные повреждения, относящиеся к категории тяжких по признаку опасности для жизни [15, с. 32].

Непосредственной причиной происшествия выступил вклинившийся в бездействие обвал грунта, а причина обвала – несоблюдение крутизны откоса траншеи. Таким образом, бездействие А. явилось только условием, которое способствовало наступлению результата – несчастного случая. Признать бездействие мастера причиной несчастного случая можно лишь тогда, если бы сам факт бездействия вы-

звал обвал грунта. В данном случае невыполнение объективной необходимости действовать создало такую ситуацию, при которой внешним вредным силам была предоставлена возможность бесконтрольно действовать и тем самым причинить вред.

При установлении причинной связи необходимо соблюдать строгую последовательность при переходе от одного звена к другому. Первоначально следует установить ближайшую или непосредственную причину результата, а только потом, двигаясь по причинной цепи событий, установить следующую предшествующую причину. Кроме того нужно помнить, что в причинной связи нет причин главных и второстепенных, все они находятся в неразрывной связи. И если окажется, что какая-нибудь причина не произвела действие на результат, то она не причина и в причинной связи стоять не может.

Отношение лица к рассматриваемому преступлению может быть только неосторожное. Данная позиция согласуется с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о нарушении правил безопасности при производстве работ, правил охраны труда и пожарной безопасности (ст. ст. 302–306 УК)», где указывается, что противоправное деяние определяет неосторожное отношение виновного к возможности наступления общественно опасных последствий. Однако, если наступление вредного результата охватывалось умыслом виновного, то содеянное необходимо квалифицировать по соответствующим статьям УК, предусматривающим умышленные преступления [16].

Выявление и правильная оценка всех факторов, являющихся не только причинами, но и условиями, оказывающими влияние на причинную связь, имеет важное значение для определения пределов ответственности лица, которое своим бездействием создало условия для наступления вредных последствий. Бездействующий несет ответственность за факт бездействия, за само неисполнение служебных обязанностей, за обязанность и возможность не допустить вредные последствия.

Необходимо отличать причины, создавшие последствия, от условий, которые только способствовали их наступлению. Причина, которая не приводит к результату, не есть причина этого события. Нужно помнить, что беспричинных событий быть не может, одна причина или совокупность причин присутствуют всегда. Эти причины и причинную связь между событиями необходимо выявить и дать правильную оценку произошедшему.

Список использованных источников

1. *Свечников, Г.А.* Причинность и связь состояний в физике / Г.А. Свечников. – М.: Наука, 1971. – 304 с.
2. *Князев, Н.А.* Причинность: новое видение классической проблемы / Н. А. Князев. – Сигма – F, 1992. – 166 с.
3. *Краевский, В.* Пять понятий причинной связи / В. Краевский // Вопросы философии. – 1966. – № 7.
4. *Тимейко, Г.В.* Общее учение об объективной стороне преступления / Г. В. Тимейко. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1977. – 215 с.
5. *Шаргородский, М.Д.* Некоторые вопросы причинной связи в теории права / М.Д. Шаргородский // Сов. гос-во и право. – 1956. – № 7.
6. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. – 624 с.
7. *Наумов, А.В.* Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. – Т.1. – Общая часть / А. В. Наумов. – М.: Вольтерс Клувер, 2007. – 736 с.
8. *Церетели, Т.В.* Причинная связь в уголовном праве / Т.В. Церетели. – М.: Госюриздат, 1963. – 382 с.
9. *Малинин, В.Б.* Причинная связь в уголовном праве / В.Б. Малинин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 315 с.
10. *Малинин, В.Б.* Объективная сторона преступления / В.Б. Малинин, А.Ф. Парфенов. – СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2004. – 299 с.
11. Вопросы уголовного права: сб. ст. / Всесоюзн. юрид. заоч. ин-т. – М., 1966. – 319 с.
12. Проблемы уголовной политики / редкол.: А.В. Усс (отв. ред.) [и др.] – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 270 с.
13. *Шаргородский, М.Д.* Избранные труды / М.Д. Шаргородский. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 655 с.
14. *Пионтковский, А.А.* Учение о преступлении / А.А. Пионтковский. – М.: Госюриздат, 1961. – 666 с.
15. О судебной практике по делам о нарушении правил охраны труда и техники безопасности (ст. ст. 303-306 УК) // Судовы веснік. – 2005. – № 4.
16. О судебной практике по делам о нарушении правил безопасности при производстве работ, правил охраны труда и пожарной безопасности (ст. ст. 302–306 УК): постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 28 сент. 2006 г., № 9 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 167. – 9/494.

Дата поступления: 23.09.2011

17

Annotation

The article is devoted to the problem of causative relation during official inactivity. The analysed question shows that together with an opinion substantiating the presence of causative relation there is another point of view. An article focuses on consideration of following issues: causative relation; officials inactivity; investigation of criminal acts which involved with violation of the health and regulations.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТОРОН ЗАЩИТЫ
И ОБВИНЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****Зорин Р.Г.**

канд. юрид. наук, доцент

Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы

Взаимодействие сторон защиты и обвинения, а также иных субъектов с противоречащими интересами в условиях состязательного уголовного процесса является одним из определяющих условий эффективности их деятельности. Закономерности конструктивного либо деструктивного взаимодействия представляют предмет научного исследования в области науки криминалистики, юридической психологии, уголовного процесса. Проблемы взаимодействия при расследовании преступлений рассматривались и ранее в трудах Р.С. Белкина, А.Р. Белкина, О.Я. Баева, В.П. Божьева, Б.Я. Гаврилова, А.В. Дулова, В.А. Жбанкова, Л.М. Карнеевой, Л.Д. Кокорева, П.А. Лупинской, М.П. Полякова, А.П. Попова и др.

21**Аннотация**

Совместная деятельность сторон защиты и обвинения в уголовном процессе рассматривается как форма взаимодействия и противодействия в различных ее проявлениях, достоинствах и недостатках.

Совместная деятельность сторон способствует как получению тактических преимуществ, достижению компромисса, установлению бесконфликтной обстановки, так и выработке средств и способов противодействия. Исследование проблем вовлечения в совместную деятельность сторон защиты и обвинения позволит правильно понять сущность состязательности в уголовном процессе и разработать тактические решения в условиях совместной конфликтной – бесконфликтной деятельности сторон.

Однако проблемы взаимодействия сторон защиты и обвинения и сегодня являются мало изученными. Исследование закономерностей формирования различных форм взаимодействия (конструктивного – деструктивного) сторон защиты и обвинения в уголовном процессе позволит более прогнозируемо и эффективно участвовать субъектам в сфере уголовно-процессуальных правоотношений. «Контакт нацелен на формирование психологического пространства взаимодействия. Любое событие, происходящее в этом пространстве, кем-то из коммуникаторов иницируется, специфическим образом организуется, направляется и контролируется» [1, с. 30]. «Информационный обмен в социальных системах основан на взаимодействии, т.е.

на процессе взаимного (совместного) воздействия – непосредственного или опосредованного – объектов (субъектов) друг на друга, порождающего их взаимную обусловленность и связь. С точки зрения философии, взаимодействие – это универсальная форма развития объективного мира, определяющая существование и структурную организацию любой материальной системы. Взаимодействие как материальный процесс сопровождается передачей материи, движения и информации. Оно относительно, осуществляется с определенной скоростью и в определенном пространстве – времени. Психологическая наука рассматривает *взаим-*

модействие как процесс влияния людей друг на друга, порождающий их взаимные связи, отношения, общение, совместные переживания и совместную деятельность. В процессе информационного обмена осуществляется доступ к информации, который представляет собой специальный тип взаимодействия между субъектом и объектом, в результате которого создается поток информации от одного к другому. Доступ к информации включает в себя ознакомление с информацией, ее обработку, в частности, копирование, модификацию или уничтожение информации. Получение информации (добывание информации) в процессе информационного обмена – это действия, связанные со сбором, обработкой и анализом фактов, связанных со структурой, свойствами и взаимодействием объектов и явлений, извлекаемых из поступающих сигналов и знаков» [2, с. 84].

Вовлечение субъектов в сферу уголовно-процессуальных правоотношений осуществляется следующими способами:

- в силу прямого указания закона (очная ставка при наличии существенных противоречий в показаниях участников, следственные действия с обязательным участием защитника, другие);
- по решению и по усмотрению органа уголовного преследования;
- по ходатайству (процессуальной инициативе) участников уголовного процесса.

«Инициатива может быть определена как начальный момент управления процессом взаимодействия со стороны одного из партнеров (соперников). Данное понятие служит для обозначения ведущей или направляющей роли последнего в процессе общения. Выступая инициатором некоторого события, партнер реализует свое право на инициативу. При этом он одновременно берет на себя и ответственность за данное событие. Вероятно, именно в силу особой тесной близости инициативы с правами и ответственностью, она оказывается одним из средств ведения межличностной борьбы» [3, с. 131]. Не всякая процессуальная инициатива субъектов уголовного процесса обеспечивается нормами права, но она не должна противоречить действующему законодательству и должна быть научно обоснованной. Действительно, стороны защиты и обвинения в отдельных случаях игнорируют различные формы совместной деятельности, в частности, избегая ее, и действуя более изолированно. В этих случаях нередко избирается тактика выжидания, мнимого бездействия. Однако в случаях совпадения задач сторон защиты и обвинения их совместная деятельность по доказыванию, напротив, будет способствовать укреплению обеих позиций, их прогрессии.

Вовлечение процессуального оппонента в совместную деятельность созидательного характера преследует цели и задачи:

- установление позиции процессуального оппонента, тактических преимуществ в деятельности сторон защиты и обвинения;
- достижение компромисса по тактическим и процессуальным решениям;
- устранение конфликтной ситуации и др.

«Эффект «соучастия» тем сильнее, чем лучше осуществляется обратная связь при помощи целенаправленного структурирования коммуникативного дискурса, предусматривающего последовательность информации, ее скрытую оценку, дозирование и тщательный отбор коммуникативных средств: стереотипов речевого поведения, фразеологии, формул и норм общения, слов, невербальных форм взаимодействия. Таким образом, для коммуникатора особенно важна правильная социальная ориентация на потенциальную аудиторию, на ее фоновые знания, интересы и мотивации. От этого зависит отбор информации, ее объем и структура, выбор кодов. На отбор информации влияет учет половозрастной специфики аудитории и ее профессиональные характеристики» [1, с. 11]. Достаточно эффективными формами взаимодействия, противодействия сторон защиты и обвинения является их участие в конфликте, а также разрешении поставленных целей и задач путем достижения компромисса.

Социальный конфликт есть силовое динамическое воздействие (взаимодействие), осуществляемое двумя или большим числом индивидов или социальных групп на основе действительного или мнимого несовпадения интересов, ценностей или нехватки ресурсов, и завершающийся – разрешающийся победой, поражением или истощением сторон [4, с. 111]. Согласно плюралистической модели конфликты повсеместны, неизбежны, поскольку общество состоит из разных групп интересов. Известный американский социолог Р. Парк (1864–1944) называл конфликт основным видом взаимодействия. По мнению немецкого социолога Р. Дарендорфа, конфликт содержит в себе творческое ядро и вызов, является условием существования человеческой свободы наряду с рынком, открытостью, гласностью. Конфликты воспринимаются не как благо само по себе, а как неизбежный способ преодоления противоречий в ходе реформирования структур и сообщества в целом. Обилие конфликтов предпочтительнее одного. Современная социология конфликта видит во множественности конфликтов уменьшение возможности развития одного, которое ведет к расколу. Многообразие разнонаправленных коллизий уменьшает опасность однонаправлен-

ного его раскола, значительная часть конфликтного потенциала – энергия общественного недовольства – растрачивается и взаимоуничтожается в многочисленных локальных столкновениях [5, с. 202].

А.К. Зайцев под социальным конфликтом понимает структурированный процесс как развитие действий сторон на пути поиска средств стабилизации и развития отношений [4, с. 126]. Кризис (псевдофаза, возникающая внутри одной из фаз конфликта) – такое взаимодействие субъектов, при котором не происходит поступательного перехода от фазы к фазе (например, длительная задержка на одной фазе, разрушительная заикленность, фазовая стагнация или даже возврат к предыдущей фазе). Кризис – период задержки процесса конфликтного взаимодействия субъектов. Что, следует заметить, и приводит к возникновению напряженности. Снять ее помогает преодоление кризиса, т.е. продолжение развития конфликта. Таким образом, *управление конфликтом – это деятельность по обеспечению развития конфликтного взаимодействия*. То есть, *управлять конфликтом – значит обеспечивать ему максимальную возможность для саморегулирования и содействие выходу из кризисов в следующую фазу*. Хотя точнее было бы считать конфликт не управляемым, а саморегулирующимся (и пока он не перейдет в последнюю фазу, он не уничтожим, так как не ликвидированы осознанные субъектами различия интересов и ценностей). В свою очередь, сам конфликт можно называть деструктивным, если не удалось избежать кризисов. *Но любой конфликт конструктивен по своей природе как инструмент развития*. Бывают конфликты, проходящие без кризисов. Но, правда, очень редко и, как правило, характерны они для организаций с очень высоким уровнем интеллектуальной и коммуникативной культуры (как корпоративной, так и каждого сотрудника, прежде всего администрации), да и само общество должно быть на столь же высоком уровне развития [5, с. 211–212].

Разрешению межличностного конфликта в современной судебно-следственной практике, к сожалению, уделяется недостаточно внимания. В отдельных случаях негативные правовые последствия разворачивания конфликта между субъектами уголовного процесса носят неуправляемый, непрогнозируемый характер. Конфликт, приносящий негативные правовые последствия, выступает в тех случаях, когда составляет угрозу либо наносит ущерб отстаиваемым законом права и интересам личности и государства в уголовном процессе. Такой конфликт может служить интересам недобросовестных участников уголовного процесса.

Конфликт не должен представлять собой факт применения (психического насилия) неправомерного психического воздействия на личность в уголовном процессе, а также не должен нести в своем развитии и последствиях допущение существенных уголовно-процессуальных нарушений. Однако не всякий деструктивный конфликт в уголовном процессе приносит вред. Многое зависит от его направленности. В сущности, состязательность сторон и есть конфликт интересов субъектов с противоречащими целями, задачами и интересами, разрешаемый в установленном уголовно-процессуальным законом порядке. Таким образом, конфликт (открытый – латентный) представляет собой нормальное состояние складывающихся уголовно-процессуальных отношений между участниками. В нередких случаях стороны защиты и обвинения прибегают к методу обострения конфликта между участниками уголовного процесса. При этом стороны преследуют, как правило, тактические, стратегические цели и задачи при осуществлении их функций. Разжигание конфликта органом уголовного преследования становится возможным, правомерным лишь при помощи законных средств и способов, и лишь в целях достижения задач уголовного процесса и установления истины по уголовным делам, исключая, при этом, всякие нарушения законных прав и интересов личности и государства в уголовном процессе. Так, например, конфликт, несущий деструктивное воздействие в отношении любых устойчивых неправомерных намерений недобросовестных субъектов процессуальных отношений, служит решению задач уголовного судопроизводства. Результаты подобной деятельности нередко приносят пользу предварительному расследованию. Однако не следует и злоупотреблять данной миссией. Чрезмерное увлечение деятельностью, направленной на разжигание межличностных конфликтов между участниками уголовного процесса, может послужить так и во вред отстаиваемым интересам личности и государства в уголовном процессе. Поэтому немаловажное значение в деятельности органа уголовного преследования придается анализу и прогнозу (развития процессуально-следственной, криминалистически значимой ситуации), любым проявлениям конфликта с точки зрения его полезности, эффективности, непротиворечия нормам действующего законодательства.

Весьма актуальным в уголовно-процессуальном праве является вопрос о допустимости *компромисса* в уголовном судопроизводстве. Следует признать, что практически любая сфера деятельности предполагает или допускает компромисс в процессе принятия реше-

ний. По нашему мнению, *под компромиссом сторон в уголовном судопроизводстве* следует понимать предусмотренное уголовно-процессуальным законом (не противоречащее ему) решение компетентных должностных лиц, ведущих уголовный процесс в интересах подозреваемого, обвиняемого, иных участвующих в процессе лиц, в целях привлечения к уголовной ответственности иных виновных лиц, раскрытия преступлений, реализации задач уголовного процесса и установления объективной истины по уголовным делам. Условиями принятия компромиссных решений в уголовном процессе могут выступать:

- возмещение вреда, причиненного преступлением;
- согласие потерпевшего;
- согласие подозреваемого, обвиняемого;
- согласие прокурора, начальника следственного подразделения [6, с. 146].

Таким образом, правильное сочетание и выбор последовательности тактических приемов использования конфликта сторон и компромисса позволит оптимизировать деятельность сторон защиты и обвинения, а также иных субъектов с противоречащими интересами. Совместная деятельность сторон защиты и обвинения позволяет участвовать субъектам более согласованно, прогнозируемо и эффективно. Посредством совместной деятельности стороны не только взаимодействуют, но нередко и противодействуют друг другу. Вовлечение процессуального оппонента в совместную (коллективную, процессуальную) деятельность, носящую тактический характер, способствует как содействию сторонам защиты и обвинения в реализации задач уголовного процесса, установлению объективной истины по уголовным делам, так и их противодействию. Противодействие есть необходимое условие состязательности. И в большинстве случаев данные понятия по их смысловому значению совпадают. Под *противодействием (состязательностью) сторон*, по мнению автора, понимается умышленная деятельность в виде действий – бездействий сторон обвинения и защиты, не противоречащая нормам уголовно-процессуального закона, имеющая избирательное, целенаправленное воздействие, в целях достижения тактических, стратегических (собственно криминалистических) задач, реализации принципов и задач уголовного процесса, установления объективной истины по уголовным делам. (Прим.: При этом следует различать добросовестное и недобросовестное противодействие сторон. Все зависит от поставленных и достигаемых субъектами уголовного процесса целей и задач, от используемых при этом средств

и способов). Так, например, провокация как одна из форм противодействия выступает в качестве целенаправленной деятельности (действий – бездействий) в целях вовлечения процессуального оппонента, иных участников уголовного процесса (добросовестных – недобросовестных) в процессуальную и криминалистически значимую ситуацию, тактически и стратегически проигрышную, с заведомо ложными целями, задачами и содержанием. Одним из эффективных тактических приемов, используемых сторонами в их противодействии, является вовлечение своего процессуального оппонента в уголовно-процессуальную, тактическую ситуацию с ненадлежащими средствами, способами участия, доказывания. Ненадлежащими элементами деятельности по доказыванию также могут быть ее субъекты, способы, средства выявления и фиксации доказательственной (криминалистической и иной значимой уголовно-процессуальной) информации. Вовлечение процессуального оппонента в процессуальную (тактическую) ситуацию представляет собой тактический прием, который, однако, в определенных случаях может повлечь за собой позитивные либо негативные результаты. Указанные результаты могут наступить при определенных условиях по объективным и субъективным причинам. Среди негативных последствий необходимо выделить следующие:

- допущение процессуальным оппонентом ошибок, препятствующих реализации задач уголовного процесса и установлению объективной истины по уголовным делам;
- оказание неправомерного психического воздействия на участников процесса;
- изменение прежних правдивых показаний на ложные;
- допущение процессуальным оппонентом нарушений, в том числе существенных;
- наступление тактического, стратегического проигрыша;
- создание конфликтной ситуации деструктивного характера;
- возникновение и создание условий, препятствующих дальнейшему проведению начатого процессуального действия (следственного – несудебного) и его завершению;
- декларация (интерпретация) искусственно выявленных (мнимых) негативных обстоятельств, служащих реализации задач и функции процессуального оппонента.

Совершенно очевидно, что искусно осуществляемая деятельность сторон защиты и обвинения по искусственному созданию (ложных) целей, задач, направлений деятельности является эффективными средствами и спосо-

бами реализации их уголовно-процессуальных функций. Данная деятельность может носить как явный, так и латентный характер. При этом ответственность за избрание средств и способов доказывания целиком и полностью возлагается на профессиональных участников уголовно-процессуальных правоотношений. Латентность деятельности по доказыванию стороной обвинения обеспечивается и самой возможностью, выраженной в полномочиях управлять направлениями следственной деятельности (уголовно-процессуальными правоотношениями), их изменять, прекращать. Одним из проявлений латентных средств и способов противодействия в деятельности сторон защиты является *искусственное создание причин и условий игнорирования участия в следственном действии, как и досрочного прекращения участия в нем*. Разумеется, прекратить досрочно свое участие в следственном действии, например, защитнику и его подзащитным подозреваемому, обвиняемому чрезвычайно трудно, а уголовно-процессуальный закон прямо не предусматривает подобных случаев. Однако, по всей видимости, этого не исключает.

К подобным условиям и основаниям, по мнению автора, целесообразно отнести:

- неудовлетворительное состояние здоровья субъекта уголовного процесса, не позволяющее отстаивать, защищать свои законные права и интересы;
- существенное изменение показаний участниками данного следственного действия;
- возникновение существенных противоречий, устранение которых возможно лишь посредством иных (первоначальных, повторных, дополнительных) следственных действий;
- нарушение принципов УПК и иные существенные уголовно-процессуальные нарушения;
- нарушение законных прав и процессуальных гарантий субъектов уголовного процесса;
- возникновение необходимости производства иных неотложных следственных действий;
- несоблюдение научных тактических, методических рекомендаций;
- выявление, установление ошибок организационного, криминалистического, процессуального, психологического характера;
- наличие оснований, ведущих к отводу участников данного следственного действия, а также иных процессуальных оснований, исключающих участие субъектов;
- наличие уголовно-процессуальных условий и оснований, не позволяющих проводить следственное действие, а также иных уважительных причин.

Субъективными причинами досрочного прекращения участия в следственном действии

либо игнорирования такого участия субъектами уголовного процесса вполне могут послужить такие, как:

- отсутствие у субъекта подготовки к участию в данном следственном действии;
- низкая эффективность участия, входящая до тактического, стратегического (процессуального) проигрыша;
- возникновение существенных противоречий в показаниях участников следственного действия, в том числе при условии возникновения существенных противоречий показаний с результатами других следственных действий;
- потеря контроля (управления) над процессуальной ситуацией;
- непредвиденные объективные обстоятельства негативного характера, ставящие под угрозу ранее полученные либо ожидаемые положительные результаты и др.

Криминалистическое значение участия сторон защиты и обвинения в совместной деятельности состоит в демонстрации тактических, процессуальных преимуществ, установлении содержания и устойчивости позиции процессуального оппонента, чему также способствует:

- выявление и устранение существенных противоречий в показаниях, а также выявление пробелов в системе построения обвинительных – оправдательных доказательств;
- выявление слабых сторон в позиции процессуального оппонента (сторон защиты и обвинения);
- выявление, установление, устранение сторонами защиты, обвинения ошибок и нарушений, в том числе существенных;
- демонстрация сторонам защиты и обвинения единства взглядов относительно принимаемых основных (итоговых) и факультативных (промежуточных) уголовно-процессуальных и тактических решений.

Целью вовлечения процессуального оппонента в совместную деятельность, например, становится извлечение информации, входившей ранее в содержание следственной тайны. В этих случаях орган уголовного преследования сам принимает решение об использовании доказательственной, а также иной информации процессуального характера посредством ее оглашения. Таким образом, сторона защиты, находясь в совместной процессуальной деятельности по доказыванию, создает такие условия, при которых орган, ведущий уголовный процесс, из тактических, процессуальных соображений обязан (вынужден) оглашать ту или иную информацию по уголовному делу процессуальному оппоненту.

Всякая совместная деятельность носит конфликтный либо бесконфликтный характер, конструктивный – деструктивный, и может высту-

пать как эффективное средство и способ защиты и обвинения, и напротив, всячески ослаблять позиции сторон. «Правовые взаимоотношения социальных субъектов позволяют обозначить и выделить противоречия, возникающие в процессе реализации субъектами собственных прав и свобод, которые затем либо устраняются (полностью или частично) в результате совместной деятельности всех участников конфликта по поиску возможных в данной ситуации компромиссных решений, либо становятся основой для изменения характера взаимоотношений субъектов в направлении эскалации конфликта, а также создают условия для вовлечения в расширяющийся конфликт иных социальных субъектов, ранее в нем не участвующих. В социальном обществе конфликты могут играть конструктивную и деструктивную роль» [2, с. 141].

Следует отметить, что в сфере уголовно-процессуальных правоотношений стороны не могут долго, устойчиво управлять коллективом, коллективной деятельностью других участников вне процесса взаимодействия. Совместная деятельность сторон защиты и обвинения характеризуется как управленческая, в ходе которой корректируются ее цели, задачи, средства и способы ее осуществления, способствует установлению их контакта, что в свою очередь создает дополнительные условия и основания

возникновения, развития, прекращения инициативы сторон, участников уголовного процесса.

Поэтому, представляется важным определить условия и основания вовлечения субъектов уголовного процесса в совместную деятельность, обеспечивающую реализацию их законных прав и интересов, реализацию задач уголовного процесса, установление объективной истины по уголовным делам. Исследование проблем вовлечения в совместную деятельность сторон защиты и обвинения позволит правильно понять сущность состязательности в уголовном процессе и разработать тактические решения в условиях совместной конфликтной – бесконфликтной деятельности сторон. Эффективное взаимодействие сторон защиты и обвинения, а также иных лиц с противоречащими интересами позволит обозначить наиболее обоюдоострые проблемы оппонентов для дальнейшего поиска путей их решения. Совместная деятельность сторон защиты и обвинения во многом определяет динамику развития уголовно-процессуальных правоотношений, а правомерный характер избранных и используемых ими средств, способов доказывания свидетельствует об эффективности, экономичности и качестве путей достижения задач уголовного процесса и установления истины по уголовным делам.

Список использованных источников

1. Каландаров, К.Х. Управление общественным сознанием. Роль коммуникативных процессов / К.Х. Каландаров. – М.: Гуманитарный центр «Монолит», 1998. – 468 с.
2. Манойло, А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: моногр. / А.В. Манойло. – М.: МИФИ, 2003. – 288 с.
3. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – М.: «ЧеРо» совместно с изд-вом «Юрайт», 2000. – 365 с.
4. Зайцев, А.К. Социальный конфликт / А.К. Зайцев. – Изд. 2-е. – М.: Akademia, 2001. – 464 с.
5. Управление персоналом: учебник для вузов / Под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. – М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1998. – 423 с.
6. Зорин, Р.Г. Криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты допустимости компромисса в уголовном судопроизводстве / Р.Г. Зорин // Воронежские криминалистические чтения: сб. науч. тр. / под ред. О.Я.Баева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. – Вып.8. – С. 146–150.

Дата поступления: 21.09.2011

Annotation

Co-activities of defence-and-prosecution parties in criminal process is considered as a form of interaction and counteraction in various manifestations, advantages and disadvantages.

Co-activity of parties promotes both tactical advantages, compromise achievement, non-disputed situation and the development of means and ways of counteraction. The investigation of the problems of involvement into defence-and-prosecution parties' co-activities, promotes proper understanding of the essence of controversy in criminal process and working-out of tactical decisions in the conditions of disputed and non-disputed activities of the parties.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

«ПРАВОВЫЕ ЭКСПЕРТИЗЫ» И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ

Зайцева Е.А.

д-р юрид. наук, профессор
Волгоградская академия
МВД России

Законность возбуждения уголовного дела в отношении отдельных категорий лиц, перечисленных в ст. 447 УПК РФ, обеспечивается не только наличием указанного в ст. 140 УПК РФ повода и достаточными основаниями для возбуждения уголовного дела. Необходимо четкое соблюдение требований ст. 448 УПК РФ, закрепляющей особую процедуру возбуждения уголовных дел, которая выступает своеобразной гарантией процессуального иммунитета данных категорий лиц. Усложненный порядок инициации уголовного производства в отношении специальных субъектов является необходимым элементом обеспечения их независимости и неприкосновенности в ходе выполнения возложенных на них государством полномочий. Справедливо подчеркивают Д.М. Сафронов и М.М. Сафронов, что положения гл. 52 УПК РФ установили дополнительные гарантии профессиональной деятельности лиц, направленные на обеспечение нормального функционирования государства, в том числе связанные с разделением властей на законодательную, исполнительную и судебную, а также осуществлением правоохранительной функции государства [1].

27

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы толкования и применения норм уголовно-процессуального права в части регламентации возбуждения уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц, показана неправомерность практики назначения «правовых экспертиз» для оценки соблюдения следователями процедур, предусмотренных гл. 52 УПК РФ, при принятии ими решения по итогам процессуальной проверки. Автор полагает, что система норм, гарантирующих неприкосновенность отдельных категорий лиц, не должна образовывать такое регулирование, при котором создавались бы непреодолимые препятствия для начала производства по уголовному делу. Автором вносятся предложения об упрощении порядка возбуждения уголовного дела при наличии сведений о возможном совершении преступления специальным субъектом и исключении из текста закона нормативных установлений, регулирующих возбуждение уголовного дела в отношении конкретных лиц – специальных субъектов.

При всей значимости соблюдения указанных усложненных процедур возбуждения уголовного дела необходимо учитывать, что **система норм, закрепленных в гл. 52 УПК РФ, не должна формировать такое регулирование, при котором создавались бы непреодолимые препятствия для начала производства по уголовному делу**, что вело бы к нарушению положений, закрепленных в ст. 19 Конституции РФ, не обеспечивало бы реализацию назначения уголовного судопроизводства в части защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. В противном случае сложно применять положения закона «О противодействии коррупции» [2], когда одно из эффективных средств борьбы с коррупционными проявлениями (привлечение к уголовной ответственности) становится малоэффективным.

В правовом государстве между интересами обеспечения неприкосновенности особых категорий лиц и решением важной социальной задачи неотвратимости привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, должен существовать разумный баланс.

На это указывается в ряде международно-правовых актов, ратифицированных Российской Федерацией. Так, каждое государство-участник Конвенции ООН против коррупции принимает меры для обеспечения в соответствии со своей правовой системой и конституционными принципами надлежащей сбалансированности между любыми иммунитетами или юрисдикционными привилегиями, предоставленными его публичным должностным лицам в связи с выполнением ими своих функций, и возможностью в случае необходимости осуществлять эффективное расследование и уголовное преследование и выносить судебное решение в связи с преступлениями, признанными таковыми в соответствии с названной Конвенцией (п. 2 ст. 30 Конвенции ООН против коррупции) [3].

Анализ материалов производств по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц показывает, что следователи СК РФ сталкиваются с серьезными проблемами при возбуждении уголовных дел в отношении судей судов общей юрисдикции и мировых судей, что обусловлено порой неверным толкованием положений гл. 52 УПК РФ на практике. Данная тревожная тенденция обнаруживала себя еще и в дореформенное время, на что обращала внимание старший прокурор отдела по надзору за расследованием особо важных дел Главного следственного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации И. Алешина в 1999 г. [4].

Как справедливо отмечают Е. В. Колесников и Н. М. Селезнева, изменения в Закон о статусе судей и ст. 448 УПК РФ чрезмерно усложнили и без того непростой порядок возбуждения уголовного дела в отношении судьи либо привлечения его в качестве обвиняемого по другому уголовному делу. Установленная процедура неоправданно затягивает начало расследования, она противоречит ч. 3 ст. 123 Конституции, поскольку возлагает на суд принятие решения о наличии в действиях судьи признаков преступления [5]. Особые сложности возникают на практике в ситуации, когда изначально уголовное дело возбуждается по факту совершения преступления, а в дальнейшем при установлении причастности судьи к совершению данного деяния следователи инициируют процедуру, предусмотренную п. 5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ. Сторона защиты при указанных обстоятельствах оспаривает законность такого способа возбуждения уголовного дела, ссылаясь на необходимость возбуждения уголовного дела в отношении судьи, а не по факту совершения преступления. Однако в описываемой ситуации необходимо исходить из степени доказанности причастности судьи к преступлению, которую с должной

достоверностью можно установить только путем производства определенных следственных действий, возможность осуществления которых до возбуждения уголовного дела значительно ограничена. Возникает своеобразный «замкнутый круг»: чтобы квалификационная коллегия судей дала согласие на возбуждение уголовного дела в отношении судьи, следователи СК РФ должны представить достаточно доказательств причастности судьи к преступлению, которые невозможно получить ввиду запрета производства до возбуждения уголовного дела необходимых следственных действий.

«Повышенная требовательность» квалификационной коллегии судей к степени доказанности причастности судьи к преступлению известна многим следователям СК РФ. Так, Верховный суд Республики Саха (Якутия) своим решением от 08.07.2010 по делу № 3-17/10 отказал в удовлетворении заявления об отмене решения квалификационной коллегии судей Республики Саха (Якутия) от 24 февраля 2010 г. об отказе в даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи С.О.Н. [6]. Квалификационная коллегия судей изначально отказала в даче согласия на возбуждение уголовного дела в связи с отсутствием достаточных оснований для этого. По мнению представителей СКП РФ, квалификационная коллегия судей неправомерно вступила в обсуждение вопроса об общественной опасности совершенного С.О.Н. деяния, а также неправомерно дала оценку достаточности назначенной меры ответственности. Впоследствии Определением Верховного Суда РФ от 08.09.2010 № 74-Г10-10 данное решение отменено и принято новое решение, которым удовлетворено заявление руководителя СУ СКП РФ по РС(Я) и отменено решение квалификационной коллегии судей РС(Я) от 24.02.2010 об отказе в даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи [7]. В таких условиях вполне закономерно стремление следователей СК РФ обеспечить достаточный объем доказательственного материала для обращения в квалификационную коллегия судей с целью получения согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи. И если на момент истечения сроков проверки сообщения о преступлении такими доказательствами следователи не располагают, они вполне обоснованно возбуждают уголовное дело по факту совершения преступления (с последующим обоснованием необходимости привлечения в качестве обвиняемого — судьи, используя уже весь арсенал средств доказывания, который предоставляет стадия предварительного расследования).

В июле 2011 г. по делу № 0...7 об обвинении судьи Г. в совершении преступления, предусмо-

тренного ч. 1 ст. 305 УК РФ, автор данной статьи выступила в необычном качестве – дала заключение специалиста о соблюдении при возбуждении уголовного дела процессуальных гарантий судьи, закрепленных в ст. 448 УПК РФ. По делу № 0...7 об обвинении судьи Г. следователем СУ СК РФ была назначена **судебная правовая экспертиза**, на разрешение которой были поставлены вопросы: «Соблюден ли уголовно-процессуальный порядок возбуждения уголовного дела № 0...7 по факту подделки официального документа в виде судебного решения от 19.10.2007 г., а не в отношении конкретного лица – ... судьи Г.? Обеспечены ли при принятии указанного решения процессуальные гарантии судьи, предусмотренные ст. 448 УПК РФ?». Как выяснилось, если следователи возбуждают дело не в отношении судьи, а по факту совершения преступления, получая потом согласие квалификационной коллегии судей на привлечение его в качестве обвиняемого, впоследствии традиционно возникают вышеуказанные вопросы, которые обычно ставят на разрешение **судебных правовых экспертиз**. Данная практика (в части назначения такого рода экспертиз) нам представляется **незаконной**. Дело в том, что в рамках уголовного судопроизводства судебная правовая экспертиза на предмет соблюдения норм процессуального права при принятии соответствующих правоприменительных решений лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, не проводится – что не принимают в расчет следователи СК РФ. В уголовном судопроизводстве презюмируется знание уголовного и уголовно-процессуального законов субъектами юрисдикционного процесса, что исключает правовую оценку судебными экспертами законности и обоснованности действий (бездействий) и решений лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Пленум Верховного Суда РФ в п. 4 постановления № 28 от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» подчеркнул недопустимость постановки перед экспертом правовых вопросов, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда. Указанное, как представляется, не является препятствием для изложения консультативного мнения сведущих лиц в виде дачи заключения специалиста в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 80 и ч. 1 ст. 58 УПК РФ – в том числе и по вопросам правового характера, что и было сделано специалистами Волгоградской академии МВД России.

Проведенный анализ материалов уголовного дела № 0...7 показал, что в ходе процессуальной проверки материалов по факту вынесения судьей Г. заведомо неправосудного решения

органы предварительного расследования в сроки, установленные ч. 3 ст. 144 УПК РФ, собрали доказательства, достаточные по своему объему для принятия решения о возбуждении уголовного дела по факту совершения неустановленным лицом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ – подделка и использование официального документа (судебного решения). Уголовно-процессуальный закон не требует на момент принятия решения о возбуждении уголовного дела устанавливать все элементы состава преступления и закрепляет в качестве оснований для возбуждения уголовного дела такую совокупность данных, указывающих на признаки преступления, которых достаточно для юридической квалификации деяния. По изученному уголовному делу на момент истечения сроков процессуальной проверки органами предварительного расследования были установлены необходимые данные, подтверждающие наличие в проверяемом сообщении признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ – подделка и использование официального документа (судебного решения). Анализируя материалы уголовного дела № 0...7, необходимо было иметь в виду правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в определении по жалобе гражданки Дьячковой О.В.: «УПК Российской Федерации, определяя поводы и основания для возбуждения уголовного дела и регулируя порядок возбуждения уголовного дела публично обвиняемого, предполагает, что с учетом фактических обстоятельств уголовное дело может быть возбуждено как по факту совершения преступления, так и в отношении конкретных лиц, если они к моменту принятия такого решения известны органам расследования. При этом, если лицо, в отношении которого возбуждается уголовное дело, относится к категории лиц, в отношении которых установлен особый порядок возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого, принимаемые по делу процессуальные решения могут признаваться законными и порождающими соответствующие юридические последствия лишь при условии соблюдения при их вынесении этого порядка» [8]¹.

¹ Аналогичная правовая позиция была изложена Конституционным Судом РФ в Определении от 16 июля 2009 г. № 999-О-О по жалобе гражданина Усанова О.Г., в Определении от 23 сентября 2010 г. № 1213-О-О по жалобе гражданина Шастина А.С.

Такая же позиция содержится в кассационном определении от 15 апреля 2010 г. № 44-010-23 Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Дата доступа: 10.09.2011.

Известность лица, предположительно совершившего преступление, в связи с которым проводится проверка органами расследования, не влечет автоматического возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. Необходимо учитывать тот факт, что «при решении вопроса о возбуждении уголовного дела должны обеспечиваться и интересы лица, в отношении которого подано заявление о привлечении к уголовной ответственности, с тем чтобы уголовное дело не было возбуждено, а это лицо не было поставлено в положение подозреваемого – вопреки ст. 49 (ч. 1) Конституции Российской Федерации – без достаточных к тому оснований» [9]. Имеющимися в момент принятия решения по проверяемому факту процессуальными средствами органы предварительного расследования не могли установить вне разумных сомнений совершение судьей Г. преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 305 УК РФ (вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта). Как отмечал Конституционный Суд РФ, судебская неприкосновенность является не личной привилегией гражданина, занимающего должность судьи, а средством защиты публичных интересов, и, прежде всего, интересов правосудия. Исходя из этого, общество и государство, предъявляя к судье и его профессиональной деятельности высокие требования, вправе и обязаны обеспечить ему дополнительные гарантии надлежащего отправления правосудия [10]. Принимая во внимание вышеуказанную правовую позицию Конституционного Суда РФ, органы предварительного расследования не вправе были без достаточных на то оснований, подтверждающих наличие признаков преступления в деянии судьи, по результатам проверки инициировать процедуры, предусмотренные ст. 448 УПК РФ. Кроме того, как подчеркнул Президиум Верховного Суда РФ, «положения главы 52 УПК РФ не определяют условий проведения такой проверки в особом, отличном от установленного общими нормами уголовно-процессуального закона, порядке. Проверка сообщения о совершенном или готовящемся преступлении согласно положениям ст. 144 УПК РФ проводится дознавателем, органом дознания, следователем в пределах их компетенции. Уголовно-процессуальный закон не устанавливает каких-либо ограничений при проведении такой проверки в отношении лиц, указанных в ст. 447 УПК РФ» [11]. При вышеописанных обстоятельствах, когда имелись неоспоримые данные в пользу совершения неустановленным лицом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ, и при отсутствии процессуальных возможностей установить в проверяемом

сообщении признаки деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 305 УК РФ, совершенного специальным субъектом, органы, осуществляющие проверку сообщения о преступлении, в силу принципа публичности обязаны были возбудить уголовное дело по факту совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ. Такие выводы были отражены в заключении специалистов по делу № 0...7.

Представляется, изложенная в данной статье следственная ситуация является типичной для подобных категорий уголовных дел. Более того, как свидетельствует практика, защитники стали использовать «похожую схему» признания незаконным решения о возбуждении уголовного дела по факту совершения преступления при наличии сведений о возможной причастности к преступлению конкретного лица, не являющегося специальным субъектом. Нередки обращения граждан и их защитников в Конституционный Суд РФ на неконституционность ст. 146 УПК РФ. Так, А.С. Шастин, ставя вопрос о проверке конституционности этой нормы, настаивал на том, что уголовное дело о превышении должностных полномочий должно было возбуждаться не по факту совершения этого преступления, а персонально в отношении него – А.С. Шастина [12–14]. Суды общей юрисдикции иногда удовлетворяют жалобы стороны защиты на незаконность постановления о возбуждении уголовного дела по факту совершения преступления. Например, Ленинский районный суд г. Воронежа отменил постановление следователя о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, по факту незаконного получения ОАО «АгроСтрелецкое» из федерального бюджета субсидий на возмещение части затрат на уплату процентов за пользование денежными кредитами на приобретение сельскохозяйственной техники, признано незаконным и необоснованным. В обоснование своего решения суд сослался на тот факт, что уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ может быть возбуждено лишь в отношении конкретного лица, которое к моменту вынесения постановления о возбуждении уголовного дела было установлено, – К., и не может быть возбуждено в отношении неопределенного круга лиц, поскольку иное нарушает конституционные и процессуальные права К. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила все состоявшиеся судебные решения и производство по жалобе К. прекратила, указав в определении, что ст. 146 УПК РФ, регламентирующая порядок возбуждения уголовного дела публичного обвинения, не требует установления лица, совершившего преступление, на стадии возбуж-

дения уголовного дела. При этом данная норма не ставит реализацию полномочия следователя на возбуждение уголовного дела в зависимость от факта установления лица, причастного к преступлению. Напротив, условиями этого согласно ст. 140 и ч. 1 ст. 146 УПК РФ являются повод и основание для возбуждения уголовного дела. По мнению Судебной коллегии, уголовное дело было возбуждено в установленном законом порядке для проведения следственных и иных процессуальных действий, направленных на получение и закрепление доказательств совершенного преступления и установление лиц, его совершивших, а права К. на защиту не были нарушены, и он в полной мере имел возможность защищать себя всеми предусмотренными законом средствами [15].

Анализ приведенных примеров подтверждает наличие в практике возбуждения уголовных дел в отношении специальных субъектов тревожных тенденций, которые начали проявлять себя и при производстве по уголовным делам общей категории. Эти аспекты указывают на несовершенство нормативной регламентации порядка возбуждения уголовных дел; на неверное толкование предписаний закона судебными коллегиями, дающими заключение о наличии признаков преступления в деяниях конкретных лиц; на своего рода «манипуляцию» усложненными процедурами со стороны ряда участников уголовного судопроизводства с целью создания непреодолимых препятствий для привлечения к уголовной ответственности лиц, обладающих процессуальными иммунитетами. Изложенные в постановлениях и определениях Конституционного Суда РФ правовые позиции не всегда используются судами общей юрисдикции «как руководство к действию» в сложных ситуациях производства в отношении отдельных категорий лиц. Судебные коллегии

и квалификационные коллегии судей нередко превышают «стандарты доказанности» причастности судей или иных специальных субъектов к совершению преступления, не учитывая особый, контрольный характер своей деятельности в таких ситуациях (Конституционный Суд РФ указывал на недопустимость предвзятости судом в ходе проверки законности и обоснованности промежуточных решений, принимаемых на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, тех вопросов, которые могут стать предметом судебной оценки последующих решений органов предварительного расследования и прокурора либо предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела [14]).

Таким образом, можно констатировать, что для преодоления данной негативной практики изложения соответствующих правовых позиций КС РФ явно недостаточно. Требуется более радикальное решение: изменение закона в части возбуждения уголовных дел в отношении специальных субъектов. Представляется вполне уместным исключение из гл. 52 УПК РФ норм о возбуждении уголовных дел в отношении лиц, указанных в ст. 447 УПК РФ. Это позволило бы возбуждать уголовные дела по факту совершения преступления при наличии законного повода и достаточных оснований – без опасения получения отказа в даче согласия на возбуждение уголовного дела со стороны соответствующих судебных органов или органов представительной власти. В случае необходимости производства следственных действий с участием специального субъекта органы предварительного расследования могли бы инициировать процедуры, предусмотренные гл. 52 УПК РФ, вплоть до получения соответствующего заключения или согласия для привлечения его в качестве обвиняемого.

Список использованных источников

1. Сафронов, Д.М. Особый порядок производства в отношении отдельных категорий лиц в контексте равенства всех перед законом и судом / Д.М. Сафронов, М.М. Сафронов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/325/image/325-108.pdf>. – Дата доступа: 10.09.2011.
2. О противодействии коррупции: Федер. закон Рос. Федерации от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 11.07.2011) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 29.12.2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 31 окт. 2003 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242198&subID=100100414,100100416>. – Дата доступа: 10.09.2011.
4. Алешина, И. Уголовное дело в отношении судьи должно возбуждаться на общих основаниях / И. Алешина // Рос. юстиция. – 1999. – № 1 // [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Дата доступа: 10.09.2011.
5. Колесников, Е. В. О повышении ответственности судей в Российской Федерации / Е.В. Колесников, Н.М. Селезнева // Журн. рос. права. – 2006. – № 3 // [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Дата доступа: 10.09.2011.

6. Об отказе в удовлетворении заявления об отмене решения квалификационной коллегии судей Республики Саха (Якутия) от 24 февр. 2010 г. об отказе в даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи: Решение Верхов. суда Респ. Саха (Якутия) от 08.07.2010 по делу № 3-17/10 // Якутские ведомости. – № 68. – 23.10.2010.
7. [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Дата доступа: 10.09.2011.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 16.11.2006 № 454-О // [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Дата доступа: 10.09.2011.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2007 № 610-О-О // [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Дата доступа: 10.09.2011.
10. По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А.В. Барбаша: постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.1996 № 6-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1996. – № 2.
11. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20.12.2006 № 636-П06ПР // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 7.
12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шастина Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьями 140, 145 и 146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 23.09.2010 № 1213-О-О // [Электронный ресурс]. (Документ опубликован не был). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Дата доступа: 10.09.2011.
13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усанова Олега Германовича на нарушение его конституционных прав статьями 145, 146, пунктом 1 части первой статьи 237, статьями 377 и 378 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2009 № 999-О-О // [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Дата доступа: 10.09.2011.
14. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Константина Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 75, 146, 165, 182 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 № 523-О-О // [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Дата доступа: 10.09.2011.
15. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2008 год // [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Дата доступа: 10.09.2011.
16. По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»: постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 № 5-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1999. – № 4.

Дата поступления: 30.09.2011

Annotation

In the article problems of interpretation and application of criminally-procedural norms, which regulate the institution of criminal proceedings concerning separate categories of persons are considered. The illegitimacy of practice of appointment of «legal examinations» for an estimation of observance by investigators of procedures of the Chapter 52 of the RF CCP is showed as well. The author believes, that system of norms of integrity of separate categories of persons, shouldn't create absolute obstacles to the institution of criminal proceedings. The author makes offers on simplification of an order of the institution of criminal proceedings, if there are information about possible committing of crime by the special person. It is offered to exclude from the text of the law of norms, which regulate the institution of criminal proceedings concerning separate categories of persons, in order to criminal cases were raised only upon the fact of committing of crime.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ**ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРОКУРОРА НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Ашитко В.П.
канд. юрид. наук, доцент
Академия МВД
Республики Беларусь

Аннотация

Рассматриваются вопросы участия прокурора на заключительном этапе стадии предварительного расследования уголовного дела. На основе анализа теории и практики деятельности прокурора в уголовном процессе вносятся конкретные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального регулирования участия прокурора на этапе принятия решения о направлении уголовного дела в суд.

Для прокурора, осуществляющего в уголовном процессе Республики Беларусь функцию надзора за ходом расследования уголовных дел, этап окончания предварительного следствия имеет значение обязательного этапа его надзорной деятельности на стадии предварительного расследования, поскольку как этап окончание предварительного расследования характеризуется совокупностью процессуальных действий, направленных на проверку полноты, всесторонности, объективности собранных по делу доказательств, на восполнение пробелов предварительного расследования, окончательное в соответствии с требованиями закона оформление следственного производства [1]. Такое понимание процессуальной деятельности прокурора на заключительном этапе стадии предварительного расследования является справедливым. При окончании предварительного расследования следователь подводит итоги расследования конкретного преступления, анализирует и оценивает всю совокупность материалов дела и придя к убеждению, что в процессе расследования использованы все предусмотренные законом средства доказывания и обстоятельства дела выяснены, следователь прекращает дальнейшее собирание доказательств, систематизирует материалы, формулирует и обосновывает выводы по существу [2].

Таким образом, установив всю совокупность обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу – ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), следователь принимает меры к прекращению сбора доказательств, подтверждающих наличие обстоятельств, влекущих применение мер уголовного наказания к обвиняемому за совершенное преступление, и в целях обеспечения полноты, всесторонности и объективности проведенного расследования обстоятельств дела, с участием заинтересованных участников уголовного процесса, в рамках уголовно-процессуальных отношений, приступает к проведению проверки и оценки достаточности собранных доказательств для обоснования вывода о дальнейшем направлении уголовного дела.

В этой связи особенность уголовно-процессуальной деятельности прокурора на заключительном этапе стадии предварительного расследования определяет-

ся необходимостью проверки прокурором материалов уголовного дела, в целях подтверждения обоснованности предъявленного лицу обвинения и соблюдения законов при производстве следственных и иных процессуальных действий, разрешения вопросов по уголовному делу, поступившему для направления в суд. Эта деятельность прокурора по своей сущности является надзорной, так как своим предметом имеет изучение вопросов, связанных с точным исполнением законов следователем при производстве предварительного расследования. А если говорить об объектах прокурорского надзора, то объектами надзора будет являться процессуальная деятельность следователя, а также регламентированная ст. 35 УПК контрольная деятельность начальника следственного подразделения по расследованию конкретного уголовного дела и достигнутые при этом результаты.

Законодатель в ст. 263 УПК требует от надзирающего прокурора проверки каждого уголовного дела, поступившего ему в порядке ст. 262 УПК. Поступившее уголовное дело для направления в суд прокурор обязан проверить по такому широкому кругу вопросов, как:

- имело ли место деяние, вмененное обвиняемому, и имеется ли в этом деянии состав преступления;
- нет ли в деле обстоятельств, влекущих его прекращение;
- заявлено ли обвиняемым ходатайство об освобождении его от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 881 Уголовного кодекса Республики Беларусь;
- обосновано ли предъявленное обвинение имеющимися в уголовном деле доказательствами;
- предъявлено ли обвинение по всем установленным и указанным в уголовном деле общественно опасным деяниям обвиняемого;
- привлечены ли в качестве обвиняемых все лица, изблеченные в совершении преступления;
- правильно ли квалифицированы общественно опасные деяния обвиняемого;
- правильно ли применена мера пресечения и нет ли в деле оснований для ее изменения либо отмены;
- приняты ли меры обеспечения гражданского иска и возможной конфискации имущества;
- выявлены ли причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и приняты ли меры к их устранению;
- произведено ли исследование обстоятельств уголовного дела всесторонне, полно и объективно;

– составлено ли постановление о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь;

– не допущены ли при производстве предварительного расследования нарушения уголовно-процессуального закона.

Перечень вопросов, которые законодатель обязывает прокурора проверить при изучении уголовного дела, поступившего к нему в порядке ст. 262 УПК, показывает, что в своем большинстве ответы на них у прокурора уже имеются и хранятся в надзорном производстве. Примером тому могут быть такие хранящиеся в надзорном производстве процессуальные документы, как: постановление о возбуждении уголовного дела; постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого; постановление о применении меры пресечения (например, постановления о применении меры пресечения в виде заключения под стражу) и иные процессуальные документы. Поэтому неслучайно, в ч. 1 ст. 264 УПК законодатель предоставляет прокурору срок – не более пяти суток для изучения уголовного дела, поступившего к нему с постановлением следователя о передаче уголовного дела для направления в суд. Как показывает практика, надзирающему прокурору этого срока достаточно для проверки уголовного дела и принятия по нему решения, предусмотренного ст. 264 УПК.

Разрешить вопросы, которые законодатель ставит перед прокурором в ст. 263 УПК, прокурор может только изучив поступившие ему для направления в суд материалы уголовного дела, поскольку знание обстоятельств уголовного дела прокурору необходимо не только для того, чтобы принять правильное процессуальное решение, но для проведения некоторых организационных мер, связанных с обеспечением судебного разбирательства по делу (например, изменения прокурором меры пресечения и списка лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, организации поддержания государственного обвинения, определения и направления уголовного дела по подсудности). Более того, полное знание уголовного дела необходимо прокурору также и для производства организационных мероприятий, связанных с усилением борьбы с преступностью и повышением качества следственной работы. Действительно, внимательное изучение поступившего для направления в суд уголовного дела дает прокурору возможность выявить не только положительные, но и негативные стороны проведенного следователем расследования преступления. Позволяет прокурору проанализировать и определить причины повторяемости нарушений закона в работе не только следователя, в производстве

которого находилось конкретное уголовное дело, но и выявить недостатки в функциональной работе начальника следственного подразделения, иными словами, накопить материалы о качестве проводимого расследования и состоянии процессуального контроля в следственном подразделении. Поэтому неслучайно прокурор, изучив поступившее к нему уголовное дело, информацию о проведенном по делу расследовании систематизирует применительно к программам обобщения практики борьбы с отдельными видами преступлений и состоянием процессуального контроля в отдельном следственном подразделении.

В данном случае, вполне логична та аналитическая работа надзирающего прокурора, функция которой для него является постоянной и целенаправленной на этапе окончания предварительного расследования с передачей уголовного дела прокурору.

Необходимо отметить, что перечень вопросов, поставленных законодателем перед прокурором в порядке ст. 263 УПК, отнюдь не случаен. При реализации положений названной правовой нормы эти вопросы трансформируются в те самые задачи, которые надзирающий прокурор обязан разрешить перед принятием одного из решений по уголовному делу, поступившему для направления в суд. Именно для этого, изучая содержание составленных следователем процессуальных решений, прокурор анализирует формулировку постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, обоснованность и законность проведения следственных действий, их результаты, судит о полноте, допустимости и достаточности имеющихся в деле доказательств, соблюдении процессуального порядка, установленного уголовно-процессуальным законом, при установлении обстоятельств совершенного преступления.

Словом, перечень вопросов, подлежащих разрешению прокурором по уголовному делу, поступившему в суд, и характер ответов, полученных на них прокурором, и составляет конкретное содержание предмета изучения уголовного дела в рамках ст. 263 УПК. Рассмотрим содержание предмета изучения уголовного дела, поступившего прокурору для направления в суд.

– Ответ на первый вопрос предполагает изучение прокурором материалов, касающихся доследственной проверки заявления или сообщения о преступлении. При этом прокурор обращает внимание на данные, указывающие на наличие признаков преступления, выясняет, нет ли обстоятельств, исключающих дальнейшее уголовное производство, оценивает законность принятого решения по заявлению или сообщению о преступлении.

Сопоставляя деяние, вмененное обвиняемому в ходе расследования уголовного дела, прокурор подвергает проверке содержание постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и соотносит его с результатами следственных действий, полученных следователем при расследовании уголовного дела. При наличии обстоятельств, указанных в ст. 89 УПК, прокурор определяет правильность квалификации преступления, установленной следователем, направившим дело в суд.

– Помимо указанных в ст. 89 УПК обстоятельств, подлежащих доказыванию, прокурор в процессе изучения уголовного дела обязан устанавливать и обстоятельства, исключающие производство по делу. Перечень таких обстоятельств содержится в ст.ст. 29 и 30 УПК. Прокурору это необходимо, поскольку каждый из фактов, входящих в предмет доказывания, может характеризоваться как в положительной, так и в отрицательной форме. В данном случае законодатель понимает, что если прокурор не примет во внимание обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу (например, освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольным возмещением причиненного ущерба или вреда), то по делу едва ли может быть принято правильное решение как в стадии предварительного расследования, так и в суде.

– В ходе изучения уголовного дела, поступившего для направления в суд, прокурор или его заместитель обязаны получить ответ, касающийся вопроса обоснованности предъявленного обвинения, имеющимися в уголовном деле доказательствами.

Рассмотрение этого вопроса для прокурора имеет свою особенность. Так, выводы и решения по вопросам, связанным с характером предъявленного обвинения, прокурором анализируются в сопоставлении с фактическими обстоятельствами уголовного дела и положениями примененных норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

– Прокурор обязан проверить исполнение требований закона о предъявлении обвинения по всем установленным и указанным в уголовном деле общественно опасным деяниям обвиняемого.

Изучая уголовное дело, прокурор сопоставляет каждый эпизод преступной деятельности обвиняемого с элементами формулировки обвинения. При этом, обращая внимание на установленные расследованием факты преступной деятельности обвиняемого, прокурор исследует вопрос о достаточности доказательств, указывающих, что именно данное лицо, привлекаемое в качестве обвиняемого, со-

вершило преступления, вменяемые ему в вину. Если изучением дела и анализом содержания постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого будут установлены соответствующие разночтения, то прокурор или его заместитель обязаны об этом принять соответствующее процессуальное решение, предусмотренное ст. 264 УПК.

– Проверая исполнение следователем требований уголовно-процессуального закона о привлечении в качестве обвиняемых лиц, избранных к совершению преступления, прокурор обязан исследовать такие вопросы, как: подтверждена ли материалами уголовного дела причастность конкретных лиц к совершению преступления либо преступлений; конкретизирована ли их причастность в установленных расследованием эпизодах преступной деятельности; обоснованно ли предъявлено каждому лицу обвинение и достаточна ли для этого имеющаяся в деле совокупность доказательств; нет ли в деле обстоятельств, влекущих прекращение дела, предусмотренных ст.ст. 29 и 30 УПК;

– Вопрос о правильности квалификации общественно опасного деяния обвиняемого прокурор разрешает исходя из результатов изучения уголовного дела. Сравнивая материалы дела и описание инкриминируемого в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого преступления обвиняемому прокурор обязан определить соответствие примененной следователем нормы уголовного закона, предусматривающей уголовную ответственность с фактическими деяниями лица, привлеченного в процессе расследования преступления к уголовной ответственности. Прокурор также обязан установить: какие конкретные действия по каждому пункту, части, статье уголовного закона вменяются в вину обвиняемому при обвинении его в совершении нескольких преступлений, подпадающих под действие разных статей уголовного закона и подтверждается ли это материалами уголовного дела;

– Рассматривая вопрос о правильности примененной следователем конкретной меры пресечения, прокурор исходит из понимания того, что, в основном, инициатива избрания той или иной меры пресечения исходит от лица, в производстве которого находится уголовное дело и применяется следователем в отношении обвиняемого для предотвращения совершения им новых преступлений или действий, препятствующих производству по уголовному делу, и только при наличии веских оснований, предусмотренных ст. 117 УПК, а также для исполнения приговора. Определяя правомерность избранной следователем меры пресечения, прокурор в материалах дела выясняет

следующее: собраны ли в уголовном деле доказательства, дающие достаточные основания полагать, что обвиняемый может скрыться от органа уголовного преследования и суда; воспрепятствовать предварительному расследованию уголовного дела или рассмотрению его судом, в том числе путем незаконного воздействия на участников уголовного процесса, сокрытия или фальсификации материалов, имеющих значения для дела, неявки без уважительных причин по вызовам органа, ведущего уголовный процесс; совершить предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние; противодействовать исполнению приговора. При решении вопроса о правильности применения обвиняемому меры пресечения прокурор также учитывает характер обвинения, личность обвиняемого, его возраст и состояние здоровья, род занятий, семейное положение, наличие постоянного места жительства, и другие обстоятельства (например, срок содержания под стражей).

Необходимо отметить, что прокурор согласно ч. 1 ст. 265 УПК при наличии к тому оснований вправе своим постановлением отменить или изменить ранее принятую меру пресечения либо применить меру пресечения, если она не была принята ранее.

– При наличии гражданского иска или квалификации совершенного обвиняемым преступления, предусматривающей в качестве санкции возможную конфискацию имущества, прокурор выясняет главный вопрос: приняты ли в ходе расследования уголовного дела меры обеспечения гражданского иска и возможной конфискации имущества. Предметом выяснения данного вопроса является не только факт принятия самих мер, но и их достаточность и законность их применения: приняты ли все меры к тому, чтобы обнаружить имущество, принадлежащее обвиняемому, не наложен ли арест на имущество, являющееся предметами первой необходимости, перечень которых содержится в приложениях к Уголовно-исполнительному кодексу; не превышает ли стоимость описанного, в обеспечение гражданского иска, размер причиненного ущерба; где находится и гарантируется ли сохранность описанного имущества. При наличии факта, прокурор обязан выяснить вопрос о правомерности наложения ареста на имущество лиц, несущих материальную ответственность, за вред, причиненный преступными действиями обвиняемого или предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием невменяемого.

– Предметом проверки прокурором вопроса о степени выявления причин и условий, способствовавших совершению преступления,

и принятых мерах к их устранению являются требования ст.ст. 25, 34, 90 УПК. В связи с этим прокурор выясняет: с достаточной ли полнотой в ходе расследования преступления выяснены обстоятельства, способствующие совершению преступления, и использованы ли для этого следователем все возможности предварительного следствия по делу. О недостаточности выяснения причин и условий, способствующих совершению преступления, прокурор судит если они установлены следователем в самых общих чертах без наличия соответствующих доказательств в материалах уголовного дела. В то же время, достаточность установления следователем причинных связей с совершенным преступлением для прокурора означает появление у него возможности обстоятельно судить: о влиянии выявленных отрицательных обстоятельств на саму возможность совершения обвиняемым преступления; оценить и обосновать характер их влияния и обратиться к соответствующим учреждениям, организациям, хозяйствующим субъектам с рекомендациями о проведении комплекса мероприятий по устранению причин и условий, способствующих совершению преступления. Кроме того, прокурор, изучая содержание составленного следователем представления, выясняет вопросы правильности анализа причин и условий совершения преступления, а равно насколько рекомендуемые следователем меры устранения причинных обстоятельств совершенного преступления обоснованы и эффективны для применения. Более того, обращая внимание на фактическую реализацию предлагаемых профилактических мер, связанных с устранением причин и условий совершения преступления, прокурор обязан интересоваться: было ли рассмотрено представление следователя и нет ли необходимости в постановке рассмотрения представления под свой контроль.

– Проверка всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела требует проведения прокурором анализа собранных по делу материалов, в части сопоставления имеющихся доказательств с обстоятельствами, подлежащими доказыванию по уголовному делу, перечисленными в ст. 89 УПК.

Прокурор устанавливает: проверены ли все возможные версии обстоятельств совершения преступления; установлены ли обстоятельства, подлежащие доказыванию; проверены ли все доводы, выдвинутые обвиняемым в свою защиту, имеются ли основания к возвращению уголовного дела для производства дополнительного расследования.

– Составленное следователем постановление о передаче уголовного дела прокурору

для направления в суд является итоговым процессуальным документом, определяющим дальнейшее направление уголовного дела.

Соответствие содержания данного процессуального документа требованиям, предъявляемым ст. 260 УПК, прокурор проверяет наряду с содержанием вынесенных следователем других процессуальных документов, входящих в соответствии со ст. 261 УПК в перечень приложений к постановлению о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд. В частности, законодатель определил, что в качестве приложения к постановлению о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд следователь должен составить и приобщить к материалам оконченного производством уголовного дела справку, в которой со ссылкой на листы уголовного дела приводятся данные о движении уголовного дела и сроках расследования; о лицах, привлеченных в качестве обвиняемых, и предъявленном им обвинении, о мерах пресечения, примененных в отношении их, с указанием времени содержания под стражей или домашнего ареста; о вещественных доказательствах; о гражданском иске, мерах, принятых для его обеспечения, и о возможной конфискации имущества; о процессуальных издержках. Кроме этого, следователь в силу ст. 262 УПК обязан представить прокурору справку о результатах проведенного по делу предварительного расследования, а для представления в суд – список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание. При этом прокурор в соответствии с ч. 2 ст. 265 УПК вправе изменить имеющийся список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание.

– В обязанности прокурора входит и выявление нарушений процессуального порядка производства предварительного расследования по делу. Значимость этого вопроса очень велика, поскольку наличие существенных нарушений процессуального порядка производства следственных или иных процессуальных действий при расследовании преступления приводит к недопустимости использования их результатов в судопроизводстве либо повторному производству процессуальных действий при возвращении прокурором уголовного дела на дополнительное расследование.

Разрешая вопрос, не допущены ли при производстве предварительного расследования нарушения уголовно-процессуального закона, прокурор обязан проверить точное исполнение следователем законов, гарантирующих участникам процесса права и интересы, а равно возможность реализации ими своих процессуальных прав в ходе расследования дела (например, признано ли лицо потерпевшим,

гражданским истцом, гражданским ответчиком или их представителями по основаниям, указанным в уголовно-процессуальном законе, разъяснены ли им процессуальные права, в том числе права на ознакомление потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей с материалами уголовного дела). Прокурор также устанавливает, не был ли тот или иной участник уголовного производства поставлен в условия, когда он не имел возможностей осуществить свои процессуальные права.

В рамках поставленного законодателем вопроса прокурор проверяет законность избрания по отношению к обвиняемому меры пресечения (ст. ст. 116, 117 УПК) либо применения иной меры процессуального принуждения (например, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество); устанавливает, не отпала ли необходимость в сохранении конкретной меры уголовно-процессуального принуждения; проверяет законность порядка производства следственных действий по установлению обстоятельств совершения преступления.

Изучив вопросы, определенные законодателем для прокурора по уголовному делу, поступившему для направления в суд, прокурор в течение 5 суток обязан принять по делу одно из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 264 УПК.

Из содержания ст. 266 УПК видно, что согласившись с постановлением следователя, прокурор, или его заместитель, немедленно своим постановлением направляет уголовное дело в суд по подсудности, уведомляя об этом обвиняемого, его защитника и законного представителя, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, разъяснив им, что в дальнейшем всякие ходатайства и жалобы по делу должны ими направляться непосредственно в суд. Вместе с уведомлением обвиняемому и потерпевшему с переводом на их родной язык направляется копия постановления следователя о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд и если прокурором, или его заместителем, были изменены копии объема обвинения или квалификации общественно опасного деяния, либо применена, изменена или отменена мера пресечения, указанным лицам направляются копии соответствующих постановлений.

Заключительная часть этапа окончания предварительного расследования с передачей уголовного дела прокурору для направления в суд характеризуется направлением прокурором уголовного дела в суд по подсудности. Вместе с уголовным делом в суд направляется постановление следователя о передаче дела прокурору, список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание.

Анализ содержания уголовно-процессуальной деятельности прокурора на заключительном этапе стадии предварительного расследования показывает, что прокурорский надзор, осуществляемый на этапе передачи уголовного дела прокурору для направления в суд, в сравнении с другими этапами надзора обладает наибольшими возможностями по непосредственному воздействию на предмет и объект прокурорского надзора. Подтверждением этому вопросы, подлежащие разрешению прокурором по уголовному делу, поступившему для направления в суд, которые в определенной степени обеспечивают законность принятого следователем решения об окончании предварительного расследования и направления уголовного дела в суд.

Однако имеется одна немаловажная проблема, которая, как нам представляется, существенно влияет на эффективность надзорной деятельности прокурора по обеспечению законности осуществления предварительного расследования по уголовному делу.

Проблемой является предусмотренная ч. 2 ст. 262 УПК обязанность следователя после подписания им постановления о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд составлять и представлять прокурору вместе с уголовным делом справку о результатах проведенного по делу предварительного расследования. В справке следователь подводит итоги предварительного следствия, детализирует и дает развернутое содержание предъявленного обвиняемому обвинения, со ссылками на листы дела следователь указывает сведения доказательственного характера, явившиеся основанием привлечения обвиняемого к уголовной ответственности, а равно обращает внимание прокурора на иные обстоятельства уголовного дела. Тот факт, что в справке, представляемой следователем прокурору, содержится информация по вопросам, предусмотренным законодателем в ст. 263 УПК, в отдельных случаях, лишает прокурора возможности ответственно подойти к изучению материалов уголовного дела и принять соответствующие меры к выявлению нарушений законности на досудебных стадиях уголовного процесса. Поэтому, нередко случаи вынесения судьями постановлений о прекращении производства по уголовному делу в порядке требований ст.ст. 276 и 279 УПК и оправдательных приговоров в соответствии с требованиями ст.ст. 355 и 357 УПК. Неслучайно, проблема обеспечения процессуального контроля и прокурорского надзора за законностью расследования уголовных дел была предметом обсуждения на совещании у Президента Республики Беларусь в июле 2011 г. [3].

Таким образом, повысить ответственность прокурора за исполнение функции надзора

на заключительном этапе стадии предварительного расследования возможно путем исключения законодателем из ч. 2 ст. 262 УПК обязанности следователя составлять для прокурора справку о результатах проведенного предварительного расследования по делу и возложения на прокурора обязанности составлять, в качестве отдельного процессуального документа, заключение о законности проведенного расследования уголовного дела и полученных при этом результатах. Следует обратить внимание законодателя, что в предлагаемом заключении прокурора должно найти отражение личное мнение прокурора о состоянии законности, всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела, направляемого следователем в суд.

Возможен второй вариант решения проблемы. При исключении обязанности следователя

составлять прокурору справку о результатах проведенного по делу предварительного расследования, заключение прокурора о законности, всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств уголовного дела может быть представлено в качестве составной части самого содержания постановления прокурора о направлении уголовного дела в суд, составляемого в порядке ст. 266 УПК.

Считаем, что вынесение прокурором заключения о законности, всесторонности, полноте и объективности исследования органами предварительного следствия обстоятельств совершения преступления существенно повысит эффективность производимого прокурором надзора за ходом расследования уголовного дела, снизит вероятность направления в суд уголовных дел с нарушениями уголовно-процессуального закона, приговора [4].

Список использованных источников

1. Курс уголовного судопроизводства: учебник: в 3 т. / под ред. В.А. Михайлова. – М.: МПСИ, Воронеж: МОДЭК, 2006. – Т.2: Досудебное и судебное производство. – 360 с.
2. Шостак, М.А. Уголовный процесс: учеб. пособие / М.А. Шостак. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2008. – 630 с.
3. Окончательные претензии к предварительному расследованию // Республика. – 2011. – 3 жн. (№145). – С.2.
4. О приговоре суда: постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 28 сент. 2001 г., №9 // Судовы веснік. – 2001. – № 4. – С. 22–26.

Дата поступления: 21.09.2011

Annotation

The author of the article analyzes the problems of the participation of the prosecutor at the final stage of the preliminary investigation of the case. Basing on the analysis of the theory and practice of the prosecutor's participation in criminal proceedings there are made concrete proposals in order to improve the criminal procedure regulating the involvement of the prosecutor at the stage of the decision to refer the criminal case to the court hearing.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

ПРАВОВОЙ СТАТУС РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Благаренко О.В.

Бранчель И.И.

Научно-практический центр
проблем укрепления
законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

40

Аннотация

В статье, на основе изучения практики расследования уголовных дел, отечественной и зарубежной специальной и научной литературы в области оперативно-розыскной деятельности, предпринята попытка проанализировать правовой статус результатов этой деятельности в уголовном процессе, учитывая, что органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, действуют в ином правовом режиме по сравнению с предварительным следствием и дознанием. Именно по этой причине требования относимости, допустимости и достоверности, сформулированные в уголовно-процессуальном законе, к добытым в процессе оперативно-розыскной деятельности фактическим данным не совсем применимы, так как получены они не в уголовно-процессуальном порядке. В связи с этим результаты оперативно-розыскной деятельности должны пройти в уголовном процессе процедуру проверки и оценки, чтобы они могли быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу.

Использование результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в уголовном процессе обеспечивает быстрое раскрытие, полное, всестороннее и объективное расследование преступлений, особенно особо тяжких и замаскированных преступлений, таких как террористические акты, заказные убийства, коррупция, наркобизнес и другие, так как данные преступления при помощи одних только гласных мер не только пресечь, но зачастую даже раскрыть бывает практически невозможно. Поэтому в современных условиях эффективная организация борьбы с преступностью может быть обеспечена лишь при условии сочетания процессуальных средств и ОРД.

В подтверждение вышеизложенного сошлемся на пример из судебной практики Российской Федерации, приведенный С.Л. Миролюбовым в статье «Генезис правовой основы использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам: актуальные проблемы»¹.

В 2004 г. органами внутренних дел одной из республик Российской Федерации расследовалось уголовное дело, возбужденное по ч. 2 ст. 163 УК РФ («Вымогательство») в отношении трех подозреваемых – участников организованной преступной группы, по факту вымогания денежных средств в размере 5 тыс. руб. у потерпевшего Т. В результате проведенной оперативной комбинации с использованием негласной видеозаписи подозреваемые были задержаны после получения денежных средств от потерпевшего. Свидетелей данного преступления установлено не было и обвинение строилось только на показаниях потерпевшего и результатах ОРД. В процессе последующего расследования уголовного дела потерпевший под давлением организованной преступной группы стал изменять свои показания. В такой сложной для органов следствия и суда ситуации последним аргументом, склонившим чашу весов правосудия в пользу обвинения, стала легализованная оперативная видеозапись, на основании которой и был вынесен обвинительный приговор [1, с. 118].

¹ Официально опубликованной практики судов Республики Беларусь по вопросу ОРД не имеется, поэтому в статье использована практика судов Российской Федерации в этой области, законодательство которой в сфере ОРД практически идентично законодательству Республики Беларусь.

Поведение различных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) дает возможность проникать в преступную среду, получать информацию о составе преступных групп, их связях и планах, отслеживать и в определенной мере контролировать их деятельность, собирать оперативную информацию о возможных источниках доказательств, необходимую для раскрытия и расследования преступлений, а также получать иные сведения, которые могут быть использованы в уголовном процессе в качестве доказательств. Поэтому, замаскированным, организованным, тайно совершаемым преступлениям и лицам, их совершающим, правоохранительные органы должны противопоставить такие меры, которые позволяли бы своевременно предотвращать и быстро раскрывать подобные преступления.

Европейский Суд по правам человека в решении от 6 сентября 1978 г. по делу «Класс против Федеративной Республики Германии» по этому поводу записал, что *«сейчас демократические общества оказываются под угрозой изолированных форм шпионажа и терроризма, и государство должно иметь возможность эффективно противодействовать таким угрозам, принимать в пределах своей юрисдикции меры по проведению тайного наблюдения за подрывными элементами. Исходя из этого, существование законодательства, дающего полномочия по осуществлению наблюдения за перепиской, почтовыми отправлениями и телефонными разговорами, является в исключительных случаях необходимым в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и/или для предотвращения беспорядков или преступлений»* [2, т. 4, с. 45].

В то же время при использовании в процессе раскрытия и расследования преступлений возможностей органов, осуществляющих ОРД, следует помнить, что эти органы действуют в ином правовом режиме по сравнению с предварительным следствием. Это обусловлено тем, что одной из главных задач ОРД, как записано об этом в ст. 3 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), является *предупреждение, выявление, пресечение преступлений*, а также *выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших*, в то время как задачей органов уголовного преследования, согласно ст. 7 УПК Республики Беларусь (далее – УПК), является *быстрое и полное расследование преступлений, изобличение и привлечение к уголовной ответственности виновных лиц, а также обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден*.

В связи с этим различны формы, методы и правовая регламентация деятельности органов уголовного преследования и органов, осуществляющих ОРД. Если первые действуют на основании норм УПК и гласно, то вторые на основании Закона об ОРД и, преимущественно, негласно, а также на основании ведомственных приказов и инструкций, издаваемых и реализуемых в основном в условиях секретности. Именно по этой причине требования допустимости, сформулированные в ст. 105 УПК, к добытым в процессе ОРД фактическим данным не совсем применимы, так как получены они в неустановленном УПК порядке. Это обстоятельство затрудняет использование результатов ОРД в процессе доказывания по уголовным делам, тем более что правила проведения одних ОРМ могут существенно отличаться от правил проведения других ОРМ.

Например, проведение таких ОРМ, как проверочная закупка или контролируемая поставка предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, как записано об этом в Законе об ОРД, может производиться только при наличии постановления органа, осуществляющего ОРД, в то время как опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности законодатель никакими условиями не оговаривает, и они проводятся в соответствии с ведомственными нормативными актами (приказами, инструкциями) органов, осуществляющих ОРД.

Следует признать, что ОРМ имеют определенное сходство со следственными действиями – и те и другие являются как способами получения информации о фактах, подлежащих установлению, так и средствами достижения цели раскрытия преступлений. В то же время это сходство не должно и не может служить поводом к их отождествлению, к подмене одного другим, поскольку следственные действия не могут, как ОРМ, проводиться негласно и осуществляются в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. Например, ОРМ *«прослушивание телефонных переговоров»* и следственное действие *«прослушивание и запись переговоров»*. Оба направлены на достижение одного и того же результата – получение информации, с помощью которой виновное лицо будет изобличено в совершенном преступлении. В то же время отличие их состоит в том, что *прослушивание телефонных переговоров* – оперативно-розыскное мероприятие, регламентированное Законом об ОРД, а *прослушивание и запись переговоров* – это процессуальное действие, регламентированное УПК. В связи с этим

можно сделать вывод, что *«процессуальность или непроцессуальность того или иного действия определяется включением или невключением проводимого действия в текст уголовно-процессуального закона»* [3].

Касаясь процессуального действия «прослушивание и запись переговоров», предусмотренного ст. 214 УПК, мы считаем, что оно не является следственным действием, так как следователь, дознаватель, принявший решение о необходимости прослушивания и записи переговоров, не может сам их осуществлять, что следует из части третьей указанной статьи, согласно которой постановление о прослушивании и записи переговоров следователем, органом дознания *«направляется ... в соответствующее учреждение для исполнения»*. Этими учреждениями, согласно ч. 5 ст. 11 Закона об ОРД, являются органы внутренних дел и государственной безопасности, а также Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь.

Таким образом, в уголовно-процессуальный закон оказалось включено действие, проводящееся исключительно в негласном режиме, которое следователь согласно закону самостоятельно не может и не должен осуществлять, так как производится оно в порядке и на условиях Закона об ОРД.

Следовательно, предусмотренное УПК следственное действие «прослушивание и запись переговоров» является типичным ОРМ, предусмотренным п. 11 ч. 1 ст. 11 Закона об ОРД, суть которого не меняется в зависимости от того – производит ли его орган, осуществляющий ОРД, по собственной инициативе или по поручению следователя.

О том, что предусмотренное УПК следственное действие «прослушивание и запись переговоров» является больше ОРМ, чем процессуальным действием, свидетельствует также тот факт, что любое следственное действие – действие одномоментное и непрерывное, ход и результаты которого отражаются в одном документе – протоколе. В то же время прослушивание и запись переговоров продолжают, как правило, на протяжении длительного времени и протоколов осмотра и прослушивания фонограмм переговоров контролируемого лица может быть составлено множество, например, по каждому состоявшемуся телефонному разговору. Более того, при прослушивании и записи переговоров отсутствует главный определяющий признак следственного действия – непосредственное восприятие следователем информации, имеющей доказательственное значение, так как вместо него это делают сотрудники оперативно-технического подразделения орга-

на, осуществляющего ОРД. Они же сами решают, какие именно записи передать инициатору прослушивания и записи переговоров, а это не дает гарантии того, что в распоряжение следователя для осмотра, прослушивания и приобщения к делу в качестве вещественного доказательства попадут фонограммы всех находившихся под контролем переговоров.

В связи с этим мы предлагаем ст. 214 «Прослушивание и запись переговоров» из действующего УПК исключить, как несоответствующую системе и сущности предусмотренных данным Кодексом следственных действий и гарантиям прав личности в уголовном судопроизводстве.

Выше отмечалось, что в иных случаях без использования результатов ОРД в процессе доказывания по уголовным делам не удастся доказать вину лица в совершенном преступлении, так как только в рамках ОРД зачастую возможно получить фактические данные, подтверждающие причастность конкретного лица к преступному деянию. В связи с этим к информации, получаемой в ходе ОРД, необходимо относиться со всей вытекающей отсюда серьезностью, ибо ОРД – есть *«симбиоз науки и искусства, так как изобретательность преступников не знает границ. Среди них есть уникалы, которые не нашли лучшего применения своему таланту. Наивно полагать, что изобличать таких людей, как, впрочем, и рядового преступника, можно только с помощью набора стандартных приемов и средств. При всей специфике ОРД, закрытости, трудности контроля и т.д., закон должен регламентировать не перечень способов и средств получения доказательств, а условия и пределы, допускающие их проверку и непротиворечивость конституционным принципам»* [4, с. 52–53].

Однако необходимость соблюдения конспирации ограничивает использование результатов ОРД в уголовном процессе. Поэтому они не могут быть использованы в процессе доказывания по уголовному делу, если невозможно представить органу уголовного преследования или суду источник той или иной информации, доказать ее истинность, объективность и достоверность и перепроверить ее содержание в процессе проведения процессуальных действий, а также в процессе производства соответствующих экспертиз. При невозможности указать источник получения информации результаты ОРД могут быть использованы только для выдвижения версий, выбора тактических приемов производства процессуальных действий и т.п.

Конституционный Суд Российской Федерации по поводу использования результатов ОРД в уголовном процессе в определении от 24 ноября 2004 г. № 448-О, принятом

по результатам рассмотрения жалобы гр-на К. на неконституционность отдельных положений Закона об ОРД записал, что *«результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно: на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона»* [5].

Признавая процессуальные действия единственным способом получения и использования доказательств в уголовном процессе, в то же время следует избегать и другой крайности – отказа от любой информации, добытой при помощи не предусмотренных УПК форм доказывания, но которая может содержать фактические данные либо о наличии общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, либо о виновности лица, совершившего это деяние, либо иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела. Для введения такой информации в уголовный процесс в качестве доказательства необходимо, чтобы эта информация поступила в орган уголовного преследования или суд, которые должны будут в порядке, установленном УПК, проверить и оценить ее достоверность и объективность. При этом органу, ведущему уголовный процесс, *«не должно быть дела до того, как выявлен очевидец преступления и почему следственно-оперативная группа произвела обыск именно по этому адресу, где находится оружие и скрывается подозреваемый, как этот адрес «вычислен». Главное, что очевидец допрошен следователем, предстал перед судом и дает показания, а обыск принес следственные результаты, которые закреплены с соблюдением требований УПК ... и приобрели значение доказательств»* [6, с. 255].

В научно-практическом сборнике «Практика уголовного сыска» приведен следующий пример успешного использования ОРД, как для выявления факта взяточничества, так и для доказывания вины взяткополучателя.

В правоохранительные органы обратился гражданин П. с заявлением, что за содействие в получении квартиры один из чиновников требует взятку. Часть суммы по его требованию была уже передана. Но затем Н. передумал давать взятку и потребовал вернуть деньги. Не получив их обратно, Н. понял, что может вообще ничего не получить и поэтому решил сообщить о случившемся в милицию. Для того чтобы убедиться в достоверности сделанного заявления, Н. было предложено в присутствии трех сотрудников отдела по борьбе с экономическими преступлениями позвонить вымогателю взятки и потребовать возврата своих денег. С письменного согласия заявителя разговор

был записан на магнитную пленку. Кроме того, был составлен соответствующий протокол, в котором излагались все обстоятельства звукозаписи и полностью приводился текст состоявшегося телефонного разговора. Протокол подписали оперативные сотрудники и взяткодатель. На следующий день разговор с вымогателем взятки Н. записал на диктофон. В разговоре взяткодатель требовал вернуть ему деньги, а взяточник уговаривал зайти за ними позже. По поводу проведения данной звукозаписи также был составлен протокол. После возбуждения уголовного дела протоколы и фонограммы записей разговора Н. с взяточником оперативные работники направили следователю, который после допроса как оперативных работников, так и заявителя об обстоятельствах получения фонограмм разговоров признал их вещественными доказательствами по делу. В ходе расследования данные фонограммы предъявлялись при допросе обвиняемому и всесторонне исследовались в ходе фоноскопической экспертизы. Суд признал фонограммы вещественными доказательствами по делу и в ходе судебного заседания они были полностью воспроизведены. В приговоре суд сослался на полученные оперативными работниками материалы звукозаписи, указав при этом, что факты, изложенные в заявлении взяткодателя, нашли подтверждение в материалах доследственной проверки, которая проводилась в целях установления достоверности поступивших сведений, то есть в соответствии с требованием УПК [7, с. 214].

Изложенное свидетельствует о том, что результаты ОРД не могут быть непосредственно использованы в качестве доказательств, так как законодательно предусмотренные форма и порядок их получения отличаются от уголовно-процессуальных доказательств. Форма, в которой они фиксируются в делах оперативного учета, в частности, в виде справок, рапортов, актов, также не позволяет использовать их в процессе доказывания по уголовным делам, так как она противоречит процессуальной форме фиксации доказательств, предусмотренной УПК. Поэтому результаты ОРД, как об этом записано в ст. 101 УПК, могут быть признаны в качестве источников доказательств лишь при условии, если они *«представлены, проверены и оценены в порядке, установленном»* УПК. То есть до введения их в уголовный процесс в установленном законом порядке они могут быть признаны не более чем в качестве основы, на которой в уголовно-процессуальном порядке могут быть сформированы доказательства при расследовании уголовного дела. Вне проведения субъектом доказывания соответствующей процессуальной процедуры, направленной на вовлечение носителя оперативной информации в процесс уголовного судопроизводства, уголовно-процессуального доказательства в полном смысле этого слова не существует, а есть только носитель доказательственной информации. В связи с этим для вовлечения

в уголовный процесс фактических данных, полученных непроцессуальным путем, необходимо дополнительно провести следственные действия, которые позволят субъектам процессуальной деятельности облечь их в определенную уголовно-процессуальным законом форму и через нее воспринять факты и обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Конституционный Суд Российской Федерации по такому поводу в определении от 4 февраля 1999 г. № 18-О по результатам рассмотрения жалобы гр-н Н. и С. на неконституционность отдельных положений Закона об ОРД записал, что *«результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно: на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона»* [8].

При этом фактические данные, полученные в результате осуществления ОРД, необходимо отличать от уголовно-процессуальных доказательств, полученных с нарушением закона под видом проведения ОРМ. В статье А.В. Чуркина «Вопросы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании» приведен следующий пример нарушения оперативными работниками уголовно-процессуального закона при получении фактических данных под видом проведения ОРМ «опрос граждан».

По уголовному делу о разбойных нападениях на водителей и их убийстве было установлено, что А. и М. создали вооруженную преступную группу и по заранее разработанному плану с распределением ролей стали нападать на водителей, которых после завладения их имуществом и автомобилями убивали. «По горячим следам» последнего преступления А. и М. были ночью задержаны с поличным. Сразу же после задержания с ними по обстоятельствам преступной деятельности беседовали сотрудники уголовного розыска. В ходе этих бесед А. и М. признались в совершенных нападениях и подробно рассказали об обстоятельствах убийств. Поскольку задержание было произведено в ночное время, уголовное дело в производстве этих сотрудников не находилось, то они не стали беседы с А. и М. оформлять процессуально. Не отобрали от них даже объяснений, а по результатам опроса ограничились всего лишь составлением рапортов, которые поместили в УРД. Однако днем во время допроса следователем А. и М. показаний о причастности к совершенным преступлениям не дали и в дальнейшем категорически отрицали свою причастность к нападениям на водителей. Для подтверждения их вины следователь допросил в качестве свидетелей оперативных работников, беседовавших с А. и М. сразу же после их задержания, которые показали, что А. и М. в ходе описанной выше беседы после их задержания

действительно признались им в совершении ряда нападения на водителей, в том числе и их убийствах, и рассказали об обстоятельствах их совершения. Аналогичные показания оперативные работники дали и в судебном заседании. Суд признал их допросы допустимыми доказательствами и вынес в отношении А. и М. обвинительный приговор. Однако защитники обжаловали приговор суда, оспаривая законность и обоснованность осуждения А. и М. В кассационных жалобах они указали, что приговор суда предопределен рядом грубых нарушений закона, допущенных по делу и оказавших негативное воздействие на объективность принятого решения. По их мнению, в судебном заседании исследованы недопустимые доказательства – показания в качестве свидетелей сотрудников уголовного розыска, которые после задержания А. и М. проводили с ними фактически не беседы, а допросы, результаты которых не могут использоваться в качестве доказательств по причине их проведения не уполномоченными на то лицами. Суд второй инстанции согласился с доводами защитников, приговор в отношении А. и М. отменил и в определении записал, что так называемые беседы оперативных работников с А. и М. после из задержания являлись не чем иным, как незаконными допросами, которые производились, во-первых, не уполномоченными на то лицами, во вторых, в отсутствие защитников, в-третьих, без разъяснения задержанным права на юридическую помощь для осуществления защиты, в том числе права пользоваться в любой момент помощью адвокатов и не давать показаний и объяснений против самого себя. Поэтому представленные стороной обвинения доказательства судом второй инстанции были признаны недопустимыми доказательствами, не имеющими юридической силы, так как получены они были с нарушением закона, и по этой причине они не могут быть использованы в суде в качестве обвинительных доказательств [9].

Таким образом, безответственное отношение сотрудников уголовного розыска к исполнению служебных обязанностей осложнило процесс доказывания вины обвиняемых по указанному уголовному делу.

В качестве примера надлежащего подхода к использованию результатов ОРД в уголовном деле можно сослаться на пример, приведенный в этой же статье А.В. Чуркина «Вопросы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании».

Некий С. обратился в правоохранительные органы с письменным заявлением в отношении своего знакомого М. В заявлении он сообщал о том, что М. занимается сбытом наркотических веществ и С. желает его изобличить. В рамках ОРД до момента встречи с М. были составлены следующие документы: опрос С., оформленный протоколом опроса; протокол личного обыска С. (на предмет отсутствия при нем запрещенных предметов и веществ перед встречей с проверяемым М.); акт о вручении С. меченых денежных средств с целью закупки у проверяемого М. наркотических средств. Изложенное было оформлено постановлением о проведении проверочной закупки. По-

сле этого С. пошел на встречу с М. с целью приобретения у последнего наркотических средств. При встрече М. передал С. наркотические вещества, а последний взамен отдал ему меченые деньги. После этого М. был задержан, доставлен в правоохранительные органы, где был составлен акт о проведении проверочной закупки и в отношении М. возбуждено уголовное дело. К М. была применена мера пресечения в виде заключения под стражу. С. во время допроса по делу и в процессе проведенной с М. очной ставки в полном объеме подтвердил изложенные выше обстоятельства. Однако через месяц после случившегося С. под влиянием родственников М. написал заявление о том, что вышеизложенные действия он совершил под влиянием оперативных работников, которые его спровоцировали совершить эти действия в отношении М., чтобы иметь благополучные статистические показатели в работе. На самом же деле при встрече с М. он возвращал М. свой личный денежный долг, а полученные им от М. в рамках проверочной закупки наркотические средства принадлежат на самом деле ему, которые он, в связи с проведением комплексной проверки в общежитии, где он проживал, так как являлся студентом, передал на хранение (до окончания проверки в общежитии) своему другу студенту Л., который без ведома самого С. данный пакет с наркотическими веществами передал на временное хранение М. Заявление же в отношении М. о сбыте наркотиков в правоохранительные органы им было написано с целью уклониться от возврата денежного долга. Изложенное в заявлении С. подтвердил в своих новых, измененных показаниях, которые он дал по делу. Допрошенный в качестве свидетеля Л. дал аналогичные показания. Обвиняемый М., который с самого начала производства по уголовному делу категорически отрицал сбыт им наркотиков С., начал давать такие же показания, что якобы он возвратил С. его же собственный наркотик, который ему накануне передал их общий знакомый студент Л., а при проведении в отношении его, М., проверочной закупки С. передал ему в обмен на наркотики личный денежный долг.

При таких обстоятельствах перед следственными органами и надзирающим прокурором встал вопрос о законности возбуждения уголовного дела в отношении М. и привлечения его к уголовной ответственности. Сам обвиняемый М. и его адвокаты в своих многочисленных жалобах на имя различных должностных лиц правоохранительных органов настаивали на немедленном освобождении М. из-под стражи и прекращении в отношении него уголовного преследования. С. также писал от своего имени

жалобы в эти же правоохранительные органы, в которых сообщал, что под стражей находится ни в чем не виновный М. и к уголовной ответственности по изложенным выше обстоятельствам следует привлекать его самого.

Одно уголовное дело в отношении М., несмотря на изложенные выше обстоятельства, было направлено в суд для рассмотрения. Вину М. в сбыте С. наркотического вещества обвинение обосновывало следующими доказательствами: первичным заявлением С. о занятии М. сбытом наркотиков, которое С. написал собственноручно до проведения проверочной закупки и возбуждения уголовного дела; первичными объяснениями С., отобранными в рамках ОРД, изложенными в протоколе его опроса; актом о проведении С. проверочной закупки наркотиков у М.; первичными показаниями свидетеля С. и подозреваемого М., в которых они не говорили как о наличии между ними денежного долга, так и о факте возврата С. данного долга М. под контролем оперативных работников в рамках ОРД, а также о возврате при этом М. заявителю его же собственных наркотиков, которые якобы передал М. их общий знакомый Л. на время проверки общежития; показаниями оперативных работников и двух представителей общественности (незаинтересованных лиц), принимавших участие в проведении этой проверочной закупки наркотиков, которые они дали в процессе их допросов по делу в качестве свидетелей; их показания, которые они подтвердили в ходе очных ставок с обвиняемым М. и свидетелем С. после изменения последними своих показаний по делу; заключением судебно-химической экспертизы наркотического вещества.

Суд, рассматривая уголовное дело, согласился с представленными стороной обвинения доказательствами и М. был осужден за незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере. При этом суд в приговоре дал оценку новым, измененным показаниям С., свидетеля Л. и обвиняемого М., отвергнув их, поскольку они не соответствовали другим доказательствам, собранным в процессе расследования уголовного дела [9].

Таким образом, надлежащее введение результатов ОРД в уголовный процесс и проверяемость полученных при проведении ОРМ фактических данных на их относимость и допустимость позволила в описанном выше примере признать их доказательствами по указанному уголовному делу и осудить по нему обвиняемого М. за совершенное им преступление – сбыт наркотиков.

Список использованных источников

1. *Миролюбов, С.Л.* Генезис правовой основы использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам: актуальные проблемы / С.Л. Миролюбов // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. 2009. – № 1 (10). – С. 116–119.
2. *Права человека: международно-правовые документы и практика их применения: в 4 т. / сост. Е.В. Кузнецова.* – Минск: Амалфея, 2009. – 4 т.
3. *Зникин, В.К.* Результаты ОРД в уголовном процессе / В.К. Зникин // Консультант Плюс: Россия. Технология 4000.00.41. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2010.

4. Громов, Н.А. Об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / Н.А. Громов, С.А. Полунин, С.А. Курушин // Консультант Плюс: Россия. Технология 4000.00.41. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2010.
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 нояб. 2004 г. № 448-О по жалобе гр-на Каланчева В.А. о неконституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Консультант Плюс: Россия. Технология 4000.00.41. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2010.
6. Настольная книга следователя и дознавателя / Т.А. Безлепкин. – М.: Проспект, 2009. – 288 с.
7. Практика уголовного сыска: науч.-практ. сб. // сост. А. Ваксян. – М.: Лига Разум, 1999. – 244 с.
8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февр. 1999 г. № 18-О по жалобе гр-н Никольской М.Б. и Сапронова М.И. о неконституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Консультант Плюс: Россия. Технология 4000.00.41. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2010.
9. Чуркин, А.В. Вопросы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании / А.В. Чуркин // Консультант Плюс: Россия. Технология 4000.00.41. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2010.

Дата поступления: 04.08.2011

Annotation

In the article, on the basis of study of practice of investigation of criminal cases, of the domestic and foreign special and scientific literature in the field of operative-investigatory activity, an attempt to analyse a legal status of results of this activity in criminal trial was made, considering, that the bodies, carrying out operative-investigatory activity, operate in other legal regime in comparison with prejudicial inquiry and inquisition. For this reason the requirement of relevance, admissibility and reliability, formulated in the procedural criminal law, to the actual data extracted in the process of operative-investigatory activity are not absolutely applicable, as they are received not in a criminally-procedural order. In connection with this the results of operative-investigatory activity should undergo check and estimation procedure in criminal trial so that they could be used as evidences on criminal case.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ**ВИДЫ И ЗНАЧЕНИЕ КЛАССИФИКАЦИЙ ОСНОВАНИЙ
К ПРЕКРАЩЕНИЮ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ.
КРИТЕРИИ ОТНЕСЕНИЯ ОСНОВАНИЙ К РЕАБИЛИТИРУЮЩИМ**

Горозая И.А.
адъюнкт
научно-педагогического факультета
Академии МВД
Республики Беларусь

Аннотация

В статье проведен анализ наиболее значимых в теории уголовного процесса классификаций оснований к прекращению предварительного расследования, уголовного преследования, производства по уголовному делу. Исследована систематизация оснований, наличие которых влечет прекращение уголовного преследования в зависимости от правовых последствий для лица, в отношении которого оно осуществлялось. На основе анализа термина «реабилитация» обозначены критерии отнесения оснований прекращения уголовного преследования к реабилитирующим и изложено авторское видение их перечня.

В теории уголовного процесса основания к прекращению уголовного преследования, предварительного расследования, производства по уголовному делу упорядочены различными классификациями в зависимости от выбранных критериев с целью более глубокого осмысления их правовой природы, выявления процессуальной сущности для принятия законных и обоснованных решений [1, с. 42]. Поскольку к предмету исследования относятся именно основания прекращения уголовного преследования, то стоит сделать оговорку о том, что в течение длительного времени на законодательном уровне конструкция *прекращение уголовного преследования* отсутствовала, в связи с чем основания к его прекращению разрабатывались в рамках учения о прекращении производства по уголовному делу. На сходство юридической природы и частичное правовое единство оснований к прекращению уголовного преследования, предварительного расследования, производства по уголовному делу указывает уголовно-процессуальное законодательство, в соответствии с которым их перечень установлен в единой статье 250 УПК Республики Беларусь (далее – УПК). Также в пользу уголовно-процессуального единства рассматриваемых групп оснований говорит и тот факт, что прекращение уголовного преследования в отношении всех подозреваемых влечет за собой одновременно прекращение предварительного расследования по уголовному делу, за исключением случаев прекращения на основании ч. 2 ст. 250 УПК. В связи с приведенными доводами считаем, что разработанные в теории уголовного процесса классификации могут быть рассмотрены нами применительно к основаниям прекращения уголовного преследования.

Анализ различных научных подходов к классификации оснований прекращения уголовного преследования позволяет нам выделить наиболее значимые из них, которые в разных интерпретациях рассматриваются учеными-процессуалистами в зависимости от признаков, положенных в их основу.

И.Я. Фойницкий, М.А. Чельцов, Я.О. Мотовиловкер выделяют юридические и фактические основания по сфере событий (право и факт), подлежащих оценке. К юридическим относят те, которые устраняют преступность деяния и его наказуемость. Фактические основания констатируют недостаточность, неубедительность доводов по существу дела, предъявленных обвинением [2, с. 55–56; 3, с. 327; 4, с. 88]. Данная классификация подвергается критике в связи с ее условностью,

поскольку по своей сути обе группы оснований являются юридическими и в равной степени подлежат доказыванию [5, с. 67; 6, с. 28–29].

Согласно классификации, приведенной М.С. Строговичем, выделяются три группы оснований: 1) обстоятельства, исключающие производство по делу; 2) обстоятельства, дающие право прекратить уголовное дело; 3) недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления [7, с. 168]. Данная классификация, на наш взгляд, легла в основу систематизации оснований прекращения уголовного преследования, предварительного расследования, производства по уголовному делу по ныне действующему уголовно-процессуальному законодательству. Так, два первых указанных пункта по смысловому содержанию соответствуют основаниям к прекращению, содержащимся в ст.ст. 29 и 30 УПК соответственно, а основание, указанное в третьем пункте, сформулировано законодателем в ч. 2 ст. 250 УПК. В связи с чем можно утверждать, что данная классификация актуальна применительно к действующему УПК. Однако она не может быть использована для систематизации оснований прекращения уголовного преследования в связи с тем, что основания прекращения производства по уголовному делу с освобождением лица от уголовной ответственности, изложенные в ст. 30 УПК, не являются основаниями прекращения уголовного преследования, а являются основаниями прекращения обвинения.

Заслуживает внимания классификация оснований, «исходя из тех непосредственных причин, которые обуславливают необходимость прекращения начатого производства» [8, с. 4–6], предложенная А.Я. Дубинским. К первой группе он относит основания, констатирующие, что преступление не было совершено вообще или данным лицом. Вторая группа охватывает основания, влекущие прекращение производства по уголовному делу в силу наличия условий для освобождения лица от уголовной ответственности и наказания. В третью группу, согласно данной классификации, входят основания, которые определяют невозможность повторного расследования фактов, касающихся деяний лиц, о которых компетентные органы приняли решения, не отмененные в установленном законом порядке [8, с. 4–6]. Согласившись с тем, что данная классификация способствует познанию внутренней сущности оснований, полагаем, что все же недостаточна ее практическая значимость. По мнению Г.П. Химичевой, О.В. Мичуриной, О.В. Химичевой, данная классификация не вполне совершенна по причине того, что не раскрывает правовых последствий акта прекращения производства по уголовному делу [9, с. 24]. Сходной

по составляющим классификационных групп считаем систематизацию оснований по механизму их применения, предложенную Д.М. Сафроновым, который имеющиеся группы дополняет обстоятельствами, применяемыми в отношении лиц, обладающих иммунитетом от уголовной ответственности [10, с. 138–139, 195].

Среди процессуалистов можно выделить сторонников классификации оснований по критерию их юридической природы на: *уголовно-процессуальные* и *уголовно-правовые (материально-правовые)* [11, с. 10–11; 12, с. 35, 304–305; 13, с. 64; 14, с. 31–34; 15, с. 289–290; 16, с. 110–111]. В качестве процессуальных оснований рассматриваются те, при наличии которых не может быть начата или продолжаться уголовно-процессуальная деятельность, несмотря на наличие всех обстоятельств, свидетельствующих о совершении преступления и допускающих применение наказания. К материально-правовым основаниям, согласно данной классификации, относятся те, которые исключают преступность и наказуемость деяния и определяются нормами уголовного права. Подобная систематизация, по мнению Н.В. Жогина и Ф.Н. Фаткуллина, помогает отразить основные особенности различных групп обстоятельств и понять их существо [12, с. 35, 304–305]. Тем не менее, в процессуальной литературе она оценивается критически. Так, Е.Г. Васильева ставит вопрос об обоснованности существования *не уголовно-правовых* оснований прекращения уголовного преследования, поскольку последнее изначально зависимо от уголовной ответственности, а не наоборот [17, с. 87]. О.В. Волинская, на наш взгляд, справедливо обращает внимание на доктринальный характер рассматриваемой классификации. По ее мнению, она практически не оказывает реального воздействия на правоприменение. Кроме того, нередко одни и те же основания получают свою регламентацию как в материальном, так и в процессуальном праве, что затрудняет их дифференциацию [18, с. 90]. Высказывается и более радикальная точка зрения по поводу выделения обозначенных классификационных групп. Так, А.Г. Калугин утверждает, что деление оснований на материально-правовые и процессуальные принципиально неправильно, так как порождает среди практических работников неверное суждение о возможности прекращения производства по делу по нормам материального права. Между тем, эти нормы лишь материально-правовые предпосылки процессуальных норм [19, с. 18].

Наиболее широкое распространение получила классификация оснований прекращения предварительного расследования, уголовно-

го преследования, производства по уголовному делу на реабилитирующие и нереабилитирующие. Данная классификация имеет как теоретическую значимость правоприменения на предварительном расследовании и судом, так и практическую, поскольку критерием такого деления являются наступающие правовые последствия для лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные правоотношения [20, с. 89].

Полагаем, что положение, содержащееся в ст. 59 Конституции Республики Беларусь, о том, что государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности [21], придает смысловое содержание деятельности органа уголовного преследования, что позволяет определить критерий классификации основания прекращения уголовного преследования по юридическим последствиям для лица, в отношении которого оно осуществлялось, наиболее актуальным в свете конституционных положений. Несмотря на практическую значимость обозначенной классификации, теоретическая разработанность реабилитирующих и нереабилитирующих оснований в отечественной науке находится на недостаточном уровне, что обусловлено отсутствием в уголовно-процессуальном законодательстве разъяснения термина *реабилитация*. По нашему мнению, систематизация оснований, в основе которой лежат правовые последствия принимаемого решения о прекращении уголовного преследования, влияет на конструирование в законе процедуры прекращения. Последняя усложняется, снабжается дополнительными гарантиями (право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс, закрепленное в главе 48 УПК), в зависимости от того, к какой группе реабилитирующих или нереабилитирующих обстоятельств относится то, наличие которого предполагает прекращение уголовного преследования.

Следует отметить, что в научной литературе варианты отнесения оснований к той или иной классификационной группе различны. Большинство процессуалистов к реабилитирующим основаниям относят основания, связанные с отсутствием события, состава преступления или невиновности лица, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование. К нереабилитирующим – связанные с установлением возможности освобождения от уголовной ответственности, когда для этого есть условия, предусмотренные законом [17, с. 85–87; 20, с. 128; 22, с. 30; 23, с. 290; 24, с. 32; 25,

с. 246–247; 26, с. 70–72]. Однако существует мнение, согласно которому следует выделять еще одну группу оснований – нейтральные. Так, В.М. Савицкий, А.М. Ларин нейтральными основаниями считают те, которые не связаны с выводом о виновности или невиновности в совершении преступления определенного лица, относя к ним «истечение срока давности; издание акта амнистии, принятого до возбуждения уголовного преследования против конкретного лица, примирение потерпевшего с обвиняемым или отсутствие жалобы потерпевшего по делу частного обвинения; наличие в отношении данного лица вступившего в законную силу приговора либо определения или постановления суда, либо неотмененного постановления органа дознания, следователя прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению...» [27, с. 132]. Н.В. Васильев к нейтральным относит основания, связанные с наличием в отношении подозреваемого или обвиняемого лица преюдициальных фактов, отмечая, что они влекут прекращение производства по уголовному делу по формальным признакам без вывода о виновности или невиновности лица, при этом «констатируется лишь факт того, что данный вопрос уже находил разрешение в уголовном судопроизводстве, что препятствует его новому рассмотрению» [28, с. 13]. А.П. Рыжаков полагает, что данные основания могут быть как *реабилитирующими*, так и *нереабилитирующими*, поскольку при прекращении производства по уголовному делу в связи с наличием вступившего в законную силу приговора, определения или постановления о прекращении производства по уголовному делу главенствующим является первоначальное решение, например, оправдательный или обвинительный приговор [29, с. 443–445]. В классификации, разработанной А.А. Петуховским, 4 группы оснований: 1) реабилитирующие; 2) нереабилитирующие; 3) констатирующие невозможность повторного расследования деяний лиц, о которых компетентные государственные органы приняли решения, не отмененные в установленном законом порядке; 4) иные основания, исключающие при наличии определенных условий уголовную ответственность отдельных категорий лиц, не предусмотренные уголовно-процессуальным законом [30, с. 5–6].

Следует полагать, что тезис, по поводу которого ведутся научные дискуссии в сфере рассматриваемых классификационных групп, состоит в определении признаков, при наличии которых то или иное основание прекращения уголовного преследования следует считать реабилитирующим. В связи с чем, считаем необходимым обратиться к понятию *реабилитация*, являющемуся словообразующим для термина

реабилитирующий. Поскольку углубленное изучение реабилитации не входит в предмет нашего исследования, поэтому рассмотрим лишь моменты, необходимые для правильного понимания сущности данного понятия. Несмотря на многовековое использование данного термина, уголовно-процессуальный институт реабилитации в отечественной науке еще не получил достаточно глубокой проработки, в связи с чем отсутствует его единообразное понимание. Анализ различных подходов к определению реабилитации позволяет выделить основные из них. Распространенной считается точка зрения, согласно которой реабилитация отождествляется с вынесением процессуальных актов о прекращении уголовного преследования, предварительного расследования, производства по уголовному делу, констатирующих невиновность лица [31, с. 111; 32, с. 8–9; 33, с. 15], применительно к ныне действующей редакции УПК в связи с отсутствием общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, с отсутствием в деянии состава преступления, с недоказанностью участия подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Согласно второму подходу, в понятие реабилитации включается указание на восстановление для незаконно привлеченного к уголовной ответственности всех прав, возмещение всех видов причиненного вреда [34, с. 48; 35, с. 111; 36, с. 121]. Данная точка зрения поддержана российским законодателем, который в п. 34 ст. 5 УПК РФ формулирует понятие *реабилитации* как «порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда» [37]. Оба изложенных подхода критикуются сторонниками третьей точки зрения, которые предлагают рассматривать реабилитацию как составное понятие, с одной стороны, включающее в себя наличие правовой основы, то есть постановление решения о невиновности лица, которое будет являться основанием для полного восстановления в нарушенных правах лица, а с другой стороны – сам процесс восстановления нарушенных и утраченных прав и свобод человека [24, с. 31–32; 26, с. 16; 38, с. 33; 39, с. 81]. Представляется, что именно такой подход к понятию реабилитации следует считать верным, поскольку «процесс возмещения вреда нельзя рассматривать отдельно, в отрыве от его юридических предпосылок и условий возникновения. В таком случае теряется его связь с уголовным судопроизводством, в сфере которого этот вред причиняется и в рамках которого возникают компенсационные отношения» [40, с. 44].

Таким образом, применительно к прекращению уголовного преследования сущность реабилитации заключается не только в восста-

новительной процедуре и ликвидации всех последствий незаконного или необоснованного уголовного преследования, но и в признании отсутствия оснований для привлечения лица к уголовной ответственности, констатации его невиновности. Рассматривая *невиновность* в свете положений УПК, нельзя не отметить тот факт, что решение о невиновности согласно п. 2 ст. 363 УПК принимает суд при постановлении оправдательного приговора в случаях: 1) если отсутствует общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом; 2) если в деянии обвиняемого отсутствует состав преступления; 3) если не доказано участие обвиняемого в совершении преступления (ч. 1 ст. 357 УПК). Оговорок о признании лица *невиновным* при прекращении уголовного преследования при наличии обстоятельств, предусмотренных п.п. 1, 2 ч. 1 ст. 29 УПК, и при наличии основания, предусмотренного ч. 2 ст. 250 УПК, в досудебном производстве, УПК не содержит. Однако данный тезис, по нашему мнению, вытекает из конституционного принципа презумпции невиновности. В чем мы солидарны с О.В. Рожко, полагающим, что признание невиновности в постановлении о прекращении уголовного преследования в рассматриваемых случаях будет являться средством его реализации. Если же уголовное преследование осуществлялось в порядке производства по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения, то следует говорить не о невиновности лица, а о непричастности к совершению общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом [40, с. 49].

Анализ научных подходов к понятию *реабилитации* позволяет сделать вывод о том, что ее обязательными компонентами являются констатация невиновности лица в совершении преступления либо непричастности к совершению общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и возмещение причиненного в результате уголовного преследования вреда. В этой связи, отнесение основания прекращения уголовного преследования к реабилитирующему должно быть основано не только на оценке юридических последствий принимаемого решения, но и мотивов вынесения такого решения. Констатация невиновности либо непричастности лица к совершению общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, возможна не во всех случаях прекращения уголовного преследования, а только в тех, когда «оно имело место в отсутствие необходимой предпосылки его осуществления – возникновения уголовной ответственности. Там же, где уголовная ответственность возникла, но обнаружили препятствия для ее реализации, прекра-

шение уголовного преследования не может служить основанием для реабилитации» [17, с. 87]. Именно в случае невиновности либо непричастности лица в совершении общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, отсутствует юридический факт, основание возникновения уголовно-правового отношения, а следовательно, отсутствует и право государства на принудительное изменение его правового положения, и право на уголовное преследование в объективном понимании [41, с. 203]. Только при сочетании двух признаков – вывода о невиновности лица либо признания события, наличие и преступный характер которого предполагался непроступным или несуществующим, и возникновения права на реабилитацию – можно говорить о реабилитирующем характере основания прекращения уголовного преследования [5, с. 77; 20, с. 95]. Основаниями прекращения уголовного преследования, дающими прямой ответ о наличии либо отсутствии преступления, а также невиновности либо непричастности лица к совершению общественно опасного деяния,

предусмотренного уголовным законом, является наличие обстоятельств, предусмотренных п.п. 1, 2 ч. 1 ст. 29 УПК, и основание, закрепленное в ч. 2 ст. 250 УПК. Следует отметить, что именно в связи с данными основаниями законодатель связывает положение, содержащееся в ч. 2 ст. 357 УПК, о полной реабилитации лица, признанного невиновным в связи с постановлением оправдательного приговора. Все остальные основания прекращения уголовного преследования не исключают совершение лицом общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и их следует считать нереабилитирующими.

Таким образом, основаниями прекращения уголовного преследования, влекущими реабилитацию лица, являются:

- отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК);
- отсутствие в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК);
- недоказанность его участия в совершении преступления (ч. 2 ст. 250 УПК).

Список использованных источников

1. Белоусова, Е.А. Прекращение уголовного преследования в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е.А. Белоусова. – СПб., 2004. – 177 л.
2. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / И.Я. Фойницкий. – СПб.: Альфа, 1996. – Т. 2. – 606 с.
3. Чельцов, М.А. Советский уголовный процесс: учебник / М.А. Чельцов. – 4-е изд., испр. и перераб. – М.: Госюриздат, 1962. – 503 с.
4. Мотовиловкер, Я.О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты: вопросы факта и права / Я.О. Мотовиловкер; под ред. Ю.М. Грошевого. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1984. – 152 с.
5. Сухарева, Н.Д. Прекращение уголовного преследования на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.Д. Сухарева. – Иркутск, 2002. – 175 л.
6. Попов, И.А. Законность и обоснованность прекращения уголовных дел в стадии предварительного расследования. (Уголовно-процессуальные и организационные аспекты): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И.А. Попов. – М., 1992. – 249 л.
7. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1970. – Т. 2: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. – 516 с.
8. Дубинский, А.Я. Основания к прекращению уголовного дела в стадии предварительного расследования: учеб. пособие / А.Я. Дубинский. – Киев: НИИРИО КВШ МВД СССР, 1973. – 124 с.
9. Химичева, Г.П. Окончание предварительного расследования прекращением уголовного дела: моногр. / Г.П. Химичева, О.В. Мичурина, О.В. Химичева. – Рязань: Узорочье, 2001. – 210 с.
10. Сафронов, Д.М. Обстоятельства, исключающие уголовное преследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Д.М. Сафронов. – Омск, 2003. – 226 л.
11. Давыдов, П.М. Прекращение уголовных дел в советском уголовном процессе / П.М. Давыдов, Д.Я. Мирский. – М.: Госюриздат, 1963. – 100 с.
12. Жогин, Н.В. Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. – М.: Юрид. лит., 1965. – 367 с.
13. Михайленко, А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / А.Р. Михайленко; под ред. А.Л. Цыпкина. – Саратов: Саратов. юрид. ун-т, 1975. – 150 с.
14. Бордиловский, Э.И. Приостановление, возобновление, прекращение уголовного дела и окончание предварительного следствия с обвинительным заключением / Э.И. Бордиловский, О.А. Галустьян. – М.: Щит-М, 2004. – 106 с.
15. Уголовный процесс: учебник для вузов / Лупинская П.А. [и др.]; под общ. ред. П.А. Лупинской. – М.: Юрист, 1995. – 544 с.
16. Кукреш, Л.И. Уголовный процесс. Особенная часть: учеб. пособие / Л.И. Кукреш. – Минск: Тесей, 2000. – 272 с.
17. Васильева, Е.Г. Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу: моногр. / Е.Г. Васильева. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 305 с.

18. *Волынская, О.В.* Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / О.В. Волынская. – М., 2008. – 462 л.
19. *Калугин, А.Г.* Прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Г. Калугин; Акад. упр. МВД России. – М., 1999. – 39 с.
20. *Грашичева, О.Н.* Прекращение уголовного преследования на предварительном следствии с реабилитацией лиц: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.Н. Грашичева. – М., 2009. – 198 л.
21. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.
22. *Казанджан, М.А.* Прекращение уголовного дела следователями органов внутренних дел: лекция / М.А. Казанджан. – Ташкент: ТВШ МВД СССР, 1987. – 36 с.
23. *Филимонов, С.А.* Понятие прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям / С.А. Филимонов // Актуальные проблемы юридической науки: материалы всерос. науч.-практ. конф., Краснодар, 23-24 окт. 2006 г. / КубГАУ; редкол.: В.Д. Зеленский (отв. ред.) [и др.]. – Краснодар, 2006. – С. 287–291.
24. *Пастухов, М.И.* Реабилитация невиновных: основы правового института / М.И. Пастухов. – Минск: Университетское, 1993. – 176 с.
25. *Шостак, М.А.* Уголовный процесс: учеб. пособие / М.А. Шостак. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2004. – 284 с.
26. *Шило, Н.Я.* Проблемы реабилитации на предварительном следствии / Н.Я. Шило. – Ашхабад: Ылым, 1981. – 200 с.
27. *Савицкий, В.М.* Уголовный процесс: Словарь справочник / В.М. Савицкий, А.М. Ларин. – М.: Юрид. фирма КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 1999. – 271 с.
28. *Васильев, Н.В.* Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям на стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.В. Васильев; Юрид. ин-т МВД России. – М., 2002. – 23 с.
29. *Рыжаков, А.П.* Уголовный процесс: учебник для вузов / А.П. Рыжаков. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: НОРМА, 2003. – 688 с.
30. *Петуховский, А.А.* Окончание предварительного расследования составлением постановления о прекращении уголовного дела: лекция / А.А. Петуховский. – М.: Акад. МВД России, 1994. – 27 с.
31. *Столмаков, А.И.* Правовосстановительные санкции в уголовном судопроизводстве / А.И. Столмаков // Сов. государство и право. – 1982. – № 5. – С. 108–112.
32. *Эдилян, А.Г.* Реабилитация в советском уголовном процессе: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Г. Эдилян; Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – М., 1978. – 22 с.
33. *Таджиев, Т.Т.* Проблемы реабилитации в советском уголовном процессе: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / Т.Т. Таджиев; Ташкент. гос. ун-т. – Ташкент, 1991. – 37 с.
34. *Савицкий, В.М.* По поводу уголовно-процессуальных гарантий права невиновного на реабилитацию / В.М. Савицкий // Сов. государство и право. – 1965. – № 9. – С. 48–56.
35. *Скворцов, Н.Н.* Правовые последствия оправдания / Н.Н. Скворцов // Советское государство и право. – 1970. – № 9. – С. 109–112.
36. *Полякова, М.Ф.* Реабилитация невиновных: гарантии чести и достоинства личности / М.Ф. Полякова // Сов. государство и право. – 1976. – № 10. – С. 121–124.
37. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. Закон, 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ: в ред. федер. Закона от 21.07.2011 №253-ФЗ // Консультант Плюс: Россия. Технология 4000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2011.
38. *Татьянин, Д.В.* Реабилитация в уголовном процессе России (понятие, виды, основания, процессуальный порядок): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Д.В. Татьянанин. – Ижевск, 2005. – 264 л.
39. *Глыбина, А.Н.* Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе РФ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Н. Глыбина. – Томск, 2006. – 192 л.
40. *Рожко, О.В.* Право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс (по Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.В. Рожко. – Минск, 2009. – 157 л.
41. *Рожко, О.В.* О незаконности уголовного преследования / О.В. Рожко // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. материалов XII междунар. науч.-практ. конф., Красноярск, 19–20 февр. 2009 г. : в 3 ч. / Сиб. юрид. ин-т МВД России; редкол.: Д.Д. Невирко (отв. ред.) [и др.]. – Красноярск, 2009. – Ч. 2. – С. 200–204.

Дата поступления: 14.09.2011

Annotation

The author of the article analyzes the most important of the classification of reasons for the termination of the preliminary investigation, criminal prosecution and criminal proceedings in the theory of the Criminal Procedural Law. The systematization of reasons, which can entail the termination of criminal prosecution, depending on the legal consequences for the person against whom it was carried out, is investigated. Basing on the analysis of the term «rehabilitation», the criteria of the designation of the reasons for the termination of criminal prosecution to those rehabilitating is done and the author's vision to their list is demonstrated.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА**ДОПРОС ЭКСПЕРТА В СУДЕ
ПО УГОЛОВНЫМ, ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ И
ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ****Шалькевич И.А.**ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции
Республики Беларусь»**Аннотация**

Допрос эксперта в суде является наиболее распространенной формой участия сотрудников судебно-экспертных учреждений в судебных разбирательствах по уголовным, гражданским делам и делам об административных правонарушениях. В настоящей статье рассмотрены некоторые аспекты этой весьма сложной и важной части работы судебного эксперта.

В уголовном, гражданском, административном процессах заключение эксперта – это процессуальный документ, удостоверяющий факт и ход исследования материалов, представленных органом, ведущим уголовный процесс, и содержащий выводы по поставленным перед экспертом вопросам, ответ на которые требует специальных знаний. Заключение эксперта является одним из источников доказательств (средств доказывания) в уголовном, гражданском процессах, оно не обязательно для органов уголовного преследования и суда, однако несогласие их с заключением должно быть ими мотивировано (ст.95 УПК Республики Беларусь, ст.226 ГПК Республики Беларусь [1; 2]). Выводы по вопросам, имеющим отношение к делу, эксперт дает в объективном и обоснованном заключении (п.1 ч. 4 ст.61 УПК Республики Беларусь [1]).

По ходатайству сторон или собственной инициативе суд вправе назначить экспертизу. Экспертизу проводят эксперты, давшие заключение в ходе предварительного следствия, либо другие эксперты, назначенные судом (ч.1 ст.334 УПК Республики Беларусь [1]). В случае вызова в судебное заседание эксперта, давшего заключение в ходе досудебного производства, суд может после оглашения заключения, если оно не вызывает возражений у сторон, не назначать экспертизу и ограничиться допросом эксперта (ч.7 ст.334 УПК Республики Беларусь [1]).

После оглашения заключения эксперта, данного им в ходе досудебного производства или в судебном заседании, эксперт может быть допрошен для разъяснения или уточнения заключения (ч.1 ст.335 УПК Республики Беларусь [1]). Обязательность явки по вызову в суд эксперта предусмотрена п.5 ч.4 ст.61 УПК Республики Беларусь [1]. Схожие положения изложены в ст. 98 ГПК Республики Беларусь и п. 1 ч. 4 ст. 4.7 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [2; 3].

Один из исследователей, К.Филиппе, полагает, что «основными трудностями, с которыми эксперт сталкивается в суде, являются следующие: необходимость демонстрации уверенности, доказывание своей профессиональной квалификации, изложение выводов и разъяснений заключения в доступной для присяжных

форме, доказывание эффективности именно тех методов исследования, которые были применены данным экспертом. При этом эксперт должен избегать высказываний, которые могли быть неправильно истолкованы» [4, с. 10–11].

Невозможность ответить на поставленные перед экспертом вопросы мотивируется в экспертном заключении. Как правило, причиной является недостаточность исходных данных в материалах дела и неудовлетворение ходатайств, направленных в адрес лица (органа), назначившего экспертизу. В ходе судебного заседания эксперт более подробно рассказывает, каких именно данных ему не доставало для дачи ответов, и суд делает попытку восполнить этот информационный пробел путем допроса участников процесса обсуждения вопроса о возможности представления эксперту дополнительных (по отношению к уже представленным) материалов. В случае, если это удастся, законодательство предусматривает возможность проведения экспертизы в суде, либо дополнительной экспертизы вне суда (ч.1 ст. 239, ст. 336 УПК Республики Беларусь, ст. 228 ГПК Республики Беларусь, ч.1 ст. 10.22 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [1; 2; 3]).

Эксперт не обязан давать ответы на вопросы, которые выходят за рамки его компетенции. Если точки зрения на пределы компетенции эксперта у судьи и эксперта расходятся, эксперт отстаивает свою позицию, соответствующим образом мотивируя отказ. На практике судьи достаточно редко формируют такую ситуацию – в большей мере это присуще обвиняемым, потерпевшим, истцам и ответчикам, их защитникам.

Допрос эксперта в судебном заседании является важным процессуальным действием для оценки заключения эксперта судом (ст. 335 УПК Республики Беларусь [1]).

Успешным выступлением эксперта на суде можно считать умение эффективно отстаивать свои суждения, правильно вести диалоги (высказанная экспертом мысль должна быть понятна тем лицам, к которым она обращена).

Законом предусмотрена обязанность эксперта разъяснять вопросы, входящие в его профессиональную компетенцию, в пределах данного заключения, как суду, так и сторонам по делу. Однако эксперт стремится к коммуникативному успеху прежде всего по отношению к судье, осознавая его главенствующую роль в процессе. Вместе с тем его интересует, понимают ли его участники процесса. Допрашиваемые всегда должны стремиться к полному пониманию сказанного ими всеми участниками процесса, но в силу различных причин добиться этого не всегда удается.

А.Ю.Бутырин [5, с. 363–368] провел исследование и выделил несколько видов диалогового общения между судом и сведущим лицом, а также основные виды непонимания участниками процесса друг друга.

Виды диалогового общения между судом и сведущим лицом:

«Чуждая» коммуникативная среда. В диалоговом общении, проходящем порой при большом числе посторонних лиц (обусловлено это тем, что заседания по уголовным, гражданским делам и делам об административных правонарушениях являются обычно открытыми), эксперт, как правило, чувствует дискомфорт, что не способствует адекватному осознанию себя в конкретной ситуации и правильному выбору тональности речевого поведения. Особенно ярко это проявляется на начальной стадии деятельности эксперта в судопроизводстве. В чуждой коммуникативной среде практически никогда не удастся достичь абсолютного согласия в общении из-за социальных и психологических различий, разницы в образовании и понимании нравственных норм, различия интересов, обусловленного самой природой судебного заседания.

Нарушение паритетности общения. Для таких ситуаций характерны не солидарность и не стремление к ней всех участников заседания, а, напротив, противостояние обвинения и защиты, истца и ответчика при наличии лиц, занимающих нейтральную позицию: судьи, свидетелей. Эксперт в силу своего процессуального статуса должен занимать нейтральную позицию по отношению к сторонам, при том что в ходе слушаний эксперт преимущественно выступает в роли оппонента, вынужденного отстаивать положения данного им заключения, разъяснения которого противоречат интересам одной из сторон по делу. Все это объясняет стремление каждого из участников диалога занять доминирующее положение, что не способствует взаимопониманию, не позволяет получить достаточно полное представление о психологических чертах коммуникантов, их социальном статусе, эмоциональном состоянии, культурных навыках и объеме знаний по обсуждаемым вопросам. Эту информацию эксперт должен в полной мере использовать для обеспечения успеха в отстаивании своих позиций.

Ритуализация общения. Ритуализация проявляется в главенствующей роли судьи, определяющего во многом форму и содержание диалогов между экспертом и лицами, задающими ему вопросы, поскольку судья вправе снять вопрос, прервать диалог, если сочтет, что вопросы не касаются существа дела, выходят за пределы компетенции сведущего лица и пр. Регулятивная роль судьи в такой ситуации имеет, безу-

словно, позитивное значение для процесса, но в ряде случаев «одергивание» им коммуникантов (спрашивающего или отвечающего) мешает результативному диалогу эксперта с тем или иным участником заседания.

Основные виды непонимания участниками процесса друг друга:

Физическое непонимание – самый простой вид неудавшейся коммуникации, он связан с ненадлежащей «чистотой» канала связи: говорящий высказывает суждение, не удостоверившись в том, что слушающий психофизически готов к его восприятию. Как обвиняемый, так и потерпевший могут находиться в стрессовом либо нервном состоянии, вызванном либо тем обстоятельством, что приходится заново переживать несчастный случай (например, аварию), либо возмущением, протестом против сказанного в судебном заседании тем или иным участником процесса. В таком состоянии реакция слушающего заторможена, порой неадекватна. По делам, связанным с рассмотрением гражданских споров, иногда в качестве сторон выступают люди немолодые, чаще всего, не обладающие тонким слухом. Кроме того, они более остро, чем лица других возрастных категорий реагируют на те эмоциональные всплески, которыми обычно сопровождаются судебные разбирательства. Следовательно, эксперт при выборе тональности, темпа, артикуляции и громкости своей речи должен все это учитывать. При этом не следует забывать о том, что нападки на процессуального противника заканчиваются, как правило, осложнениями для сведущего лица. Корректность, вежливость психологически значительно выигрывают перед бестактностью.

Непонимание референции (отношение между референтом (конкретным предметом, к которому относится языковой знак в составе высказывания) и языковым знаком) происходит вследствие несоответствия информационного фона одного из участников процесса (коммуниканта) фону другого. Слушающий может не понять, например, отдельные термины и определения, если они не соответствуют структуре и содержанию его понятийного аппарата. Следовательно, речь сведущего лица должна быть доступна для восприятия неспециалистом. Это означает, что при трактовке научных положений следует использовать «бытовую» лексику (так, например, А. Эйнштейн любил повторять, что человек, возмнивший себя ученым, но не способный объяснить суть своей идеи за несколько минут пятилетнему ребенку – шарлатан). При этом следует учитывать, что только очевидные, ясные и точные аргументы обладают наибольшей убедительностью. Чтобы

добиться успеха, нужно не только иметь такие аргументы, но и уметь высказать, выразить мысли в точных словах и выражениях, соответствующих фактам и имеющейся информации (содержащейся, например, в специальной и нормативной литературе). Если без специальной терминологии обойтись невозможно, сразу же следует давать соответствующее толкование, делать паузу и продолжать только тогда, когда есть уверенность, что высказанная мысль понята всеми участниками процесса.

Следует обратить внимание на то, что сами способы использования в речи знаков и знаковых структур, например звуков, букв, слов, специальных символов, формул, грамматических предложений, не играют существенной роли для понимания сказанного. Важна, прежде всего, мысль, которую они выражают, тот смысл, который в них содержится. Потому можно сказать, что перечисленные и иные знаки (знаковые структуры) являются носителями информации, своеобразными сигналами. Таким образом, понимание речи связано с раскрытием их смысла. Чтобы сделать это, необходимо (в рассматриваемом случае – с учетом особенностей и способности к пониманию каждого участника процесса) прибегнуть к соответствующей их интерпретации, которая составляет основу понимания разнообразных знаков и знаковых структур.

Непонимание содержания – также объясняется недостаточной информированностью лица, но здесь просматривается более тесная связь с контекстом. Среди структурно-семантических характеристик непонимания этого вида следует выделить следующие:

- наличие общих или недостаточно ясных высказываний, фраз;

- неправильное смысловое построение высказывания (реплики), когда слушающий целиком либо частично не понимает его содержания, так как не видит связи смысловых элементов исходной реплики ни с контекстом в целом, ни с определенной частью его.

Смысловые компоненты речи сведущего лица должны быть логически связаны, а сама речь – быть четкой, лаконичной, однозначной и исключать возможность многозначного толкования высказывания (части его).

Учитывая то, что многие участники судебного заседания не обладают профессиональными знаниями, которыми обладает эксперт, и не воспринимают должным образом положения нормативной и специальной литературы, которые к тому же нередко написаны сложным для неподготовленного человека языком, сведущему лицу следует обращаться к личному опыту, конкретным примерам, иллюстрирующим ска-

занное. Ссылки на нормативные или научные данные не следует исключать из выступления, разумное чередование сложных (специальных) и простых (бытовых) элементов изложения всегда убедительно.

Непонимание «по вине» слушающего проявляется в невосприятии им смысла и цели высказываний, намеков, аллюзий (ссылки на общеизвестные, с точки зрения говорящего, цитаты и поговорки) и может быть объяснено его социально-психологическими особенностями, неэффективной контекстуальной памятью, несоответствием его языковой компетенции требованиям партнера и др. Во всех видах непонимания сигнальными репликами часто являются переспросы, повторы, реактивные высказывания по поводу незнакомого или малопонятного смыслового элемента в исходной реплике коммуниканта.

Заметим, что все перечисленные виды непонимания следует рассматривать применительно к ситуациям, когда коммуниканты стремятся к взаимопониманию. К сожалению, в ходе допроса эксперта достаточно часто приходится сталкиваться с негативной ситуацией, когда сторона по делу, ее представитель или защитник, чьим интересам не отвечает высказывание сведущего лица, симулируют непонимание, что может проявляться по-разному: например, лицо, комментируя сказанное экспертом, преднамеренно искажает смысл его высказывания; оппоненты пытаются развить услышанное положение и при этом умышленно допускают ошибки в логических построениях, что неизбежно ведет к неправильному толкованию суждения, высказанного сведущим лицом. Все это обязывает эксперта быть предельно внимательным при обсуждении задаваемых ему вопросов.

На практике не все ответы сведущего лица удовлетворяют спрашивающего (а если они противоречат его интересам, это происходит в подавляющем большинстве случаев), при этом оглашаются возражения и возникает дискуссия. В таких случаях содержанием речи эксперта становится опровержение возражений, которые могут быть риторическими и спекулятивными. Первые строятся на законах риторики, предполагающих фактически и логически обоснованные способы нахождения и использования нужного для опровержения возражений материала, его словесного оформления. Вторые опираются не столько на факты, сколько на умение их использовать и представлять в нужном свете, подметить словесные огрехи в высказываниях оппонента, поймать его на слове, использовать выгодный момент, чтобы добиться победы в споре. Такое деление возражений достаточно условно: в живой речи они взаимосвязаны

и представляют практически единое целое [5, с. 363–368].

По мнению А.Ю. Бутырина [5, с. 368–372], существует ряд правил, сформулированных на основе опыта и мнения различных авторов, следуя которым можно добиться успеха в споре.

По нашему мнению, применительно к допросу эксперта в судебном заседании можно выделить следующее:

1. *Правило невступления в дискуссию.* Нередки случаи, когда оппоненты эксперта допускают оскорбительные реплики или задевают его самолюбие. Как правило, такое бывает, когда они высказывают сомнения по поводу способности сведущего лица решать специальные вопросы; это могут быть также намеки на заинтересованность эксперта в исходе дела. Не следует вступать в дискуссию по всем нападкам, нужно по возможности игнорировать их, отвечать только на наиболее существенные высказывания.

В случаях, когда подобные намеки приобретают явный, однозначный, а значит оскорбительный характер, следует обратить на это внимание суда, если судья самостоятельно не пресечет подобное, а также напомнить оппоненту об ответственности за оскорбление и о реальной возможности компенсации эксперту морального вреда в порядке защиты его чести, достоинства и деловой репутации (ч. 3 ст. 696 ГК Республики Беларусь [6]). При этом необходимо заявить о необходимости занесения наиболее, с точки зрения допрашиваемого, одиозных высказываний в протокол судебного заседания. Последнее, как правило, способствует возвращению дискуссии в цивилизованное русло.

2. *Правило недопущения утраты инициативы и увода дискуссии в сторону.* Как уже отмечалось ранее, в роли оппонента эксперту выступает, как правило, участник судопроизводства, не владеющий специальными знаниями (сторона по делу, лицо, представляющее сторону по делу (его защитник) и пр.). Чувствуя силу доказательств противника, свою слабость и неспособность что-либо возразить по существу, оппонент зачастую пытается увести разговор с опасного для него пути и сменить тему, что позволило бы ему почувствовать себя более значимым и весомо возражать. Так, например, защитник может задавать вопросы по поводу профессиональной подготовки эксперта, рассуждать о том, насколько с формальной точки зрения образование, опыт практической деятельности сведущего лица позволяют судить о тех или иных аспектах рассматриваемой проблемы. В таких случаях следует указать на то, что компетентность эксперта уже определена на более ранних стадиях судопроизводства

по данному делу и возвращаться к этому вопросу бессмысленно (судья, как правило, такую позицию поддерживает). Если не быть бдительным, то можно поддаться на эту уловку, начать говорить о себе, своих знаниях – это ослабит позицию допрашиваемого либо дающего объяснения. Нельзя терять инициативу, нужно говорить именно о том, в чем оппонент слаб, давать ему почувствовать это, чтобы тот признал свою неправоту и согласился с приведенными доводами. Как правило, своего поражения оппоненты в явной форме не признают, учитывая, что это достаточно унижительно на публике. Этого и не нужно от них требовать. Достаточно дождаться прекращения высказываний контрдоводов, что и будет восприниматься молчаливым согласием со сведущим лицом.

3. *Правило последовательного рассмотрения сути разногласий* реализуется в последовательном детальном рассмотрении возражений, мнений и обосновании четких выводов по каждому смысловому фрагменту. В данном случае сведущему лицу инициативу следует брать на себя, четко представлять очередность вопросов, надлежащих выяснению, стойко выдерживать попытки навязать иной порядок дискуссии.

4. *Правило требования обоснованных возражений.* Оппонент, возражая, должен представить обоснование своего возражения. Об этом следует сказать оппоненту, и если такого обоснования у него нет, то возражение может не приниматься. Данному правилу нужно следовать в ситуации, когда оппонентами являются сведущие лица (например, когда в суде допрашиваются эксперты по заключениям с несовпавшими выводами при производстве первичной и повторной экспертиз; либо эксперт, назначенный судом, и специалист, явившийся в суд по инициативе стороны по делу).

5. *Правило контрвопросов* – вполне понятный и распространенный прием: чем четче контрвопросы, тем точнее они «бьют» по слабостям возражений оппонента, тем они действеннее. Главным оружием здесь являются специальные знания сведущего лица. Его дополнительное преимущество перед оппонентом заключается в том, что в ходе решения экспертных задач либо при подготовке консультации специалиста, прежде чем прийти к определенным выводам либо умозаключениям, он уже мысленно прошел стадию выработки версий и контрверсий, аргументов и контраргументов. Поэтому, решив использовать это правило, необходимо восстановить в памяти последовательность и содержание всей цепочки умозаключений, приведших к отстаиваемому утверждению. Это следует делать до судебного заседания, желательно накануне, «репетируя» свое выступление и дискуссию

с воображаемым оппонентом; при этом контрвопросами будут те вопросы, которые эксперт уже задавал сам себе в ходе предшествующей работы над заключением либо консультацией.

6. *Правило общего ответа.* Демонстрируется явная слабость всех возражений в совокупности или промах оппонента для того, чтобы создать впечатление его неподготовленности к дискуссии. Разумеется, для использования этого правила необходимы достаточные основания, т.е. реальные и значимые недостатки в аргументации оппонента. Если эксперт будет придираться к мелочам, он будет выглядеть неубедительно. Для того, чтобы решить вопрос о необходимости использования правила общего ответа, следует фиксировать все недостатки в содержательной части выступления оппонента (при этом не возбраняется вести соответствующие записи, делать пометки), затем проанализировать их в совокупности и, приняв положительное решение, применить этот риторический прием.

7. *Правило перефразирования, утрирования, доведения до абсурда.* Невнятные, туманные, лишённые аргументации возражения оппонента пересказываются сведущим лицом в утрированной форме. В этом случае становится очевидной слабость позиции оппонента. Иногда это может быть цепочка рассуждений, в которых все больше проявляется несерьезность и ошибочность возражений. Здесь допустимы ирония и юмор, но в ограниченном, разумеется, количестве.

8. *Правило преувеличения* используется обычно при слабости прямых доказательств. Преувеличения делаются и в негативную и в позитивную сторону при описании и истолковании установленных фактических данных, разъяснении вопросов, понимание которых требует профессиональных знаний. При этом необходимо лишь соблюдать меру, не утрачивать чувство реальности [5, с. 369–373].

Ускоренный темп речи участников диалога, обилие специальных терминов, не всегда четкие и ясные формулировки создают ситуацию, при которой секретарь судебного заседания может неточно зафиксировать сказанное (вопросы, поставленные перед экспертом в ходе допроса, его ответы должны быть занесены в соответствующий протокол). Стороны, а также лицо, допрошенное в судебном заседании, вправе ходатайствовать об ознакомлении с записью в протоколе их показаний. Такая возможность должна быть предоставлена не позднее следующего дня после заявления ходатайства (ч. 8 ст. 308 УПК Республики Беларусь [1]). Схожее положение изложено в ч. 4 ст. 11.8 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [3].

Представляется, что эксперт сможет не только заявить о проявлениях непреднамеренного или умышленного искажения своих слов участниками процесса, но и обратить внимание на смысловые ошибки секретаря судебного заседания.

Форма вызова эксперта в суд жестко не регламентирована процессуальным законом. Чаще всего эксперта вызывают в суд повесткой,

что не совсем корректно по отношению к сотрудникам судебно-экспертных учреждений, поскольку в ней содержится угроза привода и штрафа. Штатные эксперты по роду своей деятельности осведомлены о последствиях неявки в суд. Поэтому, представляется, предпочтительнее вызов оформлять в виде специального письменного уведомления на бланке суда.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 16 марта 2011 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 20 марта 2011 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
3. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г.: одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г.: текст Кодекса по состоянию на 30 апр. 2010 г. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010. – 480 с.
4. Процессуальные и организационные вопросы судебной экспертизы в США на современном этапе: Обзорная информация ВНИИСЭ / Сост. Г. П. Прошина. – М.: Наука, 1998. – 293 с.
5. *Бутырин, А.Ю.* Строительно-техническая экспертиза в судопроизводстве России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / А.Ю. Бутырин. – М., 2005. – 607 л.
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 20 марта 2011 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

Дата поступления: 09.09.2011

КРИМИНОЛОГИЯ

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРАКТИКИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ МЕР УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПОРЯДКА ИХ ИСПОЛНЕНИЯ

Войтова Д.А.**Рочева Е.А.**

Научно-практический центр
проблем укрепления
законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

Аннотация

23 декабря 2010 г. была утверждена Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, которая предполагает оптимизацию уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности в целях обеспечения применения наказания в виде лишения свободы в пределах, соответствующих общественной опасности совершенных преступлений и личности виновных путем расширения применения альтернативных лишению свободы мер уголовной ответственности.

Это обусловлено рядом факторов, к которым в первую очередь относится недостаточная исправительная и предупредительная эффективность наказания в виде лишения свободы, что обусловлено, в том числе, недостатками практики его исполнения.

В статье на основе анализа данных уголовной статистики выделяются особенности назначения указанного наказания, рассматриваются основные проблемы и предлагаются пути их решения.

В целях повышения эффективности противодействия преступности Указом Президента Республики Беларусь 23 декабря 2010 г. была утверждена Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, основной целью которой являются оптимизация уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (далее – Концепция), повышение эффективности исправительного и предупредительного воздействия наказаний и иных мер уголовной ответственности, обеспечения социальной справедливости при применении уголовных санкций, предупреждение преступности в современных условиях [1].

В ходе реализации Концепции, в числе прочего, предполагаются оптимизация уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступления, при сохранении должного карательного воздействия за совершение наиболее опасных тяжких и особо тяжких преступлений; обеспечение применения наказания в виде лишения свободы в пределах, соответствующих общественной опасности совершенных преступлений и личности виновных; а также совершенствование уголовно-исполнительной системы для обеспечения ее способности при оптимальных экономических издержках выполнять функции социальной адаптации и реабилитации осужденных.

Для этого организационно-практическими мероприятиями Концепции предусматривается при назначении в установленном порядке наказаний в полной мере использовать возможность назначения альтернативных лишению свободы видов наказаний и иных мер уголовной ответственности лицам, не представляющим опасности для общества, определения оптимальных сроков наказания в виде лишения свободы за преступления, не сопряженные с посягательством на жизнь и здоровье человека, назначения в соответствии со ст. 70 Уголовного кодекса Республики Беларусь более мягкого наказания, в том числе при совершении тяжких преступлений; снизить минималь-

ные и максимальные сроки наказания в виде лишения свободы за некоторые преступления против собственности, порядка осуществления экономической деятельности, порядка управления, интересов службы, другие преступления, не сопряженные с посягательством на жизнь и здоровье человека, а также оптимизировать сроки наказания в виде лишения свободы за отдельные тяжкие и особо тяжкие преступления.

Причинами разработки Концепции явились попытки преодолеть проблемы, накопившиеся за время действия Уголовного кодекса 1999 г. на основе комплексных решений социального и правового характера. Одной из самых значимых проблем является применение наказания в виде лишения свободы.

Анализируя структуру назначаемых судами Республики Беларусь наказаний и иных мер уголовной ответственности в 2010 г., мож-

но констатировать, что четвертая часть от всех осужденных были приговорены к лишению свободы – 15 189 чел. (24,9 %). Каждый пятый осужденный был приговорен к ограничению свободы – 12 417 чел. (20,3 %). На третьем месте по числу осужденных находится наказание в виде ареста – 9 217 чел. (15,1 %). Штраф был назначен 11,4 % осужденным (6 981 чел.), исправительные работы – 6 648 лицам, или 10,9 %, и общественные работы 4 671 лицу (7,7 %). Лишение права занимать определенные должности как основное наказание применялось в 2,6 % случаев (1 606 чел.). Иные меры уголовной ответственности в виде отсрочки исполнения и условного неприменения наказания были применены в отношении 5,8 % осужденных (3 524 чел.) и без назначения наказания были осуждены 203 лица, или 0,3 % от общего числа осужденных (рисунок 1).

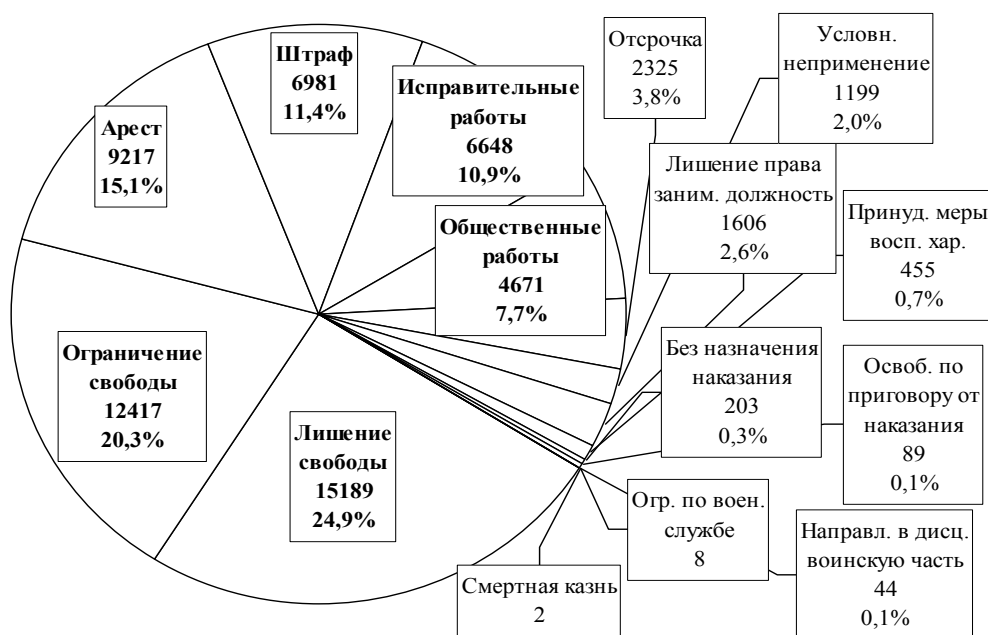

Рисунок 1 – Структура назначенных в 2010 г. наказаний и иных мер уголовной ответственности

Таким образом, в 2010 г. в структуре уголовной ответственности сохранился значительный удельный вес наиболее строгих видов наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества (лишение свободы и арест, нап-

равление в дисциплинарную воинскую часть и ограничение свободы, с направлением в исправительное учреждение), в сумме составляющих 47,3 %. В некоторой степени это можно объяснить совокупностью факторов, где одним

из главных выступает стабильно высокий процент осужденных лиц, имеющих судимость на момент совершения преступления, достигший в 2010 г. своих наивысших показателей – 60,1 %.

Позитивной тенденцией в 2010 г. явился рост таких альтернативных реальному лишению свободы мер уголовной ответственности, как отсрочка исполнения наказания и условное неприменение наказания (3,8 % и 2 % соот-

ветственно, по сравнению с 2,2 % и 1,4 % в 2009 г.).

В целом за период с 2002 по 2010 гг. произошло снижение удельного веса осужденных, которым назначалось лишение свободы, в относительных числах на 29,9 %. Наибольшее число таких лиц было зафиксировано в 2002 г. – 35,5 %, затем постепенно происходит снижение данного показателя до 23,6 % в 2006 г. и в 2010 г. он достиг 24,9 % (рисунок 2).

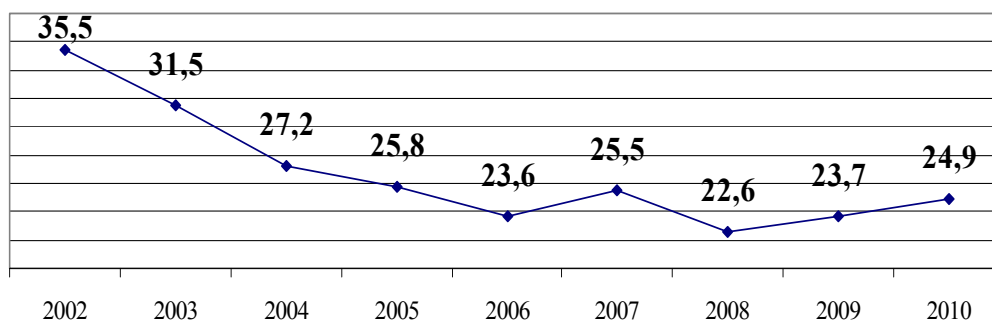

Рисунок 2 – Динамика удельного веса назначения лишения свободы в общем числе осужденных

Анализ практики назначения лишения свободы по категориям тяжести преступлений показывает, что большая часть осужденных к лишению свободы совершают менее тяжкие пре-

ступления – 64,9 % в 2010 г., и доля таких лиц на протяжении 2003 – 2010 гг. в общем числе осужденных к лишению свободы постоянно увеличивалась (рисунок 3).

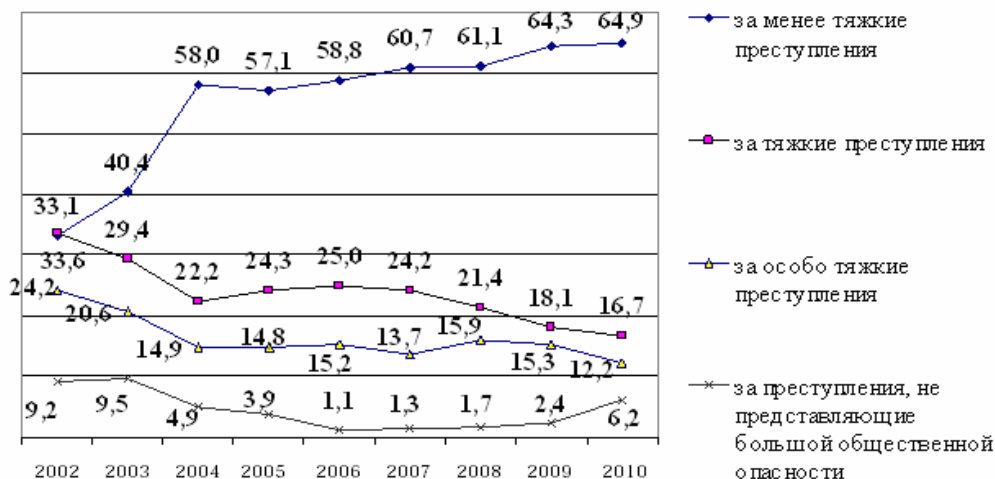

Рисунок 3 – Структура назначения лишения свободы в зависимости от категорий преступлений

Наряду с увеличением доли осужденных к лишению свободы и совершивших менее тяжкие преступления в последние годы растет удельный вес таких лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности (с 1,1 % в 2006 г. до 6,2 % в 2010 г.), а по категориям тяжкие и особо тяжкие преступления отмечается тенденция снижения данного показателя (рисунок 3).

В общей сумме удельный вес лиц, совершивших преступления, не относящиеся к тяжким и особо тяжким, среди осужденных

к лишению свободы в 2010 г. достиг 71,1 % (в 2002 г. данный показатель был равен 42,3 %).

В 2010 г. доля лиц, совершивших тяжкие преступления, в общем числе осужденных к лишению свободы составила 16,7 %, а доля лиц, совершивших особо тяжкие преступления – 12,2 % (рисунок 3).

В абсолютных числах, начиная с 2003 г. по 2009 г., отмечается снижение общего числа осужденных лиц к лишению свободы и, несмотря на рост данного показателя в 2010 г., его снижение составило 26,3 % (15 189 лиц в 2010 г. по отношению к 20 599 в 2003 г.) (рисунок 4).

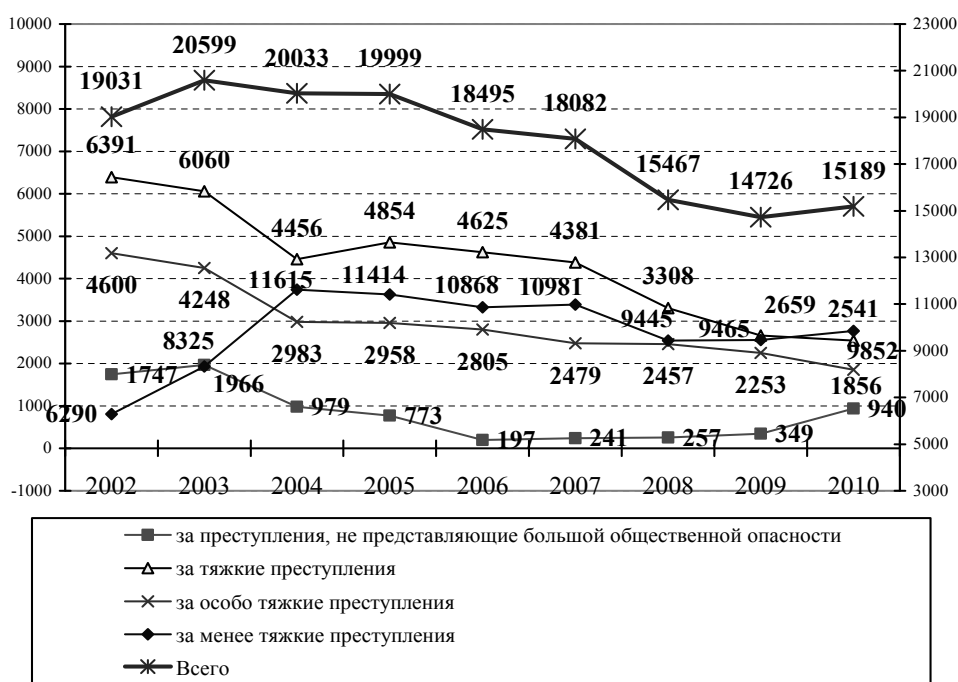

Рисунок 4 – Динамика назначения лишения свободы в зависимости от категорий преступлений

Таким образом, можно констатировать, что понижение числа осужденных к лишению свободы происходит за счет уменьшения числа осужденных к такому наказанию за тяжкие и особо тяжкие преступления. А рост данного показателя в 2010 г. на 463 чел. обусловлен ростом числа осужденных к лишению свободы за менее тяжкие преступления (на 288 чел.) и за преступления, не представляющие большой общественной опасности (на 591 чел.) (рисунок 4).

Добавим, что существенный рост, более чем в 2,5 раза, в 2010 г. числа осужденных к лишению свободы за преступления, не представляющие большой общественной опасности, произошел во многом за счет увеличения числа

осужденных по ст. 174 УК (уклонение родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении). В 2009 г. к лишению свободы было осуждено 69 таких лиц, а в 2010 г. – 572 лица.

Необходимо отметить, что введение в систему наказаний лишения свободы в виде тюремного заключения в свое время явилось гуманистическим шагом, открывшим путь к исправлению преступника вместо его физического или социального уничтожения [2, с. 290]. Данный вид наказания позволяет изолировать от общества лиц, которые по характеру совершенных

преступлений представляют серьезную опасность для общества и государства. Кроме того, наказание лишением свободы только в качестве угрозы его применения за нарушение уголовного запрета выполняет функцию охраны общества от преступных посягательств посредством общего предупреждения [3, с. 86; 4].

Вместе с тем, пребывание в местах лишения свободы само по себе является фактором, сни-

жающим возможность полноценной ресоциализации человека, его возвращения к нормальной жизни после отбывания наказания.

Современный мировой опыт предполагает разделение видов наказаний между категориями преступлений, с тем, чтобы лишение свободы применялось только за наиболее опасные деяния, преимущественно насильственные преступления.

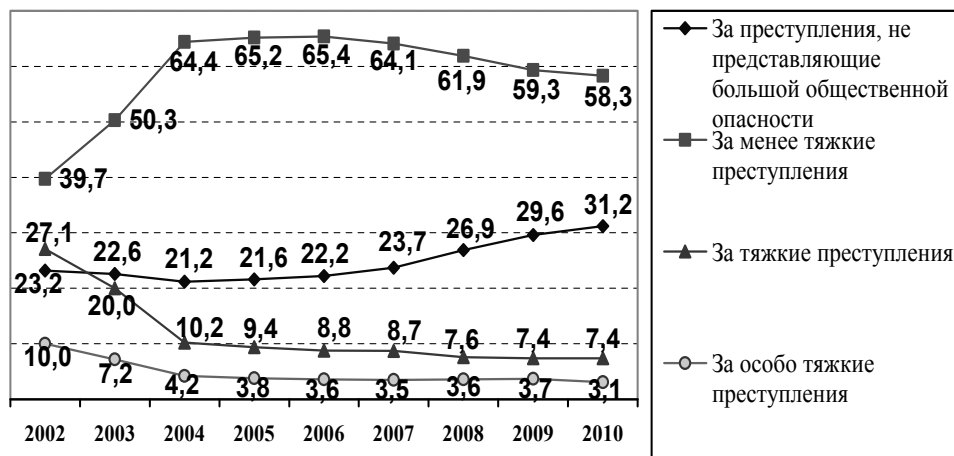

Рисунок 5 – Сведения о количестве осужденных в Республике Беларусь в зависимости от категорий преступлений (% от общего числа осужденных)

На сегодняшний день около 90 % осужденных составляют лица, совершившие не представляющие большой общественной опасности и менее тяжкие преступления, и их удельный вес в общем числе осужденных неуклонно растет (с 63 % в 2002 г. до 89,5 % в 2010 г.) (рисунок 5). Уголовно-правовые санкции за данные категории преступлений, как правило, обладая альтернативным характером, обеспечивая возможность применения достаточно широкого выбора меры уголовной ответственности.

В связи с чем, одним из основных направлений Концепции явилось расширение применения не связанных с изоляцией от общества наказаний и иных мер уголовной ответственности, что соответствует общей тенденции к гуманизации уголовного наказания.

Вместе с тем, проведение подобной политики не должно приводить к «всепрощеньству» и не затрагивать тяжких и особо тяжких, рецидивных и организованных преступлений.

Применение наказаний, альтернативных лишению свободы, должно решать как минимум две задачи: в конкретном случае исправить лицо без изоляции от общества и не привести к росту криминализации общества.

Так, снижение применения наказания в виде лишения свободы за счет, например, ограничения свободы и исправительных работ – не является корректной мерой реагирования, т.к. на сегодняшний день не отлажена должная система исполнения данных видов наказания. Свидетельством тому является рост осужденных лиц за уклонение от отбывания наказания в виде исправительных работ (ст. 416 УК) – 20,6 % в 2008 г., 31,2 % в 2009 г., 33,6 % в 2010 г.; и за уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы (ст. 415 УК) – 14,5 % в 2008 г., 18,6 % в 2009 г., 24,5 % в 2010 г. Дополнительным фактором, затрудняющим ресоциализацию осужденных лиц, является усиливающаяся маргинализация осужденных, подтверждением чему служит рост применения принудительных мер безопасности и лечения к лицам, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией, в период 2006 – 2010 гг.

Решение данного вопроса возможно на основе реализации комплекса мер правового, социального, экономического характера с учетом необходимости сохранения должного уровня контроля над преступностью. Именно таким комплексом мероприятий выступила Концеп-

ция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения.

Вследствие принятия мер по обеспечению исполнения поставленных в Концепции задач практика назначения судами наказаний в первом полугодии 2011 г. претерпела некоторые изменения, и посредством назначения альтернативных мер наказания несколько снизилось осуждение к лишению свободы (6 702 лица, что на 1 682 меньше, чем в прошлом году за аналогичный период) – 24 %.

Выполнение мероприятий, предусмотренных Концепцией, позволит обеспечить реализацию в законодательстве Республики Беларусь принципов международного права, предусмотренных, например, Минимальными стандартными правилами ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) от 14 декабря 1990 г. (в процессе применения указанных стандартов государствам предлагает-

ся иметь широкий набор мер с тем, чтобы гибко реагировать на характер и степень тяжести преступления, личность и интересы общества), а также будет способствовать более полной реализации Минимальных стандартных правил обращения с заключенными (приняты Резолюцией ООН от 30 августа 1955 г.).

Согласно п. 58 указанных Правил: «Целью и оправданием приговора к тюремному заключению или вообще к лишению свободы является в конечном расчете защита общества и предотвращение угрожающих обществу преступлений» [5, с. 574].

Этой цели можно добиться только в том случае, если по отбытии срока заключения и по возвращении к нормальной жизни в обществе правонарушитель оказывается не только готовым и способным подчиниться законодательству, но также и обеспечивать свое существование.

Список использованных источников

66

1. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: Указ Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 672 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 4000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
2. Додонов, В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть / В.Н. Додонов; под общ. и науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. С.П.Щербы. – М: Юрлитинформ, 2009. – 448 с.
3. Хомич, В.М. Совершенствование уголовной ответственности невозможно без оптимизации системы видов наказания / В.М. Хомич // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения: сб. науч. тр. / БГУФК; редкол.: А.В. Барков [и др.]. – Минск, 2010. – С. 85 – 100.
4. Архипенко, Т.В. Уголовное наказание в виде штрафа в законодательстве зарубежных стран / Т.В. Архипенко // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 4000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2011.
5. Права человека: международно-правовые документы и практика их применения: в 4 т. / сост. Е.В.Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009. – Т. 1. – 816 с.

Дата поступления: 14.10.2011

Annotation

In the article on the basis of the analysis of data of criminal statistics for 2002-2010 features of imposition of penalty in the form of imprisonment in the Republic of Belarus are assigned, the chief problems connected with it are considered, separate ways of their solution are offered.

Questions of imposition of penalty in the form of imprisonment are considered in it in the context of positions of the Concept of perfection of system of measures of the criminal liability and an order of its execution confirmed in December, 2010 which presupposes optimisation of criminal penalties and other measures of the criminal liability with a view of ensuring of application of penalty in the form of imprisonment in the range corresponding to the public danger of condemned crimes and the identity of the accused by extension of application of measures of the criminal liability alternative to imprisonment.

КРИМИНОЛОГИЯ
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА**

Ананич В.А.
Академия МВД
Республики Беларусь

Клим А.М.
Учебный центр МВД
Республики Беларусь

Аннотация

В статье рассмотрена криминологическая типология взяточничества, которая помогает всесторонне исследовать данное негативное явление и на этой основе выработать действенные меры по его противодействию, а также оценить эффективность и скорректировать антикоррупционные меры, принятые на уровне государства.

Определение действенных мер по противодействию взяточничеству как негативному социально-правовому явлению, а также оценка их эффективности требует понимания всех его специфических особенностей. Для этого необходимо рассмотреть термин «взяточничество» комплексно. С позиции этимологии слово «взятка» означает деньги или материальные ценности, даваемые должностному лицу как подкуп. Существует множество синонимов, означающих взяточничество: «срыв, поборы, приношения, дары, гостинцы, приносы, пешкеш, бакшиш, хабару, магарычи, плата или подарок должностному лицу во избежание стеснений или подкуп его на незаконное дело» [1]. За последние десятилетия в современном лексиконе появились слова, означающие новые формы взятки: «откат» – как часть от сделки тому, кто ее лоббировал либо осуществил; «накат», «наезд» – вымогательство взятки, принуждение к даче взятки тем, кто обладает большей силой; «крышевание» – как систематическое и по предварительному сговору получение взятки за покровительство либо попустительство по службе [2]. В отличие от лексикографического содержания термина «взятка» в юриспруденции имеет четкие правовые признаки и границы, что позволяет его отличать от смежных понятий и иных форм незаконного вознаграждения.

В соответствии с УК Республики Беларусь понятие «взяточничество» охватывает три преступления: получение взятки (ст. 430), дача взятки (ст. 431) и посредничество во взяточничестве (ст. 432). Отдельные авторы, рассматривая этот термин с позиции уголовного права, дают ему дифференцированную трактовку и выделяют узкий и широкий смысл¹ [3, с. 124]. Долгие годы среди криминалистов шла дискуссия о правовой природе взяточничества [4, с. 193]. Наиболее убедительной представляется точка зрения тех исследователей, которые полагают, что дача взятки и посредничество во взяточничестве являются самостоятельными преступлениями, хотя и признается (с некоторыми оговорками), что «получение взятки не существует без дачи, а дача – без получения» [5].

Сегодня рассмотрения лишь правовой природы взяточничества уже явно недостаточно. Учитывая, что оно является составной частью коррупции, определенный научно-практический интерес представляет криминологический аспект, который в сочетании с иными

¹ Узкий смысл определяется одним составом преступления: ст. 430 УК Республики Беларусь, а широкий – тремя: ст. 430–432 УК Республики Беларусь.

(социологическим, социально-психологическим, экономическим) позволяет глубже познать его и всесторонне изучить. Одним из путей достижения этой цели является проведение типологии взяточничества, которое уже предпринималось исследователями. Так, американский криминолог В.М. Рейсмен выделяет три основных типа взяток: деловые (коммерческие), тормозящие и прямой подкуп. Деловые взятки – это платеж государственному служащему с целью обеспечения и ускорения выполнения им своих должностных обязанностей. При тормозящей взятке взяткодатель платит должностному лицу за приостановление действия соответствующей нормы или неприменение ее в деле, где она должна быть применена. Целью прямого подкупа, который представляет особую опасность, является не обеспечение исполнения определенного действия, а «приобретение» должностного лица, чтобы оно, оставаясь на работе в организации и внешне соблюдая полную лояльность, на деле заботилось о своекорыстных интересах взяткодателя [6, с. 124–150]. Советский криминолог А.М. Яковлев в исследовании о социологии экономической преступности, по существу, воспроизвел классификацию, предложенную В. Рейсменом [7, с. 151–155].

68

Поскольку взяточничество является составной частью коррупции, то, несомненно, научно-практический интерес представляет и типология коррупции. Ю.М. Антонян применительно к России выделяет пять ее типов. Первый тип – коррупция в высших эшелонах власти в центре и на местах. Этот вид коррупции тесно связан с крупными хищениями, отмыванием денег, нажитых преступным путем организованной преступностью. Этот вид коррупции является одной из причин того, что мы живем еще достаточно плохо.

Второй тип – мелкие поборы с населения, в том числе с мелких предпринимателей, водителей и т.д. Поскольку эти мелкие поборы носят массовый характер, они, надо полагать, складываются в многомиллионные суммы, активно способствуя отчуждению граждан от государства, и активно формируют их убежденность в том, что правильным путем ничего нельзя добиться в этой жизни.

Третий тип – коррупция в правоохранительных органах, в первую очередь в органах внутренних дел, прокуратуре, суде, таможенной службе, исправительных учреждениях и других. В отличие от советских времен взяточничество поразило в настоящее время не только милицию, но и прокуратуру и суд. И последние теперь совсем не стесняются получать взятки, даже вымогать их, причем нередко посредниками здесь выступают адвокаты.

Четвертый тип – коммерческий подкуп в коммерческих или иных организациях. Этот тип коррупции изучен очень плохо, и его всегда будет тяжело изучить, поскольку доступ в коммерческие организации для сбора необходимых материалов по понятным причинам весьма органичен. О действительном состоянии этого вида преступления мы можем догадываться лишь по ряду косвенных признаков.

Пятый тип – коррупция в шоу-бизнесе, подкуп участников и организаторов профессиональных и спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов. Здесь уровень латентности коррупции тоже очень велик: каждый год по соответствующей статье Уголовного кодекса РФ возбуждается лишь одно-два уголовных дела. Между тем, подкуп участников названных соревнований и конкурсов имеет широкое распространение, впрочем, он и в советские годы встречался довольно часто в соревнованиях футболистов, штангистов, боксеров и т.д. [8].

Другие исследователи выделяют три основных вида коррупции: административная, деловая и бытовая. Под *административной коррупцией* понимается намеренное внесение искажений в процесс предписанного исполнения существующих законов, правил и регулирующих положений с целью предоставления преимуществ как государственным, так и негосударственным действующим лицам в результате незаконного и непрозрачного обеспечения личных выгод государственным чиновникам (например, мелкий торговец вынужден давать взятки официальным инспекторам для того, чтобы они закрывали глаза на мелкие, а возможно, и серьезные нарушения действующих правил торговли). *Деловая коррупция* возникает в результате взаимодействия должностных лиц и предпринимателей, когда последние решают проблемы своего бизнеса. Под *бытовой* понимается коррупция, возникающая в результате взаимодействия должностных лиц и граждан, когда последние решают свои повседневные проблемы [9, с. 40–53].

Как показывает анализ литературы, исследователи при осуществлении типологии взяточничества или коррупции использовали различные критерии, где каждый тип рассматриваемого явления обладает специфическими свойствами, которые необходимо учитывать при выработке предупредительных мер. Нами предпринята попытка сделать обобщенную типологию взяточничества, взяв за основу следующие критерии: 1) кто злоупотребляет служебным положением; 2) сфера противоправного поведения; 3) кто выступает инициатором «двусторонней сделки»; 4) цель «двусторонней сделки» с точки зрения взяткодателя; 5) степень централизации «двусторонней сделки»; 6) степень регулярности

«двусторонней сделки» и 7) уровень распространения «двусторонней сделки» (таблица).

Кроме этого, важно не только уяснить правовую сущность взяточничества, но и объективно оценить его масштабы, степень распространения в различных отраслях народного хозяйства, произвести оценку эффективности работы правоохранительной системы государства в борьбе с коррупционной преступностью. Отсутствие продолжительный период междисциплинарного подхода при исследовании данного феномена, рассмотрение его лишь с позиции уголовного права, неразработанность в научной теории элементов системы логических форм затрудняло разработку эффективного антикоррупционного законодательства. В этой связи нами предлагается более широкое, криминологическое определение взяточничества как разновидности коррупции: «это социально-правовое негативное явление *бытовой, коммерческой, политической или спортивной направленности*, подрывающее авторитет деятельности государственного аппарата управления и характеризующееся подкупом публичных (государственных) должностных лиц вне зависимости от времени его реализации и предварительной обусловленности: принятием ими заведомо незаконных материальных благ и преимуществ за деяния, которые предоставляются исключительно в связи с их правовым статусом и за использование служебных возможностей и связей».

Данное определение взяточничества позволяет его дифференцировать на четыре вида с учетом характера и направленности противоправного поведения – «бытовое», «коммерческое», «политическое» и «спортивное». Правовыми и криминологическими признаками такой типологии являются: сфера совершения преступления; правомерность действия (бездействия) должностного лица; наличие подкупа и преднамеренной обусловленности (договоренности); правовой статус должностного лица; размер взятки. Как показывает анализ уголовных дел, возбужденных за последние десять лет по ст.ст. 430–432 УК Республики Беларусь, подавляющее их количество (более 85 %) относится к «бытовому» взяточничеству, а «коммерческое» остается еще «малоуязвимым». «Политическое» как и «спортивное» взяточничество в Республике Беларусь еще не выявлялось и пока еще не стало характерным типом коррупции, как для других стран мира (Западная Европа, США, Россия).

«Бытовое» взяточничество связано с удовлетворением людьми своих обыденных потребностей, социальный статус должностных лиц чаще всего невысок и совершаются ими, как правило, правомерные действия, не сопряженные с подкупом и при отсутствии предна-

меренной обусловленности (договоренности), а цена «предоставляемой услуги» незначительна. «Коммерческое» взяточничество – это осуществление, прежде всего, неправомерного действия (бездействия), сопряженного с подкупом, а также и при наличии преднамеренной обусловленности (договоренности), совершенное в соответствующих сферах государственных услуг. Размеров взяток здесь значительно выше, чем при «бытовой сделке». Неофициальная оценка уровня взяточничества в Республике Беларусь национальными экспертами не осуществлялась, хотя этот показатель в совокупности с другими (соотношение объемов «коммерческого» и «бытового» взяточничества, их динамика по стране и по отраслям народного хозяйства и др.) имеет научно-прикладное значение. Они отчасти характеризуют эффективность антикоррупционной политики государства, и пренебрегать ими нельзя. В России ежегодно на подкуп чиновников крупным бизнесом тратится около 33,5 миллиардов долларов, что сопоставимо с 1/3 всего национального бюджета. Уровень бытовой коррупции также высок и сопоставим с уровнем деловой [10, с. 11–14].

Социологический подход в исследовании взяточничества дополняет криминологический и позволяет рассмотреть его как единство объективного (социальные действия, акты поведения) и субъективного (оценивающая деятельность государства, выраженная в уголовном законе)². Социологическая характеристика взяточничества, наряду с анализом развития законодательства, дает не только четкое представление о характере и эволюции этих преступлений в исследуемый период, но и необходимые знания, касающиеся уровня и масштабов взяточничества в государстве, степени коррумпированности общества, а также позволяет спрогнозировать тенденции в развитии данного негативного явления.

Использование знаний о социально-психологическом аспекте взяточничества повышает эффективность профилактических мер. Во-первых, проблема вовлекаемости новых должностных лиц в круг коррумпированных является прежде всего психологической проблемой. Психологический постулат «так делают все» является определяющим в моральной деформации чиновника. Во-вторых, психология наряду с другими науками должна внести свой весомый вклад в разработку методик по снижению уровня коррумпированности государственного

² В настоящее время стала активно развиваться новая отрасль социологии – социология коррупции.

аппарата. В-третьих, борьба с коррупцией должна носить характер «психологической войны» со всеми ее атрибутами и составляющими, а на завершающем ее этапе должен создаваться и закрепляться в обществе устойчивый антикоррупционный психологический комплекс.

Экономический аспект взяточничества позволяет познать его экономическую природу. С экономической точки зрения взятка – это покупка решения должностным лицом интересующего вопроса в интересах взяткодателя. Взяточничество, как правило, представляет собой обоюдовыгодную двустороннюю сделку, где обе стороны (взяткодатель и взяткополучатель) заинтересованы в сокрытии преступления, причем не только от правоохранительных органов, но и от окружающих: взяткодатель подкупает взяткополучателя, а тот за соответствующую мзду совершает угодные взяткода-

телю действия. За последние два десятилетия этот сегмент существенно изменился. Чиновника с большими полномочиями уже давно не интересует разовая взятка, его цель – организованное, систематическое превращение своих полномочий в собственность и капитал. Все это приводит к тому, что взяточничество как разновидность коррупции служит препятствием для реализации макроэкономической политики государства, увеличивает стоимость любого бизнеса, вызывает серьезные отклонения в использовании коллективных ресурсов, существенно уменьшает объемы внутренних и внешних инвестиций, является мощным стимулом «тенизации» экономики. В результате правительство перестает получать достоверную информацию о реальном положении дел в экономике страны и не может добиться реализации намеченных целей.

Таблица – Криминологическая типология взяточничества

Критерий типологии взяточничества	Виды (формы) взяточничества
Кто злоупотребляет служебным положением	Государственное (злоупотребление государственных служащих и приравненных к ним лиц) Коммерческое (злоупотребление руководителей и менеджеров фирм) Политическое (злоупотребление политических и общественных деятелей)
Сфера противоправного поведения	Бытовое взяточничество (сфера удовлетворения обыденных потребностей и услуг человека) Коммерческое взяточничество (сфера предпринимательства и бизнеса) Политическое взяточничество (сфера политической и общественной деятельности) Спортивное взяточничество (сфера спорта)
Кто выступает инициатором «двусторонней сделки»	Взяткополучатель (вымогательство по инициативе должностного лица) Подкуп по инициативе взяткодателя
Цель «двусторонней сделки» с точки зрения взяткодателя	Ускоряющая взятка (взяткополучатель быстрее делает то, что должен по долгу службы) Тормозящая взятка (взяткополучатель нарушает свои служебные обязанности) Взятка «за добротное отношение» (взяткополучатель не осуществляет надуманных придирок к взяткодателю)
Степень централизации «двусторонней сделки»	Децентрализованное взяточничество (каждый взяткодатель действует по собственной инициативе) Централизованное взяточничество «снизу вверх» (взятки собираются нижестоящими чиновниками, а часть из них передается вышестоящим) Централизованное взяточничество «сверху вниз» (взятки собираются высшими чиновниками, частично передаются их подчиненным)
Степень регулярности «двусторонней сделки»	Эпизодическое взяточничество Систематическое взяточничество Клептократия (взяточничество как неотъемлемый компонент властных отношений)
Уровень распространения «двусторонней сделки»	Низовое взяточничество (низший и средний уровень управления) Взяточничество в высших эшелонах власти (высший уровень управления, политики и общественные деятели) Международное взяточничество (сфера международно-хозяйственных отношений)

Список использованных источников

1. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Рус. яз., 1989–1991. – Т. 1. – 1989. – 699 с.
2. *Тимошенко, И.* «Взятка» в праве и русском языке / И. Тимошенко, Ф. Ходеев // Рос. юстиция. – 2003. – № 10. – С. 56–57.
3. *Здравомыслов, Б.В.* Должностные преступления: понятие и квалификация / Б.В. Здравомыслов. – М.: Юрид. лит., 1975. – 168 с.
4. *Волженкин, Б.В.* Служебные преступления: учеб.-практ. пособие / Б.В. Волженкин. – М.: Юрист, 2000. – 367 с.
5. *Клепицкий, И.А.* Получение взятки в уголовном праве России. Комментарий законодательства / И.А. Клепицкий, В.И. Резанов // Консультант Плюс: Постатейные комментарии и книги. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2011.
6. *Рейсмен, В.М.* Скрытая ложь. Взятки: «крестовые походы» и реформы / В.М. Рейсмен; под ред. А.М. Яковлева; пер. с англ. М.И. Беленького. – М.: Прогресс, 1988. – 328 с.
7. *Яковлев, А.М.* Социология экономической преступности / А.М. Яковлев; под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Наука, 1988. – 256 с.
8. *Антонян, Ю.М.* Типология коррупции и коррупционного поведения / Ю.М. Антонян // Социология и коррупция: материалы науч.-практ. конф., Москва, 20 марта 2003 г. / Рус.-нем. о-во права и экономики; редкол.: Ю.М. Аксенов [и др.]. – М., 2003. – С. 37–41.
9. *Добренков, В.И.* Коррупция: современные подходы к исследованию: учеб. пособие для вузов / В.И. Добренков, Н.Р. Исправникова. – М.: Академ. Проект; Альма Матер, 2009. – 207 с.
10. *Решетников, Михаил.* Психология коррупции: утопия и антиутопия / Михаил Решетников. – СПб.: Вост.-Европ. Ин-т Психоанализа, 2008. – 128 с.

Дата поступления: 26.09.2011

Annotation

The author of the article suggests the criminological typology of bribery which facilitates the thorough investigation of this negative phenomenon and in this way permits to develop effective measures of counteraction, as well as to evaluate the effectiveness and adjust the anti-corruption measures, already adopted at the state level.

КРИМИНОЛОГИЯ
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

ПСИХОЛОГИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Клим А.М.
Учебный центр МВД
Республики Беларусь

72

Аннотация

В статье рассмотрена психология взяточничества как элемент криминологической характеристики, которая представляет синтез теоретических и эмпирических знаний на пересечении теорий мотивации, социальной и юридической психологии. Данный аспект исследуется с позиции междисциплинарного подхода, что дает возможность глубже познать истоки и механизм коррупции, а также психологические детерминанты взяточничества; способствует решению задач при выборе тактических приемов при производстве следственных действий с участием взяточдателя и взяточполучателя; повышает воспитательное воздействие на личность правонарушителя с целью его ресоциализации.

Понять любое поведение человека, в том числе и преступное, невозможно без глубокого проникновения в его психологию, без знания психологических механизмов и процессов. Психологическая подоплека коррупционного поведения представляет значительный интерес для психологического анализа; ее изучение помогает вырабатывать адекватные меры по противодействию коррупции. В этой связи профилактика взяточничества должна базироваться не только на всестороннем анализе уголовно-правовой и криминологической характеристик, но также требует необходимых знаний и о его психологии. Термин «психология взяточничества» можно рассматривать как в узком, так и в широком аспекте. Первый традиционно рассматривался и рассматривается в рамках криминальной психологии, которая исследует личность преступника, а также пути и способы воспитательного воздействия на эту личность в психологическом аспекте. Второй аспект, на наш взгляд, является синтезом теоретических и эмпирических знаний на пересечении теорий мотивации¹, социальной и юридической психологии и должен рассматриваться как элемент криминологической характеристики, так как он дает возможность глубже познать истоки и механизм взяточничества как социального явления.

Необходимо учитывать, что взяточничество проявляется в контексте профессиональной деятельности должностного лица, т.е. является частью (вариантом) выполнения определенных общественных функций. Поэтому, как нам представляется, психологию взяточничества необходимо рассматривать комплексно, не ограничиваясь рамками криминальной психологии. Суждения по данному вопросу базируются на результатах изучения материалов уголовных дел, личных наблюдениях, учебной литературе по юридической психологии, а также на материалах средств массовой информации. При этом автор не претендует на бесспорность и окончательный характер изложенных соображений.

По мнению М. Решетникова, природа современной коррупции пока чрезвычайно поверхностно изучена в психологическом аспекте [1], хотя психология взя-

¹ В настоящее время популярностью пользуется типология мотивационных теорий, приводимая в книге М.Х. Мескона и др. «Основы менеджмента». Согласно подходу, используемому авторами книги, мотивационные теории разбиваются на две группы: содержательные, объясняющие поведение человека мотивами, основой которых являются те или иные потребности человека, и процессуальные, устанавливающие тот или иной набор факторов, взаимодействующих между собой в психологическом процессе формирования мотивов поведения.

точничества может и должна внести свой вклад в решение задач по его противодействию. При выработке на государственном уровне мер по предупреждению коррупционной преступности психологический аспект по-прежнему «остаётся в тени». Первое комплексное исследование взяточничества конца 80-х гг. [2], где затрагивалась психологическая характеристика личности взяточников, уже устарело. За относительно непродолжительный период времени в этом вопросе произошли существенные изменения. Психологическая характеристика личности взяточполучателя и взякодателя, которая приобретает практическую и научную значимость только при определенной систематизации черт, свойств и социальных связей личности преступника, рассматривалась автором в других публикациях [3; 4]. Этим целям служит типология личности преступника и классификация преступников, которая отражает суть данного явления и позволяет дифференцировать профилактическое или воспитательное воздействие, строить его в зависимости от типологических особенностей конкретных личностей, их принадлежности к определенному типу личности преступника.

Ядром психологии коррупционера обычно признается мотивация поведения, под которой понимается совокупность мотивов, то есть осознанных потребностей, выступающих как побудительные причины активности. В формировании мотивации личности участвуют два процесса: первый – это становление уникальной потребностной структуры, второй – усвоение индивидом системы ценностей, характерной для данной структуры. Если потребностная структура личности соответствует системе ценностей, то личность успешно адаптируется в социальной жизни, а если нет, то возникает психологический дискомфорт, проявляющийся в девиантном поведении, что зачастую приводит человека к совершению преступления. Многообразие видов девиантного поведения определяется индивидуально-психологическими особенностями личности.

Мотивация преступного поведения и личность преступника тесно взаимосвязаны. Личностные черты преступника накладывают отпечаток на мотивацию его поведения, а криминальные мотивы, закрепившись в преступных действиях, деформируют личность преступника. Начиная с подросткового возраста, в том числе под воздействием социального окружения, формируется психологическая готовность к противоправному либо правомерному способу удовлетворения своих потребностей. Главное место в мотивации преступного поведения занимают такие мотивационные образующие, как мотивы, потребности, цели, интересы, эмоции,

а также ценностные ориентации. Любой поступок, в том числе и преступное деяние, можно объективно оценить только в том случае, если полностью установить и понять его мотивы. Мотив объясняет истинную причину поведения и активности личности.

Термин «мотив» происходит от французского *motiver* и означает побудительную причину, повод к какому-либо действию, довод в пользу чего-либо [5]. Выделяют три основных функции мотива: побуждающую, направляющую и регулирующую. И не случайно, что основная функция мотива – функция побуждения активности человека. При этом мотив не только побуждает к совершению какого-либо действия (бездействия), но и является источником возникновения определенных психических процессов, в своей совокупности определенных как мотивация [6, с. 39]. Направляющая функция мотива заключается в постановке человеком цели действия (бездействия) и определении пути ее достижения. Вместе с этим, мотив наделяет личностным смыслом предметы или деятельность, которые отражаются в эмоциональной окраске. Сама возможность получения взятки стимулирует активность взяточполучателя. Мотив «становится фактором, направляющим деятельность, так же, как обозначенная на карте дорога указывает направление пешеходу, помогает решить, пойдет ли он влево или вправо на ближайшем перекрестке...» [7, с. 7]. Наделение мотива регулирующей функцией обусловлено традиционным закреплением за ним определенной роли в регуляции поведения: во-первых, мотив непосредственно влияет на процесс протекания внутренней активности человека, побуждая и направляя ее, и, во-вторых, мотив оказывает воздействие на поведение человека. Мотив присутствует и до начала внешних действий, и во время их совершения, и только после достижения человеком поставленной цели его сменяет другой мотив, более актуальный. Если же мотив перестает быть актуальным до или во время совершения действий, то они теряют значимость для субъекта и прекращаются.

Если в криминологии при изучении личности преступника одним из актуальных аспектов выступает мотивация преступного поведения, то с точки зрения психологии в данном случае вызывает определенный научный интерес такое психическое образование, которое являлось бы итогом процесса мотивации и отражало бы в себе все основные элементы, детерминирующие структуру мотивации (потребность, мотив, цель, конкретный способ реализации задуманного и др.). Таким обобщающим термином, который обозначает указанное психическое образование, по мнению ряда психологов, высту-

пает личностная «приемлемость» преступного деяния, то есть готовность к противоправному поведению, проявляющаяся в «побуждении» [8; 9, с. 110–115]. Корыстная мотивация является сущностной характеристикой взяточничества. Относительно термина «корыстный мотив» в юридической литературе высказываются различные суждения. Одни авторы толкуют его широко – как стремление получить материальную, имущественную выгоду, в том числе и право занять более высокооплачиваемую должность; другие считают, что корыстный мотив содержит в себе страсть к накопительству, обеспечению наилучшего материального положения; третьи сущность корысти как мотива преступления видят в стремлении, желании лица незаконно, неправомерно обогатиться [10, с. 42–45].

Основной психологической особенностью корыстных преступников является деформация их потребностной сферы – утилитарные потребности блокируют потребности высших уровней, в поведении личности доминируют гипертрофированные корыстные побуждения, удовлетворение которых невозможно правомерными способами [11, с. 304]. По мнению В.В. Лунева, корыстную мотивацию по содержанию и стойкости можно дифференцировать на: 1) жажду накопления денег и материальных ценностей, алчность, жадность, стяжательство; 2) стремление к материальному комфорту и благополучию, приобретению престижных ценностей, к жизни «не хуже других»; 3) пьянство, стремление к разгульной жизни и другие порочные наклонности, требующие материальных затрат; 4) ложно понятые интересы службы, карьеристские устремления, желание угодить вышестоящему начальству, приобрести и поддержать нужные для службы знакомства и связи; 5) личную материальную нужду и другие побуждения [12]. М.Г. Миненок корыстные устремления, исходя из целей, классифицирует на стяжательские (накопительские), потребительские, престижные, утилитарные [13, с. 81–82]. Корысть-стяжательство и корысть-накопительство, будучи одними из древних форм корысти, как раз и связаны с совершением коррупционного взяточничества. Эта наиболее опасная форма корысти и ее носители относятся к так называемым «махровым» взяточникам. Криминологическая дифференциация корысти с учетом психологических особенностей личности преступника помогает глубже познать причину преступного поведения, а значит, с большей эффективностью предложить конкретные меры и пути по предупреждению преступления. В конечном счете, она должна подчиняться общим задачам борьбы с преступностью.

Ф.П. Ходеев и Т. Шутенко, исследуя психологию взяточничества с точки зрения теории

мотивации, пришли к основным выводам, суть которых сводится к следующему: «1. В ряде случаев взятка берется без выраженной корысти. 2. Даче взятки может способствовать особое эмоциональное состояние взяткодателя. 3. Если, беря взятки, человек удовлетворяет потребности роскоши, богатства, престижа и превосходства, самостоятельно остановиться, прекратить брать взятки он не в состоянии. 4. На человека с неудовлетворенными физиологическими потребностями (голод, жажда, отсутствие жилья) угрозы наказания эффективно не действуют. 5. Наказания за взятки и их ужесточение не могут изменить чувства удовлетворения от их приема. 6. Психологическая потребность получения взятки изменяется с возрастом. Чем моложе человек, тем меньше вероятность того, что он взяточник. 7. Попытки стимулирования честной работы чиновников повышением их зарплаты чреваты стагнацией для организации» [14, с. 58].

С учетом указанного сложным и неоднозначным является вопрос о том, как мотивировать должностное лицо, чтобы достичь честного исполнения службы. К сожалению, этот вопрос с точки зрения теории разработан мало и требует отдельного рассмотрения. Основной подход к решению проблемы взяточничества часто видят в повышении зарплаты чиновникам, то есть в материальном стимулировании. Однако высокий должностной оклад не всегда гарантирует заинтересованность и высокую результативность, но часто создает реальную опасность переплаты за не сделанную работу. Это, в свою очередь, приводит любую организацию к стагнации, причина которой заключается в том, что, привыкая к стабильной оплате, даже самые эффективные и талантливые работники достаточно быстро «сваливаются» на формальное поддержание функционирования, вместо того, чтобы активно участвовать в разрешении задач, стоящих перед государственным учреждением. Именно в этом, по мнению Ф.П. Ходеева, заключается одна из причин низкой эффективности работы таких учреждений. Единственным средством в таком случае может быть почти полная замена персонала [15, с. 85].

По мнению Ю.М. Антоняна, взяточничество порождено двумя основными мотивами. Один из них – видимый, внешний – это корысть, стремление обеспечить себя материальными благами, непомерные материальные потребности и амбиции, а другой – глубинный, игровой мотив. Многие коррупционеры являются «игроками», причем это влечение ими никак не осознается и функционирует в бессознательной сфере психики. Однако участие в игре приносит им огромное психологическое удовлетворение, но не осознается ими в качестве такового [16, с. 40–41].

Представляет научно-практический интерес точка зрения зарубежных исследователей по вопросу психологических оснований коррупции. По мнению зарубежных ученых (Рейсмен В.М., США), в основе коррупционных правонарушений лежит создание внутренних (групповых) нормативов поведения. Речь идет о том, что внутри бюрократической системы существуют свои правила, которые официально не афишируются, но, тем не менее, признаются. Понятие нравственного поведения в среде коррупционеров искажено и значительно отличается от воззрений на этот феномен законопослушных государственных служащих. Отсюда и разница в оценке уместности как отдельных взяток, так и взяточничества в целом [17, с. 504].

Другое психологическое основание коррупции – создание в сознании коррупционеров психологических механизмов самозащиты. Так, В. Фокс (США), ссылаясь на Сайкса и Матза, выделяет пять типов мотивов, которые могут быть использованы коррупционерами для оправдания своего поведения: 1) отрицание ответственности (коррупционер считает себя «скорее объектом, чем субъектом»). Он – «жертва» обстоятельств, вынужден быть коррупционером); 2) отрицание вреда (чиновник, получая взятку, считает, что в его действиях отсутствует вред. Например, взятка является своеобразной благодарностью за правильно принятое решение, за принесенную пользу); 3) отрицание наличия жертвы взятки (дающий ее – сам правонарушитель, вор, мошенник, уклоняющийся от налогов). Дающий взятку отдает часть денег, нажитых нечестным путем, а взяв их, чиновник никому не причиняет ущерба; 4) осуждение осуждающих (чиновник руководствуется соображением, что «берут все». Это умозаключение он может подтвердить ссылками на своих коллег, начальство и т.д.); 5) ссылка на высшие соображения, когда моральные и этические нормы, бытующие в обществе, нейтрализуются или отрицаются. Чиновник руководствуется корпоративными соображениями. Например, отказ от взятки может быть «неправильно» истолкован его коллегами по работе, которые принимают подношения [17, с. 504].

Наиболее распространенный мотив, на наш взгляд, при совершении коррупционной сделки в современных условиях – *это компенсация за ощущаемый должностными лицами ущерб, связанный с прохождением ими государственной службы*. К потере нравственного иммунитета подталкивает: ощущение социально-экономической нестабильности; низкая зарплата, не соответствующая квалификации и ответственности работы; несправедливость при продвижении по службе; хамство или

некомпетентность начальника. Многие не считают себя взяточниками, рассматривая различного рода «подношения» как справедливую форму доплаты к нищенской зарплате. В основном это затрагивает субъектов «бытового» взяточничества: врачи, педагоги, рядовые госслужащие, у которых уровень заработной платы, установленный государством, значительно ниже других категорий специалистов. Укрепившийся в их сознании лозунг «взяточничество как способ выживания» несет в себе серьезную угрозу ибо грань между «выжить» и «нажиться» является довольно зыбкой. Проведенный нами в течение 2009 г. выборочный опрос руководителей низового уровня субъектов хозяйствования показал высокую степень их неудовлетворенности уровнем заработной платы (более 90 %).

В период перехода страны к рыночной экономике возник кризис системы трудовой мотивации, что, в свою очередь, привело к кризису социальной активности, так как произошла трансформация структуры ценностных ориентаций человека, созидательная и трудовая деятельность человека не обеспечивала реализации всех групп потребностей: физических, социальных, интеллектуальных и других. Труд перестал быть эффективным источником удовлетворения потребностей. Исчезли или значительно снизили значимость такие элементы социальных побуждений, как работа на благо общества, трудового коллектива. Преобладающее значение приобрел фактор материального вознаграждения. Ухудшение материальных условий вызвало у работников чувство страха перед будущим, неуверенности в завтрашнем дне. Среди мотивов трудовой деятельности возобладали краткосрочные цели и ценностные ориентации.

По мнению В.Л. Васильева, социально-психологическими факторами роста коррупции в России явились: «окорыстовывание» общественных отношений, распространение психологии потребления, философии «жизни одним днем» и коммерциализация исполнения должностных обязанностей. Следствием этого явилась смена идеалов и трансформация групповой морали российской бюрократии в сторону развития группового эгоизма. В результате в среде государственных служащих сформировалась социальная группа, экономические и другие интересы которой направлены на удовлетворение непомерно возрастающих потребностей бюрократической элиты. Для участников этой группы было характерно самоутверждение не в процессе исполнения служебных обязанностей в интересах общества, а создание всевозможных запретов и препятствий, «шлагбаумов» на пути проявления здоровой частной инициативы [18, с. 355–357].

Важной особенностью социально-психологического климата в обществе, способствующей процветанию взяточничества, является *наличие двойного морального стандарта*. С одной стороны, коммерческое или политическое взяточничество считается общественно неприемлемым, а с другой стороны – бытовое взяточничество является частью нашего современного образа жизни и быта, приемлемым «по умолчанию». Обыденность последней формы взяточничества, начавшая особенно проявляться в преддверии распада СССР, притупила ощущение опасности, и если пренебрегать этим явлением, то вряд ли смогут эффективно работать предупредительно-профилактические меры по обузданию коррупции, принимаемые на государственном уровне. У большей части населения страны постепенно складывается стереотип коррупции как этически приемлемой формы разрешения проблем, размывается понимание общественной опасности этого явления, снижается порог моральной терпимости населения к взяточничеству и поборам. У психологов есть универсальный совет относительно любых дурных наклонностей: «Ты волен поступать так, как находишь нужным, если не в силах отказаться от дурной привычки, но каждый раз, беря в руки сигарету, бокал со спиртным, пирожное перед сном или взятку – помни, что это вредно, некрасиво и неправильно». Если каждый, кто берет и кто дает, будет однозначно понимать, что это стыдно и гадко, то сдвиги в общественном сознании произойдут даже в том случае, если никто в одночасье и не перестанет это делать.

В психологии рядового обывателя неправомерное поведение взяточников под различными предлогами находит оправдание. Такое положение обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, выявляемость взяточничества в Республике Беларусь за последние 15 лет возросла почти в четыре раза, хотя истинный масштаб его распространения в силу латентности гораздо выше. Во-вторых, по-прежнему не изжиты различного рода подарки и подношения при решении социально-бытовых вопросов. Заинтересованные в благоприятном решении своей проблемы люди, обращаясь к чиновнику, сами несут ему подношения. Осуждая взяточничество в принципе, в критической ситуации они склонны прибегнуть к даче взятки. В-третьих, затянувшийся переходный период по формированию экономической модели развития государства способствует росту взяточничества. Не уменьшает степень коррумпированности государственных органов и постоянная ротация государственных служащих. Должностное лицо, зная, что время его нахождения

в занимаемой должности зачастую является непродолжительным (в силу как объективных, так и субъективных факторов), в первую очередь стремится решить свои личные проблемы, что служит потенциальной предпосылкой для его дальнейшей коррумпированности. В связи с этим не исключена также ситуация, когда новому чиновнику необходимо дать взятку своему руководителю, чтобы его работа продолжалась беспрепятственно.

Широкомасштабному распространению взяточничества в немалой степени способствует нравственное разложение общества, которое сопровождается проявлением в социально-политической и публичной сферах низменных чувств и инстинктов. В отсутствие полноценной воспитательной работы с гражданами мерилom человеческих ценностей все чаще становится богатство (неважно, каким путем приобретенное), а главным принципом жизни – обогащение любыми средствами. Население привыкает к коррупции, не воспринимает ее однозначно как зло и даже принимает как норму поведения в современном обществе. Значительная часть молодежи прямо ориентирована на карьеру с целью занять высокий пост в системе власти для того, чтобы обеспечить себе стартовые условия для обогащения и безбедного существования. При этом в массовом сознании стали оправдываться любые средства для достижения цели, в том числе противоправные и безнравственные.

Элементы психологии коррупционера присутствуют почти каждому взрослому человеку. Это обстоятельство как психологический фактор необходимо учитывать в борьбе с взяточничеством. С.В. Максимов полагает, что поведение коррупционера с психологической точки зрения может быть описано моделью борьбы мотивов («моделью весов»)², а ее реализация позволяет сделать вывод о том, что основными средствами борьбы с коррупцией являются снижение уровня доходности коррупционной деятельности и повышение интенсивности привлечения коррупционеров к юридической ответственности [19, с. 31–34].

Каждый конкретный человек как биосоциальное существо исходно вовсе не добродетелен и по своей природе агрессивен, эгоистичен, самовлюблен, асоциален, совершенно не имеет спонтанной любви к труду, стремится получать удовольствие, в том числе удовлет-

² «Модель психологических весов» рассматривается как результат рационального выбора между возможными потерями и выгодами, то есть расчет риска быть привлеченным к ответственности с помощью математических методов при принятии решения совершать коррупционную сделку либо не совершать.

ворять свои материальные и сексуальные потребности. Обобщая эти характеристики, специалисты объективно признают, что каждый отдельный человек является врагом культуры, потому что, независимо от того – осознается это или нет, каждый хотел бы, чтобы именно для него все запреты были сняты [1, с. 29–30]. Отличие преступного поведения от правомерного, по нашему мнению, коренится, прежде всего, в системе ценностных ориентаций, взглядов и социальных установок, то есть в содержательной стороне сознания. Общеизвестно, что именно в координатах ценностно-нормативной системы личности и социальной среды, их взаимодействии следует искать непосредственные причины преступного поведения. Деформации правовых установок как составные части правосознания во многих случаях выступают детерминантами отклоняющегося и противоправного поведения.

Таким образом, психологический аспект взяточничества показывает, что «бытовое» взяточничество продолжает оставаться «нормой жизни» общества; при отсутствии должной мотивации труда государственных служащих вероятность совершения ими коррупционных правонарушений значительно возрастает; признаки корыстной мотивации начинают проявляться уже в подростковом возрасте, и их мож-

но в последующем выявлять и корректировать при проведении определенных психологических исследований личности. Мотивация коррупционного поведения определяется такими смысловыми установками, как: убежденность в снисходительности окружающих людей к фактам совершения взяточничества, либо даже в социальном одобрении таких деяний; предубеждение в невозможности удовлетворения определенных потребностей правомерным способом; недооценка собственных возможностей, позволяющих удовлетворить определенные потребности правомерным способом; убежденность в возможности избежать уголовной ответственности. Все это необходимо учитывать при выработке профилактических мер по предупреждению данного преступления. Полное и глубокое изучение следователем и судом психологических особенностей личности обвиняемого способствует решению следующих актуальных задач: выбор тактических приемов, которые в наибольшей степени способствуют эффективности производства следственных действий, а также правильной квалификации и определению соответствующего наказания; воспитательное воздействие на личность правонарушителя с целью его ресоциализации; работа по выявлению причин и условий преступления.

Список использованных источников

1. *Решетников, Михаил*. Психология коррупции: утопия и антиутопия / Михаил Решетников. – СПб.: Вост.-Европ. Ин-т Психоанализа, 2008. – 128 с.
2. *Волженкин, Б.В.* Ответственность за взяточничество: соц.-правовые и криминолог. проблемы / Б.В. Волженкин, В.Е. Квашиш, С.Ш. Цагикян. – Ереван: Айастан, 1988. – 198 с.
3. *Ананич, В.А.* Криминологическая характеристика личности взяточполучателя и взяткодателя / В.А. Ананич, А.М. Клим // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2006. – № 2. – С. 130–133.
4. *Клим, А.М.* Личность взяточполучателя и пути повышения антикоррупционной устойчивости государственных служащих / А.М. Клим // Исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 22 апр. 2010 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД; ред. кол.: А.В. Шарков (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 122–127.
5. *Мотив* // Большой словарь иностранных слов в русском языке / ред.: С.М. Локшина, В.Ф. Корицкий. – М., 1998. – С. 428.
6. *Хекхаузен, Х.* Мотивация и деятельность: в 2 т. / Х. Хекхаузен. – М.: Педагогика, 1986. – Т. 1. – 406 с.
7. *Обуховский, К.* Психология влечений человека / К. Обуховский; пер. с пол. В.И. Могилева; под ред. Б.М. Сегала. – М.: Прогресс, 1972. – 247 с.
8. *Виллюнас, В.К.* Теория деятельности и проблема мотивации / В.К. Виллюнас // А.Н. Леонтьев и современная психология: сб. ст. памяти А.Н. Леонтьева / Моск. гос. ун-т; под ред.: А.В. Запорожца [и др.]. – М., 1983. – С. 191–200.
9. *Иванников, В.А.* Психологические механизмы волевой регуляции / В.А. Иванников. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1991. – 140 с.
10. *Волков, Б.С.* Мотивы преступлений: уголов.-правовое и соц.-психолог. исслед. / Б.С. Волков. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 152 с.
11. *Еникеев, М.И.* Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: учебник для вузов / М.И. Еникеев. – М.: НОРМА, 2005. – 640 с.
12. *Лунеев, В.В.* Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика / В.В. Лунеев. – М.: Изд-во Воен. ун-та, 1980. – 137 с.

13. Миненок, М.Г. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы / М.Г. Миненок, Д.М. Миненок. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 366 с.
14. Ходеев, Ф.П. Взяткомания: болезнь или привычка? / Ф.П. Ходеев, Т. Шутенко // Рос. юстиция. – 2004. – № 2. – С. 56–58.
15. Ходеев, Ф.П. Менеджмент: учеб. пособие / Ф.П. Ходеев. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 220 с.
16. Антонян, Ю.М. Типология коррупции и коррупционного поведения / Ю.М. Антонян // Социология и коррупция: материалы науч.-практ. конф., Москва, 20 марта 2003 г. / Рус.-нем. о-во права и экономики; редкол.: Ю.М. Аксенов [и др.]. – М., 2003. – С. 37–41.
17. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. – 607 с.
18. Васильев, В.Л. Юридическая психология: учебник для вузов / В.Л. Васильев. – 5-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Питер, 2008. – 656 с.
19. Максимов, С.В. Коррупция. Закон. Ответственность / С.В. Максимов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2008. – 255 с.

Дата поступления: 06.09.2011

Annotation

The article is devoted to the psychology of bribery as a part of its criminological characteristics, which represents a synthesis of theoretical and empirical knowledge at the intersection of the theories of motivation, social and legal psychology. This aspect is investigated from the perspective of an interdisciplinary approach that facilitates the deeper understanding of the origins and mechanisms of corruption, as well as of the psychological determinants of bribery; helps the solution of problems arising when choosing the right tactics in the conduct of investigative actions involving the bribe-giver and bribe-taker, increases the educational impact on the offender aimed at his re-socialization.

ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ ПОВТОРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Максименя С.А.

Научно-практический центр
проблем укрепления
законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

Аннотация

Совершение несовершеннолетними повторных преступлений имеет высокую общественную опасность не только в силу своей распространенности, но прежде всего из-за своих последствий. Для практического решения проблем борьбы с преступностью необходимо повышение эффективности профилактики повторных правонарушений несовершеннолетних.

Проблеме рецидивных¹ преступлений несовершеннолетних и их предупреждению уделяется особое внимание, как ученых-криминологов, так и практических работников. Актуальность проблемы определяется в первую очередь повышенной степенью общественной опасности таких преступлений. Несмотря на то, что данной проблеме посвящено значительное число научных трудов, обогащение литературы монографиями и статьями не прекращается. Однако в большинстве случаев недостаточное внимание уделяется весьма важному для практики вопросу – предупреждению рецидивных преступлений несовершеннолетних.

Проблемы предупреждения преступлений, совершаемых несовершеннолетними повторно, рассматривались в трудах ведущих криминологов: Г.А. Аванесова, А.И. Алексеева, Ю.М. Антоняна, М.М. Бабаева, Г.С. Гаверова, А.И. Долговой, В.С. Овчинского, А.И. Карпеца, С.И. Кириллова, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского, В.А. Плешакова, В.П. Ревина, А.Б. Сахарова, А.М. Яковлева и др. Отдельным вопросам предупреждения повторной преступности несовершеннолетних были посвящены работы Р.М. Абызова, В.Д. Ермакова, М.В. Данилевской, В.И. Игнатенко, Ю.К. Лукьянова.

Совершение несовершеннолетними повторных преступлений имеют свои особенности и связаны они с возрастными границами несовершеннолетних. Ведь за незначительный период времени (4 года) подросток «должен» успеть совершить как минимум два преступления. Рецидивная преступность несовершеннолетних имеет высокую общественную опасность не только в силу своей распространенности, но прежде всего из-за своих последствий. Повторное совершение преступлений свидетельствует о формировании у несовершеннолетних стойкой противоправной установки. Впоследствии эти подростки превращаются в злостных рецидивистов, не поддающихся каким-либо мерам профилактического воздействия.

Уровень рецидива несовершеннолетних практически всегда отличался некоторой стабильностью. В 2001 г. доля осужденных несовершеннолетних, которые были ранее судимы, составляла 18,9 %, в 2005 г. –

¹ Здесь и далее под рецидивом несовершеннолетних понимается криминологический рецидив – совершение преступления несовершеннолетним, ранее совершавшим преступления.

6,0 %, в 2009 г. — 20,4 % и в 2010 г. — 17,5 %. До привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетние успевают совершить от 2 до 7 общественно опасных деяний. Следует отметить, что при рецидиве несовершеннолетние совершают наиболее тяжкие преступления, такие как *разбой (25,0 % рецидива), грабеж (23,8 %)*.

Таким образом, уголовная статистика свидетельствует, что каждое пятое преступление несовершеннолетних совершается лицами, которые ранее совершали правонарушения. Это указывает на низкую эффективность применяемых к несовершеннолетним мер предупреждения повторных преступлений и ненадлежащей деятельности органов и учреждений, в обязанности которых входит профилактика преступности несовершеннолетних.

Несовершеннолетним, совершающим повторные преступления, свойственны относительная устойчивость антиобщественных взглядов и привычек, извращенный характер жизненных ориентаций, что затрудняет процесс их исправления. Кроме того, они разлагающе действуют на других подростков, вовлекая их в противоправную деятельность. Среди несовершеннолетних преступников, совершающих преступления повторно, много пьяниц, наркоманов, проституток и бродяг. Все это свидетельствует о повышенной социальной опасности повторных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, необходимости изучения связанных с ними проблем и разработки мер по их предупреждению.

Научно-практическим центром проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры в 2011 г. совместно с Генеральной прокуратурой и при поддержке Представительства Детского Фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Республике Беларусь проведено Национальное исследование эффективности профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями в Республике Беларусь. В ходе исследования был осуществлен опрос несовершеннолетних правонарушителей, состоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних (ИДН), содержащихся в воспитательных колониях несовершеннолетних (ВК), освободившихся из мест лишения свободы, а также экспертов из числа сотрудников ИДН, ВК, судов, прокуратуры, адвокатуры.

Социологический опрос экспертов-практиков показал, что, по их мнению, основными факторами повторных правонарушений несовершеннолетних являются: семейное неблагополучие (71,4 %), употребление алкоголя (61,7 %), криминогенное влияние неблагополучного со-

циального окружения подростка (54,2 %), материальные трудности (40,4 %), несформированность волевых качеств и навыков самоконтроля (34,1 %), невозможность трудоустройства для трудных подростков и несовершеннолетних, вернувшихся из мест лишения свободы (29,9 %), употребление наркотиков или токсических веществ (27,7 %), слабое развитие сферы досуга для подростков (17,6 %), чрезмерная перегруженность работой субъектов профилактики, не позволяющая уделять должного внимания каждому правонарушителю (11,7 %).

По данным опроса воспитанников ВК, до того как они совершили последнее преступление и попали в колонию, они имели довольно большой опыт девиантного поведения и находились в поле деятельности органов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних. Ранее в отделение милиции доставлялись 81,4 % опрошенных воспитанников ВК, из них 38,0 % доставлялись 10 и более раз.

Интересен тот факт, что 13,9 % подростков-правонарушителей ответили, что совершали ранее правонарушения, о которых никто не узнал, и не были наказаны (уровень латентной преступности). Причем среди респондентов женского пола их больше, чем среди респондентов мужского пола (17,8 % и 13,3 % соответственно).

Поведение 86,4 % опрошенных подростков до совершения ими правонарушения рассматривалось на заседании КДН. Из числа воспитанников ВК на учете в ИДН состояло 80,9 %, большая часть — за совершение кражи (36,6 %), а также за нахождение в нетрезвом виде в общественном виде и употребление спиртных напитков (18,3 %), пропуск занятий и плохое поведение в школе (16,9 %), хулиганство (11,3 %), бродяжничество (9,9 %), токсикоманию (4,9 %).

То есть, большая часть подростков-правонарушителей находилась под контролем специальных структур, занимающихся профилактикой правонарушений несовершеннолетних, но, несмотря на это, совершили преступление.

Таким образом, эффективность профилактической работы с подростками до направления в ВК была довольно низкой, а если учесть, что многие отбывают наказание не первый раз, то можно предположить, что и после освобождения с подростками профилактическая работа не осуществляется на должном уровне.

В практической работе далеко не все эксперты считают, что основным критерием эффективности проводимой профилактической работы является количество повторных преступлений и других правонарушений несовершеннолетних (таблица).

Таблица – Основной критерий, по которому экспертами оценивается эффективность проводимой профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями – количество повторных преступлений и других правонарушений несовершеннолетних

	Сами	Руководство
Сотрудники прокуратуры	59,5%	72,1%
Сотрудники ИДН	54,1%	47,1%
Сотрудники КДН	50,5%	36,0%
Работники образования	48,3%	56,1%
Сотрудники СУВУ	41,7%	43,3%
Судьи	36,9%	26,2%
Сотрудники ВК	27,6%	58,3%
Адвокаты	22,2%	42,9%

Деятельность по профилактике повторных преступлений несовершеннолетних регламентирована Законом Республики Беларусь от 31.05.2003 г. №200-3 (ред. от 21.07.2008 г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и рядом постановлений Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Одной из основных задач деятельности по профилактике повторных преступлений является социально-психолого-педагогическая реабилитация несовершеннолетних и их семей, находящихся в социально опасной ситуации.

К органам, учреждениям и иным организациям, осуществляющим профилактику повторных правонарушений несовершеннолетних, относятся: комиссии по делам несовершеннолетних, наблюдательные комиссии, социально-педагогические центры, органы государственного управления образованием, органы внутренних дел, органы опеки и попечительства, органы по труду и социальной защите, органы государственного управления здравоохранением, органы государственной службы занятости.

В настоящее время оказание помощи субъектами социальной реабилитации ведется по следующим основным направлениям:

- содействие в восстановлении и подготовке необходимых документов;
- выделение материальной и гуманитарной помощи;
- содействие в бытовом и трудовом устройстве.

По результатам опросов, основными проблемами, возникающими после освобождения из воспитательных колоний, являются поиск приемлемой работы или продолжение обучения, налаживание взаимоотношений с близкими родственниками и друзьями.

После освобождения именно вопрос о трудоустройстве возникает одним из первых (после урегулирования проблемы с жильем). Для этого освободившимся необходимо обратиться в центр занятости по месту жительства и стать там на учет. На этом этапе возникают различные сложности. Подростки могут рассчитывать лишь на трудоустройство по социальной линии, такая работа является малооплачиваемой и непрестижной в их понимании. Так, администрация предприятий неохотно принимает в счет брони на работу освобожденных, а если и принимает, то использует их, как правило, на неквалифицированной работе, так как они имеют не только низкий образовательный уровень, но и сами особенно не горят желанием трудиться. Одновременно декларируемые социальные гарантии ложатся на социальный фонд предприятия, при этом сам работник вносит достаточно низкий вклад в доходы предприятия.

Среди опрошенных подростков, вернувшихся из ВК, в настоящее время 35,7 % нигде не работают и не учатся, 28,6 % учатся в профтехучилище, 21,4 % учатся в школе. Контроль со стороны инспектора ИДН ощущали более половины воспитанников ВК (30,8 % в очень большой степени и 22,2 % – в значительной степени), практически не контролировали 25,6 % респондентов и 21,4 % – совсем не контролировали.

Основными причинами совершения противоправных деяний несовершеннолетними являются социальные факторы, связанные с неблагополучием в семье, принадлежностью к группе асоциальной направленности и желанием быть принятым в этой группе, а также несформированностью правосознания и чувства ответственности; отсутствием четко действующей системы организации свободного времени подростков, отсутствием взаимодействия меж-

ду государственными и общественными структурами, осуществляющими воспитательно-профилактическую работу с подростками.

Реальную возможность совершения новых преступлений с различной долей вероятности допускают 13,9 % опрошенных подростков (22,7 % воспитанников ВК), не допускают такой возможности 86,1 % респондентов (воспитанники ВК – 77,4 %), причем 62,7 % (ВК – 47,9 %) из них делают это категорически.

Среди опрошенных подростков, вернувшихся из ВК, каждый пятый (21,4 %) отметил внутреннюю готовность совершить новое преступление.

По мнению экспертов, наибольшей социализации воспитанников ВК после их освобождения может способствовать создание специальной службы по реабилитации несовершеннолетних и оказанию им помощи после освобождения вне системы правоохранительных органов (53,8 %), а также разработка системы мер воздействия на семьи, из которых вышли несовершеннолетние, для подготовки благоприятной среды для их возвращения домой (53,8 %) и разработка системы взаимодействия заинтересованных государственных и общественных структур, обеспечивающих процесс реабилитации после освобождения (48,7 %).

Следует совершенствовать государственную политику предупреждения преступности несовершеннолетних. Для этого необходимо в самое ближайшее время расширить номенклатуру учреждений для первичной и вторичной специальной профилактики правонарушений и преступлений несовершеннолетних. Давно назрела необходимость появления коррекционно-реабилитационных учреждений для несовершеннолетних, злоупотребляющих алкоголем, наркотиками. К сожалению, об этом говорят на протяжении последних 10–15 лет, но мало что меняется. До сих пор не разработана комплексная педагогическая модель и программа социальной помощи в отношении таких подростков.

Анализ результатов опроса экспертов об основных факторах повторных правонарушений несовершеннолетних свидетельствует об их значительном совпадении с главными микросоциальными и личностными факторами первичных правонарушений несовершеннолетних. Это обстоятельство убедительно доказывает наличие в белорусском обществе устойчивых общих социальных и личностных детерминант противоправного поведения молодежи и одновременно низкую эффективность работы всех субъектов профилактики по выявлению, нейтрализации и устранению основных факторов, причин и условий совершения правонарушений несовершеннолетними (семейного и досугово-

го неблагополучия, асоциального социального окружения подростка, пьянства и наркомании в молодежной среде, нравственной деформации личности и образа жизни подростка, дезорганизации и неразвитости социальной и культурной среды жизни и воспитания детей и других), то есть деятельности, которая является *сущностью и главным направлением профилактики правонарушений несовершеннолетних*.

Результаты социологического опроса экспертов о факторах повторных правонарушений несовершеннолетних свидетельствуют также о том, что серьезного внимания и качественной модернизации требует работа по трудоустройству, а также адресной и индивидуализированной социальной и психологической реабилитации, адаптации и реинтеграции молодых правонарушителей, отбывающих наказание за совершенные первичные правонарушения. При проведении индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями с целью предупреждения совершения ими повторных правонарушений следует учитывать социальные и личностные факторы, которые, по мнению самих подростков, способны выступать в качестве главных сдерживающих механизмов: страх перед уголовным наказанием (44,5 %), стыд перед своей семьей и близкими (43,3 %), сила воли (34,6 %), желание нормальной жизни в обществе (30,3 %), страх перед воспитательной колонией, спецучреждением (29,7 %), нежелание стать преступником (21,7 %), забота и внимание родителей, других родственников (19,9 %), самоконтроль и чувство личной ответственности (14,8 %), страх потерять своих друзей (13,9 %), контроль со стороны милиции (10,6 %), помощь в исправлении и изменении образа жизни (7,3 %).

Следовательно, без решения вышеперечисленных первоочередных проблем, детерминирующих повторные правонарушения несовершеннолетних и препятствующих их совершению, обеспечить устойчивое снижение преступлений и других правонарушений среди молодежи не представляется эффективным и практически возможным.

Между повторной преступностью несовершеннолетних и преступностью взрослых существует тесная связь. Оценка преступности взрослых всегда обращена к необходимости анализа того, как она формировалась, т.е. к анализу преступности несовершеннолетних. Ведь в большинстве случаев корни преступности взрослых уходят в глубины того раннего возрастного периода, когда личность формируется, когда формируется установка на поведение вообще, когда актуальными являются проблемы воспитания, становления личности с точки

зрения направленности поведения. Поэтому весьма актуальными являются вопросы о том, в каком конкретном возрасте подростки вступают на путь правонарушений, когда возникли факты, свидетельствующие об их отклоняющемся поведении. Эти вопросы должны исследоваться во взаимосвязи с теми характерными жизненными обстоятельствами, которые на том или ином этапе формирования личности наиболее активно

негативно влияют на несовершеннолетних. Такой подход позволит обнаружить и определить пути, формы и методы предупреждения повторных преступлений, как со стороны несовершеннолетних лиц, так и со стороны взрослых. Это в определенной мере удовлетворяет и требованию комплексности в криминологии, что необходимо, прежде всего, для практического решения проблем борьбы с преступностью.

Список использованных источников

1. *Жиляева, С.К.* Проблемные вопросы профилактики преступности несовершеннолетних / С.К. Жиляева // Рос. следователь. – 2010. – № 1. – С. 22–28.
2. *Косарев, В.Н.* Пути и средства предупреждения рецидивной преступности / В.Н. Косарев, Л.В. Косарева // Рос. юстиция. – 2009. – № 8. – С. 46–48.
3. *Решетов, Г.М.* Некоторые проблемы профилактики и борьбы с преступностью несовершеннолетних / Г.М. Решетов // Рос. следователь. – 2008. – № 8. – С. 24–25.

Дата поступления: 14.10.2011

Annotation

Commission of repeated crimes by minors has high social danger not only owing to the prevalence, but first of all because of the consequences. For the practical solution of problems of struggle against criminality increase of efficiency of preventive measures of repeated offences of minors is necessary.

КРИМИНАЛИСТИКА

КРИМИНАЛИСТИКА
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ**ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ МОНИТОРИНГ СИТУАЦИИ
(ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ) В СФЕРЕ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ****Басецкий И.И.**заслуженный юрист Республики Беларусь
д-р юрид. наук, профессор
Академия МВД
Республики Беларусь**Скалдин А.В.**адъюнкт
научно-педагогического факультета
Академии МВД
Республики Беларусь**Аннотация**

Предварительные результаты исследования проблемы оперативного обслуживания подразделениями (сотрудниками) уголовного розыска закрепленных территорий показывают, что давно назрела необходимость применения инновационных подходов к определению сущности оперативно-розыскной деятельности в целом, ее законодательства, частных теорий и институтов оперативно-розыскного права. Не является исключением и категория «оперативное обслуживание», которая ни по форме (названию), ни по содержанию не отвечает современным требованиям. В настоящей статье мы попытались в какой-то мере восполнить имеющиеся пробелы.

Краткий аналитический обзор литературы свидетельствует, что разработка проблемы повышения эффективности оперативного обслуживания территорий была начата в 70–80-е гг. прошлого века. А.Г. Лекарь опубликовал статью «К вопросу о сущности оперативного обслуживания» [1], Б.Е. Богдановым была опубликована монография [2], но она, как и более поздние публикации советского периода, была посвящена основам организации оперативного обслуживания аппаратами БХСС (в настоящее время подразделения БЭП) объектов и отраслей народного хозяйства. К деятельности подразделений уголовного розыска в определенной степени относятся публикации А.Г. Лекаря [1], К.К. Горяинова и А.И. Силаева [3], но они были актуальны для своего времени и явились основой для нынешних исследователей, которые пока обходят эту тему стороной. Между тем, современная практика, в чем авторы убедились в период своей практической работы, остро нуждается в научно обоснованных рекомендациях по повышению

эффективности оперативного обслуживания подразделениями и сотрудниками уголовного розыска закрепленных территорий, на которых могут находиться криминогенные объекты и контингенты, пересекаться линии работы (борьба с квартирными и карманными кражами, торговля людьми и др.).

Указанные и другие исследования и сегодня выполняют роль прочной основы для новых исследований, однако современные исследователи даже термин «оперативное обслуживание» не упоминают и не предпринимали попыток наполнить его новым содержанием, изменив и само название оперативно-розыскной функции [4, с. 182–186].

В первом открытом учебнике по оперативно-розыскной деятельности (без грифа секретности), изданном в Санкт-Петербурге в 2000 г., авторы уже отошли от понятия «оперативное обслуживание» и используют термин «аналитический поиск и исследование оперативно-розыскной информации» [5, с. 468–522]. В изданном в 2001 г. в Москве открытом учебнике по оперативно-розыскной деятельности авторы рассматривают информационные основы оперативно-розыскной деятельности, включая возможности обогащения оперативно-розыскной информации

и основные информационно-поисковые системы оперативно-розыскного назначения, направления их развития [6, с. 614–663]. Авторский коллектив учебника по теории ОРД 2010 г. значительное внимание уделил оперативно-розыскной профилактике, включая изучение лиц, находящихся под оперативно-профилактическим наблюдением, а также теории оперативно-розыскной информации [7, с. 586–696].

Отказавшись от термина «оперативное обслуживание» в теории оперативно-розыскной деятельности, мы фактически уходим от научной разработки важнейшей функции ОРД оперативных подразделений. Практика же не отказалась от оперативного обслуживания закрепленных за оперативными подразделениями и их сотрудниками территорий, линий работы, криминогенных объектов и контингентов. Собственный опыт авторов, анализ отмененных нормативных правовых актов МВД СССР, БССР свидетельствует, что уже с первых дней работы в оперативном подразделении новичкам советовали: «изучить закрепленную территорию (зону)», «линию работы», объект (отрасль) экономики, выявить криминогенные объекты и контингенты, наладить взаимодействие с иными оперативными подразделениями и службами МВД, а также других ведомств. При этом бремя ответственности за состояние правопорядка на той или иной территории, находящихся там объектах возлагается на оперативное подразделение (оперработников) того ведомства, которое наделено соответствующей компетенцией. В системе МВД – это подразделения уголовного розыска (предупреждение и выявление общеуголовных преступлений); борьбы с экономической преступностью; борьбы с организованной преступностью; борьбы с преступлениями в сфере высоких технологий; борьбы с наркопреступностью и торговлей людьми и некоторыми другими преступлениями. Для каждого оперативного подразделения важнейшей функцией ОРД является оперативное обслуживание закрепленных территорий и линий работы, криминогенных объектов и контингентов.

Термин «оперативное обслуживание» появился в теории и практике ОРД в советский период и означал «изучение», «анализ» оперативной обстановки¹, слежение за ее состоянием, «контроль поведения соответствующих криминогенных контингентов»² [1, с. 40–44; 2, с. 17–128;

3, с. 40–47; 8, с. 71–79; 9, с. 15–23;]. Такое «обслуживание» считалось «оперативным» ввиду сочетания гласных и негласных методов наблюдения, используемых при этом сил и средств.

Но оперативные подразделения и их сотрудники никогда не относились к сфере обслуживания, поэтому, на наш взгляд, целесообразно использовать термин «мониторинг», означающий «регулярное наблюдение за развитием какого-либо процесса, состояния, явления, их оценивание и прогнозирование» [10, с. 604]. В подтверждение обоснованности и своевременности такого подхода можно привести создание в ряде республик бывшего СССР, в том числе в Республике Беларусь, подразделений экономического (финансового) мониторинга, опыт их эффективной деятельности.

В постсоветский период правовой основы оперативного обслуживания создано не было. В уголовном законодательстве нашей страны есть статьи «Превентивный надзор за осужденным» (ст. 80 УК Республики Беларусь) и «Профилактическое наблюдение за осужденным» (ст. 81 УК Республики Беларусь), что предполагает проведение мониторинга. Однако даже Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативное обслуживание не регулируется, но установлен перечень оперативно-розыскных мероприятий, которые могут применяться при организации и осуществлении мониторинга. Мы считаем правовую основу указанной функции ОРД явно недостаточной и предусматриваем подготовку по результатам исследования концептуальной модели проекта закона Республики Беларусь «Об основах мониторинга ситуации в сфере борьбы с преступностью».

Следует отметить также, что сегодня на высшем государственном уровне России, Беларуси, Украины все чаще обсуждаются вопросы, связанные с «умной экономикой», а мы считаем, что давно назрела необходимость говорить об умной оперативно-розыскной деятельности в целом, об умном мониторинге ситуации в сфере противодействия преступности – в частности, только для этого вполне подходит иностранное слово «креативность» (от лат. *creation* – созидание, сотворение, творчество, созидательная новаторская деятельность) – противоположность деструктивности [11, с. 442].

¹ Под оперативной обстановкой принято было понимать состояние правопорядка, борьбы с преступностью, совокупность причин преступности, условий, способствующих совершению преступлений, и факторов, облегчающих реализацию преступных замыслов в конкретном месте и за конкретный период (месяц, квартал, год).

² К ним относили лиц, ранее судимых, не вставших на путь исправления, так называемый «подсчетный контингент», т.е. лиц, находящихся на профилактическом, криминалистическом и оперативно-розыском учетах, пьяниц, тунеядцев, наркоманов, проституток и т.д.

Следовательно, «умный мониторинг» – это «креативный мониторинг». Для включения в научный оборот теории ОРД категории «креативный мониторинг» важное значение имеют термины: «объекты мониторинга», «субъекты мониторинга», «цели и задачи мониторинга», «силы и средства мониторинга», «расстановка сил и средств», «организация мониторинга», «контрольно-наблюдательное дело» как средство сбора, систематизации и реализации результатов мониторинга [12]. Кроме того, мы предполагаем при организации и осуществлении мониторинга обеспечить системный подход и использовать при этом опыт применения в реальной практике авторов методов включенного наблюдения, анализа и синтеза, экспериментальной проверки. Креативный мониторинг может быть территориальным, линейным, объектовым, отраслевым, региональным, общепрофилактическим, индивидуально профилактическим и т.д.

Территориальный мониторинг обеспечивает регулярное наблюдение за развитием и изменением оперативной обстановки на закрепленных территориях³, а также на криминогенных объектах и в контингентах, находящихся на них. Учитывая это обстоятельство, на конкретной территории нередко совпадают интересы различных оперативных подразделений, цели и задачи их деятельности, главными из которых являются:

1. Своевременное предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений.

2. Обеспечение безопасности людей, их прав и законных интересов, защиты интересов и ценностей общества и государства.

3. Своевременное выявление и безотлагательное принятие мер по устранению причин совершения преступлений, условий, способствующих их совершению, обстоятельств, облегчающих реализацию преступных замыслов и в первую очередь тех, которые могут повлечь гибель людей, уничтожение либо повреждение зданий, сооружений, памятников архитектуры и культуры, жилья населения.

4. Для решения указанных целей и задач креативный мониторинг предполагает:

- 4.1. Четкое закрепление территорий и находящихся на ней объектов за конкретными оперативными подразделениями и их сотрудниками;

- 4.2. Законодательное закрепление обязанностей и прав субъектов и участников мониторинга;

- 4.3. Четкое нормативно-правовое определение по каждой территории зон и объектов прямой ответственности за состояние правопорядка и общественной безопасности, непосредственных функций каждого оперативного подразделения и их сотрудников, системы контроля за их деятельностью;

- 4.4. Разработку и постоянное обновление паспортов на каждую зону повышенного внимания, регулярный сбор, анализ и оценку гласной и негласной информации об изменениях в условиях функционирования объектов мониторинга, прогнозирование последствий неустранения обнаруженных недостатков и упущений в обеспечении правопорядка и общественной безопасности;

- 4.5. Прогнозирование способов проникновения на закрепленную территорию (объект) потенциальных террористов и других лиц, могущих совершить особо тяжкие и тяжкие преступления с необратимыми последствиями;

- 4.6. Регулярную и тщательную перепроверку работоспособности контрольной аппаратуры, средств видеонаблюдения, выявления запрещенных предметов, подозрительных действий отдельных лиц.

Резюмируя изложенное, считаем возможным сделать однозначные выводы:

1. Категория «креативный мониторинг» как основная функция ОРД заслуживает включения в понятийный аппарат ее теории.

2. Сущность, цели и задачи креативного мониторинга, ее правовая основа, объекты и субъекты, правовой статус объектов и участников креативного мониторинга являются важной составляющей деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел и их сотрудников.

³ Территории имеют свои границы, соседние территории, особенности географического положения, площадь, численность экономических, финансовых, социальных и культурно-просветительных объектов, предприятий торговли и общественного питания, железнодорожных, автомобильных и речных вокзалов, аэропортов, гостиниц и многое другое. Кроме персонала, жителей территории, здесь периодически сосредотачивается большое количество людей.

Список использованных источников

1. *Лекарь, А.Г.* К вопросу о сущности оперативного обслуживания / А.Г. Лекарь // Оперативно-розыскная работа: науч.-практ. журн. – 1981. – № 115. – С. 40–44.
2. *Богданов, Б.Е.* Основы организации оперативного обслуживания аппаратами БХСС объектов и отраслей народного хозяйства: моногр. / Б.Е. Богданов. – М.: Акад. МВД СССР, 1979. – 273 с.
3. *Горяинов, К.К.* Криминологическая обстановка и ее региональные особенности: учеб. пособие / К.К. Горяинов, А.И. Силаев. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1985. – 60 с.
4. *Басецкий, И.И.* О необходимости введения в научный оборот понятия «оперативно-розыскные функции» / И.И. Басецкий // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь: науч.- практ. журн. – 2010. – № 2 (20). – С. 182–186.
5. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. В.В. Рушайло. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Лань, 2000. – 720 с.
6. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. – М.: Инфра-М, 2001. – 794 с.
7. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М.: Инфра-М, 2010. – 832 с.
8. *Алексеев, А.И.* Роль оперативного обслуживания криминальных объектов в организации профилактики преступлений / А.И. Алексеев // Проблемы борьбы с преступностью: сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1977. – С. 71–79.
9. *Гуров, А.И.* Особенности проявления организованной преступности и некоторые меры по ее нейтрализации / А.И. Гуров // Вопросы совершенствования теории и практики оперативно-розыскной деятельности аппаратов уголовного розыска: сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1987. – С. 15–23.
10. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: ООО «Издательство Астраль»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 1582 с.
11. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Минск: Современный литератор, 2005. – 976 с.
12. *Басецкий, И.И.* Инновационные подходы к определению сущности оперативно-розыскной деятельности / И.И. Басецкий, В.Ч. Родевич // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь: науч.-практ. журн. – 2009. – № 1 (17). – С. 163–166.

Дата поступления: 02.11.2011

90 *Annotation*

Preliminary results of research on the operational service units (employees) assigned areas of criminal investigation shows that the long overdue need for innovative approaches to defining the essence of detective activity as a whole, its laws, institutions and private theories of operational-search law. Is no exception and the category of «operational service», which is in form (title) or content does not meet modern requirements. In this article we will try in some way to fill the gaps.

О СУЩНОСТИ ЗАЩИТЫ И БЕЗОПАСНОСТИ, ГАРАНТИРУЕМЫХ ГОСУДАРСТВОМ ЛИЦАМ, ОКАЗЫВАЮЩИМ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ СОДЕЙСТВИЕ ОПЕРАТИВНЫМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ

Башан А.В.канд. юрид. наук, доцент
Академия МВД
Республики Беларусь**Горшенков С.А.**адъюнкт
научно-педагогического факультета
Академии МВД
Республики Беларусь

Аннотация

Рассматриваются проблемы соотношения понятий «защита» и «безопасность» в контексте обеспечения конфиденциального сотрудничества в оперативно-розыскной деятельности. Авторы предлагают определение защиты лиц, оказывающих конфиденциальное содействие правоохранным органам.

Преступность в системе социально-правовых и иных явлений действительности является источником негативного воздействия на личность, общество и государство.

Противодействуя преступным проявлениям, правоохранительные органы используют помощь отдельных граждан, в том числе и на конфиденциальной основе. Однако участие граждан в подобном виде деятельности зачастую влечет для них негативные последствия, связанные с физическим, психическим либо иным воздействием со стороны преступных элементов. В цивилизованном обществе помощь, оказываемая конфиденциантами, как правило, надежно защищена.

Впервые право на безопасность, как одно из фундаментальных прав человека и гражданина, юридически было закреплено в декларации 1776 г. прав Вирджинии (США), в которой провозглашалось: «Все люди по природе являются в равной степени свободными и независимыми и обладают прирожденными правами, коих они – при вступлении в общественное состояние – не могут лишиться себя и своих потомков каким-либо соглашением, а именно: правом на жизнь... правом стремления к счастью и безопасности и их приобретение».

В Конституции Республики Беларусь декларируются права на защиту жизни, здоровья, нравственности, прав и свобод личности [1]. Так как в Конституции Республики Беларусь термин «безопасность» не используется, возникает вопрос о соотношении понятий «безопасность» и «защита».

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова под понятием защиты понимается «то, что защищает, служит обороной», защищать – значит «оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности, предохранить, обезопасить от чего-либо» [2, с. 225].

Безопасность представляется как «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности» [3, с. 41].

Видится, в этом случае безопасность выступает как состояние, а защита, как действие, направленное на достижение подобного состояния, поэтому, по нашему мнению, в данном ключе понятие «безопасность» несколько шире понятия «защита».

В современной юридической литературе взгляды на соотношение рассматриваемых понятий различны. Так, А.Ф. Галузин в структуре механизма обеспечения безопасности различает объективно существующие «охрану» и «защиту», которые выступают как самостоятельные формы-уровни обеспечения правовой безопасности. По его мнению, без уголовно-правовой охраны и защиты обеспечение безопасности невозможно, при этом категория «охрана» обозначает уровень предзащиты (предшествующий собственно защите – применению мер правовой безопасности) [4, с. 49]. Под защитой в правовом смысле А.Ф. Галузин предлагает обозначать:

1) уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и связанные с их реализацией оперативно-розыскные меры, которыми обеспечивается защита потерпевших, свидетелей, других лиц, содействующих уголовному судопроизводству, иных участников процесса, их прав от реальных криминальных угроз и посягательств, в связи с обеспечением расследования;

2) процесс применения этих мер с целью защитить [4, с. 49].

Безопасность, с данной точки зрения, имеет более широкое толкование. Понятие правовой безопасности рассматривается как осуществляемая в правовой системе и посредством права социально-правовая система обеспечения (осуществления охраны, защиты) и обеспеченность правового положения (статусов, состояний, условий) субъектов (личность, общество, государство) права, в котором они гарантированно и на свой риск, самостоятельно и совместно противодействуют (предупреждают, нейтрализуют, устраняют) опасности, прежде всего, социально-правовым, обеспечению и обеспеченности их законных прав, свобод, интересов – видов безопасности личности, общества, государства или видов национальной безопасности [4, с.48]. Таким образом, безопасность рассматривается не только как состояние, но и действие, направленное на достижение этого состояния, путем осуществления охраны и защиты. Если основываться на таком подходе к рассматриваемой проблеме, то можно говорить о защите лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам с точки зрения обеспечения состояния их безопасности. В данном случае, по нашему мнению, понятие «безопасность» тождественно понятию «защита».

В свою очередь, С.А. Михаленок считает, что понятия «защита» и «безопасность» различны, но находит между ними взаимосвязь. Так, под социально-правовой защитой лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД, он понимает установленную и гарантированную государством совокупность

мер, направленных на обеспечение эффективности осуществления ими содействия в решении задач ОРД, их безопасности, а также социальной защищенности, реализация которых должна осуществляться в порядке и на основаниях, определенных актами законодательства [5, с. 283]. Видится, что в этом случае социально-правовая защита указанных лиц представляет собой систему, включающую: объект защиты; совокупность мер защиты (средств, гарантий социальной, правовой защиты, мер безопасности); деятельность государства по реализации данных мер [5, с. 281]. В данном случае понятие «защита» шире, чем понятие «безопасность».

Иную точку зрения высказывает Н.В. Павличенко, согласно которой в системе прав лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, следует закрепить такие права, как право на безопасность, право на социальную защиту, право на правовую защиту, право на защиту от неправомерного поведения должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [6]. Исходя из сказанного, реализация права на безопасность «лежит в организационно-тактической плоскости взаимоотношений конфиденнта и конкретного оперативного уполномоченного, с которым он работает» [6]. Кроме того, по мнению Н.В. Павличенко, данное право подразумевает соблюдение конфиденнтом «правил конспирации и режима секретности при ведении оперативно-розыскной работы, полное понимание человеком, вовлеченным в оперативно-розыскной процесс, своего правового положения и знание всех возможных негативных обстоятельств, связанных с конфиденциальной работой» [6]. Данное положение тесно соприкасается с правом на правовую защиту, которое в широком смысле понимается Н.В. Павличенко как «четкая регламентация и закрепление правового статуса конфиденциального сотрудника, вовлеченного в сферу борьбы с преступностью» [6]. На наш взгляд, понимание конфиденнтом своего правового статуса относится, прежде всего, к праву на правовую защиту, а не к праву на безопасность.

Помимо этого, защиту конфиденнта и его близких от физического и психического воздействия названный автор относит к праву на социальную защиту, реализация которого помимо этого подразумевает «получение материальных компенсаций за выполненную работу, пенсионное обеспечение при наступлении пенсионного возраста» и др. [6].

С данной точкой зрения трудно согласиться, поскольку меры безопасности, на наш взгляд, направлены, прежде всего, на защиту конфиденнта от физического и психологического воздействия.

К вопросу о соотношении понятий «защита» и «безопасность» обращается С.Е. Шокин, который считает, что «термин «защита» как понятийное образование состоит из двух взаимосвязанных понятий: а) социальной защиты; б) правовой защиты» [7, с. 12]. В то же время он выделяет такие виды защиты, как «применение специальных мер безопасности» и «осуществление мер социальной защиты», не рассматривая меры правовой защиты [7, с. 14]. Такой подход позволяет предположить, что понятие «защита» включает в себя понятие «безопасность» и является более широким понятием.

Аналогичных позиций придерживаются И.А. Антонов, А.Г. Гурбанов, А.В. Шахматов, которые считают, что для нормального функционирования института защиты участников раскрытия и расследования преступлений необходим целый комплекс мер (правовых, организационных, материальных), среди которых наиболее важной на сегодняшний день является проблема законодательного закрепления надежного механизма обеспечения их безопасности [8]. Исходя из этого, представляется, что механизм обеспечения безопасности входит в институт защиты участников, оказывающих содействие в расследовании преступлений.

В настоящее время термины «безопасность» и «защита» встречаются в различных нормативных правовых актах. Так, в ст. 20 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» предусмотрена социальная и правовая защита лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. В то же время, в целях обеспечения безопасности данных лиц указанная статья закрепляет применение мер безопасности, однако, что понимает законодатель под этим термином в статье не указано [9]. Соответствен-

но видится, что употребление термина «меры по обеспечению безопасности» более предпочтительно. В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь безопасность рассматривается как «состояние защищенности» [10].

В ратифицированных Республикой Беларусь Конвенциях ООН против транснациональной организованной преступности и против коррупции термин «меры по обеспечению безопасности» не употребляется, а используется аббревиатура «процедуры для физической защиты» [11; 12].

На основании изложенного становится очевидным, что вопрос о соотношении понятий «безопасность» и «защита» в настоящее время не достаточно урегулирован, что в свою очередь негативно влияет на унификацию законодательства, регулирующего связанные с ними общественные отношения.

На наш взгляд, в контексте защиты лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, «безопасность» необходимо рассматривать в более узком смысле, чем понятие «защита». Конфидент, сотрудничая с правоохранительными органами, находится под угрозой наступления негативных последствий, связанных с осуществлением такого сотрудничества, поэтому не совсем верно говорить о безопасности, так как конфидент в данном случае находится в состоянии защиты. Таким образом, защита лиц, оказывающих конфиденциальное содействие правоохранительным органам, представляет собой установленную законодательством систему мер правового, социального характера, а также мер по обеспечению личной безопасности, направленных на недопущение, пресечение негативных последствий, связанных с таким сотрудничеством с целью обеспечения решения задач ОРД.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.
2. Защита, защитить // Толковый словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. – М., 2001. – С. 225.
3. Безопасность // Толковый словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. – М., 2001. – С. 41.
4. Галузин, А.Ф. Принцип «правовой безопасности» и система уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-розыскного законодательства России / А.Ф. Галузин // Право и политика. – 2005. – №4. – С. 48–61.
5. Михаленок, С.А. Правовая сущность социально-правовой защиты лиц, оказывающих содействие государственным органам в осуществлении оперативно-розыскной деятельности / С.А. Михаленок // Теоретические и прикладные проблемы уголовного процесса, криминалистики и ОРД: сб. материалов науч.-практ. конф., Минск, 18 мая 2006 г. / Акад. МВД. – Минск, 2006. – С. 280–283.
6. Павличенко, Н.В. Правовой статус лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность / Н.В. Павличенко // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2011.

7. *Шокин, С.Е.* Защита лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / С.Е. Шокин; Владимир. юрид. ин-т ФСИН. – Владимир, 2005. – 23 с.
8. *Антонов, И.А.* Правовые основы обеспечения безопасности лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим раскрытие и расследование преступлений / И.А. Антонов, А.Г. Гурбанов, А.В. Шахматов // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2011.
9. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь от 09 июля 1999 г., № 289-З: с изм. и доп.: текст по состоянию на 04 янв. 2010 г. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 29 с.
10. Концепция национальной безопасности: Указ Президента Респ. Беларусь, 09 нояб. 2010 г., № 575 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
11. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: Закон Респ. Беларусь, 03 мая 2003 г., № 195-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 июня 2008 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
12. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: Закон Респ. Беларусь, 25 нояб. 2004 г., № 344-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 июня 2008 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.

Дата поступления: 11.10.2011

Annotation

The article is about relationship between the concepts «protection» and «security» in the context of a confidential co-operation in the operational-search activity. The author offers a definition of the protection of persons providing confidential assistance to law enforcement authorities.

КРИМИНАЛИСТИКА

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

ГАРАНТИИ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Бранчель И.И.

Научно-практический центр
проблем укрепления
законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

Аннотация

В статье, на основе изучения практики расследования уголовных дел, отечественной и зарубежной специальной и научной литературы в области оперативно-розыскной деятельности, проанализированы гарантии неприкосновенности при проведении оперативно-розыскных мероприятий с целью предупреждения, выявления, пресечения преступлений, выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Констатируется, что проведение указанных мероприятий в нарушение конституционного принципа неприкосновенности жилища и иных законных владений граждан, тайны корреспонденции, телефонных и иных сообщений будет являться грубым нарушением закона со всеми вытекающими отсюда последствиями – признанием данных оперативно-розыскных мероприятий незаконными с последующим отказом в возбуждении по ним уголовного дела либо его прекращением в случае возбуждения на основании незаконно проведенных мероприятий или вынесением оправдательного приговора при направлении такого дела для рассмотрения в суд.

В соответствии со ст. ст. 28 и 29 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на защиту от незаконного посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан. В связи с этим Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) допускает проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), ограничивающих конституционные права граждан на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, передаваемых по техническим каналам связи, неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан, **только**, как об этом записано в ч. 2 ст. 13 данного Закона, **с санкции прокурора или его заместителя**. С санкции прокурора или его заместителя проводятся также ОРМ «слуховой контроль», «оперативный эксперимент» и повторная проверочная закупка в отношении одного и того же лица на основании сведений о признаках одного и того же преступления. Поэтому проведение данных ОРМ в отсутствие санкции указанных должностных лиц будет являться грубым нарушением конституционной гарантии неприкосновенности граждан со всеми вытекающими отсюда последствиями – признанием этих ОРМ незаконными с последующим отказом в возбуждении по ним уголовного дела либо его прекращением в случае возбуждения дела на основании незаконно проведенных ОРМ или вынесением оправдательного приговора при направлении такого дела для рассмотрения в суд.

К нарушениям конституционных прав граждан следует также отнести незаконное проведение любых ОРМ в отсутствие санкции прокурора или его заместителя в жилище и иных законных владениях проверяемого лица. Например, оперативные сотрудники, намереваясь провести проверочную закупку в квартире или в доме у продавца, почему-то «забывают», что местом проведения этого ОРМ является жилище гражданина, неприкосновенность которого охраняется Конституцией Республики Беларусь, и поэтому для его проведения необходимо получить санкцию прокурора или его за-

местителя. Санкция не требуется только тогда, когда ОРМ проводится на улице, в ином общественном месте, но если внутри жилища – она требуется обязательно.

Будет являться также нарушением конституционного принципа неприкосновенности жилища и иных законных владений граждан, например, проведение оперативного обследования жилого помещения в присутствии собственника этого помещения или проживающих в нем лиц, но без санкции прокурора или его заместителя, даже если на это имелось согласие собственника жилища и проживающих в нем лиц. Во всех этих случаях допущенные нарушения влекут за собой не только признание такого ОРМ незаконным, но и могут послужить основанием для возбуждения уголовного дела против оперативных работников за нарушение конституционных прав граждан.

По результатам рассмотрения материалов, представленных для получения санкции на проведение ОРМ, прокурор или его заместитель, как об этом записано в ч. 3 ст. 14 Закона об ОРД, санкционируют проведение этого ОРМ либо отказывают в его проведении, о чем делается отметка в постановлении о проведении ОРМ. Санкционированное прокурором или его заместителем постановление заверяется печатью, выдается инициатору проведения ОРМ одновременно с возвращением представленных им материалов. В случае отказа прокурора или его заместителя в даче санкции на проведение ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан, орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), в соответствии с ч. 4 ст. 14 Закона об ОРД, вправе обратиться по этому же вопросу к вышестоящему прокурору или его заместителю.

В данном случае говорится только об ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, к которым согласно ч. 2 ст. 13 Закона об ОРД относится право на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, передаваемых по техническим каналам связи, неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан. А так как слуховой контроль (имеется в виду слуховой контроль, осуществляемый не в жилище и иных законных владениях граждан, а в иных местах) и оперативный эксперимент, о которых речь идет в ч. 1 ст. 14 Закона об ОРД, а также подлежащая санкционированию повторная проверочная закупка в отношении одного и того же лица на основании сведений о признаках одного и того же преступления под эту категорию не подпадают, то по смыслу Закона об ОРД орган, осуществляющий ОРД, в случае отказа прокурора или его заместителя в даче санкции на проведение этих ОРМ, **не вправе** обратиться

к вышестоящему прокурору или его заместителю по поводу санкционирования данных ОРМ.

Закон об ОРД предусматривает ряд изъятий из обязательности проведения некоторых ОРМ только с санкции прокурора или его заместителя. В частности, в ч. 4 ст. 13 Закона об ОРД по этому поводу записано, что в случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь, **допускается** проведение ОРМ, указанных в частях второй¹, третьей² и седьмой³ ст. 13 Закона об ОРД, **в отсутствие санкции прокурора или его заместителя**, но с обязательным их уведомлением «*в течение 24 часов*». В этом случае орган, осуществляющий ОРД, как следует далее из ч. 4 ст. 13 Закона об ОРД, «*в течение 48 часов с момента начала проведения оперативно-розыскного мероприятия, обязан получить санкцию прокурора или его заместителя на проведение такого оперативно-розыскного мероприятия либо прекратить его проведение*».

Следовательно, вопрос с санкционированием данных ОРМ в случаях, перечисленных в ч. 4 ст. 13 Закона об ОРД, прокурором или его заместителем также должен быть разрешен.

В то же время, если ОРМ, указанные в п. п. 8–12 ч. 1 ст. 11 Закона об ОРД – это обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, слуховой контроль, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, то есть затрагивающие конституционные права граждан, проводятся в отношении лица, должность которого включена в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь, депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, судьи, прокурорского работника (кроме следователя и стажера прокуратуры), когда уголовное дело в отношении этих лиц не было возбуждено или такое лицо не было привлечено в качестве подозреваемого или обвиняемого по уголовно-

¹ Ограничивающих конституционные права граждан на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, передаваемых по техническим каналам связи, неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан, слуховой контроль.

² Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, слуховой контроль, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи.

³ Оперативный эксперимент.

му делу, возбужденному в отношении других лиц либо по факту совершенного преступления, то в этом случае эти ОРМ могут быть проведены, согласно ч. 3 ст. 13 Закона об ОРД, либо с санкции Генерального прокурора Республики Беларусь, либо по постановлению Министра внутренних дел Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, заместителя Председателя Комитета государственного контроля Республики Беларусь-директора Департамента финансовых расследований или лиц, исполняющих их обязанности, с обязательным письменным уведомлением ими, как об этом записано в ч. 4 ст. 13 Закона об ОРД, Генерального прокурора Республики Беларусь или лица, исполняющего его обязанности, в течение 24 часов. Однако последующее получение у Генерального прокурора Республики Беларусь или лица, исполняющего его обязанности, санкции на проведение данных ОРМ в отношении указанных выше лиц не требуется. Если же эти ОРМ проводятся в отношении лица, должность которого включена в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь, то предварительно должно быть получено у Президента Республики Беларусь согласие на их проведение.

В связи с этим проведение ОРМ, указанных в п. п. 8–12 ч. 1 ст. 11 Закона об ОРД, в отношении перечисленных в предыдущем абзаце лиц с санкции не Генерального прокурора Республики Беларусь, а любого иного прокурора, либо в отсутствие санкции Генерального прокурора Республики Беларусь или постановления Министра внутренних дел Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, заместителя Председателя Комитета государственного контроля Республики Беларусь-директора Департамента финансовых расследований или лиц, исполняющих их обязанности, а также в отсутствие предварительного согласия Президента Республики Беларусь на проведение этих ОРМ в отношении лица, должность которого включена в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь, будет являться грубым нарушением Закона об ОРД со всеми вытекающими отсюда последствиями – признанием данных ОРМ незаконными и привлечением проводивших их оперативных работников и иных имеющих отношение к их проведению должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, к установленной законодательством ответственности, вплоть до уголовной.

В случаях, требующих оперативного принятия мер по обеспечению безопасности общества и государства в целях предупреждения, пресечения тяжких и особо тяжких преступлений,

проведение ОРМ, указанных в ч. 2 ст. 13 Закона об ОРД, то есть *ограничивающих конституционные права граждан на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, передаваемых по техническим каналам связи, неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан*, а также слухового контроля, допускается в отсутствие санкции прокурора или его заместителя только лишь на основании, как записано об этом в статье 13-1 Закона об ОРД, мотивированного постановления Министра внутренних дел Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, заместителя Председателя Комитета государственного контроля Республики Беларусь-директора Департамента финансовых расследований или лиц, исполняющих их обязанности, вынесенного ими в пределах своей компетенции, но с обязательным направлением копии такого постановления в течение 24 часов Генеральному прокурору Республики Беларусь или лицу, исполняющему его обязанности. Однако последующее получение у Генерального прокурора Республики Беларусь или лица, исполняющего его обязанности, санкции на проведение данных ОРМ также не требуется.

В соответствии с ч. 5 ст. 13 Закона об ОРД **с обязательным письменным уведомлением соответствующего прокурора или его заместителя в течение 48 часов**, но уже на основании постановления органа, осуществляющего ОРД, проводятся прослушивание переговоров, ведущихся с телефонов граждан, и снятие информации с их технических каналов связи, в случае возникновения угрозы жизни, здоровью, собственности этих граждан. Последующее получение у прокурора или его заместителя санкции на проведение этих ОРМ тоже не требуется, для этого достаточно наличия заявления указанного гражданина или его согласия в письменной форме.

В соответствии с ч. 2 ст. 13 Закона об ОРД проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, а также проведение ОРМ «слуховой контроль» возможно только *«при наличии информации о: 1) признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления; 2) лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление; 3) событиях или действиях, создающих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь»*. К сожалению, в практике нередко имеют место факты, когда в постановлениях о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, а также слухового контроля признаки подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления не указываются либо не приводятся действия, создающие угрозу национальной безопасности.

Имеют место также факты, когда в постановлениях о прослушивании телефонных переговоров, хотя и указываются конкретные лица, чьи телефоны подлежат прослушиванию, но прослушивается почему-то другой телефонный номер, а не тот, на который выдана санкция, а также факты, когда прослушивание проводится сверх сроков, установленных прокурором.

Например, оперативный эксперимент в отношении первого заместителя генерального директора ОАО «Белстройматериалы» А. сотрудниками ОБЭП Московского РОВД г. Минска проводился даже спустя пять дней после истечения срока, на который он был санкционирован прокурором. Данный факт явился одним из оснований для прекращения предварительного расследования уголовного дела, возбужденного в отношении А. по факту получения от гр-ки М. взятки в размере 1800 долларов США за благоприятное решение вопроса по заключению договора купли-продажи отопительных радиаторов [1].

Имеются факты неуведомления прокурора или его заместителя о проведении ОРМ, когда этого требует Закон об ОРД (ОРМ «проверочная закупка» или «контролируемая поставка» предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен) либо нарушение 24-часового срока уведомления прокурора или его заместителя и 48-часового срока получения у них санкции, когда ОРМ проводились в ее отсутствие *«в случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь»* (ч. 4 ст. 13 Закона об ОРД).

Особенно это проявляется при проведении такого ОРМ, как оперативный эксперимент, осуществление которого вообще допускается только в целях предупреждения, выявления, пресечения тяжкого, особо тяжкого преступления или преступления, могущего принести вред национальной безопасности Республики Беларусь, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. При проведении этого ОРМ без санкции прокурора оперативные работники прикрываются ч. 4 ст. 13 Закона об ОРД, разрешающей им проводить ОРМ, в том числе и оперативный эксперимент, *«в случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь, ...на основании мотивированного постановления органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с обязательным письменным уведомлением соот-*

ветствующего прокурора или его заместителя в течение 24 часов». Свое решение они мотивируют необходимостью безотлагательного проведения ОРМ, рассчитывая на благоприятное стечение обстоятельств – задержание виновного лица при совершении преступления, например, при получении взятки. Однако впоследствии оперативные работники и при благоприятном, и при неблагоприятном стечении обстоятельств почему-то забывают обращаться к прокурору за получением санкции.

Например, 20 января 2006 г. сотрудники УБЭП УВД Гродненского облисполкома в отсутствие санкции прокурора провели оперативный эксперимент в отношении М., начальника УПУП «Гродненская областная автошкола» БОАМЛ, по заявлению индивидуального предпринимателя Т. о вымогательстве М. взятки в размере 50 долларов США за заключение договора аренды автомобильной площадки для обучения правилам и навыкам вождения лиц, не сдавших экзамен по вождению, о проведении данного ОРМ прокурора тоже не уведомили, что явилось одним из оснований для прекращения предварительного расследования уголовного дела, возбужденного в отношении М. [2].

5 апреля 2006 г. сотрудники ГУБОПиК МВД Республики Беларусь в отсутствие санкции прокурора провели оперативный эксперимент в отношении заведующей контрольно-токсикологической лабораторией ГУ «Главная государственная инспекция по семеноводству, карантину и защите растений» Е., что явилось одним из оснований к прекращению предварительного расследования по уголовному делу в отношении Е. по факту получения ею от гр-на С. взятки в размере 1000 долларов США за проведение испытаний яблок без предоставления документов об их происхождении, о проведении данного ОРМ прокурора тоже не уведомили, что явилось одним из оснований для прекращения предварительного расследования уголовного дела, возбужденного в отношении Е. [3, с. 18].

Об этом же свидетельствуют цифры, приведенные В.Н. Крюковым в статье «Совершенствование правового регулирования проведения оперативного эксперимента при раскрытии взяточничества», согласно которым *«64,3% опрошенных работников прокуратуры, надзирающих за законностью ОРД, вообще не сталкивались со случаями обращения за санкцией после проведения оперативного эксперимента», а «96,3% опрошенных работников подразделений БК и ЭП КМ МВД Республики Беларусь за весь период службы в указанных подразделениях ни разу не обращались к прокурорам за получением санкции оперативного эксперимента при раскрытии взяточничества после его проведения»* [4, с. 48].

В статье Е. Никитина «Надзор за законностью оперативно-розыскных мероприятий» приводится следующий пример осуществления оперативного эксперимента под видом другого ОРМ, не требующего особого порядка его проведения. В РОВД поступила оперативная информа-

ция о совершении криминальным авторитетом С. вымогательства у коммерсантов К. и М., сопряженного с угрозой убийством и уничтожением имущества. Начальником КМ ОВД было принято решение о производстве оперативной проверки поступившей информации, которая была поручена оперуполномоченному ОУР К. В ходе проведения оперативной проверки информация нашла подтверждение. В целях документирования преступной деятельности С. сотрудник ОУР К. решил произвести наблюдение за его встречей с коммерсантами М. и К. При этом предварительно оперуполномоченный К. вручил коммерсантам купюры, помеченные специальным красителем, для их передачи вымогателю С. В ходе состоявшейся встречи они были вручены С., после чего он был задержан. Оформлено данное ОРМ было актом наблюдения с использованием аудио- и видеозаписи, не требовавшего каких-то особых условий его проведения, хотя фактически имело место проведение оперативного эксперимента, для которого установлен особый порядок его проведения – наличие санкции прокурора [5].

В этой связи особняком стоит вопрос о допустимости проведения ОРМ в изоляторах временного содержания и следственных изоляторах во время встреч адвокатов с подзащитными лицами (подозреваемыми и обвиняемыми), а также о доказательственном значении полученных при этом результатов ОРД, так как согласно ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре» встречи адвокатов со своими подзащитными должны проходить *«с соблюдением полной их конфиденциальности»*. Рассмотрим это на примере, опубликованном в статье Ю.П. Гармаева и В.С. Раднаева «Конфиденциальность свидания с клиентом: каковы ее пределы?».

Б. была арестована за незаконный оборот наркотических средств, совершенный в составе организованной преступной группы лиц. Но несколько членов группы, в том числе ее главарь, – скрылись. По делу имелись основания полагать, что Б. знает о месте нахождения главаря. В связи с этим следователь вынес постановление о прослушивании переговоров Б. в следственном изоляторе с применением негласной аудио- и видеозаписи, которое было санкционировано в установленном законом порядке. Соответствующая техническая аппаратура для производства аудио- и видеозаписи была негласно установлена также в кабинете следственного изолятора, где, помимо допросов обвиняемых, происходили также свидания адвокатов со своими подзащитными. В ходе проведения данного ОРМ были получены данные о том, что главарем преступной группы является Х., сожитель Б., и она знает о месте его нахождения, так как просила адвоката связаться с ним. Полученные сведения позволили задержать Х. и арестовать его. Более того, оказалось, что защитник, который, кстати, ранее работал оперативным работником, настоятельно рекомендует Б. отказаться от предшествующих показаний, в которых она полностью признавала себя виновной, и дать новые показания, которые будут существенно смягчать ее ответственность в плане квалификации деяния и возможной меры наказания. На основании этих сведений проку-

ратура внесла представление о возбуждении в отношении защитника дисциплинарного производства и о прекращении его правового статуса адвоката [6].

На защиту адвоката встали не только руководители адвокатуры, но и некоторые ученые. Однако никто из них не подвергал сомнению допустимость полученных сведений о месте нахождения главаря организованной преступной группы Х., на основании которых он был задержан и арестован. Полемика велась вокруг допустимости сведений, на основании которых прокуратура поставила вопрос о возбуждении в отношении защитника Б. дисциплинарного производства и о прекращении его правового статуса адвоката.

В итоге все свелось к признанию того факта, что *право адвоката на конфиденциальность встреч со своим подзащитным не может быть выше конституционности прав граждан на защиту от незаконного посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на неприкосновенность жилища и иных законных владений, других их прав. Поэтому, если законами допускается возможность ограничения конституционных прав граждан, то такое же ограничение допустимо по отношению к правам адвоката, так как его право, закрепленное всего лишь в Законе, не может быть выше прав остальных граждан, закрепленных в Конституции* [6].

Единственным условием проведения ОРМ в изоляторах временного содержания и следственных изоляторах во время встреч адвокатов с подзащитными лицами является неиспользование полученных при этом сведений для доказательств вины подозреваемого, обвиняемого в совершенном преступлении в случае, когда они ее не признают. Поэтому ссылка на результаты таких ОРМ, как на доказательство их вины в инкриминируемом деянии, недопустима. Сведения, полученные при проведении этих ОРМ, могут быть использованы для планирования расследования по делу, подготовки и осуществления следственных и иных процессуальных действий для добывания доказательств вины подозреваемого, обвиняемого в совершенном преступлении, но не более этого. Такой вывод вытекает из:

1. Запрета допроса адвоката *«для получения каких-либо сведений, которые могут быть им известны в связи с оказанием юридической помощи при производстве по уголовному делу»* (п.3 ч.2 ст.60 УПК Республики Беларусь).

2. Запрета разглашения защитником сведений, *«которые стали ему известны в связи с оказанием им юридической помощи, а также данные предварительного расследования и закрытого судебного заседания»* (п. 3 ч. 4 ст. 48 УПК Республики Беларусь).

3. Запрета на разглашение сведений, «*которые затрагивают неприкосновенность личной жизни, личную и семейную тайну граждан и (или) иные их права и законные интересы и стали известны при проведении оперативно-розыскных мероприятий*» (ст. 6 Закона об ОРД).

4. Установления уголовной ответственности за разглашение данных ОРД, отнесенной к государственной тайне (ст. 374 УК Республики Беларусь).

5. Недопустимости разглашения данных предварительного расследования (ст. 198 УПК Республики Беларусь).

6. Права подозреваемого и обвиняемого на отказ от дачи показаний (п. 9 ч. 2 ст. 40 и п. 8 ч. 2 ст. 43 УПК Республики Беларусь).

7. Права на молчание («*никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников*») участников уголовного процесса (ст. 27 Конституции Республики Беларусь).

В заключение о допустимости проведения ОРМ в изоляторах временного содержания и следственных изоляторах по месту содержания подозреваемых и обвиняемых хотелось бы привести выдержку из определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О по делу о конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», возбужденного по жалобе гражданки И.Г. Черновой на проведение в отношении ее ОРМ без ее ведома и согласия, в том числе и во время нахождения под стражей, в котором данный Суд по этому поводу записал, что «*преступное деяние не относится к сфере частной жизни лица, сведения о которой не допускается собирать, хранить, использовать и распространять без его согласия, а потому проведение таких оперативно-розыскных мероприятий не может рассматриваться как нарушение конституционных прав граждан*» [7].

Аналогичное решение по поводу проведения ОРМ в отношении граждан без их ведома и согласия с целью предупреждения, выявления, пресечения преступлений, а также выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, Конституционный Суд Российской Федерации принял по жалобе гр-на П. на неконституционность отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в отношении которого «*проводилась запись разговоров, связанных со сбытом наркотиков, т.е. с проверкой действий, содержащих при-*

знаки преступления» (определение № 91-О-О от 19 февраля 2009 г.) [8].

В то же время Конституционный Суд Российской Федерации считает, что сотрудникам органов, уполномоченных на осуществление ОРД, недопустимо «*проводить в условиях следственного изолятора с использованием аудио-записывающей аппаратуры опросы обвиняемого без разъяснения ему процессуальных прав и в отсутствие адвоката, получая при этом образец голоса обвиняемого, с тем, чтобы впоследствии использовать его при проведении судебно-криминалистической экспертизы звукозаписи*», так как «*проведение оперативно-розыскных мероприятий, сопровождающих производство предварительного расследования по уголовному делу, не может подменять процессуальные действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом*» [9].

Мы считаем, что не во всех случаях проведение подобных ОРМ в следственных изоляторах в процессе оперативного сопровождения предварительного расследования уголовного дела должно считаться недопустимым. Для подтверждения такого вывода приведем такой гипотетический пример.

Потерпевший, к которому было применено насилие с целью вымогательства имущества, представил органу уголовного преследования магнитную ленту с записью разговора, из которой следовало, что обвиняемый высказывал по отношению к потерпевшему угрозы убийством и уничтожением его имущества в случае, если тот не выполнит его требование о передаче части дохода от коммерческой деятельности за якобы имевшее место покровительство (рэккет). Для установления принадлежности голосов на данной ленте следователь назначил фоноскопическую экспертизу, о ее назначении, как требует УПК, объявил обвиняемому и предъявил постановление об отобрании образцов голоса для проведения сравнительных исследований. Однако обвиняемый категорически отказался от записи его голоса на магнитную ленту, отказался он и от дачи показаний с записью на диктофон, понимая, что звукозапись может быть использована при проведении экспертизы. В этом случае иного выхода у следователя не будет, как поручить оперативным работникам, осуществляющим оперативное сопровождение предварительного расследования уголовного дела, осуществить комплекс ОРМ с целью получения образцов голоса обвиняемого для проведения сравнительных исследований, что, на наш взгляд, будет вполне законно и обоснованно.

Список использованных источников

1. Уголовное дело № 03011031928 // Архив прокуратуры Октябрьского р-на г. Минска за 2003 г.
2. Уголовное дело № 20/0139//Архив прокуратуры Октябрьского р-на г. Гродно за 2006 г.
3. О результатах проверки исполнения органами МВД, КГБ, ДФР КГК, ГТК, ГКПВ Республики Беларусь Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» при выявлении преступлений о взяточничестве: Справка Управления по борьбе с коррупцией и организованной преступностью Генеральной прокуратуры Республики Беларусь за 2005 г. //Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.
4. *Крюков, В.Н.* Совершенствование правового регулирования проведения оперативного эксперимента при раскрытии взяточничества / В.Н. Крюков // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2009. – №1 (17). – С. 47–51.
5. *Никитин, Е.* Надзор за законностью оперативно-розыскных мероприятий / Е. Никитин // Консультант Плюс: Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2010.
6. *Гармаев, Ю.П.* Конфиденциальность свидания с клиентом: каковы ее пределы? / Ю.П. Гармаев, В.С. Раднаев // Консультант Плюс: Россия. Технология 3000. Серия 300 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2010.
7. Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 14.07.1998 №. 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки Черновой И.Г. // Консультант Плюс: Россия. Технология 3000. Серия 300 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2010.
8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.02.2009 № 91-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пишака В.И. на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 6 и частью второй статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Консультант Плюс: Россия. Технология 3000. Серия 300 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2010.
9. Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 24.01.2008 № 104-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бухрова Д.Ю. на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 84, 86 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 2 и 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Консультант Плюс: Россия. Технология 3000. Серия 300 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2010.

Дата поступления: 04.08.2011

101

Annotation

In the article, on the basis of study of practice of investigation of criminal cases, of the domestic and foreign special and scientific literature in the field of operative-investigatory activity, inviolability guarantees at carrying out of operative-investigatory actions for the purpose of the prevention, revealing, suppression of crimes, revealing and determination of persons, that are preparing them, that are committing or already have committed are analysed. Carrying out of the mentioned actions contemptuously to the constitutional principle of security of residence and other lawful possession of citizens, privacy of correspondence, telephone and other messages, will be rough infringement of the law with all the consequences following from here – a recognition of the given operative-investigatory actions as illegal with the subsequent refusal in initiation of proceedings on them or its dismissal in case of initiation on the basis of illegally prosecuted actions or imposition of acquittal at the direction of such matter for consideration in court.

КРИМИНАЛИСТИКА
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

ВИДЫ И ПРИЗНАКИ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В ОТНОШЕНИИ ИМУЩЕСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Ермолович Д.В.
канд. юрид. наук
Академия МВД
Республики Беларусь

102

Аннотация

В статье рассматриваются современные способы мошенничества в отношении физических лиц, совершаемые на территории Республики Беларусь. Приводятся характерные признаки данных способов и тенденции их проявления в ближайшем будущем. Определены типичные причины сохранения латентности мошенничества.

Мошенничество, как и многие другие умышленные корыстные преступления, имеет высокую степень латентности. Для того чтобы определить максимальное разнообразие способов данного латентного мошенничества, совершаемых на территории Республики Беларусь в отношении ее граждан, а также иностранцев и лиц без гражданства, нами наряду с изучением архивных уголовных дел было целенаправленно проведено интервьюирование оперативных и следственных сотрудников.

В процессе интервьюирования оперативным и следственным сотрудникам был задан вопрос об известных им на практике способах мошенничества в отношении имущества физических лиц. По их мнению, мошенниками в отношении имущества физических лиц на территории Республики Беларусь используются следующие способы мошенничества, совершаемые:

- под предлогом оказания услуг;
- под предлогом займа денег;
- под предлогом временного использования имущества других лиц и организаций;
- под предлогом продажи имущества;
- под видом гадания, знахарства, лечения методами нетрадиционной медицины;
- под видом получения каких-либо выплат, подарков с получением денег за услуги по их доставке, документальному оформлению;
- путем представления лицами, исполняющими служебные или общественные обязанности;
- путем подмены товара;
- посредством использования «денежной куклы»;
- при продаже поддельных, фальсифицированных ювелирных изделий, драгоценных камней; вещей, принадлежащих якобы известным людям, произведений искусства, антиквариата;
- посредством организации и проведения азартных игр;
- под прикрытием установления брачных отношений, выполнения обязательств по опекуновству, попечительству;
- путем создания «финансовых пирамид»;
- в Интернете.

Данная классификация является открытой и отражает наиболее актуальные способы мошенничества в отношении физических лиц. Рассмотрим выделенные способы мошенничества более детализированно.

Способы мошенничества, совершаемые под предлогом оказания каких-либо услуг являются наибо-

лее распространенными. При их совершении мошенники предлагают за определенное вознаграждение оказать свою помощь. На практике это может быть обещание посодействовать в приобретении чего-то; выполнении каких-либо работ; реализации намерений, удовлетворении желаний, решении каких-либо жизненных проблем. После получения денег, иного имущества мошенники скрываются.

Для таких способов характерно то, что мошенник в одних случаях обещает достать товар значительно дешевле фактической стоимости, а иногда даже за половину цены, в других – выполнить все действия по оформлению, оплате и доставке (погрузке, транспортировке, разгрузке) чего-либо, не отвлекая на это «жертву» мошенничества.

Отдельную группу составляют *способы мошенничества об оказании услуг в выполнении каких-либо работ*. Разновидностью мошеннического обмана, совершаемого под предлогом оказания каких-либо услуг, является и ложное обещание относительно реализации намерений избранного мошенником «потерпевшего». Содержанием такого обмана являются обстоятельства будущего времени о реализации намерений, удовлетворении желаний. Обосновывая свои действия и других лиц в будущем, мошенник создает неверное представление у «жертвы» мошенничества о своих возможностях и действительных намерениях, которые у него фактически имеются в конкретный период времени. Рассматриваемые способы касаются намерений трудоустройства, перевода на другую работу, поступления на учебу, изменения места работы и жительства, участия в соревнованиях с призовым фондом, организации презентации в связи с юбилеем (день рождения, присвоение почетного звания и т.п.), получения заказа на что-то; организации туристической или иной поездки, принятия участия в конкурсе, получения лицензии, ордера на квартиру, талона техосмотра транспортного средства и т.п.

При характеристике данной группы способов совершения мошенничества представляется целесообразным акцентировать внимание на совершении преступлений, связанных с трудоустройством. Они имеют три основных разновидности: трудоустройство за рубежом; трудоустройство с «испытательным сроком»; трудоустройство на дому.

Трудоустройство за рубежом. В таких случаях мошенники снимают квартиру под офис и проводят «объявленческую» компанию. Обещают всех желающих отправить в ту или иную страну на сбор цитрусовых, строительство дорог, лов рыбы и т.п. Каждому желающему предлагают заплатить определенную сумму

денег для оформления выездных документов. Полученные деньги мошенники присваивают и скрываются.

Трудоустройство с «испытательным сроком». Как правило, желающий устроиться на работу, звонит по объявлению. Ему предлагают пройти испытательный срок. Обычно этот срок составляет от двух недель до трех месяцев. Потерпевший, не подозревая о мошеннических намерениях «работодателя», старательно выполняет возложенные на него функции. По окончании «испытательного срока» ему объявляют о его профнепригодности и, соответственно, отказе в приеме на работу без выплаты какого-либо вознаграждения.

Трудоустройство на дому. Этот вид мошенничества тесно связан со вторым способом. Отличие состоит в том, что «будущий» работник исполняет свои обязанности дома, а в конце месяца, когда наступает срок выплаты заработной платы, фирма-работодатель исчезает.

Далее представляется целесообразным выделить *способы мошенничества, совершаемые по поводу отдельных событий*. При реализации этих способов мошенниками проводится сбор денег в связи с каким-то предстоящим событием. Такие сборы денег могут проводиться как по месту работы потерпевших, так и по месту их жительства. В отдельных случаях это характерно и для мест, где учатся, занимаются спортом их дети. В данных способах проявляется наступательный обман. Мошенник не предлагает, а настоятельно требует передачи ему денег. При этом он демонстрирует на бумаге ведение «своего» учета поступающих денег и фактически ставит в неловкое положение человека, от которого требует сдачи определенной суммы денег. Данные способы имели часто место во время массового отъезда граждан СССР в другие государства. Сейчас они характерны для лиц, которые под разными предложениями скрывают свое место жительства и истинные устремления о том, где намереваются в дальнейшем жить и работать.

Способы мошенничества, совершаемые под предлогом займа денег. На протяжении длительного исторического периода мошенничество, совершаемое под предлогом займа денег, не имеет тенденции к сокращению. Оно получило широкое распространение за последнее время. Мошенник, войдя в доверие к потерпевшему, занимает крупную сумму денег. При этом в зависимости от конкретных обстоятельств нередко дает даже расписку за их получение, а затем скрывается. Иногда мошенник и жертва могут проживать в одном населенном пункте. В таких ситуациях должник не скрывается от потерпевшего, а игнорирует требования по-

следнего о возврате долга. В отдельных случаях мошенник возвращает частично долг. Нередко он возвращает деньги, полученные обманным путем от других «жертв» его неправомерных действий.

Способы мошенничества, совершаемые под предлогом временного пользования имуществом физического лица. Мошенник, достигнув благоприятного расположения и доверия у гражданина, обосновывает свою просьбу на временное пользование какой-то очень нужной для него вещью. При этом выбирается именно такое время, когда гражданину, у которого просят на время вещь, она практически не нужна. Характерно, что за временное пользование запрашиваемой вещью обещается, как правило, символическая сумма либо дается обещание выполнить какие-то незначительные услуги, работы. После получения требуемой вещи мошенник просто «забывает» ее возвратить и сам скрывается от законного ее владельца.

Современное развитие технологий и существенное удешевление производства и обслуживания средств мобильной телефонии позволили стать доступными мобильные телефоны большинству граждан Республики Беларусь. Данное обстоятельство дало благоприятную почву для развития мошенничества. В настоящее время значительная часть мошеннических посягательств, в удельном весе рассматриваемого вида преступлений, связана с хищениями мобильных телефонов. Особенностью этого вида мошенничества является то, что у мошенника первоначальным мотивом совершения преступления выступает зависть, а затем при сокрытии преступления – корысть.

Способы мошенничества, совершаемые под предлогом продажи несуществующего имущества или имущества, которое мошеннику не принадлежит. В первом случае имущество непосредственно не предьявляется. Вместо него передается покупателю соответствующий документ на право собственности. Этот документ фактически является фиктивным. Получив деньги за проданное имущество, преступник скрывается.

Во втором случае мошенник также часто пользуется поддельными документами, подтверждающими его право собственности на имущество, действительно существующее. Но в таких случаях это имущество ему законно не принадлежит. Для большей убедительности он иногда даже предьявляет такое имущество покупателю для осмотра [1, с. 149]. Данные способы характерны в настоящее время для угнанных автомобилей.

Способы мошенничества, совершаемые под предлогом гадания, знахарства, лечения

методами нетрадиционной медицины. За последнее время значительно увеличилось количество гадалок, знахарей, ворожей, целителей, колдунов, магов и т.п., занимающихся мошенничеством. «Играя» на чувствах и суевериях граждан, мошенники нередко могут длительное время оставаться безнаказанными. Деньги и ценности выманиваются обычно под предлогом «снятия порчи, сглаза, проклятия», «приворота любимого, вернуть мужа», «чтобы открыть дорогу» и т.п. Данные способы мошенничества наиболее часто совершаются лицами цыганской национальности на улицах, площадях, рынках. Инициатива для общения, как правило, принадлежит мошенникам. На современном этапе мошенники стали действовать в рамках различных центров исцеления, реабилитационных клиник и т.п. Появилась масса фальшивых учеников и последователей победителей популярного телешоу «Битва экстрасенсов».

Способы мошенничества, совершаемые под видом получения каких-либо выплат, подарков с получением денег за услуги по их доставке, документальному оформлению. На практике встречаются крайне редко. Рассчитаны на определенную группу лиц, которые в течение короткого периода времени, с одной стороны, от радости о неожиданной удаче даже предположить не могут, что их обманывают, а с другой – имеют возможность незамедлительно передать требуемую мошенником сумму денег.

Получив объявленную сумму денег и передав, по сути, формальный документ, в котором отражено поступление денег от конкретного гражданина, мошенник скрывается. Потерпевший в течение нескольких дней ожидает получение «подарка» и, как правило, не обращается в правоохранительные органы по поводу его обмана. Этого времени мошеннику предостаточно, чтобы уклониться от уголовной ответственности.

Способы мошенничества, совершаемые под видом лица, исполняющего свои служебные или общественные обязанности. Мошенники учитывают, что люди склонны доверять представителям государственных и общественных организаций и, безусловно, сотрудникам правоохранительных органов. Встречаясь с такими лицами, честные граждане, как правило, не требуют от них соответствующего документа, удостоверяющего их личность. Если же и осматривают представленный документ, то делают это быстро, как правило, невнимательно, демонстрируют при этом уважение и доверие к должностному лицу.

Используя рассматриваемые способы совершения мошенничества, преступники представляются не только сотрудниками МВД, КГБ, но и даже представителями энергонадзора, официантами и др.

Преступники используют и другие вариации данного способа. Похищают деньги под видом сбора общественных взносов, используя различные предлоги. Например, у жильцов проводят сбор денег для починки водопроводных, отопительных систем, обработки помещений от насекомых, уборки и охраны подъездов и др. В последние годы имеют место не единичные случаи обманных сборов денег с жильцов многоэтажных домов под предлогом установки металлических дверей и домофонов в подъездах.

Наряду с приведенными примерами следует обратить внимание еще на один хорошо известный истории способ мошенничества, который в оперативно-следственной практике получил название «разгон на вынос».

Мошенниками определяется в качестве «жертвы» человек, имеющий у себя дома значительное количество денег, ювелирных изделий, произведений искусства, антиквариата и т.п. Не все это имущество данным гражданином приобретено (получено) законным путем. Однако к нему на конкретное время нет претензий со стороны правоохранительных органов.

Выбирается время, когда владелец этого имущества находится в том месте, откуда с ним не могут оперативно связаться по телефону его супруга (супруг), дети и другие близкие люди. Затем по телефону члену семьи избранной «жертвы» мошенничества передают якобы просьбу мужа о том, чтобы из дома вынесли и спрятали в условном месте деньги и все ценные малогабаритные вещи.

После того как такое имущество упаковано в сумки и вынесено из квартиры, внезапно появляются мошенники под видом сотрудников МВД (КГБ или прокуратуры). Они предъявляют поддельные уголовно-процессуальные документы о производстве обыска в квартире и иных помещениях, принадлежащих определенному гражданину. При этом в качестве понятых выступают соучастники мошеннической группы.

При совершении данного мошенничества преступники используют различные средства маскировки внешности, изменяют голос. Как правило, такие преступления совершают мошенники-гастролеры, действуя группой из трех-четырех человек. Причем преступники производят тщательную предварительную разведку, так как ищут лиц, чье состояние, по их мнению, нажито нечестным путем. Они полагают, что потерпевшие, боясь огласки о наличии у них значительных денежных сумм и ценного имущества, не будут заявлять о случившемся в правоохранительные органы.

Мошенничество, совершаемое путем подмены товара. Один из старейших способов мошенничества, в настоящее время встречается

все реже. Используя данный способ, мошенник на рынке или в помещении магазина предлагает купить у него какую-либо вещь. Получив деньги, заворачивает эту вещь в бумагу или кладет в сумку, застегивающуюся на «молнию». Затем этот сверток или сумка незаметно заменяются другими, очень сходными по внешнему виду, в которых находятся предметы, практически не имеющие стоимости. Для того чтобы покупатель не сразу обнаружил обман, на вручаемой ему сумке «заедает» «молния или замок». Этот способ может осуществляться и по-другому [2, с. 15]. В частности, передаваемый сверток с якобы представленной для продажи вещью может перевязываться шпагатом и даже заклеиваться скотчем.

Способы мошенничества, совершаемые с использованием «денежной куклы». Существует несколько способов: путем обмана при размене денег (так называемая «ломка денег»); путем вручения потерпевшему «денежной куклы» при оплате покупок или при обмене валюты; путем подбрасывания потерпевшему «денежной куклы» с последующим участием в дележе «находки» («подкидка»).

Обман при размене денег (так называемая «ломка денег»). Разменяв в кассе магазина, торговом киоске крупную денежную купюру и получив от кассира (продавца) пачку денег, мошенник пересчитывает их, держа пачку в таком положении, что кассиру из окошечка виден только верхний край пачки. Пользуясь этим, мошенник либо его соучастник, который стоит в очереди сзади него, незаметно выдергивает снизу из пачки несколько купюр. Затем мошенник заявляет кассиру (продавцу) о том, что сдача или размен денег произведены неправильно, и так как деньги пересчитывались, не отходя от кассы, то кассир вынужден восполнить недостающую сумму. Для этого способа характерна артистическая ловкость рук, с которой мошенник на глазах порой у многочисленных свидетелей проделывает молниеносные манипуляции с денежными купюрами [1, с. 152–153].

Разновидностью данного способа мошенничества является хищение путем обмана при расчете за сделанную покупку (так называемая «вздержка денег»). Этот способ мошенничества применяется, как правило, на рынках, а также в магазинах, где деньги получает непосредственно продавец. Совершается группой из двух человек. Встав в очередь, один мошенник вынимает крупную купюру и держит ее таким образом, чтобы эту купюру видели рядом стоящие граждане. Дождавшись своей очереди и сделав так, чтобы продавец тоже видел эту купюру, мошенник кладет ее на прилавок, а его соучастник, стоявший сзади, незаметно берет эти

деньги (продавец тем временем занят взвешиванием и упаковкой товара). Затем мошенник уверяет продавца, что уже уплатил ему деньги за покупку. Это «подтверждает» соучастник и близстоящие граждане из очереди. Мошенник получает товар, сдачу и скрывается [1, с. 146].

Вручение потерпевшему «денежной куклы» при оплате покупки или обмене валюты. При осуществлении этого способа могут применяться конверты, свертки и более сложные приспособления в виде специально подготовленных портмоне, портфелей с прорезями, куда на глазах у потерпевшего кладутся деньги, а затем незаметно подменяются на «куклу». Данный способ также требует от мошенника артистической ловкости рук [3, с. 39–40].

Подбрасывание потерпевшему «денежной куклы» с последующим участием в дележе «находки» (так называемая «подкидка»). Данный способ рассчитан на проявление алчности потерпевшего. Мошенники (не менее двух человек), находясь среди покупателей (в магазинах, около палаток, на рынке), обнаруживают лицо, имеющее большую сумму денег. Один из мошенников играет роль человека, потерявшего сверток с деньгами, другой – нашедшего его на глазах у покупателя. Иногда «денежная кукла» подбрасывается так умело, что гражданин, проходящий мимо, сам поднимает ее. Преступник предлагает ему поделить найденные деньги в заранее назначенном месте (подъезде, дворе и т.п.). Создав видимость опасности, мошенник кладет «находку» в карман обманываемого человека и требует отдать часть найденных денег или принадлежащие ему ценные вещи (часы, облигации и т.п.). В тот момент, когда обманываемый отсчитывает деньги или отдает свои вещи, приближается сообщник, якобы потерявший деньги. Преступник предлагает гражданину встретиться в условном месте через несколько минут и там окончательно поделить «находку». Затем мошенники скрываются.

Наряду с этими способами совершения мошенничества необходимо отметить еще два. Первый получил распространение в крупных магазинах с большой текучестью покупателей – **«поднятие денег»**. Суть его состоит в том, что, возвращая сдачу за приобретаемый товар (например, продавец на рынке) на глазах у покупателя отсчитывает сдачу и при этом поднимает одну (очень редко две) крупного достоинства купюру. Увидев пересчет денег, покупатель их забирает и уходит с товаром. Обнаружив недостачу в сдаче денег от покупки, практически доказать обман не может. При втором способе мошенники используют липкое вещество в лотках для передачи денег в обменных пунктах валю-

ты. Нижняя купюра остается в лотке «слегка» приклеенной.

Способы мошенничества, совершаемые путем продажи подделок ювелирных изделий, произведений искусства, антиквариата. Это также старейшие и довольно распространенные способы мошенничества. Сущность продажи подделок ювелирных изделий (фармазонство) заключается в том, что преступник, пользуясь доверчивостью, а иногда даже алчностью тех или иных лиц в сочетании с их неосведомленностью в ювелирном деле, сбывает этим гражданам под видом драгоценностей изделия из цветных металлов, выдает кусочки гладко отшлифованных стекол за бриллианты и т.п. [1, с. 152].

Способы мошенничества, совершаемые при азартных играх. В подавляющем большинстве случаев мошенничеств потерпевший играет значительную роль в процессе осуществления преступного замысла, непосредственно влияя на выбор преступником стиля поведения, способов маскировки и сокрытия содеянного, выбор места и времени общественно опасного деяния, действия по созданию соответствующей обстановки, подыскание средств и др. Данная группа способов мошенничества является достаточно разнообразной и подлежит отдельному изучению.

Способы, совершаемые посредством заключения и использования «актов гражданского состояния» (брачные авантюристы, фиктивное опекуновство, попечительство). В данной группе способов мошенничества наиболее распространенными являются способы, используемые так называемыми брачными аферистами. Используя поддельные документы и представляясь заслуженным человеком, имеющим различные звания, награды, входит в доверие к незамужней, как правило, одинокой женщине, имеющей в своем владении определенные материальные ценности. Инсценируя уважение и даже любовь к ней, он получает доступ к этим материальным благам, а затем похищает их и скрывается. Данные факты достаточно широко описаны в специальной юридической литературе.

Способы мошенничества, связанного с опекуновством, попечительством, встречаются на практике крайне редко. Суть их состоит в том, что мошенник, используя широкий набор общечеловеческих благородных ценностей, добывается в установленном законом порядке права опекуновства или попечительства лица, у которого есть наследство в виде денежных вкладов, недвижимости и т.п. Получив доступ и определенные возможности к владению и распоряжению этим имуществом, он его поэтапно присваивает, а затем скрывается.

Мошенничество, совершаемое с помощью финансовых пирамид. Волна мошеннических действий, совершаемых с помощью финансовых пирамид, на протяжении последних двух десятилетий, строго говоря, не является новым способом обмана. Данный способ известен человечеству с XVII в. Однако все новое – это хорошо забытое старое.

Хищения такого рода совершаются, в частности, путем учреждения определенной фирмы (страховой компании, доверительного общества, пенсионного фонда), привлечения денег населения и юридических лиц с последующим их присвоением. В основе этого способа хищения – обман инвесторов, которые привлекаются обещанием выплаты высоких доходов на вложенные деньги. Причем вначале дивиденды действительно выплачиваются, но не за счет выгодного вложения привлеченного капитала, а за счет денег, полученных от последующих волн инвестиций [4, с. 34]. Впоследствии почти все финансовые компании прекратили свое существование, и деньги не были возвращены обманутым вкладчикам. Последние и по сегодняшней день не могут вернуть свои сбережения.

Мошенничество, совершаемое в Интернете. При стремительном росте возможностей Интернета, в особенности электронной коммерции, «виртуальные» преступники стараются представить свои преступные схемы таким образом, чтобы они как можно более походили на товары и услуги, предлагаемые большинством добросовестных электронных торговцев. При этом они не только наносят ущерб потребителям и инвесторам, но и подрывают доверие потребителя к законной электронной коммерции.

Далее целесообразно отметить, что в настоящее время идет активный процесс становления **сферы страхования.** Наряду с привилегиями на страховом рынке наиболее перспективных технологий и правил, повышением культуры исполнения договоров страхования и развитием здоровой конкуренции возникают проблемы, от которых зависит сам процесс развития страховых услуг, начиная с образования фондов, направленных на реализацию договоров страхования, и заканчивая защитой от злоупотреблений как со стороны страхователей, так и со стороны страховщиков [5, с. 36].

Мошеннические действия особенно распространены в сфере страхования средств автотранспорта. Обычно они осуществляются путем завышения страховой суммы с помощью представления заведомо ложных сведений при заключении договора страхования, фальсификации угона, умышленного повреждения непригодных к эксплуатации частей автомобиля (поврежденная оптика, ржавые детали кузова

и т.д.), завышения счета на ремонт частей автомашины, пострадавших при страховом событии [6, с. 69].

На территории союзного государства имеют место и факты создания фиктивных страховых компаний, которые собирают денежные вклады «под страхование денежных средств от инфляции», а после сбора денег скрываются. Нередкими являются и факты недобросовестного поведения отдельных страховых компаний по лишению страхователей возможности получить страховое возмещение. Это выражается в том, что при составлении договора с клиентом последнего не знакомят с «условиями страхования», «забывают» обратить внимание на специфические условия страхования или просто используют юридическую некомпетентность клиента [5, с. 37].

Выводы.

1. В качестве наиболее явных и существенных признаков, могущих в своей связи указывать в конкретной ситуации о наличии (возможности проявления) мошенничества, представляется возможным выделить следующие:

- появление возможности решить при минимальных затратах очень «благоприятно» какую-либо проблему для конкретного человека;

- решить данную проблему может человек (группа лиц), отношения с которым установлены и поддерживаются в течение непродолжительного времени;

- сведения о данном лице (группе лиц) имеют, как правило, формальный характер. Отсутствует фактически документальное подтверждение о том, кто он (они) на самом деле, где постоянно проживает (проживают), кем и где работает (работают) и т.д. В отдельных случаях представленные для ознакомления документы исключают достаточные основания для убеждения в том, что они являются действительными и принадлежат именно тому лицу, которое их представило;

- решение различного рода проблем возможно лишь после передачи как непосредственно, так и опосредованно денег или иного имущества (права на имущество). Возможны варианты частичной предоплаты с имитацией положительного результата на первоначальном этапе решения вопросов;

- осуществляется ряд действий, посредством которых потерпевший получает ошибочное представление о невероятном доверии лицу, предлагающему решение проблем со стороны окружающих и реальности оказания данным лицом (группой лиц) помощи в сложившейся ситуации. Отказ от передачи денег или иного имущества в конкретной ситуации побуждает человека «переступить» через собственные

устоявшиеся взгляды на общение с окружающими.

Следует отметить, большинство исследователей, работавших над проблемами противодействия различным способам мошенничества, пришли к выводу, что если мошенничество заранее подготовлено и в конкретной ситуации содержатся вышеуказанные его признаки, то степень вероятности уклонения от мошенников является минимальной.

2. Учитывая ряд закономерностей и тенденций развития общественных отношений на Европейском континенте, можно с высокой степенью вероятности прогнозировать появление новых направлений проявления мошеннических посягательств на территории Республики Беларусь.

В дальнейшем объективно сохраняются уже исторически сложившиеся способы мошенничества, для которых по-прежнему имеется благоприятная почва для существования.

В силу закономерно протекающих в обществе процессов будут формироваться новые условия для проявления рассматриваемого вида преступлений.

Продолжится поступление информации общего «обучающего» характера о способах совершения и сокрытия мошенничества через СМИ, электронные источники, художественную литературу, а также от отдельных физических лиц в силу ускорения возможностей миграции и ряда других причин.

С каждым годом расширяются возможности избирательного использования мошенниками достижений науки и техники в своих преступных целях. Сохраняется тенденция появления новых, более изощренных способов мошенничества.

В силу повышения благосостояния граждан возрастает вероятность прибытия в Республику

Беларусь единичных мошенников-гастролеров, а также членов преступных организаций с уже апробированными схемами обмана на территории других государств, как ближнего, так и дальнего зарубежья.

Высокой является и вероятность использования мошенниками разного вида рекламы для помещения в ней информации, ориентированной на привлечение внимания потенциальных жертв. В связи с распространением в Республике Беларусь всемирной компьютерной сети «Интернет» можно предположить, что мошенниками будут широко использоваться в будущем возможности данного канала для аналогичных целей.

3. По мнению оперативных и следственных сотрудников, в качестве основных причин сохранения латентности данного вида преступлений на современном этапе в Республике Беларусь целесообразно рассматривать следующие: желание уклониться от демонстрации себя среди знакомых и родственников в качестве обманутого, жадного, корыстного человека – 61%; сумма вреда для потерпевшего является мизерной – 51%; отрицательное влияние на потерпевшего путем угроз, шантажа и т.п. со стороны мошенников и других лиц – 26%; стремление скрыть компрометирующие факты и тем самым сохранить свой авторитет среди сотрудников коллектива, в котором работает потерпевший от мошенничества – 16%; жалость, сострадание к мошеннику, членам его семьи и иное – 7%. При этом эксперты считают, что на снижение процента латентности мошенничества в отношении физических лиц влияют: осведомленность населения о возможных способах мошенничества – 73%; эффективность деятельности правоохранительных органов – 46%; доверие правоохранительным органам – 31%; иное – 7% (респондентов).

Список использованных источников

1. Яни, С.А. Расследование мошенничества: дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Яни. – М., 1967.
2. Карелов, Ю.Ф. Расследование мошенничества: лекция / Ю.Ф. Карелов. – Ташкент, 1981.
3. Чинь Игок Хань. Методика расследования завладения имуществом граждан обманным путем (ст. 157 КУ СРВ): По материалам МВД СРВ: дис. ... канд. юрид. наук / Чинь Игок Хань. – М., 1991.
4. Яблоков, Н.П. Криминалистическая характеристика финансовых преступлений / Н.П. Яблоков // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 11. – 1999. – № 1.
5. Ларичев, В.Д. Мошеннические действия в системе страхования / В.Д. Ларичев // Бизнес. – 1996. – № 5.
6. Федоткин, Д.К. Страхование средств автотранспорта: от страхования до мошенничества один шаг / Д.К. Федоткин // Юрид. мир. – 1998. – № 4.

Дата поступления: 15.11.2011

Annotation

The article touches upon some up-to-date fraud methods used against individuals in the Republic of Belarus. There have been given the characteristic features and tendencies of their possible manifestation in the nearest future, as well as the definition of latent fraud resistance causes.

КРИМИНАЛИСТИКА
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ**АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИЕЙ,
В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Боровик П.Л.
Академия МВД
Республики Беларусь

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические воззрения на проблему расследования преступлений, связанных с детской порнографией. Представлен анализ диссертаций, в которых исследованы аспекты противодействия изготовлению и обороту детской порнографии. Изучены диссертационные и монографические работы, связанные с исследованием вопросов противодействия данным деяниям. Выявлены проблемные аспекты, которые требуют дальнейших исследований. Сформулированы предложения, направленные на развитие криминалистических основ расследования этого вида общественно опасных деяний.

Впервые в отечественной науке на монографическом уровне проблема противоправных деяний, связанных с изготовлением и распространением порнографии, была затронута Л.Н. Галенской (1972 г.). Анализируя комплекс проблем международной борьбы с преступностью, автор уделила внимание уголовной ответственности за изготовление, распространение, рекламирование и хранение порнографических изданий [1].

Дальнейшее развитие научной мысли в сфере борьбы с преступлениями, связанными с изготовлением и оборотом порнографии, отражено в учебно-практическом пособии Ю.В. Александрова (1977 г.). Автор рассмотрел уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с этим видом деяния, исследовал уголовно-правовые признаки состава этого вида преступлений (ст. 211 УК УССР) [2].

Огромное значение для противодействия транснациональным преступлениям приобрела монография И.И. Карпеца (1979 г.). Анализируя малоисследованные проблемы преступлений с точки зрения уголовного права, теории государства и права, криминологии и социологии, автор представил классификацию различных деяний в сфере международных отношений, выделив среди них и преступления, связанные с изготовлением и сбытом порнографических изделий. Осуществляя уголовно-правовой анализ ст. 228 УК РСФСР, ученый уделил внимание криминологической характеристике данных преступлений, личности преступника, а также условиям, необходимым для уяснения конкретных причин данного вида деяний – выяснению преступных целей и мотивов [3].

Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия изготовлению и распространению порнографических предметов на диссертационном уровне впервые рассмотрены А.Ф. Степанюком (1982 г.). Работа посвящена исследованию различных подходов к определению уголовной ответственности за изготовление, сбыт и распространение порнографических предметов. Автором проведен теоретический анализ социальной обусловленности уголовно-правового запрета порнографии, представлена уголовно-правовая характеристика состава преступлений, устанавливающего ответственность за рассматриваемые деяния (ст. 211 УК УССР), предложены пути совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за данные преступления, сформулированы криминологические меры противодействия указанным деяниям [4].

В дальнейшем, в ряде диссертационных исследований Р.С. Джинджолия (1988 г.), Р.Х. Кадырова (1990 г.), С.И. Бушмина (1993 г.), Е.П. Рябчинской (2002 г.), О.А. Булгаковой (2003 г.), М.В. Денисенко (2004 г.), О.Ш. Петросяна (2005 г.), Н.А. Исаева (2007 г.), О.В. Бесчастновой (2008 г.), А.В. Польшикова (2009 г.), Е.А. Миллеровой (2009 г.), А.Г. Донченко (2010 г.), А.С. Валентониса (2010 г.), М.В. Гусаровой (2010 г.), посвященных изучению противоправных деяний, связанных с изготовлением и оборотом порнографической продукции, продолжено совершенствование мер противодействия данным преступлениям.

Так, Р.С. Джинджолия с позиций науки уголовного права и криминологии исследовал процесс становления современной системы уголовно-правовых норм об ответственности за оборот порнографических предметов и произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости, проанализировал различные теоретические и нормативные конструкции определения понятия порнографии, уделил внимание уголовно-правовой и криминологической характеристике преступлений данной категории [5].

Р.Х. Кадыров посвятил свое диссертационное исследование уголовно-правовым мерам борьбы с использованием видеотехники в преступных целях, в т.ч. для распространения видеофильмов, содержащих культ насилия, жестокости и порнографии. Анализируя вопросы, связанные с уголовной ответственностью за указанные противоправные деяния, особое внимание автор уделил криминологическим аспектам борьбы с данными преступлениями. Им сформирована криминологическая характеристика преступлений, совершаемых с использованием видеотехники, социально-психологическая характеристика лиц, их совершающих, проанализированы причины и условия, способствующие совершению данных преступлений, предложены меры их предотвращения [6].

С.И. Бушмин, наряду с продолжением рассмотрения социальных, уголовно-правовых и криминологических проблем охраны граждан от негативного воздействия неконтролируемого распространения, рекламы и сбыта порнографической продукции на территории России, исследовал актуальные для законодателя и практической деятельности органов внутренних дел проблемы дифференциации ответственности и наказания за рассматриваемые преступления [7].

В диссертационной работе Е.П. Рябчинской значительное внимание уделяется уголовно-правовой характеристике ввоза, изготовления, сбыта и распространения порнографических предметов (ст. 301 УК Украины). Автор исследовала проблемы, связанные с изготовлением и распространением в обществе порнографиче-

ских предметов, изучила комплекс причин и условий совершения данных противоправных деяний [8].

О.А. Булгакова, развивая изложенные в работах предшественников положения правовых норм об ответственности за преступления, связанные с изготовлением и распространением порнографии в российском, зарубежном, международном уголовном праве, продолжила разработку мер по совершенствованию борьбы с этим негативным социально-правовым явлением [9].

М.В. Денисенко в своей диссертационной работе продолжил исследование уголовно-правовых и криминологических мер противодействия преступлениям, связанным с порнографическими материалами или предметами. Автор комплексно проанализировал развитие отечественного, зарубежного и международного уголовного законодательства о порнографии, исследовал существующие подходы к определению порнографической продукции, выяснил причины и условия, способствующие ее существованию. Изучил психологический и социальный механизм воздействия порнографии на личность, определил характер и степень общественной опасности действий с порнографической продукцией. Разработал предложения и рекомендации по совершенствованию научных основ квалификации незаконного распространения порнографических предметов или материалов [10].

Системно-криминологическому исследованию сексуальных преступлений посвящена докторская диссертация Н.А. Исаева. В работе освещены основные проблемы криминологического и уголовно-правового анализа преступлений, связанных с проституцией и порнографией. Представлена криминологическая характеристика преступлений, связанных с порнографией, предложены критерии правовой оценки и даны рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства. Исследован социальный феномен порнографии и его криминальные формы [11].

Особенностью диссертационного исследования О.Ш. Петросяна является разработка оптимальной модели (содержания, характера, пределов) криминализации действий с продукцией, содержащей порнографические изображения несовершеннолетних. Автор одним из первых ученых после введения в УК РФ ст. 242 об ответственности за изготовление и оборот «взрослой» порнографии исследовал основные ключевые аспекты социальной обусловленности и общественной опасности, а также обосновал предложения по совершенствованию уголовно-правовой борьбы с изготовлением и оборотом материалов или предметов с порнографиче-

скими изображениями несовершеннолетних. В работе отражены особенности квалификации деяний, образующих состав преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ, посягающих на социально значимые общественные отношения в сфере половой нравственности несовершеннолетних, отграничению этих действий (бездействий) от смежных преступлений в сфере общественной нравственности, внося, таким образом, определенный вклад в совершенствование борьбы с преступлениями данного вида [12].

В дальнейшем развитие мер по совершенствованию уголовного законодательства в части уголовной ответственности за изготовление и оборот предметов или материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних продолжила О.В. Бесчастнова. В ее диссертационной работе проведен правовой анализ международных норм и исследованы проблемы, возникающие в связи с квалификацией преступлений, связанных с изготовлением и оборотом детской порнографии, а также по отграничению от смежных составов преступлений в сфере общественной нравственности.

О.В. Бесчастновой отражены актуальные вопросы, связанные с необходимостью совершенствования научных основ квалификации указанного деяния. Автор обосновывает положение о том, что изготовление материалов порнографического характера (кино-, фото-, видеоматериалов) может содержать признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 131 («Изнасилование»), ст. 132 («Насильственные действия сексуального характера»), ст. 134 («Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста») УК РФ. В этом случае содеянное следует квалифицировать по совокупности с указанными деяниями. Если в притонах для занятия проституцией употребляются наркотики и психотропные вещества и рекламируется, распространяется детская порнография, содеянное должно квалифицироваться по совокупности ст. 241 («Организация либо содержание притонов для занятия проституцией»), ст. 232 («Организация или содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ») и ст. 242-1 УК РФ [13].

Продолжая данное направление исследования, А.В. Польшиков дополнил его анализом теоретических и практических проблем, связанных с особенностями противодействия преступлениям рассматриваемой категории. Им сформулированы конкретные предложения правового и организационного характера, направленные на противодействие изготовлению и обороту материалов с порнографическими изображе-

ниями несовершеннолетних в сети Интернет. Автор изучил предпосылки формирования личности преступника, которые связаны не только с проблемой контроля над лицами, склонными к совершению подобных преступлений в связи с деформацией ценностно-ориентационной и поведенческой сферы, но и, прежде всего, проблемой социально-позитивной переориентации лиц, которые в корыстных целях с помощью передовых компьютерных технологий, глобальных или локальных сетей распространяют подобные информационные материалы и умело вовлекают подростков в изготовление порнографических изображений [14].

Е.А. Миллерова свою диссертацию посвятила исследованию особенностей квалификации преступлений о распространении порнографических материалов или предметов, формированию предложений, направленных на совершенствование уголовного законодательства в сфере данных деяний. Она комплексно проанализировала понятие, сущность и общественную опасность порнографии, осуществила детальный уголовно-правовой анализ рассматриваемых преступлений, в том числе и с изображением несовершеннолетних [15].

Изучение проблем противодействия обороту порнографии посредством регулятивного законодательства продолжил А.Г. Донченко. Автором проведено сравнительно-правовое исследование норм об ответственности за оборот порнографии в современном уголовном законодательстве зарубежных стран [16].

Диссертация А.С. Валентониса посвящена практике применения уголовного законодательства России и зарубежных стран в области противодействия детской порнографии, а также явлениям и процессам, обуславливающим изучаемый феномен в современном обществе.

С помощью социологических методов исследования автор сформулировал структуру данного вида преступности, основу которой составили деяния, предусмотренные ст. 242-1 «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних», ст. 242 «Незаконное распространение порнографических материалов или предметов», ст. 135 «Развратные действия» и ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» [17].

М.В. Гусарова посвятила свое диссертационное исследование разработке научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию законодательства в сфере противодействия незаконному обороту порнографических материалов или предметов и выработке мер по его предупреждению. По ее мнению, распростране-

ние порнографии на сегодняшний день необходимо считать транснациональным преступлением. Автор справедливо отмечает, что единое информационное пространство, новейшие технологии и коммуникации обеспечили взаимодействие лиц, занятых порнобизнесом, и рынок сбыта указанной продукции. В этой связи, как полагает ученый, с учетом современных условий совершения данных противоправных деяний нужно совершенствовать международно-правовые нормы в сфере противодействия порнографии [18].

Отдельные аспекты противоправных деяний рассматриваемой категории, преимущественно уголовно-правового характера, также отражены в диссертационных и монографических исследованиях Д.Е. Васильченко (2002 г.), В.В. Сучковой (2002 г.), Л.С. Кучанской (2007 г.), В.В. Кузнецова (2007 г.), М.П. Полянской (2009 г.), посвященных преступлениям против нравственности.

Так, в диссертационной работе Д.Е. Васильченко представлена криминологическая характеристика преступлений, посягающих на нормальное половое и нравственное развитие малолетних. Рассмотрены особенности квалификации преступлений против нормального полового и нравственного развития малолетних, предложены профилактические меры предупреждения ненасильственных сексуальных посягательств в отношении малолетних [19].

Анализируя преступления против общественной нравственности в сфере половых отношений, В.В. Сучкова особое внимание уделила уголовно-правовой характеристике преступлений, связанных с изготовлением и оборотом детской порнографии. По мнению автора, эти преступления способны привести к совершению других, более тяжких преступлений, таких как изнасилование, насильственные действия сексуального характера и т.д. [20].

Системному уголовно-правовому анализу преступлений против нравственности, в том числе и связанных с оборотом порнографии посвящена диссертация Л.С. Кучанской. Автором разработаны научно обоснованные предложения и рекомендации по дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства в указанной сфере и повышению эффективности уголовно-правовых мер охраны нравственности от преступных посягательств [21].

В.В. Кузнецов проанализировал теорию и практику применения норм об ответственности за преступления против общественного порядка и нравственности, в том числе и связанные с порнографией. Им исследованы социальные и правовые предпосылки появления и существования уголовной ответственности

за указанные деяния. Представлена уголовно-правовая характеристика ввоза, изготовления, сбыта и распространения порнографических предметов [22].

В диссертационном исследовании М.П. Полянской рассмотрены проблемы взаимосвязи, взаимодействия морали и уголовного закона, охраны общественной нравственности. Ею осуществлено комплексное исследование уголовно-правовых норм, направленных на охрану общественной нравственности в сфере половой морали, проведено сравнительное исследование российского и зарубежного уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за данные виды преступлений, проанализирован причинный комплекс совершения рассматриваемой группы преступлений и виктимологический аспект их профилактики [23].

В ряде диссертационных и монографических исследований, посвященных преступлениям в сети Интернет, также отражены проблемные аспекты противодействия противоправным деяниям, связанным с изготовлением и распространением в сети детской порнографии.

Так, разработке уголовно-правовых и криминологических мер профилактики и противодействия преступлениям, совершаемым в сети Интернет, на диссертационном уровне уделили внимание Т.П. Кесарева (2002 г.) [24], Д.С. Пушкин (2003 г.) [25], Р.И. Дремлюга (2007 г.) [26]. Определяя структуру противоправных деяний в российском сегменте сети Интернет, авторы отразили в ней и преступления, связанные с распространением порнографических материалов. На основе действующих норм об ответственности различных субъектов права ученые проанализировали различные аспекты указанных противоправных деяний, выявили проблемы их сущности и структуры, профилактики и предотвращения.

Вопросами криминологического характера исследования преступлений в сфере изготовления или сбыта порнографической продукции впервые на диссертационном уровне занимался И.Г. Сугаков (1979 г.). Наряду с исследованием проблем, связанных с понятием порнографии и ее отличием от произведений искусства эротического характера, в работе отражены особенности организации, проведения и использования экспертизы по делам об изготовлении или сбыте порнографических предметов и изобразжений.

Этот же ученый отмечает весьма важное, на наш взгляд, обстоятельство, заключающееся в том, что при соответствующих условиях порнография может повлечь за собой совершение более тяжкого преступления – изнасилование, сводничество, содержание притонов и т.п. [27].

Процессуальные, криминалистические и уголовно-правовые аспекты проблем вовлечения несовершеннолетних в деятельность по изготовлению и распространению порнографической продукции представлены в диссертации А.Е. Хабарова (1993 г.). Им впервые разработана криминалистическая характеристика рассматриваемой категории противоправных деяний. Исследованы особенности возбуждения уголовных дел об изготовлении и/или сбыте порнографических предметов. Выявлены криминалистические признаки способов данных преступлений. Рассмотрены особенности тактики проведения следственных действий и использования специальных знаний по делам данной категории. Особое внимание уделено личности свидетеля как элементу криминалистической характеристики изготовления и сбыта порнографических предметов [28].

Формированием методических основ криминалистического исследования порнографических изделий на диссертационном уровне занимался С.А. Кондранин (1990 г.). Автором изучены проблемные вопросы использования криминалистических знаний при экспертном исследовании и оценке вещественных доказательств по делам об изготовлении и сбыте порнографии. Обоснована необходимость создания новой отрасли криминалистической техники – судебной сексографологии, предмет которой составляет разработка средств и методов судебно-экспертного исследования материальных предметов, несущих сексуальную информацию [29].

Методике выявления и расследования преступлений, связанных с содержанием притонов для занятия проституцией, посвятил свое диссертационное исследование С.А. Циркун (2004 г.). Особое внимание в работе уделено специфике расследования незаконного оборота порнографии как смежного деяния. Автором предпринята попытка разработать криминалистическую характеристику преступлений в сфере распространения порнографии, связанного с содержанием притонов. Рассмотрены организационно-тактические особенности их расследования. Сформированы предложения, направленные на оптимизацию практики выявления рассматриваемых преступлений, круга обстоятельств, имеющих значение для дела. Представлены рекомендации по организации взаимодействия следственных и оперативных работников. Раскрыто содержание общих положений тактики подготовки и производства отдельных следственных действий [30].

Определенный интерес для решения задач расследования преступлений, связанных с детской порнографией, представляет учебное пособие С.В. Хильченко (2008 г.) [31]. В нем автором помимо общетеоретических положений

методики расследования преступлений в сфере оборота порнографии сформированы научные знания о криминалистическом обеспечении расследования этих противоправных деяний. В частности, им предложены методологические и теоретические основы построения модели преступной деятельности в указанной сфере, ее практического использования в расследовании. В ходе рассмотрения организации раскрытия и расследования преступлений в сфере оборота порнографии ученым проанализированы основные этапы деятельности по раскрытию и расследованию данных преступных деяний, показаны особенности проведения отдельных следственных действий и использования специальных знаний при их расследовании.

Особое место в развитии практических основ расследования рассматриваемых преступлений занимает научно-практическое пособие украинских ученых В.В. Шендрика, С.О. Сафронова, И.О. Крепакова, Э.В. Жилина (2010 г.), посвященное криминалистическим и оперативно-розыскным аспектам борьбы с порнографической продукцией. В нем представлена комплексная юридическая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 301 УК Украины, включающая уголовно-правовую, криминалистическую, оперативно-розыскную и криминологическую.

Авторами разработаны организационно-тактические основы раскрытия и расследования данных противоправных деяний, затронуты вопросы инициирования и организации проведения оперативно-розыскной деятельности в рамках процессуальной формы взаимодействия следователя и оперативных подразделений, сформулированы рекомендации тактики проведения некоторых следственных и процессуальных действий, отражены особенности использования специальных знаний.

По мнению ученых, отличительной чертой рассматриваемых противоправных деяний является цепочка «сопровождающих» их преступлений. Такими, преимущественно, являются: создание или содержание мест разврата и сводничество (ст. 302 УК Украины); принуждение и втягивание в занятие проституцией, сутенерство (ч. ч. 2, 3 ст. 303 УК); вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность (ст. 304 УК); преступления, связанные с употреблением одурманивающих и наркотических средств (ст.ст. 314, 317, 322, 324 УК); преступления против половой свободы и половой неприкосновенности лица (ст.ст. 152–156 УК); похищение человека и лишение свободы (ст. 146 УК Украины) и др. [32].

Широкий круг организационных, криминологических, криминалистических, уголовно-

правовых и уголовно-процессуальных вопросов противодействия преступности в глобальных компьютерных сетях рассмотрен в монографии А.Л. Осипенко (2004 г.). Анализируя преступления, совершаемые с использованием сети Интернет, автор акцентирует внимание на деяниях, связанных с распространением детской порнографии. В работе представлены общие практические методы их расследования правоохранными органами различных государств, исследованы криминологические особенности современных глобальных сетей, изучен международный опыт борьбы с такими преступлениями [33].

Завершая анализ тематики диссертаций и монографий по проблемам противодействия порнографии, в том числе и с изображениями несовершеннолетних, следует сделать вывод о том, что комплексному исследованию криминалистических основ расследования преступлений, связанных с детской порнографией, внимание, по существу, не уделялось.

Авторы, обращавшиеся к данной проблематике, в основном рассмотрели уголовно-правовые и криминологические аспекты данной деятельности. Многие проблемные вопросы, связанные с криминалистической структурой личности преступника, способами преступления, системой отображаемых следов, планированием рас-

следования преступлений, взаимодействием следователя с оперативными подразделениями, исследовались с позиции других видов деяний, например, общего вида порнографии, компьютерной преступности и т.д.

Таким образом, далеко не все теоретические и практические аспекты, связанные с противодействием детской порнографии, получили всестороннюю разработку в научной литературе. Указанные обстоятельства подчеркивают важность дальнейшего научного исследования таких аспектов проблемы первоначального этапа расследования противоправных деяний, связанных с изготовлением и оборотом детской порнографии, как криминалистическая структура личности преступника, совершающего указанные деяния, способы преступлений рассматриваемой категории и система отображаемых следов, предмет доказывания и типичные следственные ситуации по делам о преступлениях, связанных с детской порнографией, особенности возбуждения уголовных дел, планирования расследования, взаимодействие следователя с оперативными подразделениями, занимающимися выявлением данных противоправных деяний, проведение отдельных следственных действий по делам о преступлениях, связанных с детской порнографией.

Список использованных источников

1. *Галенская, Л.Н.* Международная борьба с преступностью / Л.Н. Галенская. – М.: Междунар. отношения, 1972. – 165 с.
2. *Александров, Ю.В.* Борьба с распространением порнографии. Уголовно-правовой и криминологический аспекты: учеб.-практ. пособие / Ю.В. Александров. – Киев: КВНМ МВД СССР, 1977. – 128 с.
3. *Карпец, И.И.* Преступления международного характера / И.И. Карпец. – М.: Юрид. лит., 1979. – С. 242–243.
4. *Степанюк, А.Ф.* Уголовная ответственность за изготовление, сбыт и распространение порнографических предметов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Ф. Степанюк; Харьк. юрид. ин-т им. Ф.Э. Дзержинского. – Харьков, 1982. – 208 л.
5. *Джиджолья, Р.С.* Уголовно-правовые меры борьбы с преступным использованием порнографических предметов и произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Р.С. Джиджолья; МВШМ МВД СССР. – М., 1988. – 24 с.
6. *Кадыров, Р.Х.* Уголовно-правовые меры борьбы с использованием видеотехники в преступных целях: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Р.Х. Кадыров; Акад. наук Узбек. ССР; Ин-т философии и права им. И.М. Муминова. – Ташкент, 1990. – 191 л.
7. *Бушмин, С.И.* Порнография: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.И. Бушмин; Акад. МВД России. – М., 1993. – 316 л.
8. *Рябчинська, О.П.* Боротьба з розповсюдженням порнографічних предметів і творів, що пропагують культ насильства і жорстокості: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.П. Рябчинська; Київ. нац. ун-т ім. Т.Шевченка. – Київ, 2002. – 20 с.
9. *Булгакова, О.А.* Уголовная ответственность за распространение порнографических материалов или предметов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.А. Булгакова; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2003. – 173 л.
10. *Денисенко, М.В.* Уголовная ответственность за незаконное распространение порнографических материалов или предметов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.В. Денисенко. – М., 2004. – 182 л.
11. *Исаев, Н.А.* Системно-криминологическое исследование сексуальных преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Н.А. Исаев. – М., 2007. – 384 л.
12. *Петросян, О.Ш.* Уголовная ответственность за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.Ш. Петросян. – М., 2005. – 187 л.

13. *Бесчастнова, О.В.* Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: уголовно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.В. Бесчастнова. – Ростов н/Д., 2008. – 210 л.
14. *Польшиков, А.В.* Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с изготовлением и оборотом материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в сети «Интернет»: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Польшиков. – Тамбов, 2009. – 232 л.
15. *Миллерова, Е.А.* Незаконное распространение порнографических материалов или предметов: уголовно-правовая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.А. Миллерова. – Ростов н/Д., 2009. – 218 л.
16. *Донченко, А.Г.* Уголовно-правовые и иные правовые меры противодействия незаконному обороту порнографии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Г. Донченко; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2010. – 30 с.
17. *Валентонис, А.С.* Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия обороту предметов или материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.С. Валентонис; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2010. – 192 л.
18. *Гусарова, М.В.* Незаконный оборот порнографических материалов или предметов: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.В. Гусарова; Нижегород. акад. МВД России. – Н. Новгород, 2010. – 262 л.
19. *Васильченко Д.Е.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, посягающими на нормальное половое и нравственное развитие малолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.Е. Васильченко. – Ростов н/Д., 2002. – 193 л.
20. *Сучкова, В.В.* Общественная нравственность в сфере половых отношений как объект уголовно-правовой охраны: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.В. Сучкова. – М., 2002. – 198 л.
21. *Кучанська, Л.С.* Поняття та система злочинів проти моральності у кримінальному праві України: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Л.С. Кучанська; Одеський нац. ун-т ім. І.І. Мечникова. – Одесса, 2007. – 212 арк.
22. *Кузнецов, В.В.* Злочини проти громадського порядку та моральності: практ. посіб. / В.В. Кузнецов. – Київ: Вид. ПАЛІВОДА А. В., 2007. – 160 с.
23. *Полянская, М.П.* Уголовно-правовая охрана общественной нравственности в сфере половой морали: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.П. Полянская; Дальневост. гос. ун-т. – Хабаровск, 2009. – 244 л.
24. *Кесарева, Т.П.* Криминологическая характеристика и проблемы предупреждения преступности в российском сегменте сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Т.П. Кесарева. – М., 2002. – 195 л.
25. *Пушкин, Д.С.* Интернет и противоправные деяния (теоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Д.С. Пушкин. – М., 2003. – 230 л.
26. *Дремлюга, Р.И.* Интернет-преступность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Р.И. Дремлюга; Юрид. ин-т Дальневост. гос. ун-та. – Владивосток, 2007. – 26 с.
27. *Сугаков, И.Г.* Расследование изготовления или сбыта порнографических предметов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И.Г. Сугаков; ВНИИ МВД СССР. – М, 1979. – 24 с.
28. *Хабаров, А.Е.* Возбуждение и расследование уголовных дел об изготовлении или сбыте порнографических предметов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Е. Хабаров; МВШМ МВД РФ. – М., 1993. – 25 с.
29. *Кондранин, С.А.* Проблемы криминологического исследования порнографических изделий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / С.А. Кондранин; Саратов. юрид. ин-т им. И.Д. Курского. – Саратов, 1990. – 19 с.
30. *Цыркун, С.А.* Выявление и расследование преступлений, связанных с содержанием притонов для занятия проституцией: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / С.А. Цыркун. – М., 2004. – 143 л.
31. *Хильченко, С.В.* Методика розслідування поширення порнографічних предметів: навч. посіб. / С.В. Хильченко. – Київ: Вид. Паливода А. В., 2008. – 151 с.
32. *Шендрик, В.В.* Боротьба з порнографією: криміналістичні та оперативно-розшукові аспекти: наук.-практ. посіб. / В.В. Шендрик, С.О. Сафронов, І.О. Крепаков, Є.В. Жилін. – Харків: Харк. нац. ун-т внутр. справ МВС України, 2010. – 216 с.
33. *Осипенко, А.Л.* Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: международный опыт: моногр. / А.Л. Осипенко. – М.: Норма, 2004. – 432 с.

Дата поступления: 18.07.2011

Annotation

The article deals with theoretical views on the problem of investigation of crimes related to child pornography. The analysis of theses, which investigated aspects of the anti-manufacturing and trafficking in child pornography. Studied dissertations and monographs related to the research questions counteract these acts. Identified problematic issues that require further research. Formulate proposals to develop the foundations of forensic investigations of this kind of socially dangerous acts.

КРИМИНАЛИСТИКА
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

СОВРЕМЕННАЯ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Гуща Ю.А.
адъюнкт
научно-педагогического факультета
Академии МВД
Республики Беларусь

116

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению с точки зрения философии и ее основных законов специфики познавательной деятельности человека, направленной на раскрытие и расследование преступлений, совершаемых представителями власти и другими должностными лицами в сфере экономических отношений.

Гносеологическая парадигма, или парадигма *cogito*, – есть сформулированная философией Нового времени совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов о проблеме знания и познания, вырастающая из тезиса Рене Декарта: *Cogito ergo sum* [1, с.23]. При раскрытии сущности парадигмы в некоторых энциклопедических источниках используется системный подход в понимании ее этимологии и представляется, что любая совокупность фундаментальных научных представлений, терминов и установок является ничем иным, как *концепцией* [2]. Тем самым, по нашему мнению, гносеологическая парадигма – есть концепция познавательной деятельности, определенный способ трактовки, восприятия и накопления знания о каком-либо предмете, явлении или процессе.

Применительно к расследованию преступлений его гносеологическая парадигма, как вытекает из взглядов ряда видных ученых, в числе которых Т.В. Аверьянова, Р.С.Белкин, В.Г. Корухов, Е.Р. Россинская, неразрывно связана с наукой криминалистикой, является ее неотъемлемой частью и квинтэссенцией [3, с. 18–19].

В свою очередь, касаясь объекта нашего исследования, воззрения на определение криминалистики как теоретико-прикладной науки обширны и многогранны. Так, один из основателей последней, знаменитый австрийский юрист Г. Гросс, говоря о криминалистике как об «учении о реальностях уголовного права», образно сравнил ее с «ящиком мастера, в котором лежат инструменты для расследования преступлений» [4, с. 94–95]. Подчеркивая сугубо прикладной характер рассматриваемой нами науки, Г. Гросс на рубеже XIX–XX вв. сделал акцент на том, что расследование преступлений – есть «планомерный процесс исследования окружающей действительности для выяснения природы и механизма криминального деяния и уличения его субъекта» [5, с. 220].

Известно, что в широком современном понимании криминалистика определяется как наука, изучающая закономерности приготовления, совершения и раскрытия преступлений, возникновения и существования его следов, собирания, исследования, оценки и использования судебных доказательств, а также разрабатывающая систему основанных на познании

этих закономерностей специальных приемов, методов и средств, имеющих важное практическое значение в борьбе с преступностью. В то же время наиболее систематизированным и конкретизированным определением науки криминалистики мы обязаны Р.С. Белкину, который понимает ее как систему научных положений о ныне рассматриваемом нами объекте познания и разрабатываемых на их основе практических рекомендаций по результативному расследованию преступлений и борьбе с преступностью в целом [6, с. 17].

При разработке методик расследования отдельных видов и групп преступлений криминалистика подобно всякой прикладной науке в своей методологии базируется на основополагающих началах и принципах гносеологии и материалистической диалектики. Ей, как любому виду познавательной деятельности, ориентированной на непосредственное практическое применение накопленных знаний, присуща определенная специфика объектов и предметов научного познания. Тем самым, для достижения целей криминалистической науки в ней используется разносторонний комплекс методов, набор инструментария, которые в совокупности образуют ее методологию [7, с. 12].

Вместе с тем, под методом в широком смысле слова мы априорно представляем способ изучения реальной действительности, исследования природы и общества. Отдельные энциклопедические издания дают интерпретацию термину «метод» как систематизированной совокупности шагов, действий, которые необходимо предпринять, чтобы решить определенную задачу или достичь определенной цели [8].

Как уже известно, гносеологически основополагающим по своему характеру, раскрывающим и обосновывающим общие закономерности и парадигмы развития материального мира, является диалектический метод. Квинтэссенция этого метода состоит в том, что изучаемые явления интерпретируются и рассматриваются во взаимосвязи, взаимообусловленности и детерминированности, в их движении и развитии. Развитие при этом понимается как борьба противоположностей, как процесс трансформации количественных изменений в качественные и отрицание отрицания, что отражает объективные законы окружающей действительности и материального мира в целом.

Применительно к определению методов криминалистики с позиций теории расследования преступлений наиболее предпочтительным, на наш взгляд, является подход, предложенный Р.С. Белкиным, обозначившим трехуровневую систему последних. По его мнению, базовое звено данной системы – это диалектический,

как всеобщий метод познания, «нижний» раздел которого составляют категории формальной логики. Второе звено системы – общенаучные методы криминалистики, включающие в себя методы эмпирического и теоретического уровней. Третье звено – это специальные методы различного уровня обобщения, характеризующиеся ограниченной сферой применения [9; 10, с. 274–275].

По мнению Р.С. Сатуева, использование рассматриваемых методов криминалистики есть процесс эмпирического исследования, проводимого следователем в ходе расследования уголовного дела [10, с. 275]. Наряду с этим А.А. Эйсман, рассуждая об общенаучных методах, применяемых в ходе расследования преступлений, говорит о том, что основным инструментарием установления фактов и обстоятельств преступных деяний, собирания доказательств, установления и доказывания вины – т.е. всего того, что составляет предмет криминалистики, являются методы и категории формальной логики [11, с. 47]. Таким образом, можно констатировать, что криминалистическое эмпирическое исследование, о котором мы ведем сейчас речь, проводится посредством методов анализа, синтеза, дедукции и индукции – т.е. общенаучных, общелогических методов познания.

Анализ (др.-греч. *νάλυσις* – разложение, расчленение) – операция мысленного или реального расчленения целого (вещи, свойства, процесса или отношения между предметами) на составные части, выполняемая в процессе познания или в предметно-практической деятельности человека [12]. В дополнение к синтезу, метод анализа позволяет получить необходимую информацию о структуре объекта исследования, а также выделить из общей массы фактов те, которые непосредственно относятся к рассматриваемому вопросу. Позиция таких ученых, как В.В. Асанова, Р.С. Сатуев, В.П. Шиенок, сводится к тому, что анализ – есть творческий процесс мышления, на теоретическом уровне образуемый философскими категориями ощущения, восприятия и представления, а на эмпирическом, наиболее актуальном для криминалистической науки, – категориями понятия, суждения и умозаключения. Так, понятие выполняет дефинитивную функцию. Посредством суждения что-либо утверждается или отрицается, а использование приемов индукции (суждение от частного к общему) и дедукции (суждение от общего к частному), приводит к тому или иному умозаключению. Здесь уместно подчеркнуть единство индукции и дедукции в процессе аналитических исследований, ибо целое, хотя и состоит из частей,

перестает быть целым, когда его делят. Согласно утверждению Р.С. Сатуева, анализ без синтеза невозможен [10, с. 275]. Тем самым, умозаключение представляет собой индуктивно-дедуктивный вывод, содержащий нечто новое, отличающееся от прежних понятий и представлений. Выводу умозаключения предшествуют две стадии аналитико-синтетической деятельности человеческого мозга: созерцание фактов и абстрагирование от них. Множественность фактов – основа всех последующих этапов анализа. Созерцание, сбор необходимых фактов служат базой для абстрактного обобщения на уровне более высоких порядков [13; 14, с. 24].

Таким образом, аналитическое исследование представляет собой метод восхождения от абстрактного к конкретному, к поступательному переходу теоретических положений в практическую плоскость и их материализации.

Возвращаясь в предметно-практическую плоскость криминалистики, исследуя и раскрывая специфику предмета нашего настоящего рассмотрения, необходимо отметить следующее.

В процессе расследования совершаемых в сфере экономических отношений преступлений должностных лиц с противоправным использованием ими своих полномочий, помимо вышеперечисленных традиционных методов, относящихся к общенаучным, необходимо выделить еще ряд специфических методов, производных от последних. К ним можно отнести: методы *логико-семантического анализа* документов и метод *анализа экономических и хозяйственных процессов (метод экономического анализа)*.

Метод логико-семантического анализа документов имеет важнейшее значение в доказывании экономических преступлений, совершаемых посредством использования служебных полномочий. Как справедливо указывает И.В.Александров, документы являются важнейшими носителями и источниками информации. Подготавливая, совершая, скрывая, вуалируя преступление, его участники неизбежно оставляют следы как в подлинных, так и в сфальсифицированных документах, поэтому их обнаружение и исследование всегда является важнейшим направлением следственной работы [15, с.34]. Использование метода логико-семантического анализа при расследовании хищений путем злоупотребления властью или служебными полномочиями или самих таких злоупотреблений, образующих самостоятельный состав преступления, выражается в исследовании, представлении и осмыслении объемов, пределов, форм и локализаций властных полномочий и компетенций должностных лиц, которые вытекают из содержания правовых актов и документов правоустанавливающего харак-

тера, как например, должностные инструкции, трудовые контракты и приложения к ним, нормативные правовые акты, регламентирующие юридический статус и правосубъектность должностного лица. Успешный логико-семантический анализ позволяет установить и интегрировать в систему доказывания вины следующие важные аспекты:

- какими характером и объемами прав и полномочий для осуществления своих функций был наделен подозреваемый или обвиняемый как должностное лицо?

- являлся ли этот объем достаточным для полноценной и качественной реализации им своих функций по должности?

- каков механизм принятия властных решений или осуществления властно-распорядительных действий со стороны подозреваемого или обвиняемого как должностного лица?

- выступили ли конкретные властные полномочия в качестве средства реализации преступного умысла, и каким образом?

- была ли возможность у подозреваемого или обвиняемого реализовать свой преступный умысел и достичь преступного результата без использования указанных полномочий вопреки интересам службы?

В свою очередь, *методы экономического анализа* – важная составляющая системы методов криминалистики, особо актуальная в расследовании преступлений, предметом которых являются денежные средства, ценности, иные материальные, а также нематериальные овеществленные блага. Сущность рассматриваемой нами категории преступлений состоит в посягательствах на эти ценности и блага, осуществляемых посредством противоправного использования властных полномочий. Как правило, для доказывания факта наступления преступных последствий, делающего преступление оконченным, необходимо скрупулезное установление экономических и технико-технологических закономерностей хозяйственной операции, на которую принципиально влиял подозреваемый или обвиняемый посредством принятия властных решений и осуществления действий по их реализации. Кроме этого, обязательному установлению подлежит и то, как его решения и действия количественно и качественно повлияли на смысл, содержание, ход и результаты рассматриваемой хозяйственной операции [16, с. 90].

Основу экономического анализа как метода криминалистики составляют методы системно-структурного экономического анализа и специальных расчетных экономических показателей. Наряду с ними Р.С. Сатуев и С.П. Голубятников упоминают также методы стереотипов и корректирующих показателей как на производные

от первых [10, с. 279; 17, с. 80]. Однако автор настоящей работы полагает, что методы, предлагаемые данными учеными, не имеют универсального характера и применимы лишь в частных случаях, а именно при расследовании преступлений, способом совершения которых выступает фальсификация документов бухгалтерского учета и отчетности. Кроме того, критически подходу к позиции, в частности, С.П.Голубятникова, необходимо сделать поправку на временной фактор, учитывая более чем тридцатилетнюю давность опубликования его работы и ориентацию на специфику экономики т.н. «советского типа», которой были присущи командно-административный и планово-директивный подходы в управлении.

Метод системно-структурного экономического анализа выражается в установлении, исследовании закономерностей, основанных на действии объективных экономических законов, изучении и практическом осмыслении системы и структуры хозяйственных процессов, их результатов, закономерностей видоизменения и модификации, вызванных влиянием внешних (в т.ч. антропогенных) факторов, среди которых в первую очередь – управленческие решения и целенаправленное регулирующее воздействие со стороны должностных лиц, движимых преступными намерениями и реализующими их подобным специфическим образом.

Как отмечает Р.С. Сатуев, метод специальных расчетных показателей выражается в сопоставлении специально выведенной опыт-ным путем дискретной расчетной величины с отчетным, предположительно измененным в результате деятельностных проявлений преступного умысла и его непосредственной реализации. Указанный автор полагает, что в качестве специальных расчетных показателей целесообразно рассматривать аналитические показатели, найденные на основе отчетных данных или других источников экономической информации именно с целью элиминировать влияние факторов, не связанных с преступлением [10, с. 282]. Р.С. Сатуев также утверждает, что метод стереотипов базируется на использовании криминалистических связей, могущих получить отображение в изменениях значений

экономических показателей, а метод корректирующих показателей заключается в сопоставлении экономических показателей (уже имеющихся в отчетности или специально найденных) с факторами внешней среды, в которой функционирует конкретное исследуемое предприятие [10, с. 282–283]. Вместе с тем, находя определенное «рациональное зерно» во мнении Р.С. Сатуева, мы не в полной мере можем согласиться с ним. Как показывает анализ опыта практической деятельности органов уголовного преследования, в компетенцию которых входит выявление, раскрытие и расследование экономических преступлений, использование методов стереотипов и специальных расчетных показателей применимы лишь при анализе деятельности крупных предприятий реального сектора экономики и в процессе расследования преступлений, связанных с фальсификацией государственной статистической отчетности. Однако, будучи изначально сложными в восприятии и рассчитанными на работу с макроэкономическими показателями, эти методы показывают недостаточную эффективность по отношению к мелким и средним предприятиям, финансово-кредитным и банковским учреждениям, как и по отношению к иным субъектам финансового сектора экономики в целом.

Подводя итог вышеописанному, необходимо отметить, что в совокупности именно общенаучные методы познания имеют важнейшее значение в понимании, определении и восприятии системы, тактических особенностей и механизма доказывания состава преступления по делам, связанным со злоупотреблениями властью или служебными полномочиями в сфере экономики, в т.ч. посягательствами на собственность. Эти методы, как никакие другие, сообразуясь с основополагающими законами формальной логики, помогают понять, оценить и вникнуть в суть механизма рассматриваемых преступлений, их причинно-следственных связей и детерминант, специфики и особенностей преступного поведения, его субъективно обусловленных свойств. В свою очередь, частнонаучные и специальные методы криминалистики, по нашему мнению, выступают скорее как производные от общенаучных, а не как самостоятельные и самодостаточные методы криминалистической науки.

Список использованных источников

1. Конев, В.А. Социальная философия / В.А. Конев. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. – 246 с.
2. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/концепция>. – Дата доступа: 01.05.2011.

3. *Аверьянова, Т.В.* Криминалистика / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин. – М.: НОРМА - ИНФРА-М, 2000. – 990 с.
4. *William M. Johnston.* The Austrian mind: an intellectual and social history, 1848-1938. – University of California Press, 1983. – P. 94–95.
5. *Tilstone, W.C., Savage, Kathleen A., Clark, Leigh A.* Forensic science: an encyclopedia of history, methods, and techniques. – ABC-CLIO, 2006. – 307 с.
6. *Белкин, Р.С.* Курс криминалистики: в 3-х т. / Р.С. Белкин. – М.: Юрид.лит., 1997. – Т.1: Общая теория криминалистики. – 420 с.
7. Методология криминалистики / Под ред. И.Ф. Пантелеева. – М.: ВЮЗИ, 1982. – 88 с.
8. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/метод>. – Дата доступа: 21.05.2011.
9. *Белкин, Р.С.* Криминалистика и доказывание (методологические проблемы) / Р.С. Белкин, А.И. Винберг. – М.: Юрид. лит., 1969. – 215 с.
10. *Сатуев, Р.С.* Использование методов криминалистики при выявлении и расследовании преступлений экономической направленности / Р.С. Сатуев // Значение творческого наследия профессора А.И.Винберга в развитии отечественной криминалистики (к 100-летию со дня рождения): сб. материалов 49-х Криминалистических чтений. – М.: Акад. упр. МВД России, 2008. – 444 с.
11. *Эйсман, А.А.* Логика доказывания / А.А. Эйсман. – М.: Юрид.лит., 1971. – 110 с.
12. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/анализ>. – Дата доступа: 21.05.2011.
13. *Асанова, В.В.* Понятие метода криминалистического анализа преступления / В.В. Асанова // Инновационные проблемы и перспективы развития правоприменительной деятельности: материалы Междунар.науч.-практ.конф. (Гродно, 27-28 марта 2009 г.) / ГрГУ им.Я.Купалы; редкол.: Г.А.Зорин (отв.ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 423 с.
14. *Шиенок, В.П.* Методологические проблемы современной криминологии / В.П. Шиенок // Юстыцыя Беларусі. – 2006. – №11. – С. 20–26.
15. *Александров, И.В.* Документы как средство доказывания при расследовании экономических преступлений / И.В. Александров / Роль кафедры криминалистики юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в развитии криминалистической науки и практики: в 2-х т. – М.: МАКС Пресс, 2010. – Т.1: Материалы конференции. Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова, 18-19 октября 2010 г. – 164 с.
16. *Алферов, В.А.* Особенности расследования преступлений в сфере экономики: Руководство для следователей / В.А. Алферов. – М.:Изд-во «Спарк», 1999. – 113 с.
17. *Голубятников, С.П.* Использование экономического анализа при расследовании преступлений / С.П. Голубятников. – М., 1981. – 101 с.

Дата поступления: 11.10.2011

Annotation

Article is devoted consideration from the point of view of philosophy and its organic laws of specificity of informative activity of the person directed on disclosing and investigation of crimes, made by representatives of the power and other officials in sphere of economic relations.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ПО ВОПРОСАМ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ

Горшенков С.А.
адъюнкт
научно-педагогического факультета
Академии МВД
Республики Беларусь

Аннотация

Рассматриваются особенности законодательства США, ФРГ, Италии, регулирующие вопросы обеспечения безопасности лиц, оказывающих содействие правоохранным органам в борьбе с преступностью.

Проблема неправомерного воздействия на лиц, содействующих правоохранным органам, существует не только в Республике Беларусь, но и во многих других странах. Следуя международным нормам и принципам, во многих зарубежных государствах уже приняты и успешно реализуются на практике законы и комплексные программы такой направленности [1, с. 15].

Соединенные Штаты Америки, по нашему мнению, имеют наиболее богатый опыт в области защиты лиц, содействующих уголовному правосудию.

По мнению О.А. Зайцева, в США действует весьма внушительная и надежная система поддержки жертв преступлений, а также граждан, добровольно сотрудничающих с правоохранными органами и рискующих подвергнуться воздействию со стороны преступников [2, с. 148].

До 1970 г. для преступников в США практически не представляло серьезных затруднений незаконное воздействие на свидетелей обвинения и потерпевших с целью заставить их отказаться от дачи свидетельских показаний в суде, поскольку программ или законов, направленных на защиту свидетелей, не существовало. За период с 1961 по 1965 гг. было убито более 25 свидетелей обвинения по делам об организованной преступности, сотни уголовных дел были приостановлены из-за опасений свидетелей за свою жизнь [3, с.389].

В 1970 г. Конгресс США принял «Закон о контроле за организованной преступностью». Титул V этого закона наделял Генерального прокурора США правом выделять средства на защиту свидетелей, подвергающихся опасности [3, с.389]. В 1971 г. в стране начала действовать Программа по защите свидетелей. В 1982 г. в стране был принят «Закон о защите жертв и свидетелей преступлений». В 1984 г. принимается «Закон о реформе системы обеспечения безопасности свидетелей». Таким образом, право на необходимую защиту от правонарушителя явилось признанием того, что запугивание жертв преступления правонарушителем и/или его окружением выросло в серьезнейшую проблему. Страх перед преступниками заставлял граждан отказываться от сотрудничества с правоохранными органами, причем этот страх был более чем обоснованным.

Приводимая Д. Фитцджеральдом статистика наглядно демонстрирует эффективность действия Программы обеспечения безопасности свидетелей (ПОБС). С момента ее учреждения в 1971 г. и до 1988 г. с помощью ПОБС удалось обеспечить защиту, предоставить место жительства и новые документы более чем пяти тысячам ключевых свидетелей (тем, кто был определен как объект мести). К 1993 г. число таких свидетелей выросло до 14 300, а в 1994 г. было дано разрешение на включение в Программу еще 200 новых ключевых свидетелей. Данные цифры не включают членов семей свидетелей, на долю каждого из которых приходится в среднем 2,5 члена семьи [3, с.389].

О.А. Зайцев приводит несколько иную статистику, однако тоже весьма впечатляющую: маршаловская служба (федеральная Служба судебного исполнения США) в период с 1970 по 1997 гг. обеспечила защиту более 6 тыс. свидетелей и 13 тыс. членов их семей [2, с. 152].

В 1990 г. в США был принят «Закон о правах потерпевших и реституции», который развил положения «Закона 1982 года об обеспечении защиты потерпевших и свидетелей». В связи с принятием названного закона появился «Билль о правах потерпевших и свидетелей», нашедший свое отражение в секции 10606 (b) Титула 18 Кодекса Законов США (U.S.C.). Согласно этой статье, как указывает А.В. Парий, потерпевший от преступлений, предусмотренных федеральным законодательством, имеет следующие права:

- право на справедливое обращение с уважением к достоинству частной жизни потерпевшего;
- право на необходимую защиту от правонарушителя;
- право быть извещенным о судебных процедурах;
- право присутствовать на всех публичных судебных процедурах, связанных с правонарушением, за исключением тех случаев, когда суд определит, что на показания потерпевшего могут оказать влияние показания в суде других лиц;
- право на консультацию с обвиняющим по делу прокурором;
- право на получение реституции;
- право на информацию об осуждении, приговоре, заключении и освобождении правонарушителя.

Этими правами наделены все без исключения жертвы преступления [4, с. 65].

Что же касается включения сотрудничающего со следствием лица в Программу защиты свидетелей, то оно имеет определенные особенности. Запрос о допуске к Программе составляется федеральным окружным прокурором или его заместителем, и направляется в Отдел правоприме-

нительных операций Управления по уголовным делам Министерства юстиции. Запрос содержит подробную информацию о сотрудничающем лице, включающую в себя его полные анкетные данные; полные анкетные данные членов его семьи, рекомендованных к переселению вместе с данным лицом; подробное описание всех заболеваний такого лица и проживающих с ним членов семьи; подробное описание финансового положения сотрудничающего лица, куда входят стоимость принадлежащего ему имущества, долговых и алиментных выплат, доходов, вкладных; отсутствие (наличие) судимости; наложенные в связи с условно-досрочным освобождением (если таковое имело место быть) ограничения; важность уголовного дела, в связи с которым возникает вопрос о применении мер безопасности; подробное описание существа дела, характеристика обвиняемых по делу; описание преступной организации, членами которой они были; краткое содержание показаний, которые может дать сотрудничающее лицо; подробное описание опасности, которой подвергается такое лицо в связи с производством по делу – полные установочные данные лиц, со стороны которых может исходить опасность; имена других свидетелей, которые уже были включены в Программу обеспечения безопасности свидетелей (если таковые имеются); имена и место жительства лиц, которых требуется включить в названную Программу.

Санкция на включение сотрудничающего лица в Программу защиты свидетелей дается Генеральным прокурором США (кроме того, Первым заместителем и Заместителем Генерального прокурора, руководителями управлений по гражданским уголовным делам Министерства юстиции, Директором Отдела правоприменительных операций Министерства юстиции и его Заместителем).

Что же касается применяемых по отношению к защищаемым лицам мер безопасности, то таковыми являются следующие:

- доставление защищаемого лица и членов его семьи в Центр реабилитации и безопасности, где они проходят полное медицинское и стоматологическое обследование, в случае необходимости консультации психологов, психиатров или социальных работников;
- обеспечение необходимыми документами (в соответствии с выбранным защищаемым лицом новым именем, его образовательным уровнем, имевшимися у него специальными правами), причем не могут быть выданы документы, которые свидетельствуют о более высоком, чем полученный законным способом, образовательном и профессиональном уровне;
- подробное собеседование с защищаемым лицом о его образе жизни, привычках, этниче-

ском происхождении, каких-либо особенностях медицинского и образовательного характера, и следующее за таким собеседованием переселение названных лиц на новое место жительства в соответствии с учетом названных факторов;

- содействие в трудоустройстве в соответствии с профессией защищаемого лица (при невозможности работы по профессии организуется его переподготовка);

- помощь инспектора Программы обеспечения безопасности свидетелей в решении бытовых проблем, связанных с переездом (устройство детей в школу, организация медицинского обслуживания, тайная перевозка мебели и личных вещей с прежнего места жительства защищаемого лица);

- получение в течение 6 месяцев ежемесячной материальной помощи в соответствии с индексом стоимости жизни до приобретения финансовой независимости;

- особый порядок прохождения документов, относящихся к защищаемым лицам – присвоение грифа секретности «закрытые следственные материалы»;

- местонахождение защищаемых не доводится до сведения ведущего расследование лица, а все контакты осуществляются через Управление правоприменительных операций Министерства юстиции США;

- обеспечение физической защиты рассматриваемой категории лиц на время расследования уголовного дела и выступления на слушаниях в суде.

М.А. Сильнов отмечает факт создания в Нью-Йорке специальной телефонной линии для связи жертв преступлений. Позвонив по телефону «горячей линии», лица, подвергшиеся нападению преступников, могут выяснить, где отбывают наказание их обидчики, а также срок их освобождения [5].

Необходимо также затронуть вопрос о материальной компенсации жертвам преступлений, их родственникам и лицам, пытавшимся предотвратить совершение преступления. Такая компенсация выплачивается из фондов, финансируемых за счет налагаемых на правонарушителей штрафов и изъятого у них имущества и залогов. Кроме того, задействованы также и общие налоговые фонды. Компенсация, как отмечает О.А. Зайцев, выдается на медицинскую помощь, расходы на похороны, при потере слуха, в качестве помощи членам семьи умершего кормильца. Данная выплата не требует никакого подкрепления просьбы решением суда, а также не зависит от ареста и заключения под стражу преступника [2, с. 163].

Нельзя, на наш взгляд, также обойти вопрос сотрудничества с уголовным правосудием са-

мых преступников. Данное сотрудничество приветствуется законодательством США. Возможно смягчение наказания таким лицам. Кроме того, как отмечает О.А. Зайцев, указанные лица могут претендовать на 25% стоимости имущества того лица, на которого представлена разоблачающая информация. Максимальная сумма вознаграждения составляет 250 тысяч долларов [2, с. 165].

Не вызывает сомнений, что гибкая политика США по отношению к сотрудничающим со следствием преступникам служит интересам правосудия, позволяя привлекать к ответственности лиц, действия которых несут большую общественную опасность, смягчая наказание лицам с меньшей степенью общественной опасности и стимулируя их материально. Видится, что такой подход к обеспечению прав и безопасности сотрудничающих с правоохранительными органами лиц необходимо было бы использовать и в практике органов внутренних дел Республики Беларусь.

В Федеративной Республике Германия, как и в Соединенных Штатах, также нарабатан опыт защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, хотя и значительно уступающий американскому. Связано это с тем, что правоохранительные органы Германии к проблеме защиты названной категории лиц обратились значительно позже.

О.А. Зайцев указывает, что в ФРГ длительное время отсутствовала четкая законодательная регламентация существующей практики защиты участников уголовного процесса, содействующих правосудию. Мероприятия, проводимые специальными подразделениями полиции, строились в основном на ведомственных подзаконных актах МВД и Министерства юстиции, которые нередко вступали в противоречие с действующим законодательством [2, с. 176]. Первый закон, направленный на защиту лиц, содействующих уголовному судопроизводству, был принят в ФРГ только в 1986 г.

До его принятия свидетелей переселяли в другой населенный пункт. Такая мера влекла необходимость временного обеспечения средств к существованию, трудоустройства на новом месте, обеспечения ухода за детьми, инструктирования свидетеля по поводу его поведения, осуществления наружного наблюдения в целях защиты и подготовки документов прикрытия. Проведение мероприятий по защите свидетеля в законодательном аспекте основывались на уголовно-правовых принципах крайней необходимости и некоторых других актах, регулирующих работу полиции [6, с. 75].

В 1986 г. в ФРГ был принят Закон о защите потерпевших. В 1990 г. был принят ряд межве-

домственных (МВД и Министерства юстиции) нормативных актов. Далее, в 1993 г., был принят Закон «О главном свидетеле». Наконец, в 1998 г. принимается Закон «О регулировании вопросов обеспечения защиты свидетелей, которым угрожает опасность», носящий комплексный межотраслевой характер. С его принятием были внесены соответствующие изменения в уголовно-процессуальное, жилищное, налоговое, административное и иные отрасли германского законодательства. В основу данного закона легли, как указывает В.А. Казакова, следующие принципиальные положения и ключевые задачи, направленные на решение проблемы защиты свидетелей:

- создание при федеральных и земельных органах подразделений по защите свидетелей;
- обеспечение защиты как непосредственно для свидетеля, так и для его родственников, членов семьи и иных близких ему лиц;
- эффективное обеспечение сохранности анкетных данных лица, подлежащего защите, от возможного выслеживания со стороны преступников;
- блокировка передачи хранящихся в информационной базе данных, касающихся лиц, подлежащих защите;
- временное предоставление документов, удостоверяющих личность, на основе измененных анкетных данных;
- предоставление иностранцам, подлежащим защите, гражданства ФРГ;
- организация возможных контактов только через подразделение по защите свидетелей;
- обеспечение лицам, подлежащим защите, возможности реализации своих гражданских прав;
- защита свидетеля в ходе судебного разбирательства;
- защита свидетеля, находящегося в местах лишения и ограничения свободы;
- наказуемость за несанкционированное разглашение мер по защите свидетеля [6, с. 75].

Если сравнить названные положения с содержанием положений по защите лиц, действующих уголовному правосудию, законодательства США, то налицо значительное сходство. В ФРГ, как и в США, созданы подразделения по защите свидетелей, хотя и входящие в состав полиции, но функцией которых является только обеспечение безопасности свидетелей (аналогия с Маршалльской службой США). Далее, защита обеспечивается не только сотрудничающему лицу, но и его близким. Серьезным, на наш взгляд, фактором является также организация контактов только через подразделение по защите свидетелей, что сводит к минимуму информацию о месте нахождения и иную о за-

щищаемом лице. Положения о реализации защищаемым своих гражданских прав, защита в ходе судебного разбирательства, а также свидетелей, находящихся в местах лишения свободы, также сходны с аналогичными положениями законодательства США. Различие состоит лишь в предоставлении документов на основе измененных анкетных данных: в ФРГ таковые выдаются временно, а в США – на постоянной основе. Кроме того, подразделением по защите свидетелей защищаемому лицу в течение 6 месяцев (а в исключительных случаях и более) оказывается материальная помощь; при этом названное лицо должно предпринимать усилия по установлению своей финансовой независимости, для чего ему оказывается также помощь в устройстве на работу.

Что же касается непосредственно организации охраны сотрудничающих с правосудием лиц, то в различных землях ФРГ она осуществляется по-разному. В ряде земель действует так называемая «децентрализованная» модель, когда охраной занимаются специально обученные сотрудники полиции из местных полицейских подразделений, а координационные пункты охраны свидетелей занимаются лишь задачами координации. В других регионах действует «централизованная» модель, при которой охрана свидетелей возложена на сотрудников координационных пунктов охраны свидетелей управлений уголовной полиции земель. Вторая модель, безусловно, более эффективна, так как охраной в таком случае занимаются не сотрудники полиции, для которых охрана свидетелей не является основной обязанностью, а специально обученные профессионалы [6].

В ФРГ, как и в США, существует специальный порядок включения в программу по защите свидетелей. Отмечаются следующие его особенности:

- расследуемое деяние является тяжким, отнесенным к таковым в соответствии с нормами уголовного законодательства;
- установление обстоятельств дела или места нахождения подследственного без показаний свидетеля невозможно или существенно затруднено;
- готовность лица давать показания создает опасность для жизни, здоровья или основ благосостояния свидетеля или его близких;
- готовность свидетеля давать показания должна быть выражена добровольно; необходимо также согласие лица, подлежащего защите, на вступление в программу по защите свидетеля [6].

По аналогии с законодательством США, документы, относящиеся к охраняемым лицам, имеют особый порядок прохождения. Они имеют гриф секретности и хранятся в подраз-

делении по защите свидетелей, не приобщаясь к материалам уголовного дела.

Что же касается субъекта, принимающего решение о включении свидетеля в программу защиты, то закон ФРГ существенно отличается от США. Если в США данное решение принимается на уровне руководителей Министерства юстиции страны, то в ФРГ – руководителем органа полиции (Федерального либо земельного ведомства криминальной полиции, или других полицейских органов).

Таким образом, подводя итог под вышесказанным о практике защиты рассматриваемой категории лиц в ФРГ, можно сделать вывод, что в этой стране, несмотря на относительно небольшой срок практики применения, создан действенный механизм обеспечения безопасности таких лиц. Создание его позволило расширить возможности правоохранительных органов по надлежащему обеспечению безопасности и иных прав жертв и свидетелей преступлений, что, несомненно, способствует осуществлению правосудия.

Италия также имеет опыт защиты участников уголовного судопроизводства. Сложившаяся атмосфера страха и насилия со стороны мафии потребовала в сфере уголовного судопроизводства срочной разработки комплекса мер по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства. Одной из мер явилось принятие в 1984 г. Программы защиты свидетелей, содержащей конкретные меры по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства. Однако ее недостатком явилось отсутствие мер обеспечения безопасности лиц, являющихся подозреваемыми и обвиняемыми по уголовным делам.

Однако, как справедливо отмечают итальянские эксперты, помощь таких лиц является одним из ключевых моментов, позволяющих эффективно использовать весь остальной комплекс мер, направленных на борьбу с данным видом преступности. 24 октября 1989 г., указывает Т. Делла Марра, произошло важное событие в правовой жизни Италии: после более чем 25-летнего подготовительного периода вступил в действие новый Уголовно-процессуальный кодекс [7]. Кроме этого, в последующий период были внесены соответствующие изменения в УПК, принят ряд законов, выстраивающих и закрепляющих систему мер безопасности в отношении лиц, содействующих уголовному судопроизводству, в том числе и сотрудничающих с правосудием бывших членов преступных сообществ.

Как отмечает О.А. Зайцев, первые результаты реформы законодательства оказались весьма успешными. 1200 членов криминальных организаций, в том числе известные в стране преступ-

ники, признались в противоправных деяниях и выдали не только соучастников, но и многих руководителей итальянской мафии [2, с. 202].

Право решения вопроса о включении сотрудничающего лица в Программу защиты свидетелей предоставлено Центральной Национальной комиссии. Полиция и прокуратура предоставляют Комиссии материалы, свидетельствующие о важности данных показаний для уголовного дела, степени риска, которому подвергается такое лицо. После этого Комиссия истребует мнения всех правоохранительных органов, к деятельности которых имеют отношение данные, содержащиеся в заявлениях и показаниях сотрудничающего лица, а также мнение Национального управления по борьбе с мафией, которое координирует деятельность по расследованию такого типа преступлений. После тщательной проверки всех фактов и обстоятельств Центральная Национальная комиссия решает вопрос о включении лица в Программу защиты [2, с. 200].

На наш взгляд, подобная схема выглядит не совсем удачной и достаточно громоздкой. В ней задействуется большое число должностных лиц различных государственных органов, что с учетом сращивания государственного аппарата и мафиозных структур в Италии может с большой долей вероятности привести к «утечке» информации о сотрудничающем лице. Результатом станет, с учетом имеющегося «опыта», устранение такого лица либо его близких.

Что же касается самих мер обеспечения безопасности, то они не слишком отличаются от предусмотренных в США и ФРГ. Во всех названных странах применяются: выдача новых удостоверяющих личность документов; взятие под защиту близких сотрудничающего лица; помещение таких лиц в безопасное место (в частности, предусматривается их размещение по специальному соглашению на территории других государств); физическая защита при передвижениях и даче показаний в ходе следствия и судебного разбирательства; организация финансовой помощи в виде выплаты ежемесячного пособия на всех членов семьи защищаемого, исходя из их среднего прожиточного минимума; обеспечение медицинского обслуживания.

Необходимо также отметить ряд мер безопасности, применяемых по отношению к сотрудничающим с правосудием подозреваемым и обвиняемым:

- применение альтернативных мер пресечения к лицам, находящимся под стражей в период следствия;
- такое лицо может быть освобождено и передано на поруки социальным службам;
- лицо может быть освобождено и переведено под домашний арест;

- к лицу могут применяться особые льготные условия содержания в тюрьме (например, пребывание в заключении лишь в течение ночного времени) [2, с. 201].

Кроме того, для осужденных участников преступных организаций, сотрудничавших с правосудием, возможно применение следующих мер безопасности:

- возможность изменения главным прокурором округа вынесенного судом наказания в сторону смягчения (кроме досрочного полного освобождения от наказания);
- перевод из одного исправительного учреждения в другое;
- смена места жительства с переездом в другую коммуны в пределах округа с сохранением в тайне преступного прошлого защищаемого лица;
- временное обеспечение документами «прикрытия» с измененными основными установочными данными;
- замена в отдельных случаях имени, фамилии, даты и места рождения как самого защищаемого, так и его родственников с внесением соответствующих изменений в анаagraфические учеты и соответствующая замена документов;
- обеспечение полицией личной безопасности такого лица;

- необязательность присутствия в зале судебного разбирательства при даче показаний, а возможность их дачи «на расстоянии» – с помощью технических средств;

- особые правила содержания в местах заключения сотрудничающих «мафиози» [8, с. 35–36].

Таким образом, обобщая все вышесказанное об организации защиты сотрудничающих с правосудием лиц в Италии, можно, на наш взгляд, сделать вывод о том, что в стране за относительно небольшой срок создан и функционирует серьезный комплекс мер по обеспечению безопасности названных категорий лиц. С учетом же специфических исторических криминальных традиций и обычаев Италии такой комплекс жизненно необходим для полноценного осуществления правосудия и выполнения стоящих перед ним задач.

При сравнении программ защиты лиц, способствующих уголовному судопроизводству, в трех рассмотренных странах – США, ФРГ и Италии, выявляется значительное сходство их основных положений и принципов, а также комплекса применяемых мер безопасности, что необходимо учитывать при совершенствовании отечественного законодательства в данной области.

Список использованных источников

1. Москалькова, Т.А. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства / Т.А. Москалькова // Профессионал. – 2004. – № 5. – С. 15.
2. Зайцев, О.А. Государственная защита участников уголовного процесса / О.А. Зайцев. – М.: Экзамен, 2001. – 512 с.
3. Фитцджеральд, Д. Программа обеспечения безопасности свидетелей / Д. Фитцджеральд // Служба Маршаллов США: организация, функции, деятельность [Электронный ресурс]. – 1998. – Режим доступа: <http://www.infousa.ru/laws/usms.pdf>. – Дата доступа: 15.01.2011.
4. Парий, А.В. Потерпевший от преступления на досудебных стадиях уголовного судопроизводства США (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.В. Парий. – Волгоград, 1997. – 181 л.
5. Сильнов, М.А. Защита свидетелей как проблема общественной безопасности / М.А. Сильнов // Право и безопасность. – 2002. – № 4(5).
6. Казакова, В.А. Новый закон об обеспечении социальной и правовой защиты свидетелей в ФРГ / В.А. Казакова // Государство и право. – 2000. – № 9. – С. 74–80.
7. Делла Марра Т. Уголовный процесс Италии: реформа и контрреформа / Т. Делла Марра // Государство и право. – 1994. – № 1. – С. 124–131.
8. Законодательство Италии о борьбе с организованной преступностью // Законность. – 1993. – № 11. – С. 35–36.

Дата поступления: 11.10.2011

Annotation

The article is about law of U.S., West Germany, Italy, which governing safety of persons who assist law enforcement in combating crime.

КРИМИНАЛИСТИКА
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ**ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ДВИЖЕНИЯ – «ОТПРАВНАЯ ТОЧКА» АНАЛИЗА
МЕХАНИЗМА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ**

Скачек Р.В.
адъюнкт
научно-педагогического факультета
Академии МВД
Республики Беларусь

Аннотация

На основе анализа теории и практики правоприменения категории «опасность для движения» определены основные проблемы, решение которых является актуальным для криминалистики. В связи с несовершенством ее определения, содержащегося в Правилах дорожного движения, представлено переработанное авторское понятие. Предложен порядок анализа действий водителя при возникновении опасной дорожно-транспортной ситуации. Проведено отграничение понятия «опасность для движения» от смежной дефиниции «препятствие для движения». Дано определение момента возникновения опасности для движения.

Одним из наиболее сложных вопросов анализа механизма дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП) является установление момента возникновения опасности для движения, который выступает в качестве «отправной точки» [1, с. 67] развития аварийной дорожно-транспортной ситуации. От достоверности его определения зависят результаты оценки действий участников ДТП в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства.

Различные аспекты опасности для движения и момента ее возникновения исследовались в работах: В.А. Бекасова, Б.Е. Боровского, А.С. Браза, Г.В. Жилинского, В.П. Захарова, Б.П. Калядина, А.Д. Коленко, А.Г. Кольчурина, М.М. Котика, Г.П. Кучеренко, В.В. Лысенко, А.П. Макарова, В.А. Мызникова, С.В. Назарова, В.В. Панкратова, В.П. Печерского, Н.С. Романова, Г.М. Соловьева, А.М. Тимирбулатова, Ю.И. Шапорова, К.Е. Элина, В.Н. Янина и др. В частности, учеными-криминалистами рассматривались вопросы о компетенции по установлению момента возникновения опасности для движения (Г.В. Жилинский, В.П. Захаров, С.В. Назаров, В.П. Печерский, В.Н. Янин) [2, с. 150–158; 3, с. 410–412; 4, с. 42–49; 5, с. 77–79], о типичных случаях ее возникновения (А.Г. Кольчурин, М.М. Котик) [6, с. 121–125; 7, с. 144–147], о структуре и признаках дорожно-транспортной опасности, действиях водителя, направленных на предотвращение происшествия (Н.С. Романов) [8, с. 342–347; 9, с. 366–371; 10, с. 128–134], об экспертной методике определения момента возникновения опасности для движения (Б.Е. Боровский) [11, с. 320–325] и др.

Анализ работ ученых и практики расследования дорожно-транспортных преступлений показывает, что основная причина затруднений, возникающих при правоприменении категории «опасность для движения» заключается в несовершенстве ее понятия, содержание которого зачастую не могут пояснить не только водители транспортных средств, но и лица, в компетенцию которых входят полномочия по исследованию механизма ДТП (сотрудники ГАИ, следователи, дознаватели, эксперты-автотехники). Изъяны дефиниции «опасность для движения» не позволяют отграничить ее от смежного понятия «препятствие для движения», определить с какого момента времени водитель должен принимать меры для предотвращения ДТП.

Проведенное нами изучение генезиса нормативного закрепления положений об опасности для движения показало, что, несмотря на отражение его уже в первых Правилах дорожного движения (ПДД) 1930 г. и повсеместное использование в правоприменительной практике, свое законодательное закрепление понятие «опасность для движения» нашло лишь в ПДД Республики Беларусь 1996 г. [12]. Логика нормотворческой деятельности и правоприменительной практики требует, прежде всего, определить общее понятие «опасности для движения», а затем на его основе устанавливать обязанности участников дорожного движения. Такой подход позволил бы гармонично сбалансировать обязанности и ответственность последних, устранить проблемы правоприменения.

Своевременному отражению в нормах ПДД рассматриваемого понятия не способствовали и научные разработки в этом направлении, проведенные в 60-70-е гг. XX века [1]. Этот факт в очередной раз подчеркивает актуальность проблемы.

В п. 2.37 ПДД дано следующее понятие опасности для движения – «изменение условий дорожного движения или технического состояния транспортного средства, угрожающее безопасности участников дорожного движения, вынуждающее водителя снизить скорость движения или остановиться» [12]. Указанное определение является сложным для толкования и не включает в себя всех признаков, раскрывающих сущность рассматриваемого нами явления.

Отношения, складывающиеся в процессе дорожного движения, не всегда угрожают опасностью возникновения ДТП. Она возникает лишь при определенных факторах, ее обуславливающих. В связи с этим следует выделить такой признак опасности для движения, как ее ситуативность.

Но не каждая дорожно-транспортная ситуация является опасной и может повлечь за собой негативные последствия. Лишь при возникновении определенных факторов, обусловленных элементами системы «водитель-автомобиль-дорога-среда-пешеход» (ВАДСП) она приобретает такое свойство. При этом они могут быть весьма разнообразными. Так, к примеру, для элемента «водитель» характерны следующие факторы, угрожающие опасностью совершения ДТП: состояние алкогольного опьянения, усталость, невнимательность, болезненное состояние и др.

Водитель, как оператор транспортного средства при возникновении опасности для дальнейшего движения должен принять соответствующие действия для избегания происшествия. Белорусский законодатель в качестве

таковых предусмотрел снижение скорости транспортного средства или остановку [12]. Однако на практике очень часто встречаются ситуации, когда предотвратить ДТП экстренным торможением нельзя и выход из критической ситуации возможен лишь путем изменения направления движения или скорости транспортного средства (маневр по объезду, увеличение скорости и др.). Поэтому законодатель должен предоставить водителю право применять максимально возможное количество приемов по управлению транспортным средством для предотвращения опасной ситуации. Это положение нашло свое закрепление в ПДД Российской Федерации [13].

Следствием нарушений ПДД участниками дорожного движения либо несвоевременного принятия мер водителем по предотвращению опасной ситуации является ДТП.

Раскрыв все признаки, которые, по нашему мнению, должно включать в себя понятие «опасность для движения», предложим его авторское определение. «Опасность для движения – ситуация, вызванная изменением психофизиологического состояния водителя, или условий и (или) обстановки дорожного движения либо технического состояния транспортного средства, вынуждающая водителя для предотвращения дорожно-транспортного происшествия принять меры к остановке или изменению направления либо скорости движения транспортного средства».

Несмотря на скоротечность опасной для дорожного движения ситуации, в ней выделяется момент времени, в который водитель должен принять меры по предотвращению ДТП. Именно от достоверности его установления в ходе предварительного расследования или административного разбирательства зависит объективность их результатов.

Для облегчения анализа действий водителя при возникновении опасной дорожно-транспортной ситуации предлагаем использовать следующие категории:

- 1) реальное возникновение опасности, т.е. изменение либо технического состояния транспортного средства, либо психофизиологического состояния водителя, либо условий и (или) обстановки дорожного движения;
- 2) фактическое обнаружение водителем опасности, т.е. момент времени, в который водитель реально обнаружил перечисленные выше изменения;
- 3) должное обнаружение опасности, т.е. момент, в который водитель исходя из требований пунктов 87, 87.2 ПДД [13] должен (был в состоянии) увидеть опасные изменения в дорожном движении.

В случае соблюдения водителем требований ПДД (п. 2.37, 87, 87.1, 87.2 и др.), момент фактического обнаружения опасности совпадает с должным. При таком варианте можно говорить о тождестве момента возникновения опасности с его обнаружением водителем. Так или иначе, установлению в ходе предварительного расследования подлежат все указанные нами аспекты.

Делая промежуточный вывод, следует отметить, что под моментом возникновения опасности следует понимать короткий промежуток времени в развитии опасной для движения дорожно-транспортной ситуации, в который пренебрежение водителем рекомендациями по принятию мер к останове либо изменению направления или скорости движения транспортного средства неминуемо ведет к наступлению ДТП.

Авторы современного Комментария к Правилам дорожного движения Республики Беларусь справедливо отметили, что «разграничение понятий «опасность для движения» и «препятствие для дорожного движения» позволяет водителю транспортного средства правильно определить и реализовать приемы и методы безопасного управления транспортным средством в конкретной дорожно-транспортной ситуации» [14, с. 56]. Однако за умозаключением так и не последовал комментарий, разграничивающий указанные понятия. А этот факт является очень важным в правоприменительной практике, так как оба понятия употребляются вместе в нормах ПДД и являются смежными.

Согласно п. 2.52 ПДД «препятствие для дорожного движения – объект, который находится на пути участника дорожного движения и вынуждает его снизить скорость движения, совершить объезд или остановиться» [13]. По нашему мнению, разграничение указанных дефиниций должно производиться в зависимости от складывающейся дорожно-транспортной ситуации. В случаях отсутствия опасных (угрожающих ДТП) изменений в дорожном движении, объект-преграда, появляющийся в полосе движения транспортного средства, будет являться препятствием. Если же имеются небезопасные изменения в дорожном движении, то речь идет о вызове препятствием ситуации опасности (неправильный выбор скорости в неблагоприятных климатических условиях, ограничивающих видимость и др.). То есть, при возникновении препятствия для дорожного движения предполагается благоприятный, исключающий ДТП исход. Именно поэтому зако-

нодатель и предоставил водителю возможность помимо снижения скорости и остановки при его появлении совершать маневр (объезд). Особую роль в вопросе разграничения препятствия от опасности для движения играет предвидение, при этом «требования, предписывающие водителю предвидеть возможность появления ситуации, угрожающей безопасности движения, закреплены в ПДД» [9, с. 366]. Так, если перед пешеходным переходом остановилось (стоит) или замедлило движение транспортное средство, то водители других транспортных средств, движущихся по соседним полосам движения в попутном направлении, должны снизить скорость движения (п. 117 ПДД), приближаясь к стоящему транспортному средству с включенной аварийной световой сигнализацией и имеющему опознавательный знак «Перевозка детей», водитель должен снизить скорость движения, при необходимости остановиться и уступить дорогу пешеходам (п. 122 ПДД) (предвидение возможности появления пешехода) и др.

Таким образом, анализ теории и практики правоприменения положений об опасности для дорожного движения позволяет сделать следующие выводы:

1) закрепленная в ПДД дефиниция «опасность для движения» является несовершенной и сложной для толкования со стороны правоприменителей. С целью решения этой проблемы нами предложено авторское определение. Опасность для движения – ситуация, вызванная изменением психофизиологического состояния водителя, или условий и (или) обстановки дорожного движения либо технического состояния транспортного средства, вынуждающая водителя, для предотвращения дорожно-транспортного происшествия принять меры к остановке или изменению направления либо скорости движения транспортного средства;

2) под моментом возникновения опасности следует понимать короткий промежуток времени в развитии опасной для движения дорожно-транспортной ситуации, в который пренебрежение водителем рекомендациями по принятию мер к остановке либо изменению направления или скорости движения транспортного средства неминуемо ведет к наступлению ДТП;

3) в случаях отсутствия опасных (угрожающих ДТП) изменений в дорожном движении, объект-преграда, появляющийся в полосе движения транспортного средства, будет являться препятствием. Если же имеются небезопасные изменения дорожного движения, то речь идет о переходе препятствия в опасность.

Список использованных источников

1. *Калядин, Б.П.* Опасность для движения / Б.П. Калядин // Актуальные проблемы и перспективы развития судебно-автотехнической экспертизы: материалы Всесоюз. науч. конф., Минск, 1973 г. / редкол.: В.П. Иванов [и др.] – Минск, 1973. – С. 67–69.
2. *Жилинский, Г.В.* Технический аспект момента возникновения опасности для движения / Г.В. Жилинский // Проблемы судебной автотехнической экспертизы: сб. науч. тр. / ВНИИ судеб. экспертиз. – М., 1987. – С. 150–159.
3. К вопросу об установлении момента возникновения препятствия для движения / В.П. Захаров [и др.] // Криминалистика и судебная экспертиза. – 1975. – Вып. 11. – С. 410–412.
4. *Назаров, С.В.* Назначение, производство и оценка результатов автотехнической экспертизы на предварительном следствии : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.В. Назаров. – М., 1998. – 144 л.
5. *Печерский, В.П.* О моменте принятия мер к предотвращению дорожно-транспортных происшествий / В.П. Печерский, В.Н. Янин // Актуальные проблемы и перспективы развития судебно-автотехнической экспертизы: материалы Всесоюз. науч. конф., Минск, 1973 г. / редкол.: В.П. Иванов [и др.] – Минск, 1973. – С. 77–79.
6. *Кольчурин, А.Г.* Особенности расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в сельской местности: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Г. Кольчурин. – Краснодар, 2004. – 223 л.
7. *Котик, М.М.* Расследование дорожно-транспортных происшествий / М.М. Котик, В.В. Котик. – Таллин: Валгус, 1980. – 236 с.
8. *Романов, Н.С.* Дорожно-транспортная опасность, ее структура и принятие водителем мер, направленных на предотвращение происшествия / Н.С. Романов // Криминалистика и судебная экспертиза. – 1973. – Вып. 10. – С. 342–347.
9. *Романов, Н.С.* Проблемные вопросы судебно-экспертного исследования предвидения водителя транспортного средства / Н.С. Романов // Криминалистика и судебная экспертиза. – 1975. – Вып. 11. – С. 366–371.
10. *Романов, Н.С.* Методологические вопросы исследования судебной автотехнической экспертизой действий водителя транспортного средства / Н.С. Романов // Криминалистика и судебная экспертиза. – 1977. – Вып. 14. – С. 128–134.
11. *Боровский, Б.Е.* Условия безаварийной работы / Б.Е. Боровский. – Ленинград: Лениздат, 1971. – 352 с.
12. *Скачек, Р.В.* Генезис нормативно-правового закрепления положений об опасности для дорожного движения / Р.В. Скачек // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2010. – № 2. – С. 89–92.
13. Правила дорожного движения Республики Беларусь: административные правонарушения против безопасности движения и эксплуатации транспорта: утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 28 нояб. 2005 г., № 551: введ. в действие с 1 янв. 2006 г.: с изм. и доп.: текст по состоянию на 1 янв. 2010 г. – Минск: Харвест, 2010. – 80 с.
14. Комментарий к Правилам дорожного движения: согласовано с Управлением ГАИ МВД Респ. Беларусь / Авт. коммент.: В.В. Бируля и [др.]. – Минск: Тонпик, 2009. – 560 с.

Дата поступления: 01.08.2011

Annotation

In the process of studying the theory and practice of enforcement of such category as «danger for the movement» were determined the main questions answers for which are urgent today for the criminalistics. Because the definition of this category in the Rules of the Road seems to be not properly correct we are ready to introduce our own conception. In our work we present the model of the driver behaviour in case of risk of traffic accident. We offer to differentiate such categories as «danger for the movement» and «obstruction for the movement». The definition of the moment of accrual of the danger for the movement is given in our work as well.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДОВ
ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ФОНОГРАММ
ПРИ РЕШЕНИИ КОМПЛЕКСА ЗАДАЧ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЗВУКОЗАПИСЕЙ****Дода И.Г.**

канд. филол. наук

Егоров К.С.

канд. юрид. наук

ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции
Республики Беларусь»

В криминалистической экспертизе звукозаписей (далее – КЭЗ) в конце XX – начале XXI в. стали выявляться определенные сложности в проведении отдельных видов экспертных работ. Данное обстоятельство обусловлено бурным развитием научно-технического прогресса и продвижением новых информационных технологий, что привело к повсеместному «оцифровыванию» объектов экспертизы и представлению на исследование вещественных доказательств в цифровой форме. Наряду с решением традиционных задач возникла проблема постановки и решения новых.

Применение аудиозаписи, представляемой в цифровой форме, с одной стороны, позволяет получать более точные и объективные результаты решения задач в новой технологической и информационной среде. Вместе с тем, при этом возникают и сложности экспертного исследования вещественных доказательств, связанных с множеством различных факторов: разнородность материальных носителей речевой информации в цифровой форме, многообразие программных средств преобразования, сжатия, хранения, вывода, тиражирования, передачи данных и др.

Характер уголовных дел, по которым проводятся экспертные криминалистические исследования материалов звукозаписи, особенность объектов исследований звукозаписи (речевой информации, имеющейся на материальном носителе), звукозаписывающих устройств, других объектов-источников звука окружающей среды, специфичность аудиоинформации как вещественного доказательства в совокупности определяют те задачи, которые ставятся для решения экспертам [1]. В общем случае на основе систематизации решаемых задач КЭЗ мы выделяем следующие виды: экспертиза дикторов по голосу и речи, экспертиза средств звукозаписи и носителей речевой информации, экспертиза объектов-источников звука окружающей среды. В каждом из перечисленных видов КЭЗ решаются соответствующие комплексы задач: классификация, диагностика и идентификация объектов исследования.

Аннотация

Развитие компьютерной и новой микропроцессорной звукозаписывающей техники, оснащенной собственным программным обеспечением, в настоящее время – в век информационных технологий – бесспорно, идет очень быстрыми темпами. В этой связи совершенствование применяемых в экспертном криминалистическом исследовании средств и методов исследований аудиозаписи, представляемой на экспертизу, должно осуществляться, на наш взгляд, с большим опережением.

Существенному повышению эффективности экспертного исследования цифровых фонограмм способствует применение современных средств и методов новых информационных технологий обработки сигналов.

В статье авторами анализируются возможности совершенствования и трансформации методов исследования в криминалистической экспертизе звукозаписей на современном этапе ее развития.

Перечень решаемых в настоящее время в Центре задач КЭЗ является далеко не полным, так как не все потенциально существующие признаки исследуемых объектов могут быть выявлены и учтены при формировании ответов на поставленные вопросы. Представить их полный список – сегодня дело трудновыполнимое, так как он по мере практического использования новых средств и методов экспертного исследования будет постоянно пополняться (и, соответственно, изменяться). Это связано, в первую очередь, с развитием технического прогресса средств аудиозаписи, средств и методов ее фальсификации, а также в результате появления новых прогрессивных средств и методов экспертного исследования объектов.

Если раньше для экспертного исследования речевая информация представлялась в аналоговой форме и обрабатывалась с помощью цифровых технологий с использованием специализированных АПК или отдельных программных средств, то в настоящее время такая технология уже применяется в самих звукозаписывающих устройствах (далее – ЗЗУ). Представляемые на материальных носителях для экспертного исследования новые объекты – цифровые фонограммы, как правило, уже не содержат тех традиционных признаков (импульсные сигналы переходных процессов, звуковой ряд, электромагнитные наводки, «стоповые паузы» и др.), которые можно было выявить для решения задач диагностики, классификации и идентификации объектов в фонограмме с аналоговой формой представления информации. Поэтому возникает необходимость выявления новых или дополнительных признаков, которые могут быть использованы для решения задач КЭЗ.

И не случайно на современном этапе эксперты-фонографисты особое внимание уделяют анализу возможности использования совершенно новых экспертных методов, которые не были свойственны решению задач КЭЗ до недавнего времени. Эти «нестандартные» (трансформированные из других научных сфер или других видов экспертиз) программные, лингвистические и компьютерно-технические методы позволяют выявлять новые признаки для решения комплекса задач экспертизы звукозаписей. В первую очередь речь идет о недokumentированной служебной информации, оставляемой программными средствами записи и регистрации, системами редактирования фонограмм, которая присуща процессам производства записи или их фальсификации через некоторое время.

Научно-экспериментальные данные показывают, что с помощью новых методов обработки голосовых и речевых сигналов имеется возмож-

ность выделения дополнительно к основным признакам новых общих и частных признаков цифровых ЗЗУ, используемых для идентификации устройств фиксации, установления признаков нарушения нормы записи и др. Вместе с тем, необходимость проведения более полного исследования, использования «нестандартных» программных средств и компьютерно-технических методов вызывают значительное усложнение процессов решения задач КЭЗ. Поэтому в сложившихся условиях эксперты должны постоянно совершенствовать и углублять свои специальные познания не только в самой экспертизе звукозаписей, но и в иных, пограничных областях науки и техники, в сфере новых информационных технологий, программирования, микропроцессорной и компьютерной техники, технологии записи, хранения и обработки голосовой и речевой информации [2]. Тем не менее, следует признать, что сегодня в Республике Беларусь в системе КЭЗ после прохождения нескольких этапов развития самой судебно-фонографической экспертизы в целом решается ряд задач достаточно успешно, качественно и обоснованно с научной точки зрения, с обязательным применением более совершенных организационно-технических подходов и методических приемов [3; 4]. В связи с этим данные вопросы требуют более подробного освещения.

К примеру, установление индивидуально-конкретного тождества дикторов по голосу и речи осуществляется в соответствии с недавно разработанным специалистами Государственного учреждения «Центр судебных экспертиз и криминалистики Министерства юстиции Республики Беларусь» и Государственного экспертно-криминалистического центра Министерства внутренних дел Республики Беларусь методическим пособием [4], предусматривающим использование всего арсенала существующих методов исследования на базе АПК «Фонэкси». Вместе с тем, нередко для исследования поступающих цифровых фонограмм, содержащих малый объем речевой информации и записанных в сложных акустических условиях, либо с применением каналов мобильной сотовой связи, имеется возможность использования новых подходов, в том числе и количественных методов инструментального анализа для выявления и учета новых признаков. Экспериментальные исследования свидетельствуют, что существует практическая возможность получения из субъективно выявляемых аудитивным методом анализа качественных характеристик тембра голоса дополнительно количественных признаков, обеспечивающих возможность получения объективных и достоверных выводов

заключения экспертов в категорической форме [5]. Известно, что при значительном сходстве голосов дикторов их дифференциация с использованием динамических спектрограмм речевых отрезков малой длительности (формант) зачастую не представляется возможной [6, с. 121–122]. Использование предложенного нами подхода позволяет достаточно эффективно дифференцировать голоса дикторов, имеющих близкую или одинаковую формантную структуру. Естественно, что данная работа требует существенного повышения специальных познаний и профессионального уровня квалификации экспертов-фонографистов, в связи с чем на 2010-2011 г.г. нами была запланирована НИР по теме «Разработать научные основы и программное средство для экспертных оценок тембральных характеристик голоса дикторов на фонограмме».

При судебном разбирательстве уголовных дел нередко возникает также необходимость решения задач не только идентификации дикторов по голосу и речи (основных объектов и предмета исследования), но и ситуационного анализа всей обстановки совершенного ранее преступления в целом на основе дополнительно проводимого самостоятельного исследования всех зафиксированных на фонограмме объектов-источников звука окружающей среды [7]. Это дает возможность получать дополнительную информацию о месте проведения звукозаписи, о конкретных действиях каждого из участников, об их контактах и взаимосвязях, что значительно расширяет круг данных, важных для следствия и проведения оперативно-розыскных мероприятий. Необходимо отметить особо, что нами проработан и апробирован на практике метод экспертного решения довольно оригинальной задачи по установлению объектов-источников звука (голоса и речи), транслированного через линии телевидения и фиксируемого на месте «совершения преступления» цифровым звукозаписывающим устройством. При этом не было возможности представить на экспертизу фонограмму-образец и отсутствовало описание условий производства записи. В итоге нами предложены экспертам-практикам некоторые новые подходы и пути решения обозначенной задачи.

Для обеспечения возможности более успешного решения задачи ситуационного анализа нами разработана автоматизированная база данных (далее – АБД) фонограмм-образцов звуковых и голосовых проявлений объектов различной (живой и неживой) природы в разных режимах их функционирования. Созданная АБД «Шумы техногенного характера» позволяет осуществлять однократную подготовку элек-

тронной карточки с фонограммами-образцами звуковых проявлений интересующих суд или следствие объектов, ввод, централизованное хранение, ведение (редактирование) и коллективное использование экспертами на своих рабочих местах. Применение АБД в практической работе позволяет повысить эффективность труда экспертов за счет однократного поиска объектов-источников звука, автоматизированного ввода, хранения и ведения фонограмм-образцов, а также многократного оперативного использования экспертами, не отходя от своего рабочего места. Даже при отсутствии сравнительных образцов объектов-источников звука окружающей среды эксперты освобождаются от необходимости многочасового поиска объектов при выполнении КЭЗ, что позволяет направить основные усилия на более полное, комплексное и качественное решение экспертных задач, поднять процессы исследования на более высокий качественный уровень [8].

В ряде случаев в КЭЗ востребованным со стороны правоохранительных органов и судов является решение задачи по установлению даты и времени производства аудиозаписи. При этом требуется точное установление как даты (год, месяц, число), так и времени (часы, минуты, секунды) аудиозаписи и фиксации в виде цифровых фонограмм. Для установления даты и времени производства аудиозаписи на магнитную ленту использовалась, как правило, только вербальная информация самих участников разговора либо служебная информация операторов звукозаписи. В качестве основных признаков для решения данного вопроса по цифровой записи можно дополнительно использовать и другие признаки на основе применения методов компьютерно-технического исследования [9]:

- анализа информации, зафиксированной в служебном заголовке звукового файла;
- анализа информации, зафиксированной в служебном заголовке электронного носителя фонограммы (компакт-диска);
- анализа данных атрибутов из служебной части звукового файла (имя файла, дата создания, дата внесения изменений).

Одним из важных моментов КЭЗ является установление (выявление) способов производства записи и перезаписи (копирования) цифровых фонограмм. Процесс выявления признаков при решении данной задачи основан на использовании как инструментальных методов анализа, так и компьютерно-технических методов с использованием программных средств типа «TinyHexer», «Nero Info Tool» и др. [10]. Основными признаками, характерными для цифровых устройств записи, являются: формат звуковых файлов, наличие эффекта элайзинга, информа-

ция о выполнении программы сжатия, наводки АЦП и ЦАП, наличие в служебной части звуковых файлов информации, оставляемой ЗЗУ, наличие в служебной части компакт-дисков признаков устройства, при помощи которого фонограммы были записаны на оптический носитель, а также ряд признаков канала записи. Однако возможность решения данных вопросов имеется не для всех ЗЗУ, а в значительной степени определяется их конструктивными особенностями и техническими характеристиками.

Вместе с тем, учитывая изложенное выше, следует добавить, что эти задачи могут быть успешно решены лишь в том случае, если на экспертное исследование будут представлены все необходимые вещественные доказательства и материалы [11]. Это свидетельствует о том, что в современных условиях степень решения любой экспертной задачи в КЭЗ зависит от комплекса достаточности и информативности зафиксированных следов и свойств объектов, средств и методов исследования и иных сведений, имеющихся в распоряжении экспертов.

В практике производства экспертиз звукозаписей достаточно сложно осуществить решение задач технической диагностики цифровых фонограмм. Методически доказано, что для успешного решения указанных задач от правоохранительных органов и судов требуется в обязательном порядке представить на экспертное исследование полный набор вещественных доказательств и дополнительных материалов. К ним относятся: цифровая фонограмма, устройство записи, программное обеспечение ЗЗУ, технический паспорт или руководство пользователя, описание условий производства записи, справка с описанием условий перезаписи (копирования) фонограмм на материальные носители информации. В особых случаях экспертами могут быть запрошены и иные дополнительные материалы. Это позволяет комиссии экспертов провести необходимое комплексное исследование и сформулировать в категорической форме ответ на поставленный органами уголовного преследования тот или иной вопрос.

Однако встречаются случаи, когда необходимые материалы органом, назначившим экспертизу, не могут быть представлены на исследование по различным причинам. Например, звукозаписывающее устройство может быть утеряно, разукрупнено или неисправно, отсутствует техпаспорт или программное обеспечение на аппарат и т.д. В подобных случаях экспертам необходимо максимально использовать в экспертном исследовании иные виды доказательственной информации. Это может быть акустическая, вербальная, служебная, справочная, скрытая и иная, например, извлеченная из мате-

риалов уголовного дела, информация. Другими словами, в практической экспертной работе может быть целесообразным использование других методов исследования информации, к примеру, лингвистического метода, предложенного Е.И. Галяшиной [12], что позволило существенно расширить возможности технического исследования фонограмм, представленных в цифровой форме записи голосовых и речевых сигналов.

Практический опыт показывает, что с помощью различных программных продуктов (файловых редакторов, утилит и проч.) может быть проанализирован любой носитель (цифровой диктофон, компакт-диск, мобильный телефон, флэш-память и др.) на предмет поиска дополнительной (резервной) информации, содержащейся в заголовках, структуре или содержанием звукового файла или компакт-диска. Служебные заголовки звуковых файлов, блоки дополнительной информации, иные вспомогательные данные, содержащие скрытые недокументированные сведения на цифровых фонограммах и электронных носителях будут особо полезными и крайне необходимыми при исследовании вещественных доказательств. Служебная, справочная и иная информация в совокупности с другими признаками, выявленными инструментальным, лингвистическим и компьютерно-техническим методами анализа, может рассматриваться в качестве добавочных (частных или групповых) признаков подлинности и достоверности цифровых фонограмм.

В то же время следует учитывать, что определенная часть вспомогательной информации может быть изменена (удалена) оператором записи или заинтересованным лицом в процессе прослушивания, внесения изменений или редактирования программными средствами и, соответственно, не может претендовать на максимальную и приоритетную степень достоверности в экспертном исследовании. То есть, эксперт должен весьма осторожно и осмотрительно обращаться с такого типа дополнительной информацией. Поэтому, только комплексное (аудитивно-лингвистическое, инструментально-акустическое и компьютерно-техническое) исследование в совокупности позволит установить все свойства, характеристики и условия производства записи (перезаписи, копирования, редактирования) цифровой фонограммы для формирования объективного и обоснованного вывода на поставленный вопрос в категорической форме.

Обобщая сказанное выше, приходим к следующим выводам:

– в условиях прогрессирующего развития новых информационных технологий обработки сигналов возникает необходимость постоянного

обновления средств и совершенствования методов экспертного исследования объектов КЭЗ;

– для осуществления должного экспертного исследования цифровых фонограмм в рамках проведения КЭЗ необходим комплекс как традиционных, так и дополнительных, трансформированных из других сфер науки, техники или других видов судебных экспертиз, методов исследования, способствующих формированию объективных, комплексных и научно обоснованных выводов в заключениях экспертов;

– в целях поддержания на соответствующем уровне компетентности экспертов-фонографистов требуется осуществлять непрерывное самообразование и повышение их профессионального уровня. Этому способствует не только изучение научной литературы, выполнение НИР, но и организация планомерного процесса взаимодействия (обучения, стажировки, курсов и школ повышения квалификации и др.) специалистов между экспертными учреждениями различных ведомств Республики Беларусь, а также других регионов: России, Украины, Казахстана, Литвы и др.

Список использованных источников

1. Дода, И.Г. Организация производства фонографической экспертизы по уголовным делам // И.Г. Дода // Юстиция Беларуси. – 2011. – № 7 (112). – С. 72–76.
2. Егоров, К.С. Экспертиза цифровых фонограмм: проблемы расширения сферы специальных познаний / К.С. Егоров, И.Ю. Фетняев // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «ЦСЭИК Министерства юстиции Республики Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2009. – Вып. 1/25. – С. 177–185.
3. Егоров, К.С. Основные этапы развития судебной фонографической экспертизы в научно-исследовательском институте криминалистики и судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Беларусь / К.С. Егоров // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «ЦСЭИК Министерства юстиции Республики Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2009. – Вып. 1/25. – С. 15–26.
4. Назначение и производство фонографической экспертизы для идентификации дикторов по голосу и речи: метод. пособие для экспертов, следователей, судей и прокуроров / И.Г. Дода [и др.]; по ред. И.Г. Доды; ГУ «ЦСЭИК Министерства юстиции Республики Беларусь», ГЭКЦ МВД Республики Беларусь. – Минск: Право и экономика, 2009. – 157 с.
5. Егоров, К.С. Количественная оценка тембральных характеристик голосов дикторов при экспертном исследовании речевых фонограмм / К.С. Егоров, И.Ю. Фетняев // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «ЦСЭИК Министерства юстиции Республики Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2009. – Вып. 2/26. – С. 196–207.
6. Каганов, А.Ш. Криминалистическая идентификация личности по голосу и речи / А.Ш. Каганов. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 296 с.
7. Егоров, К.С. Экспертное исследование цифровых фонограмм для установления объектов-источников звука (голоса, речи), транслированного через телевизионный канал / К.С. Егоров, И.Ю. Фетняев // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «ЦСЭИК Министерства юстиции Республики Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2010. – Вып. 1/27. – С. 126–131.
8. Егоров, К.С. Автоматизированная база данных фонограмм-образцов звуковых проявлений объектов техногенного характера / К.С. Егоров // Юстиция Беларуси: юрид. науч.-практ. журн. – 2009. – № 8. – С. 69–73.
9. Егоров, К.С. Установление даты и времени записи цифровых фонограмм в криминалистической экспертизе / К.С. Егоров, И.Ю. Фетняев // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «НИИКиСЭ Министерства юстиции Республики Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2010. – Вып. 2/28. – С. 138–145.
10. Егоров, К.С. Выявление признаков внесения изменений в цифровые фонограммы (о способах записи) / К.С. Егоров, И.Ю. Фетняев // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «НИИКиСЭ Министерства юстиции Республики Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2009. – Вып. 1/25. – С. 186–191.
11. Дода, И.Г. О причинах направления ходатайств, связанных с подготовкой и назначением судебно-фонографических экспертиз / И.Г. Дода, Т.С. Кушковая // Информационные письма о причинах направления ходатайств экспертами при производстве судебных экспертиз (для следователей, судей и экспертов) / под общ. ред. А.С. Рубиса. – Минск: Право и экономика, 2008. – С. 4–30.
12. Галяшина, Е.И. Лингвистические методы выявления признаков монтажа и артефактов на фонограммах звучащей речи / Е.И. Галяшина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Междунар. конф. «Диалог 2001». – М., 2003. – С. 123–128.

Annotation

There is no doubt, that nowadays, in the age of information technology the development of the computer-based and new microprocessor record technology equipped with its own software paces very fast. Thereupon, in our opinion, the perfection of used in expert forensic investigation tools and techniques of research recordings, submitted for examination, must be accompanied with great advance.

The use of modern means and methods of new information technologies of signal processing substantially improves the efficiency of an expert examination of digital phonograms.

In this article authors analyze opportunities for improvement and transformation of research methods in forensic expert examination of recordings at the present stage of development.

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБОБЩЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ВТОРОГО КЛАССА СОВРЕМЕННЫХ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ОБРАБОТКИ ГОЛОСОВЫХ СИГНАЛОВ ДЛЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ ТЕМБРА ГОЛОСА

Егоров К.С.

канд. юрид. наук
ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции
Республики Беларусь»

Фетняев И.Ю.

ГЭКЦ МВД Республики Беларусь

В рассмотренном нами ранее [1] первом классе современных математических моделей обработки голосовых (речевых) сигналов процесс функционирования системы речеобразования был представлен как происходящий в целостной системе «источник голосового возбуждения-речевой тракт». В данной статье показаны возможности условно выделенного второго класса математических моделей, в которых процесс функционирования системы речеобразования рассматривается происходящим в двух относительно самостоятельных подсистемах: «источник голосового возбуждения» и «речевой тракт». Вместе с тем, следует отметить, что некоторые ученые при исследовании подсистемы «источник голосового возбуждения» также выделяют, в свою очередь, еще две относительно самостоятельные подсистемы [2; 3]: гортань с голосовыми связками; трахеобронхиальные органы в подсвязочной области (так называемый «нижний резонатор»).

139

Аннотация

В статье продолжается обсуждение вопроса о пригодности современных математических моделей, разработанных для решения прикладных задач обработки голосовых сигналов, для получения основных тембральных характеристик голоса. Сделан обобщающий вывод о целесообразности использования параметров голосового сигнала второго класса указанных математических моделей с точки зрения их практического применения в качестве составных элементов разрабатываемой модели численного представления тембра.

Такой подход позволяет, в частности, более полно учитывать в разработанных математических моделях особенности формирования вокального голоса в процессе резонансного пения [2], либо с большей точностью определять собственные (резонансные) частоты звукового возбуждения полостей речевого тракта [3].

Применительно к решению нашей задачи количественной оценки акустических параметров тембра голоса или параметров, имеющих отношение к тембру, второй класс моделей представляет повышенный интерес, поскольку дает возможность эксперту выявить те акустические параметры, которые характеризуют непосредственно голосовой источник, а именно (порядок нумерации параметров дается в соответствии с предыдущей статьей [1]):

8) форма сигналов голосового источника (импульсов голосового возбуждения);

9) частота автоколебаний голосовых связок, их длительность в течение одного периода основного тона;

10) отношение периода основного тона к длительности автоколебаний голосовых связок (скважность импульсов голосового возбуждения);

11) дисперсия длительности периодов основного тона;

12) параметры, описывающие сложный автоколебательный процесс голосовых связок как в горизонтальной, так и вертикальной плоскостях.

Перечисленные акустические параметры выступают не только в качестве компонентов, характеризующих особенности голоса конкретного диктора, но могут быть использованы также и в качестве системообразующих элементов численной модели тембра голоса. Исследователями В.Н. Сорокиным, И.С. Макаровым, А.И. Цыплихиным [4; 5] предложена математическая модель для решения задачи по определению параметров импульсов голосового возбуждения, частоты автоколебаний голосовых связок, их длительности в течение одного периода основного тона. То есть, для вычисления аку-

стических параметров голоса, перечисленных в пунктах 8, 9 и 12 из указанного списка.

В общем случае существует два подхода к формированию сигнала голосового возбуждения:

- путем решения «прямой задачи», т.е. методом прямой аппроксимации с использованием нескольких фиксированных данных;

- путем решения так называемой «обратной задачи», когда в результате преобразования исходных речевых сигналов выделяется сигнал-остаток.

Нами использован метод решения обратной задачи для получения формы сигнала голосового возбуждения из исходного речевого сигнала при помощи процедуры «обратной фильтрации» (рисунок 1).

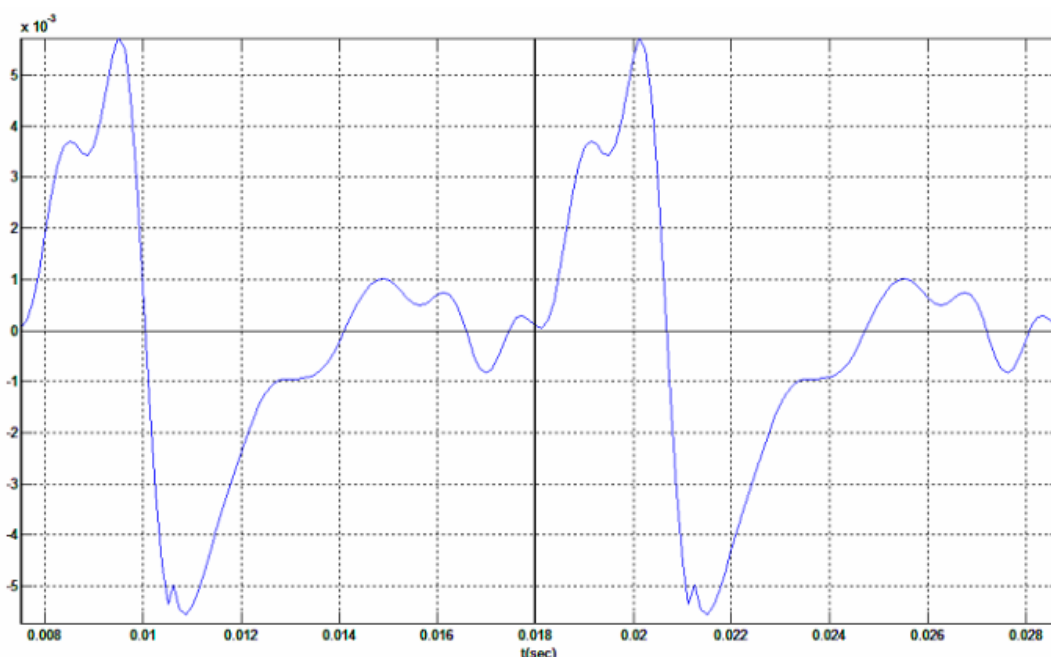

**Рисунок 1 – Сигнал-остаток на двух периодах основного тона
(сплошными вертикальными линиями обозначены
условные границы периода основного тона)**

К особенностям применения процедуры обратной фильтрации можно отнести то, что решение задачи определения параметров голосового источника в общем случае

(при неудачном выборе начальных условий) может быть не вполне корректным, т.е. не всегда может быть гарантировано однозначное и устойчивое решение (рисунок 2).

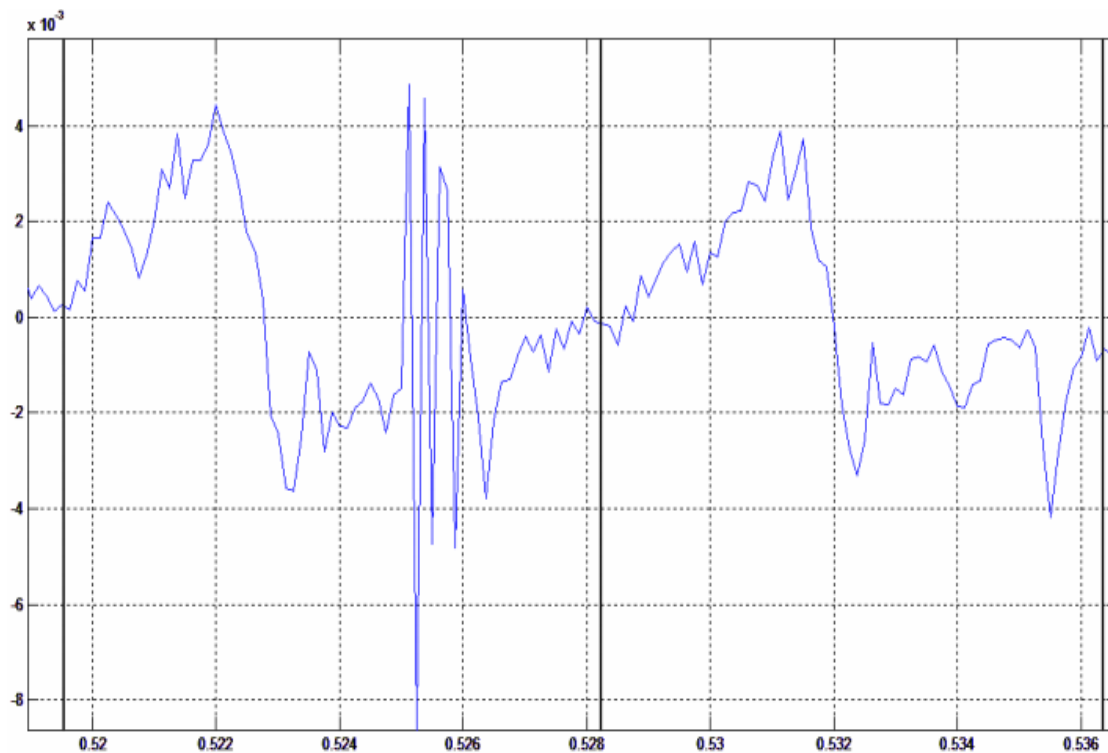

Рисунок 2 – Вид сигнала-остатка, полученного при некорректном задании начальных условий

Для вычисления точного результата решения задачи необходимо использовать дополнительную информацию о возможной форме получаемого импульса и ограничениях на за-

даваемые его параметры. Для получения «грубой» формы импульса рекомендуется использовать параметрическую модель, описанную по формуле (1):

$$w'_m(t) = \begin{cases} A_1 \sin\left(\frac{\pi t}{2T_1}\right), & 0 \leq t \leq T_1 \\ (A_1 + A_2) \cos\left(\frac{\pi(t-T_1)}{2(T_2-T_1)}\right) - A_2, & T_1 \leq t \leq T_2 \\ -A_2 \left(\frac{T_3-t}{T_3-T_2}\right)^2, & T_2 < t \leq T_3 \\ 0, & T_3 < t \leq T_0 \end{cases} \quad (1)$$

Форма импульса голосового возбуждения, получаемая с использованием этой модели, определяется как производная от объемной скорости потока воздуха, вызывающего

вибрацию голосовых связок (источника голосового возбуждения). Вид формы этого импульса для периода основного тона показан на рисунке 3.

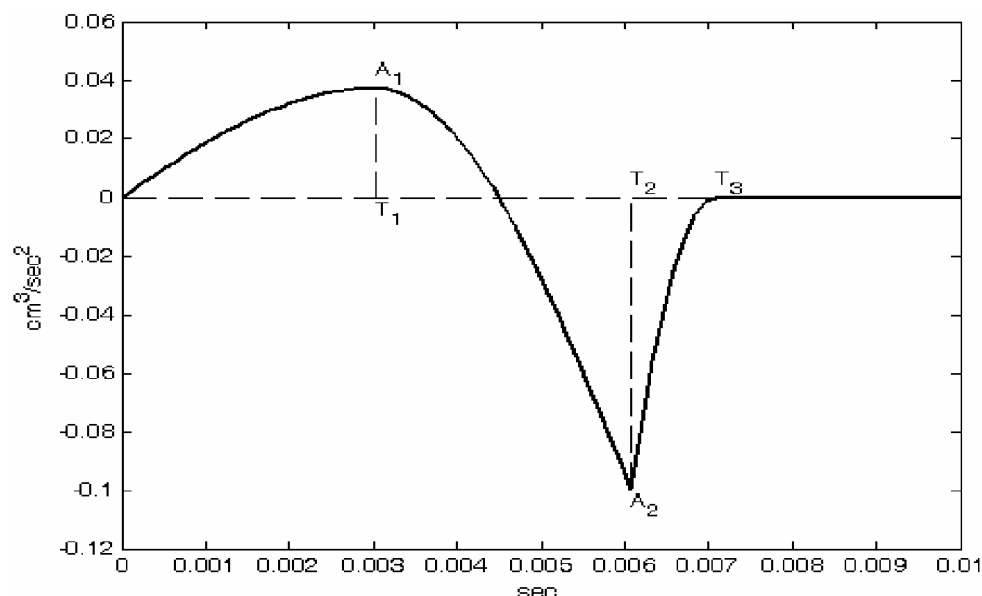

Рисунок 3 – Форма импульса голосового возбуждения для периода основного тона $T_0=10$ мс

Интервал времени $[0, T_1]$ на рисунке соответствует участку, на котором голосовая щель открывается, и ускорение воздушного потока возрастает от нуля до максимального значения A_1 . На интервале времени $[T_1, T_2]$ скорость потока проходит через свой максимум, а ускорение потока уменьшается до отрицательной величины A_2 . На интервале $[T_2, T_3]$ скорость потока продолжает падать, и в момент времени T_3 его скорость и ускорение становятся равными нулю. На интервале $[T_3, T_0]$ голосовая щель закрыта, и T_0 есть период основного тона. В этой модели учитывается шесть параметров $T_1, A_1, T_2, A_2, T_3, T_0$, причем T_0 не участвует в процессе оптимизации, поскольку период основного тона определяется отдельным детектором. Конечная цель параметризации сигнала голосового источника состоит в вычислении площади сечения голосовой щели по объемной скорости потока проходящего воздуха. Для этого значение ускорения $\omega'm(t)$, вычисленное по формуле (1), подвергается интегрированию.

В последующих работах авторов В.Н. Сорокина, И.С. Макарова [6; 7] с целью создания более устойчивого алгоритма вычисления параметров импульсов голосового источника путем автоматического вычисления этих параметров ставится и решается ряд следующих задач: 1) сопоставление различных алгоритмов обратной фильтрации и выбор наилучшего (относительно выбранной цели) алгоритма; 2) создание адекватной параметрической модели для вычисления площади голосовой щели;

3) построение алгоритма регуляризации данных «обратной фильтрации» с использованием модели вычисления площади сечения голосовой щели.

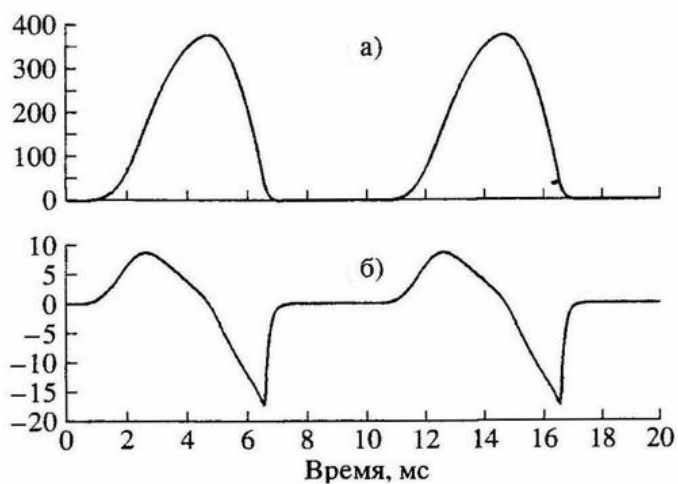
Предложенный В.Н. Сорокиным и А.А. Тананыкиным в работе [7, с. 1–10] метод решения задачи с предварительной оценкой и выбором начальных условий позволил ускорить процесс вычисления данных за счет сокращения числа используемых параметров в модели. При этом авторам удалось сохранить чувствительность модели к индивидуальным особенностям источника голосового возбуждения у разных дикторов. Это обстоятельство создает возможность применения разработанного метода в практических приложениях, таких как процессы распознавания диктора по голосу, диагностики состояния речеобразующих органов, в том числе выявления патологии гортани и др.

Д.В. Якушевым, автором работы [8], для вычисления акустических параметров источника голосового возбуждения, указанных в пунктах 8 и 9, были использованы методы моделирования динамических систем с использованием алгоритмов нелинейной динамики. По мнению Д.В. Якушева, существующее деление системы речеобразования на две подсистемы – «источник голосового возбуждения» и «речевой тракт» – является искусственным, так как на физиологическом уровне система речеобразования представляет собой неделимое целое, а сложность процессов речеобразования и нестационарность речевых сигналов свидетельствуют о нелинейности связи в этой системе. Поэтому Д.В. Якушевым были предложены новая ме-

тодика, алгоритмы и программы решения обратной задачи для голосового источника, основанные на процедуре реконструкции математической модели нелинейной динамической системы по порождаемому временному ряду в рамках так называемой «теории детерминированного хаоса». Таким образом была обеспечена возможность расчета параметров формы импульса голосового возбуждения на основе использования реальных речевых сигналов на выходе речевого тракта.

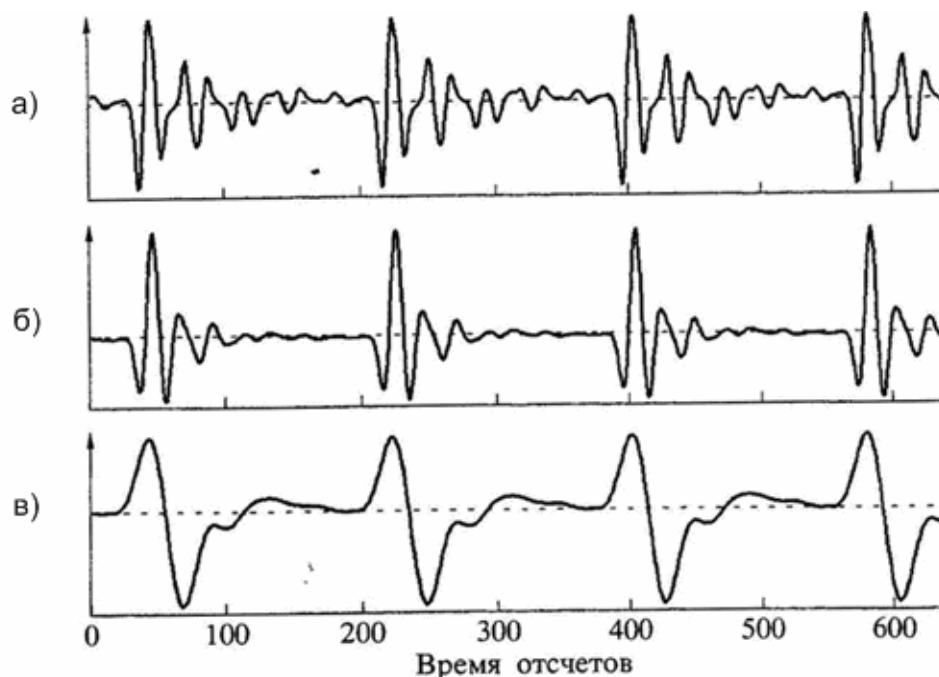
Вычисление акустических параметров голоса, приведенных в пунктах 9–11, может быть осуществлено также с использованием алгоритма TWIN, предложенного А.И. Цыплихиным в работе [5, с. 119–133]. Данный алгоритм позволяет точно, надежно и быстро определять среднюю величину частоты основного тона (F_0) и длительность и положение импульсов голосового источника в реальном речевом сигнале, имеющем, как правило, существенные нарушения периодичности. Автор отмечает, что по итогам тестирования точность результатов расчета

по алгоритму TWIN в среднем в два раза выше, чем у конкурирующих алгоритмов аналогичного назначения. При этом алгоритм TWIN оказался более устойчивым к искажению спектра сигналов в телефонном канале, к различным видам шума, к нестабильностям длительности и амплитуды импульсов голосового источника. Точность определения положений импульсов (рисунки 4 и 5) является достаточной для выполнения синхронного анализа речевого сигнала, а скорость обработки сигнала позволяет использовать этот алгоритм в режиме реального времени. Обеспечение точности и устойчивости оценки частоты основного тона F_0 достигается за счет использования свойств слухового аппарата: способность приписывать звуку, состоящему из отдельных периодических импульсов, некоторую высоту, которая и является основным тоном. Свойства такого звука существенно отличаются от свойств звука, содержащего только одну доминирующую частоту, поэтому для его анализа применяются соответствующие методы.

а) объемная скорость воздуха; б) производная от объемной скорости

Рисунок 4 – Объемная скорость воздуха, проходящего через голосовую щель, и ее производная, возбуждающая резонансные колебания

а) исходный речевой сигнал; б) сигнал после возведения в квадрат и фильтрации;
в) сигнал, полученный после вычисления огибающей и фильтрации

Рисунок 5 – Виды речевых сигналов после преобразования на модели

Как известно, в голосовом и речевом сигнале, в том числе и певческом голосе, возникают модуляции, обусловленные не только параметрами источника голосового возбуждения, но и влиянием размеров резонаторов системы речеобразования, соотношения частоты основного тона и резонансной частоты. В результате акустического взаимодействия подвязочной области и речевого тракта в акустическом сигнале на интервале открытой голосовой щели появляются спектральные составляющие, которые отсутствуют при закрытой голосовой щели. Исследование влияния этих составляющих на восприятие голоса представляет значительный интерес, так как они определяют тембровые характеристики звучания голоса в зависимости от геометрических размеров трахеи, бронхов и легких. Дополнительные резонансы и антирезонансы, порожденные акустикой подвязочной области, определяют не только натуральность, но и разборчивость восприятия гласных звуков. Параметры трахеи и легких играют важную роль в создании ряда акустических эффектов (так называемых «вибрато» и «тремор») в голосе и в процессе пения [2].

В совместной работе [3, с. 809–821] группы ученых А.С. Леонова, И.С. Макарова и В.Н. Соколина представлены результаты исследования

физических механизмов модуляции в акустике речевого тракта и указаны методы оценки этих модуляций в речевом сигнале. Для исследования влияния подвязочной области на параметры голосовых сигналов (смотри пункты 4–7 списка [1]) ими была предложена модель акустики речеобразования, в которой учитывалось явление так называемого «акустического импеданса». В переводе на русский язык импеданс (англ. *impedance*, нем. *impedanz*, лат. *Impedire* – препятствовать): 1) *физ.* устаревшее название полного сопротивления электрической цепи переменному току, обусловленное омическим, индуктивным и емкостным сопротивлением цепи; 2) *физиол.* реактивное сопротивление, оказываемое живой тканью переменному току [9, с. 231]. Акустический импеданс представляет собой обратное, реактивное усиливающее влияние резонаторов на характеристики колебательных движений вибратора (источника колебательных движений) [2; 3]. Усиление влияния резонаторов (полостей голосового тракта) на колебательные функции голосовых связок находится в сложной зависимости от соотношения частоты колебаний и резонансной частоты для определенной площади сечения голосовой щели. При совпадении этих частот происходит наибольшее усиление амплитуды

колебаний голосовых связок, а по мере расхождения – значительное уменьшение. При этом было установлено, что колебания стенок речевого тракта оказывают очень малое влияние на модуляцию его резонансных частот. Модель процесса речеобразования, учитывающая акустику подсвязочной области, показывает, что изменение граничных условий при открытой голосовой щели создает заметные вариации резонансных частот. На рисунке 6 представле-

ны амплитудно-частотные характеристики четырех гласных звуков для пяти значений площади голосовой щели: S : 0 см^2 (случай бесконечного импеданса голосовой щели), 0.04 см^2 , 0.08 см^2 , 0.12 см^2 , 0.2 см^2 (случай максимально открытой голосовой щели). Из рисунка 6 видно, что по мере раскрытия голосовой щели наблюдается появление дополнительных резонансов и антирезонансов, а основные резонансы сдвигаются по частоте.

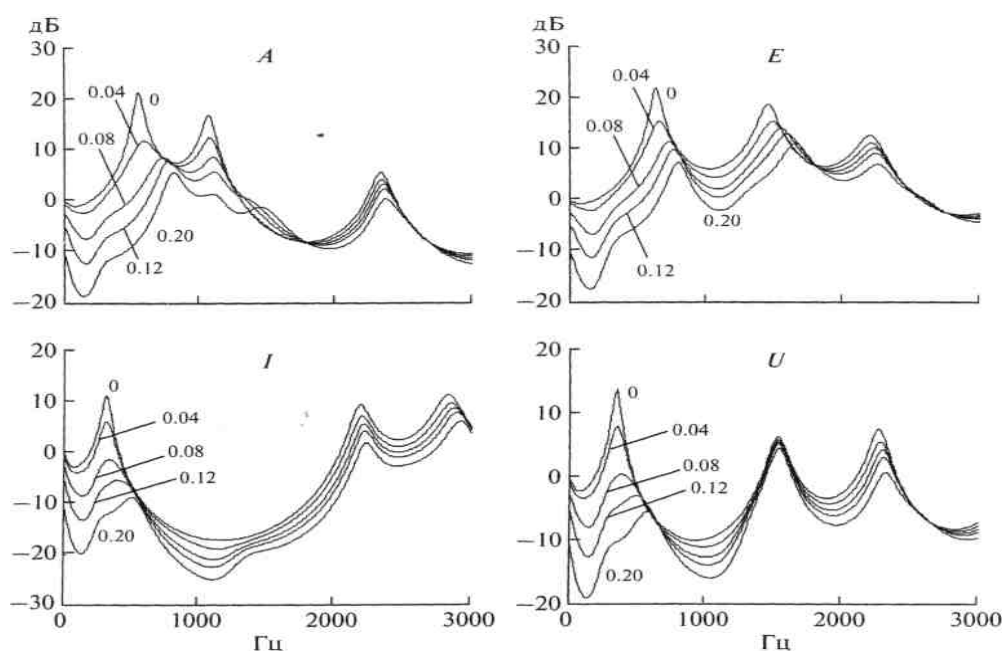

Рисунок 6 – Огибающие амплитудно-частотных характеристик для четырех гласных звуков и пяти значений площади голосовой щели

А.С. Леонов и В.Н. Сорокин [10, с. 386–400] предложили метод мгновенной оценки резонансных частот речевого тракта на каждом периоде основного тона (смотри пункты 4–7 списка акустических параметров [1]). Метод основан на нахождении интервалов времени между моментами обращения в нуль первой производной сигнала, который был подвергнут фильтрации в частотной полосе, где ожидается присутствие колебаний только одного резонанса голосового тракта. Проведенные эксперименты на численных моделях показывают, что оценки частот, полученные по этому методу, достаточно близки к истинным резонансным частотам речевого тракта. Предложенный в данной работе алгоритм оценки мгновенных формантных частот применительно к реальным сигналам показывает существование временных модуляций

формант в виде соответствующих значимых колебаний их оценок.

В работе К.С. Горбунова и И.С. Макарова [11, с. 3–13] приводится решение задачи определения акустических параметров голоса (смотри пункты 4–7 списка [1]), т.е. построения такой схемы частотно-временного артикуляторного синтезатора речи, которая позволяет учитывать при моделировании влияние подсвязочной области на акустические характеристики речевого тракта. Основная идея построения модели заключается в вычислении кратковременного спектра Фурье голосового источника в «скользящем окне» анализа, учете взаимодействия речевого тракта и подсвязочных полостей в частотной области и дальнейшем синтезе речевого сигнала методом наложения с суммированием. Известно, что способ анализа в «скользящем

окне» используется в тех случаях, когда спектр сложного сигнала изменяется во времени, при этом обеспечивается смещение временного окна (содержащего N отсчетов) на один отсчет вперед и повторение измерения данных [12].

Авторы работ [13] Е.В. Шаульский и [14] Е. Лазарчик подвергли более глубокому научному изучению вопрос о влиянии положения гортани на величину акустических параметров (смотри пункты 8–10 из указанного списка), используемых для решения задач синтеза речи в артикуляторной модели. Было исследовано влияние положения гортани на качество гласных и установлено, что: во-первых, при подъеме гортани повышаются формантные частоты гласного; во-вторых, от положения гортани зависит и качество голоса (более высокое положение гортани соответствует напряженному голосу, более низкое – расслабленному). Далее проводились сравнения изолированных гласных в естественном произношении, но с учетом их произнесения при разных положениях гортани – нейтральном, повышенном и пониженном, а также с гласными, синтезированными при помощи трехмерной артикуляционной модели вокального тракта. В модели рассматривались фиксированные положения гортани для каждого из перечисленных выше состояний. Проведенные измерения частоты первых трех формант для естественных и синтезированных гласных показали, что изменение положения гортани оказывает влияние на частотные области формант как в естественном случае, так и на модели. Что касается качества голоса, то манипулирования только высотой гортани в артикуляторной модели оказалось недостаточно, чтобы достичь качественных характеристик тембра, присущих естественной речи. Помимо этого, потребовалось изменение соответствующих параметров голосового возбуждения, которые в сочетании с положением гортани позволяют достичь искомого результата, т.е. совпадения качества голоса натуральной речи с синтезированной на модели.

Из анализа приведенных выше исследовательских работ достаточно ясно и убедительно выступает тот факт, что «попытки имитации персональных характеристик голоса ... на основе моделирования физиологических и акустических процессов речеобразования из-за чрезвычайной сложности до сих пор не привели к ощутимым результатам.» [15, с. 12]. В связи с этим Б.М. Лобанов и Л.И. Цирульник отмечают, что «В настоящее время наиболее разумным представляется использование отрезков натуральной речевой волны в качестве минимального «генетического материала», используемого для клонирования голоса. В ка-

честве таких отрезков целесообразно выбрать позиционно-комбинаторные варианты фонем – аллофоны или мультиаллофоны, ограниченный набор которых способен обеспечить порождение устной речи произвольного содержания. При этом звуковая волна содержит в себе все персональные особенности голосообразования, проявляющиеся в каждом конкретном аллофоне или мультиаллофоне» [15, с. 12].

Такой подход позволяет на практике получать «комплекс просодических (интонационных) характеристик, включающий мелодику, ритмику и энергетику речи, которые задаются закономерными изменениями во времени частоты основного тона, длительности звуков и амплитуды звуковых сигналов» [15, с. 13].

В заключение по результатам обобщения описанного выше материала сделаем следующие выводы. Для решения задач более детального и точного вычисления акустических параметров голосовых сигналов система второго класса математических моделей, объединенных под общим названием «источник голосового возбуждения» и предназначенных для исследования акустических параметров голосовой информации, в свою очередь, может быть условно разделена на две составляющие подсистемы: «гортань с голосовыми связками» и «нижний резонатор» (трахеобронхиальные органы в подсвязочной области). Такой подход позволяет, в частности, более полно учитывать в существующих математических моделях обработки голосовой информации особенности формирования тембра речевого и певческого (вокального) голоса, с большей точностью определять собственные (резонансные) частоты звукового возбуждения нижних и верхних полостей речевого тракта.

Имеющиеся в настоящее время математические модели обработки голосовых сигналов второго класса так же, как и модели первого класса, не предусматривают решения задачи автономного выявления и моделирования тембра голоса человека, что не обеспечивает техническую возможность непосредственного применения этих моделей для численного представления тембральных характеристик голосов людей в целях объективной экспертной оценки. Вместе с тем, применительно к решению поставленной задачи результаты количественных измерений акустических параметров голосового сигнала, полученные путем расчетов с использованием существующих математических моделей второго класса, позволяют получить ключевые системообразующие элементы разрабатываемой численной модели тембра голоса, составляющие основу для формирования ее структуры.

Список использованных источников

1. *Егоров, К.С.* Аналитическое обобщение возможностей первого класса современных математических моделей, описывающих голосовые (речевые) сигналы, для моделирования тембра голоса / К.С. Егоров, И.Ю. Фетняев // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции Республики Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2011. – Вып. 1/29. – С. 129–135.
2. *Морозов, В.П.* Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники / В.П. Морозов; ИП РАН, МГК им. Чайковского, Центр «Искусство и наука». – М., 2002. – 496 с.
3. *Леонов, А.С.* Частотные модуляции в речевом сигнале / А.С. Леонов, И.С. Макаров, В.Н. Сорокин // Акустический журнал. – 2010. – Т. 55, №6. – С. 809–821.
4. *Сорокин, В.Н.* Обратная задача для голосового источника / В.Н. Сорокин, И.С. Макаров // Информационные процессы. – 2006. – Т. 6, №4. – С. 375–395.
5. *Цыплихин, А.И.* Анализ импульсов голосового источника / А.И. Цыплихин // Акустический журнал. – 2010. – Т. 53, № 1. – С. 119–133.
6. *Макаров, И.С.* Распознавание диктора по параметрам голосового источника / И.С. Макаров, В.Н. Сорокин // Труды XX сессии Российского акустического общества. – 2008. – Т. 3. – С. 48–51.
7. *Сорокин, В.Н.* Начальные условия в задаче идентификации голосового источника / В.Н. Сорокин, А.А. Тананыкин // Информационные процессы. – 2010. – Т. 10, №1. – С. 1–10.
8. *Якушев, Д.В.* Исследование обратной задачи для голосового источника с помощью процедуры реконструкции математических моделей речевого процесса: дис. ... канд. техн. наук: 05.13.18 / Д.В. Якушев. – Ставрополь, 2008. – 192 л.
9. Современный словарь иностранных слов. Ок. 20 000 слов. – М.: Рус. яз., 1992. – 740 с.
10. *Леонов, А.С.* К анализу резонансных частот речевого тракта / А.С. Леонов, В.Н. Сорокин // Информационные процессы. – 2007. – Т. 7, №4. – С. 386–400.
11. *Горбунов, К.С.* Моделирование подсвязочной области в частотно-временном артикуляторном синтезаторе / К.С. Горбунов, И.С. Макаров // Речевые Технологии. – 2009. – №2. – С. 3–13.
12. Спектральные методы формирования, обработки и анализа сигналов: учеб.-метод. пособие / С.Б. Саломатин. – Минск: БГУИР, 2010. – 100 с.
13. *Шаульский, Е.В.* Вопросы речевых технологий на XVI Международном конгрессе фонетических наук / Е.В. Шаульский // Речевые Технологии. – 2009. – №1. – С. 66–70.
14. *Lasarczyk, E.* Investigating larynx height with an articulatory synthesizer / E. Lasarczyk // ICPhS 2007. – P. 2213–2216.
15. *Лобанов, Б.М.* Компьютерный синтез и клонирование речи / Б.М. Лобанов, Л.И. Цирульник. – Минск: Белорус. наука, 2008. – 343 с.

Дата поступления: 02.06.2011

147

Annotation

The article represents further discussion of applicability of modern mathematical models, which are developed for applied tasks of voice processing, as basic elements for the new voice timber parametric model.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

**ЭКСПЕРТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С БЕЗЛИЦЕНЗИОННЫМ ОТСТРЕЛОМ
ДИКИХ ЖИВОТНЫХ (БРАКОНЬЕРСТВОМ)**

Цыбовский И.С.
канд. биол. наук

Котова С.А.
канд. хим. наук

Сидоренко Л.П.

Заблоцкая Е.А.

Велиев А.В.

Лукашкова О.Н.

ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции
Республики Беларусь»

148

Аннотация

Современные возможности ДНК-анализа позволяют проводить экспертное исследование биологических следов животных по делам, связанным с расследованием случаев браконьерства. Применение методов ДНК-анализа обеспечивает получение достоверной информации высокого уровня, вместе с тем работа с биологическими следами животного происхождения имеет свою специфику, которую необходимо учитывать, особенно при сборе вещественных доказательств в полевых условиях.

В предлагаемой работе рассматриваются вопросы экспертного исследования комплекса вещественных доказательств, информативных при расследовании данной категории дел. Особое внимание уделено оптимизации работы следователей по отбору следов биологического происхождения с учетом решения качественно новой для данного вида дел экспертной задачи – идентификации биологических следов конкретной особи животного.

Вещественные доказательства по делам, связанным с незаконным отстрелом диких животных (браконьерством), представляют собой преимущественно следы биологических жидкостей (пятна крови и др.), фрагменты биологических тканей или органов диких животных, отдельные волосы и пучки шерсти, костные останки и т.п., обнаруженные на месте отстрела животного, на месте разделки туши, на орудиях убийства или орудиях разделки, на транспортных средствах, использованных для перемещения туши, на поверхности одежды и обуви участников охоты или разделки, а также в местах хранения мясопродуктов. К биологическим вещественным доказательствам по делам о браконьерстве следует отнести мясопродукты, полуфабрикаты, конечные продукты питания и т.п., изъятые в жилище подозреваемого в браконьерстве или в других подсобных помещениях, в отношении которых необходимо установить причинно-следственную связь с биологическими следами ситуационного характера, изъятими в местах совершения преступления. К биологическим следам с мест незаконной охоты, исследования которых могут дать достоверную информацию при расследовании случаев браконьерства, относятся и биологические выделения лиц – участников незаконной охоты (следы слюны на окурках, потожировые выделения на утерьях рукавицах и т.п.).

Таким образом, при расследовании дел, связанных с незаконным отстрелом диких животных, наиболее удобным вариантом экспертного исследования вещественных доказательств биологического происхождения объективно становится назначение комплексной биолого-генотипоскопической экспертизы. Действительно, пятна крови на предметах, особенно на одежде, обуви, транспортном средстве, ввиду их частой эксплуатации могут происходить и от человека, что сразу же ставит на разрешение вопрос о том, животного или человеческого происхождения следы крови. Одновременное направление данных вещественных доказательств для экспертной идентификации участников незаконной охоты и идентификации биологических следов животных-трофеев значительно ускоряет установле-

ние фактических обстоятельств дела. С учетом возможностей судебно-трасологической и судебно-баллистической экспертиз возникает совокупность условий, которые обеспечивают минимизацию временных затрат при назначении комплекса всех экспертиз, необходимых для полноценного расследования дел, связанных с браконьерством.

Экспертное исследование биологических следов человека

ДНК-анализ биологических следов человека уже стал традиционной неотъемлемой частью судебно-экспертных исследований в целом; возможности экспертного анализа биологических следов человека следователям, как правило, хорошо известны. Ниже в сжатом виде приводятся вопросы, которые могут быть поставлены при идентификации следов человеческого происхождения.

1. «Имеется ли в смывах пятен (пятнах крови или других объектах), изъятых, генетический материал, пригодный для проведения идентификационных исследований?»;

2. «Каков генотип лица, оставившего биологические следы на?»;

3. «Происходят ли биологические следы в смывах (пятнах крови или других объектах) от подозреваемого (обвиняемого) ...?».

Судебно-биологическое исследование вещественных доказательств

Судебно-биологическое экспертное исследование следов биологического происхождения, как правило, предшествует судебно-геномной идентификации, поскольку помогает предварительно дифференцировать биологические следы по происхождению.

Классическое исследование биологических следов с мест незаконной охоты подразумевает установление типа биологических выделений или биологической ткани, а также решение вопросов о видовом происхождении биоследов в пределах возможностей методов исследования.

Одним из объектов судебно-биологической экспертизы служат волосы (человека и животных). Волосы могут быть обнаружены на месте происшествий, на орудиях преступления, на теле, одежде, вещах подозреваемых.

При необходимости исследования волос (или волокон, похожих на них) перед экспертом могут быть поставлены различные вопросы в зависимости от характера расследуемого преступления:

1. «Имеются ли на предметах-носителях волосы человека или животного?»;

2. «Являются ли объекты, обнаруженные, волосами?»;

3. «Если да, то кому они принадлежат – человеку или животному?»;

4. «Если данные волосы принадлежат животному, то конкретно какому виду животных?»;

5. «Имеют ли сравниваемые объекты общую родовую (групповую) принадлежность?».

Современные методические возможности не всегда позволяют эксперту разрешить все вопросы, связанные с исследованием волос животных. Установление биологического вида животного (или породы животного) – носителя волос является наиболее сложной экспертной задачей. Объясняется это большим разнообразием волос у единичной особи животного, а также сходством ряда анатомо-морфологических признаков волос у близкородственных животных (у представителей семейства Оленевые между собой, в роду Кабанов между дикой и домашней свиньей и др.). Чем генетически ближе животные, тем выше общее внешнее сходство волос, а также их отдельных компонентов. Наиболее информативными в таксономическом отношении являются остевые волосы. Пуховые волосы неинформативны, хотя могут быть использованы для исключения принадлежности их к некоторым конкретным систематическим группам, например грызунам, хищным и др.

Для судебно-биологической экспертизы образцы сравнения волос животного (по 15-20 шт.) следует отбирать с различных участков тела животных (голова, груди, брюха, спины, боков, ног, хвоста и др.) путем выщипывания или стрижки у самого корня. Каждый образец помещается в отдельный пакет, который заклеивается и надписывается с указанием участка тела, с которого он взят. Волосы лучше выщипывать, потому что при срезании часто не сохраняется прикорневая часть волоса, которая содержит определенную информацию. Если у животного шерсть имеет разную окраску, длину, толщину, форму (прямую, извитую), в пробах должны быть представлены все разновидности волос.

Большую группу объектов представляют собой пятна крови, других биологических жидкостей, фрагменты тканей животных (кусочки мышц – «мяса», внутренностей, фрагменты кожи и т.п.).

При этом круг вопросов органов дознания к эксперту-биологу может быть достаточно широким, но основными являются вопросы по установлению наличия крови и выделений (пота, слюны, мочи и т.п.) в пятнах на вещественных доказательствах, а также вопросы видовой или групповой принадлежности крови (тканей).

На разрешение эксперта могут быть поставлены следующие вопросы:

1. «Имеются ли на представленных для исследования объектах следы биологического происхождения (кровь, слюна и др.)?»;

2. «Является ли вещество бурого цвета кровью?»;

3. «Какова ее видовая принадлежность?» (От какого вида животного происходят пятна крови или другие биологические фрагменты?).

Наибольшие трудности при установлении видовой принадлежности представляет исследование старых пятен, т.е. таких пятен, которые под влиянием физических (высокой температуры, ультрафиолетового облучения) или химических (кислот, щелочей, йода, ацетона, формалина) факторов видоизменяются. Поэтому направлять на исследование вещественные доказательства необходимо в кратчайшие сроки.

Направляя на исследование пятно крови на марле, а также смывы крови с предметоносителей, необходимо в обязательном порядке направлять контрольный кусочек этой же марли в чистом виде, упаковав образцы и смывы отдельно от контрольных образцов чистой марли.

Судебно-геномное (генотипоскопическое)

исследование биологических следов

Судебно-геномная (генотипоскопическая) экспертиза, в отличие от судебно-биологической, исследует в качестве индивидуализирующих характеристик биологических объектов только особенности строения генетического материала – молекул ДНК. Генетический материал – ДНК – одинаков во всех жидкостях и тканях организма, что позволяет идентифицировать биологические следы независимо от источника их происхождения (из крови, слюны, и т.д.) [1; 2].

Судебно-геномная экспертиза позволяет однозначно идентифицировать вид животного, пол животного (самец, самка), а также конкретную особь животного, от которой произошло пятно крови или другие биологические следы при условии наличия образца сравнения. В настоящее время научными исследованиями разработаны подходы к анализу генетического материала диких парнокопытных животных из семейства Свиные [3–5] и семейства Оленевые [6].

В процессе проведения судебно-геномного исследования биологических объектов с мест незаконной охоты могут быть решены экспертные задачи различных классов:

а) **диагностическая** задача о наличии на предмете-носителе генетического материала животного, пригодного для проведения идентификационного исследования;

б) **классификационные** задачи:

– принадлежность биологических следов человеку или животному;

– половая принадлежность биологических следов, решаемая на уровне установления происхождения биологических следов от самца или самки;

– видовая принадлежность биологических следов лосю, оленю, косуле, дикому кабану, домашней свинье;

– установление генотипа биологического объекта (в случае отсутствия образца сравнения) и т.п.;

в) **идентификационные** задачи:

– установление индивидуально-конкретного тождества биологических следов и, например, обнаруженных останков животного;

– установление биологического родства между двумя животными (например, в случае воровства домашнего скота).

На разрешение судебно-геномной экспертизы могут быть поставлены следующие вопросы:

1. «Имеется ли в пятне (биологической жидкости, фрагменте ткани, в смыве, шерсти, волосе и т.п.), изъятом в ..., генетический материал, пригодный для проведения идентификационного исследования? Происходит он от человека или животного?»;

2. «Какова видовая принадлежность биологических следов: (например) от лося или оленя происходят пятна крови (волосы и т.п.)?»;

3. «Какова половая принадлежность биологических следов на (вещественном доказательстве), изъятом в... : происходит пятно крови от самца или самки?»;

4. «Каков генотип пятна крови (вариант – биологических следов) на вещественном доказательстве?»;

5. «От одного или от разных животных происходят биологические объекты (например, фрагменты мышечной ткани)?»;

6. «От дикого кабана или домашней свиньи происходят фрагменты мышечной ткани (пятна крови, волосы и т.п.)?»;

7. «Подтверждается или исключается происхождение пятен крови и другого биологического материала, обнаруженных при осмотре ножа, автомобиля, одежды (и т.п.), от животного, останки которого обнаружены на опушке леса (и т.п.)?».

Экспертные задачи по установлению давности образования биологических следов, возраста животного, причин и времени наступления смерти, наличия плода у самок и т.п. не входят в компетенцию судебно-геномной экспертизы и могут быть решены специалистами в области ветеринарии.

***Порядок подготовки и представления
материалов для производства
судебно-геномной экспертизы следов
животного происхождения***

Судебно-геномная экспертиза объектов биологического происхождения проводится на основании постановления лица, производящего дознание, следователя, прокурора, а также по определению суда.

Для производства судебно-геномной экспертизы должны быть представлены:

1. Вещественные доказательства – предметы со следами биологического происхождения (пятнами крови, волосами и др.), фрагменты биологических тканей, другие биологические объекты;

2. Сравнительные образцы (образцы крови или тканей) от животных, в отношении которых проводится сравнительное исследование;

3. Документы, содержащие сведения, относящиеся к предмету экспертизы (результаты судебно-биологической экспертизы, если таковая была ранее проведена, и т.п.).

В случае необходимости в постановлении (определении) о назначении экспертизы должно содержаться указание о недопустимости применения методов исследования, влекущих полное уничтожение представленных на экспертизу объектов.

Отбор и направление необходимых для производства судебно-геномной экспертизы вещественных доказательств и образцов сравнения обеспечивается органом, назначившим экспертизу. После завершения экспертных исследований вещественные доказательства в обязательном порядке возвращаются органу, назначившему экспертизу. Утилизация вещественных доказательств биологического происхождения не может быть проведена специалистами Центра, поскольку установленный порядок утилизации биологических объектов обеспечивается только специализированными городскими службами (на возмездной основе).

Сравнительные образцы

Судебно-геномная экспертиза является экспертизой сравнительного типа: для того, чтобы доказать происхождение следов крови от конкретной особи животного, фигурирующей в конкретной следственной ситуации, в обязательном порядке для исследования должен быть представлен сравнительный образец биологической ткани данного животного (любой, независимо от вида пятна на вещественном доказательстве).

При идентификации биологических следов человека таким образом чаще всего служит образец крови. Вместе с тем, отбор образцов крови в полевых условиях (лес и т.п.) может

представлять некоторые сложности. К тому же качественный образец крови гарантированно можно получить только из туши недавно убитого животного. При длительном нахождении туши в лесу именно в крови животного неконтролируемые посмертные изменения наступают раньше, чем в других тканях.

Опыт проведения ДНК-исследований с образцами тканей животных показал, что наиболее удобным биологическим образцом может служить фрагмент ушной раковины животного размером около 5 см. Такой образец легко отделяется от туши, легко упаковывается в полевых условиях. Кроме того, ушная раковина содержит хрящ, который менее других тканей подвержен посмертным изменениям. Наконец, фрагмент ушной раковины может быть легко законсервирован путем добавления горсти пищевой соли.

В роли биологического образца может выступать любой фрагмент останков животного: фрагмент шкуры, фрагмент мышцы и др. Следует помнить, что при работе с останками, подвергшимися видимым гнилостным изменениям, необходимо отобрать несколько биологических образцов различного типа (фрагмент шкуры, хрящи, мышцы и т.п.) из мест, где гнилостные изменения наименее выражены. При значительных степенях разложения следует ориентироваться на ткани, содержащие хрящ – ушная раковина, хвост, сочленение ребер с грудиной и т.п. Если останки животного представлены только внутренними органами, которые наиболее подвержены гнилостным изменениям, при отборе образцов сравнения необходимо ориентироваться на более плотные ткани – фрагменты кровеносных сосудов, хрящи трахеи. В ситуациях, когда при отборе образцов сравнения ограничиваются только мазками крови из останков животного, обнаруженных на месте разделки туши, доказательственное значение всех биологических следов на вещественных доказательствах может быть безвозвратно утеряно по причине непригодности образца сравнения. Особенно важно учитывать это в сезоны с плюсовым температурным режимом.

Биологические образцы, отобранные в виде фрагментов тканей, необходимо в обязательном порядке законсервировать хотя бы добавлением горсти пищевой соли. Оптимально все отобранные образцы хранить в замороженном виде, а в случае отсутствия такой возможности – хранить и транспортировать образцы, засыпанные солью, при возможно более низкой температуре. Образцы жидкой крови следует либо заморозить, либо высушить на марле без нагревания: добавление соли в жидкую кровь категорически запрещается.

В судебно-геномной экспертизе генотипирование волос является достаточно сложной процедурой. В связи с этим не рекомендуется отбирать образцы волос животного в качестве образца сравнения для генотипирования.

Все сравнительные образцы должны быть упакованы отдельно от других вещественных доказательств, в особенности это относится к жидким образцам крови.

Изъятие и подготовка биологических следов животных для судебно-геномной экспертизы

Для проведения исследований методами судебно-геномной экспертизы (ДНК-анализ) пригодны все биологические объекты, имеющиеся на вещественных доказательствах или изъятые при осмотре места преступления или жилища подозреваемого.

В случаях обнаружения останков животных при наличии головы животного срезается фрагмент ушной раковины. Если останками оказывается шкура, то из шкуры делают вырезки (волосы вместе с кожей) с нескольких участков, в том числе фрагмента хвоста. Фрагменты ушной раковины, фрагменты мышц или других тканей животного можно поместить в полимерные пакеты и при невозможности заморозки засыпать горстью пищевой соли.

При обнаружении туши на стадии скелетирования на экспертное исследование представляются фрагменты костей с хрящами (часть грудины с фрагментами ребер). Кости без мышечных тканей необходимо высушить при комнатной температуре.

Из мясопродуктов, полуфабрикатов (типа фарша или сырой домашней колбасы), изъятых при осмотре жилища подозреваемого, отбираются образцы в количестве не более 20–50 г., помещаются в отдельные полимерные пакеты, подписываются, опечатываются и хранятся замороженными. Образцы мясопродуктов, подвергшиеся термообработке, представлять для исследования нежелательно, поскольку в настоящее время методики исследования таких объектов не разработаны.

Таким образом, части тканей или органов животных подвергаются замораживанию в емкостях или немедленно направляются в лабораторию. Замороженные образцы желательно не размораживать. При отсутствии морозильной камеры части тканей и органов следует засыпать пищевой солью.

Орудия убийства или разделки туши и т.п. инструменты, а также другие некрупные приспособления со следами крови изымаются целиком.

Полимерные пакеты или мешки со следами крови, в которые предположительно упа-

ковывали мясо в ходе разделки туши, следует обязательно вывернуть наизнанку и высушить или сразу после изъятия свернуть, упаковать и заморозить до отправки на исследование.

Покрывала, фрагменты упаковочной ткани, одежда или обувь с пятнами крови в обязательном порядке должны быть просушены до упаковывания.

Сухие следы биологических жидкостей на поверхности перемещаемых предметов собираются в виде соскобов. При невозможности изъятия пятна крови в виде соскоба производится смыв пятна на увлажненный марлевый тампон, который немедленно высушивается.

Следы крови на почве или песке отбираются на глубину проникновения крови и немедленно высушиваются в тонком слое. Если кровь на песке уже засохла, собирают склеенные кровью комочки песка. При отборе пятен крови и других биологических следов с открытой территории в обязательном порядке необходимо сразу же создать условия для эффективного просушивания отобранных предметов-носителей при комнатной температуре до полного удаления влаги.

Следы крови животного на снегу или волосы, вмороженные в комья снега, помещаются на тарелку с тампоном из 4-х слоев марли с тем, чтобы в процессе таяния вся жидкость была поглощена тампоном, после чего тампон немедленно высушивается при комнатной температуре.

Следы крови на листьях растений собираются вместе с листьями и также высушиваются.

Следы крови на поверхности штукатурки, стен и др. соскребают на всю глубину проникновения крови, стараясь при этом захватить минимум чистых областей штукатурки. Следы с деревянных поверхностей собирают в виде сколов, с металлических поверхностей – в виде смывов на марлевый тампон.

При изъятии волос необходимо учитывать следующее.

В случаях, когда предполагается наличие волос на предметах одежды и других предметах-носителях, необходимо направить сами предметы-носители на экспертизу (правильно упаковав и опечатав), не снимая с них волосы, поскольку на одежде могут быть волосы, выявляемые только при микроскопическом исследовании.

Обнаружение волос нередко представляет большие трудности. Осмотр вещественных доказательств следует производить при хорошем освещении, тщательно, с помощью лупы. Изымать объект необходимо с предосторожностями, так как обнаруженный волос легко потерять. Волосы или волокна, напоминающие их, обнаруженные на месте происшествия, должны

быть аккуратно сняты (пальцами в перчатках или пинцетом с резиновым наконечником), помещены в пакетики из чистой белой либо черной (в зависимости от цвета объекта) бумаги, которые необходимо подписать и опечатать. Если волосы найдены на разных участках места происшествия, разных местах транспортного средства и т.п., их помещают в отдельные пакеты, указав место, где они обнаружены. По возможности указывается их количество (особенно если волосы единичные). Обнаруженные объекты нельзя сдавливать, очищать от наслоений и т.п. Очesy волос для судебно-биологической экспертизы представлять в качестве искомого объекта нежелательно, так как волосы обычно не характеризуют в должной мере волосяной покров животного.

Отбор волос без использования пинцета или резиновых перчаток запрещается. Категорически запрещается использование липких пленок для отбора и хранения волос, изымаемых с вещественных доказательств, поскольку при этом резко снижается вероятность их успешной ДНК-идентификации.

Биологические следы, оставленные преступником и добычей, легко разрушаются в окружающей среде. Вместе с тем, эти же биологические следы надолго сохраняются при высушивании, при этом высушенные пятна биологических жидкостей пригодны для проведения идентификационных исследований методами ДНК-анализа на протяжении многих лет. Все вещественные доказательства (предметы одежды и т.п.), имеющие следы биологических выделений, необходимо быстро просушить без использования нагревательных приборов, избегая попадания прямого солнечного света. Предметы, которые невозможно быстро высушить (части тела и др.), следует заморозить.

Высушенные вещественные доказательства, высушенные смывы с различных предметов, соскобы пятен с поверхности громоздких предметов, сухие окурки и т.д. помещаются в чистые бумажные пакеты (конверты, свертки), заклеиваются, снабжаются пояснительными надписями, опечатываются и хранятся при комнатной температуре в сухих проветриваемых помещениях, избегая попадания прямых солнечных лучей. Не рекомендуется использовать в качестве упаковочного материала полиэтилен и подобные полимерные материалы, поскольку в такой упаковке вещественные доказательства могут отсыревать, что приведет к порче биологических следов под воздействием микроорганизмов.

В процессе изъятия рекомендуется работать одновременно только с одним образцом. Вещественные доказательства, изъятые с места преступления, должны быть упакованы отдельно

от вещественных доказательств, изъятых у подозреваемого. Категорически запрещается упаковывание в один пакет и совместная транспортировка в одном пакете вещественных доказательств и образцов сравнения.

Все биологические следы, обнаруженные при осмотре места происшествия и на вещественных доказательствах, потенциально могут быть инфицированы возбудителями высокоопасных заболеваний (вирусы гепатита, туберкулезная палочка и т.д.) и могут представлять серьезную опасность для лица, осуществляющего отбор объектов.

Данное обстоятельство требует особо строгого соблюдения правил изъятия биологических следов и мер безопасности, что, с одной стороны, способствует личной безопасности следователя, а с другой – предотвращает попадание посторонних загрязнений на изымаемые объекты. Последнее имеет особое значение для судебно-геномной экспертизы в связи с высокой чувствительностью лабораторных методов исследования генетического материала.

Экспертное исследование других видов доказательств

При расследовании дел, связанных с безлицензионной добычей диких животных, существенное значение могут иметь исследования, проведенные в рамках трасологических и баллистических экспертиз.

Объектами трасологической экспертизы являются вещественные доказательства или предметы со следами (следы ног человека, отпечатки пальцев, следы автомашины, инструментов и др.; следы, образованные ножами и т.д.), узлы, петли и др. Назначение трасологических экспертиз по делам, связанным с браконьерством, следует проводить в соответствии с общими рекомендациями по назначению экспертиз такого рода.

В рамках баллистической экспертизы может быть проведено исследование оружия, следов выстрела и др. Общий порядок назначения баллистической экспертизы применим и при расследовании дел, связанных с браконьерством. Следует однако учитывать, что ряд аспектов, характерных для данного вида экспертиз, вряд ли может реализоваться на практике в случаях с незаконной охотой. Например, ввиду особенностей поведения диких животных практически невозможно представить ситуацию, при которой выстрел мог быть произведен с близкого расстояния. Следовательно, вопросы о возможном воздействии пороховых газов (копоть, следы пороха, термическое воздействие и др.) на шерсть или кожу животного-трофея вряд ли будут разрешены информативно.

Следует также учитывать, что установление причинно-следственных связей между характером травм и смертью животного относится к компетенции раневой баллистики. Специальные знания раневой баллистики базируются в том числе на результатах хирургической, судебно-медицинской (применительно к человеку) и ветеринарной (применительно к животным) практики. Таким образом, вопросы о причинах смерти животного, а также вопросы типа «... могло ли животное погибнуть от полученной раны или же оно было только травмировано...» следует назначать в учреждения ветеринарного профиля. При этом следует учитывать, что для их категорического разрешения в ряде случаев потребуются исследование целой туши животного, т.е. присутствие специалиста-ветеринара на месте происшествия. Анализ повреждений на шкуре животного (фрагменте шкуры) в данной ситуации неприменим.

Таким образом, в судебно-экспертном исследовании доказательств по делам о безлицензионном отстреле диких животных с подключением методов ДНК-анализа сформировался полноценный спектр видов экспертиз, достаточный для доказательственного исследования всего комплекса вещественных доказательств. При этом ДНК-анализ биологических следов животных оказался более сложной экспертной задачей, поскольку основными объектами незаконной охоты являются представители всего двух таксонов: семейства Свиные и семейства Оленевые, включающие по несколько генетически родственных видов (подвидов). Категорический уровень решения классификационных и идентификационных экспертных задач, достигаемый при исследовании биологических следов животных, существенно повышает доказательственное значение всей суммы фактических данных, установленных экспертным путем при исследовании вещественных доказательств по данной категории.

Список использованных источников

1. Цыбовский, И.С. Судебно-геномная экспертиза / И.С. Цыбовский // Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств / под общ. ред. О.М. Дятлова. – Минск: Амалфея, 2003. – П. 3.10, ч. 2. – С. 641–643.
2. Цыбовский, И.С. Судебно-геномная экспертиза / И.С. Цыбовский, Н.Н. Кузуб // Подготовка и назначение судебных экспертиз: пособие для следователей, судей и экспертов / А.С. Рубис [и др.]. – Минск: Харвест, 2006. – Гл. XIX. – С. 220–235.
3. Efficacy of Microsatellite Markers in Parentage Control in Swine. Wanwisa Yaemmeklin, Jutarat Jirasupphacho, Weerapong Koykul, Duangsmorn Suwattana. Thai J. Vet. Med., 2009. 39(3): 259–265.
4. Differentiation of European wild boar (*Sus scrofa scrofa*) and domestic swine (*Sus scrofa domestica*) meats by PCR analysis targeting the mitochondrial D-loop and the nuclear melanocortin receptor 1 (MC1R) genes. Fajardo V., González I., Martín I., Rojas M., Hernández P.E., García T., Martín R. Meat Science. – 2008. – Vol. 78. – P. 314–322.
5. Genetic diversity of eleven European pig breeds / G Laval [et al.] // Genet Sel Evol. – 2000. – Vol. 32, № 2. – P. 187–203. Режим доступа: <http://www-lgc.toulouse.inra.fr/pig/panel/panel2004.htm>. – Дата доступа: 29.07.2011.
6. Cross-species tests of 45 microsatellite loci isolated from different species of ungulates in the Iberian red deer (*Cervus elaphus hispanicus*) to generate a multiplex panel / Sanchez-Fernandes B. [et al.] // Molecular Ecology Resources. – 2008. – Vol. 8. – P. 1378–1381.

Дата поступления: 05.08.2011

Annotation

Current DNA testing abilities make it possible to conduct an expert analysis of the animal biological traces within the framework of poaching cases investigation. DNA testing application provides the data of high evidentiary level, and with it dealing with biological samples of animal origin has definite peculiarities which should be taken into account, especially when collecting material evidences in the field (at the crime scene).

This work examines the issues of an expert research into the real evidence complex informative for the mentioned case category investigation. Particular consideration is given to the optimization of an investigator's activities on biological traces sampling and preservation in view of solving an expert task which is qualitatively new for such cases, notably the task of particular animal individuals' biological traces identification.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ**ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И ВАРЬИРОВАНИЯ ТВЕРДЫХ
АНТРОПОГЕННЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ В ПОЧВАХ ГОРОДСКИХ ГАЗОНОВ**

Шукан Л.А.
канд. биол. наук

Сапун В.П.

Прохорова Е.А.

Ровинская Л.Б.

Сапун И.А.

ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции
Республики Беларусь»

При расследовании уголовных дел об убийствах, изнасилованиях, дорожно-транспортных происшествиях и др. в качестве вещественных доказательств могут фигурировать почвенные и почвенно-техногенные наслоения на различных предметах-носителях с целью установления их происхождения или принадлежности конкретному локальному участку местности. Почвенные наслоения образуются на предметах-носителях при ходьбе, волочении и других видах контакта предмета с почвенным участком. Локальный участок местности в качестве объекта криминалистического исследования рассматривается как упорядоченное по площади и объему размещение компонентов геологического, биологического и антропогенного происхождения. Почвенные и почвенно-техногенные (антропогенные) наслоения – это следы особого рода, так как они очень сложны и своеобразно отражают особенности внешнего строения и внутреннюю структуру участка местности, с которого они произошли. Трудность экспертного исследования этих объектов объясняется не только сложностью их строения и состава, небольшим количеством вещества наслоений, но также неоднородностью распределения различных компонентов в пределах небольших участков местности и варьированием признаков в пространстве и времени.

155**Аннотация**

Городские газоны относятся к участкам, испытывающим сильное антропогенное влияние, приводящее к загрязнению почв. К числу таких загрязнителей относятся твердые антропогенные включения, среди которых чаще всего встречаются мелкие металлические частицы, минералы с пленками ГСМ, частицы каменного и древесного угля, кирпича, стекловолокна и шлаков. Общее содержание твердых антропогенных включений выше в пробах почв, расположенных непосредственно у дорожного полотна. Полученные данные о распределении и варьировании твердых антропогенных включений могут использоваться для решения задач судебно-почвоведческой экспертизы.

Решение основной задачи судебно-почвоведческой экспертизы – индивидуальной идентификации локального участка местности по наслоениям на загрязненных почвой предметах – невозможно без выявления признаков случайного характера [1]. Такие признаки играют большую роль в сфере криминалистической идентификации, поскольку благодаря им материальные объекты приобретают индивидуальность. Применительно к почвам газонов случайные признаки можно выявить при изучении твердых антропогенных включений, генетически не связанных с почвой, но обусловленных воздействием человека на почву в процессе его жизнедеятельности. К твердым антропогенным включениям относятся: шлаки, мелкие металлические частицы, каменный и древесный уголь, битум, стекло и др. Источниками загрязнения почв городских газонов твердыми антропогенными включениями являются выбросы промышленных предприятий и автомобильный транспорт.

Наличие твердых антропогенных включений в почвенной массе позволяет судить о специфических условиях существования исследуемого почвенного участка и его границах и является индивидуализирующим признаком почвы. В образцах почв одного рода только по наличию инородных включений могут быть выделены группы засоренных и не засоренных почв, что указывает на их различное территориальное расположение. Участки местности с интенсивным техногенным воздействием не всегда возможно дифференцировать по какому-либо одному показателю. Этого можно достигнуть, изучив весь комплекс примесей. Чем разнообразнее комплекс инородных включений на той или иной территории, тем больше вероятность выявления ее индивидуальности [2].

В связи с тем, что почвы газонов не относятся к сельскохозяйственным угодьям, а также то, что твердые антропогенные включения, попадающие в почву, не оказывают существенного влияния на почвенные процессы и негативного воздействия на растительный и животный мир, сведения об их содержании и распространении в почвах в научной почвоведческой литературе отсутствуют. Имеющиеся в криминалистической литературе сведения о твердых антропогенных включениях посвящены в основном их информационной значимости и методическим подходам при решении задач судебно-почвоведческой экспертизы [2–6].

Так, в работе [4] отмечено, что при производстве судебно-почвоведческих экспертиз исследование твердых инородных частиц наиболее целесообразно, поскольку они сохраняются в почве довольно продолжительное время и их компонентный состав весьма разнообразен. Данное обстоятельство с точки зрения информативности признака является весьма значимым. Автором предложена градация почв на засоренные и незасоренные инородными включениями, а также по степени засорения: 1) незасоренные инородными включениями почвы – содержат инородных включений менее 1 %; 2) очень слабо засоренные – от 1 до 3 %; 3) слабозасоренные – от 3 до 10 %; 4) средnezасоренные – от 10 до 15 %; 5) сильнозасоренные – выше 15%.

В работе [7] изучались три группы специфических образований в объектах почвенного происхождения: почвенные, обусловленные почвообразующими процессами (соединения железа, марганца, кремния, карбонатов, легкорастворимых солей и др.); биогенные: минеральные (фитолиты), органические (древесный уголь и др.); техногенные (частицы кирпича, бетона, извести и др.). Исследования техногенных образований проводились на уровне установления природы и элементного состава с целью определения

общности происхождения сравниваемых объектов по сырьевым компонентам, т.е. по месту производства (в вероятной форме, поскольку одни и те же сырьевые компоненты могут использоваться на расположенных рядом предприятиях). По результатам исследования сделан вывод о том, что твердые техногенные включения в почве могут дать важную розыскную и доказательственную информацию о событии преступления.

В работах [8; 9] также отмечается особая роль изучения инородных включений и закономерности их распределения в почвах при решении идентификационных и диагностических задач судебно-почвоведческой экспертизы. Так, для целей диагностики участков засоренных почв предлагается [9] провести анализ шлаков различных производств и сформировать их коллекции.

В криминалистической литературе сведений о качественном и количественном содержании и распределении твердых антропогенных примесей в почвах городских газонов не имеется. До настоящего времени на территории г. Минска не изучалось влияние выбросов промышленных предприятий и автотранспорта на содержание и распределение твердых антропогенных включений в почвах городских газонов, что затрудняет интерпретацию данных о содержании различных компонентов при оценке результатов экспертного исследования почвенных наслоений на предметах-носителях. Поэтому нами были проведены специальные исследования для получения объективной информации о характере распределения твердых антропогенных включений в почвенном покрове городских газонов и определения возможности их использования в качестве информативных показателей для дифференциации этих участков при решении задач судебно-почвоведческой экспертизы. Для этого были использованы образцы почвы, отобранные с участков газонов вдоль ул. Богдановича и ул. Кульман (участок А) и вдоль ул. Ванея (участок Б). Содержание антропогенных включений в почвах газонов определяли по методике, изложенной в пособии, где их процентное содержание рассчитывалось относительно минеральной составляющей почвы [6].

В результате проведенных исследований выявлен ряд следующих видов твердых антропогенных включений, среди которых чаще всего встречаются: мелкие металлические частицы, минералы с пленками горюче-смазочных материалов (ГСМ), частицы каменного и древесного угля, кирпича, стекловолокна и шлаков. Редко встречаются частицы стекла, лакокрасочных покрытий, битума, карбонатного вещества, резины, сажи. Единично встречаются частицы фольги, полимерной пленки и окислов железа.

Сравнением результатов исследования участков А и Б установлены их различия по общему процентному содержанию твердых антропогенных включений. Так, на участке А их содержание колеблется от 3,41 % до 20,51 % весной (рисунок 1) и от 1,70 % до 17,51 % осенью (рисунок 2). На участке Б их содержание колеблется от 1,21 % до 9,84 % весной (рисунок 3) и от 1,39 % до 9,88 % осенью (рисунок 4). На участке А во всех пробах четко прослеживается сезонная динамика, весной содержание твердых антропогенных включений выше, чем осенью. На участке Б сезонной динамики не наблюдается.

На обоих исследуемых участках общее процентное содержание твердых антропогенных примесей выше в пробах почв, расположенных непосредственно у дорожного полотна. Так, на участке А в образцах, изъятых в 0,5 метра от дороги, содержание твердых антропогенных примесей составляет 20,51 % весной и 17,51 % осенью, а в образцах почвы, изъятых на расстоянии 5 метров, их содержание составляет соответственно 7,41 % и 4,3 %, постепенно снижаясь при удалении от дорожного полотна до 3,41 % и 1,70 % на расстоянии 35 метров (рисунки 5, 6). На участке Б в образцах почвы, изъятых на расстоянии 0,5 метра, содержание твердых антропогенных включений составляет 9,84 % весной и 9,88 % осенью, а в образцах, изъятых на расстоянии 5 метров, их содержание составляет соответственно 6,87 % весной и 6,21 % осенью, и на расстоянии 35 метров – 1,21 % весной и 1,39 % осенью (рисунки 7, 8).

На участке А имеются различия между площадками 1, 2, 3 по общему процентному содержанию твердых антропогенных примесей. Так, на площадке 1 в образцах почвы, изъятых осенью на расстоянии 0,5 метра от дорожного полотна, содержание твердых антропогенных примесей составляет 5,94 %, на площадке 2 соответственно – 16,56 %, на площадке 3 – 30,04 %. На участке Б площадки 5 и 6 почти не различаются между собой по указанному показателю (на площадке 5 их содержание равно 9,3 %, на площадке 6 – 10,46 %) (рисунок 5–8).

На исследуемых участках имеются различия по видовому составу твердых антропогенных примесей, а также процентному содержанию металлических частиц и минеральных зерен с пленками ГСМ.

Так, содержание металлических частиц на участке А колеблется от 28,6 % до 44,45 % весной и от 36,85 % до 57,7 % осенью, а на участке Б – от 8,0 % до 51,96 % весной и от 41,91 % до 57,21 % осенью.

Содержание минералов с пленками ГСМ на участке А колеблется от 26,65 % до 48,94 % весной и от 24,99 % до 36,35 % осенью, а на участке Б от 10,0 % до 49,32 % весной и от 11,8 % до 37,4 % осенью.

На участке А имеются существенные различия между площадками 1, 2, 3 по процентному содержанию металлических частиц и минеральных зерен с пленками ГСМ. Так, на площадке 1 содержание металлических частиц колеблется от 9,61 % до 72,8 % весной и от 21,88 % до 61,62 % осенью. При этом, на указанной площадке больше всего металлических частиц (72,8 %) содержится в образце почвы, изъятый в 35 метрах от дорожного полотна, что объясняется наличием близко расположенной автомобильной стоянки.

На площадке 2 содержание металлических частиц колеблется от 24,98 % до 61,08 % весной и от 45,8 % до 68,99 % осенью. При этом больше всего металлических частиц содержится в образце почвы, изъятый у дорожного полотна.

На площадке 3 содержание металлических частиц колеблется от 22,58 % до 26,43 % весной и от 34,18 % до 50,57 % осенью.

На участке Б площадки 5 и 6 слабо различаются между собой по содержанию металлических частиц и минералов с пленками ГСМ.

Сравнением результатов исследуемых участков А и Б установлены различия по общему процентному содержанию твердых антропогенных включений. На участке А прослеживается сезонная динамика, весной содержание примесей выше, чем осенью. На участке Б сезонной динамики не наблюдается. На обоих участках общее процентное содержание твердых антропогенных включений выше в пробах почв, расположенных непосредственно у дорожного полотна.

На участке А имеются различия между площадками 1, 2, 3 по общему процентному содержанию твердых антропогенных примесей. Площадки 5 и 6 участка Б слабо различаются между собой по указанному показателю.

Таким образом, в результате проведенных исследований установлено, что для обоих участков характерен одинаковый компонентный состав антропогенных включений, что может быть использовано в судебно-почвоведческой экспертизе при установлении источника загрязнения (решение диагностических задач).

Установлены различия между участками А и Б по общему процентному содержанию твердых антропогенных включений. Данные показатели могут быть использованы для дифференциации участков газонов, расположенных в разных районах города, при решении идентификационных задач судебно-почвоведческой экспертизы.

Выявленные закономерности распределения твердых антропогенных включений на всех площадках внутри изучаемых участков могут быть использованы для дифференциации более мелких площадок, при решении идентификационных задач.

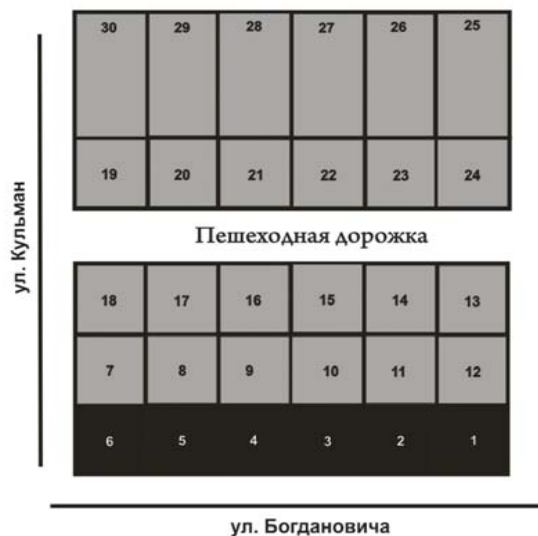

Рисунок 1 – Общее процентное содержание твердых антропогенных примесей весной 2009 г. на участке А

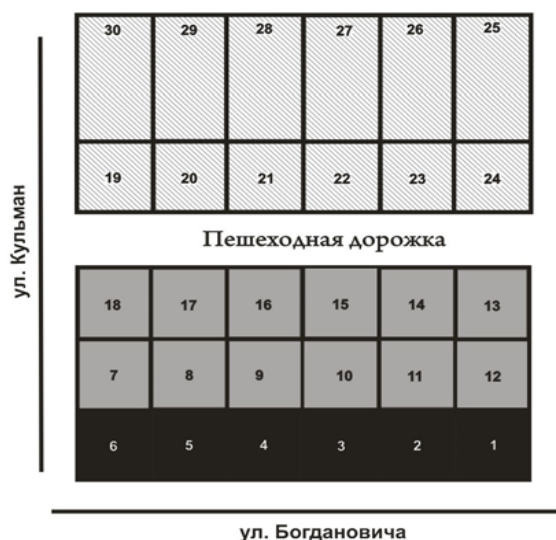

Рисунок 2 – Общее процентное содержание твердых антропогенных примесей осенью 2009 г. на участке А

Рисунок 3 – Общее процентное содержание твердых антропогенных примесей весной 2009 г. на участке Б

Рисунок 4 – Общее процентное содержание твердых антропогенных примесей осенью 2009 г. на участке Б

Условные обозначения:

- менее 1%, незасоренные

- 3 - 10%, слабозасоренные

- 1 - 3%, очень слабо засоренные

- 10 - 15%, среднезасоренные

- свыше 15%, сильнозасоренные

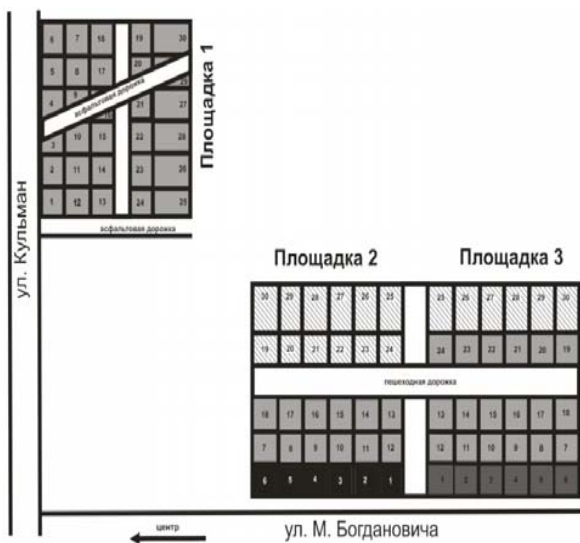

Рисунок 5 – Распределение твердых антропогенных примесей весной 2009 г. на площадках 1, 2, 3 (участок А)

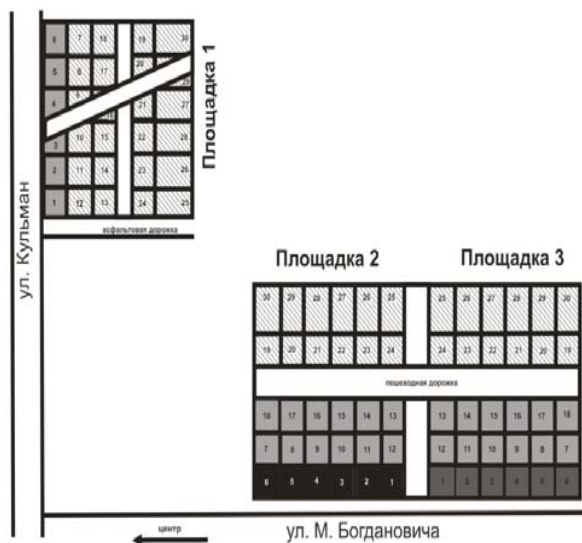

Рисунок 6 – Распределение твердых антропогенных примесей осенью 2009 г. на площадках 1, 2, 3 (участок А)

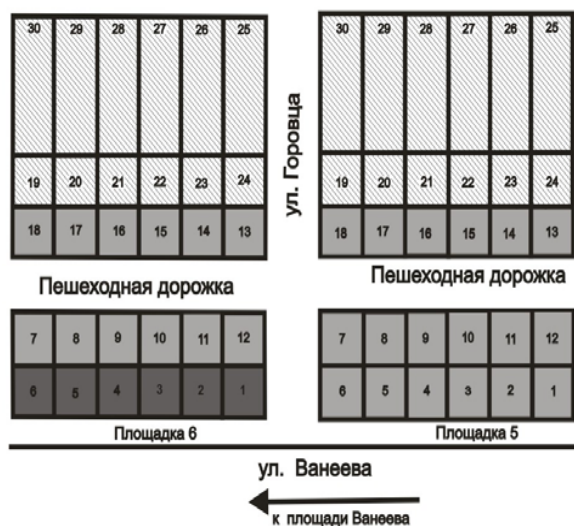

Рисунок 7 – Распределение твердых антропогенных примесей весной 2009 г. на площадках 5, 6 (участок Б)

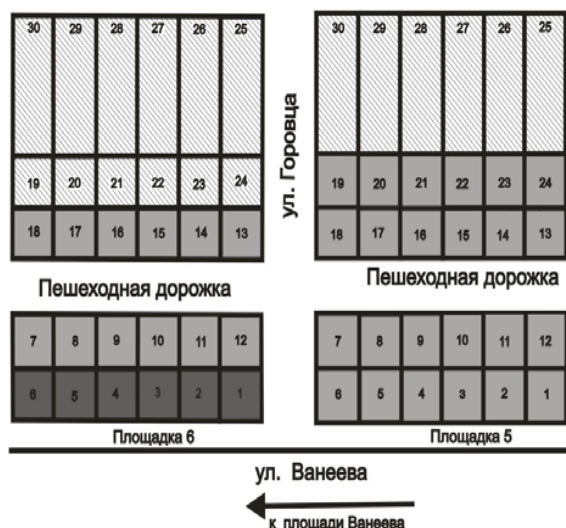
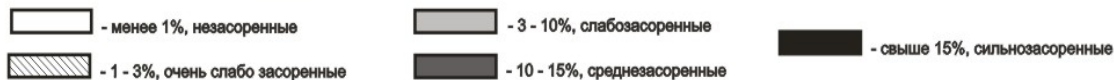

Рисунок 8 – Распределение твердых антропогенных примесей осенью 2009 г. на площадках 5, 6 (участок Б)

Условные обозначения:

Список использованных источников

1. *Тюрикова, В.В.* Актуальные направления научных исследований в области судебно-почвоведческой экспертизы на XII пятилетку / В.В. Тюрикова, Н.В. Прошина // Актуальные вопросы теории и практики судебно-почвоведческой экспертизы. – М., 1987. – С. 4–19.
2. *Семенова, Н.В.* О дифференциации некоторых инородных включений в почвах разных участков местности / Н.В. Семенова, В.В. Тюрикова // Экспертная техника. – М., 1989. – 112. – С. 18–25.
3. *Козинер, Э.П.* Современные возможности и пути дальнейшего совершенствования криминалистической экспертизы почв / Э.П. Козинер // Современные тенденции развития судебной экспертизы вещественных доказательств и пути внедрения новых физических, химических и биологических методов в экспертную практику: материалы всесоюз. науч. конф. – М., 1972. – Часть третья. – С. 77–81.
4. *Семенова, Н.В.* Качественное и количественное определение инородных включений в почвах / Н.В. Семенова // Состояние и пути развития судебно-почвоведческой экспертизы: сб. науч. тр. – М.: ВНИИСЭ, 1981. – Вып. 50. – С. 72–90.
5. *Семенова, Н.В.* Об исследовании твердых инородных включений почв в судебно-почвоведческой литературе / Н.В. Семенова, В.В. Тюрикова // Экспертная техника. – М., 1990. – 116. – С. 3–21.
6. Судебно-почвоведческая экспертиза: метод. пособие для экспертов, следователей и судей. – Ч. II (особенная). – М.: ВНИИСЭ, 1994. – Вып. II. – 201 с.
7. Криминалистическое исследование специфических образований в объектах почвенного происхождения: метод. рекомендации / Г.Г. Омелянюк [и др.]. – М.: ЭКЦ МВД России, 2000. – 32 с.
8. *Ушакова, О.М.* Решение задачи по установлению принадлежности отслоившейся массы почвы к конкретному загрязненному предмету (по делам о дорожно-транспортном происшествии) / О.М. Ушакова // Экспертная техника. – М., 1990. – С. 51–60.
9. *Хлесткова, Е.А.* Проблемы и практика решения задач по установлению района загрязнения предмета почвой (при отсутствии проверяемых объектов) / Е.А.Хлесткова // Экспертная техника. – М., 1990. – 116. – С. 36–51.

Дата поступления: 14.09.2011

Annotation

160

Urban lawns are areas subjected to strong anthropogenic influence, leading to the soil contamination. The pollutants include solid anthropogenic inclusions, among which the small metal particles, minerals with the membranes of fuels and lubricants, particles of coal and charcoal, brick, fiberglass and slag are the most common. The total amount of solid anthropogenic inclusions is higher in the soil samples, placed directly in the roadway. The obtained data on the distribution and variation of anthropogenic solid inclusions can be used to solve the problems of forensic soil examination.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ**ГОЛОГРАММА КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ
ОТ ПОДДЕЛКИ ЦЕННЫХ БУМАГ, ДОКУМЕНТОВ
И РАЗЛИЧНЫХ ОБЪЕКТОВ И КОНТРОЛЯ ИХ ПОДЛИННОСТИ****Бочарова О.С.**

канд. юрид. наук

ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции
Республики Беларусь»**Ритвинская Т.Ю.**ГУО «Институт пограничной службы
Республики Беларусь»**Кучин А.П.**

ГЭКЦ МВД Республики Беларусь

В последние десятилетия в Республике Беларусь, как во всем мире, наблюдается стремительный рост выпуска ценных бумаг и защищенных документов, а также товаров и их упаковки, снабженных голографическими средствами защиты и контроля подлинности.

В Республике Беларусь все документы, снабженные комплексом элементов и средств защиты от подделки, законодательно отнесены к бланкам строгой отчетности. Так, в 2002 г. постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 1 марта 2002 г. №29 было утверждено Положение об основных требованиях, предъявляемых к уровню защищенности бланков строгой отчетности, а также специальным материалам для защиты их от подделки, с определенными изменениями и дополнениями, действующее по настоящее время [1].

Данное Положение относит голограмму как средство защиты документов к специальным материалам – «под специальными материалами понимаются: бумага и иные материалы с элементами (средствами) защиты (водяными знаками, защитными волокнами, специальными добавками, защитными нитями и др.), защитные краски, специальные покрытия, **защитные голограммы**, другие материалы и средства защиты от подделки бланков ценных бумаг и документов» [1].

С криминалистической точки зрения специальные материалы – это материалы, используемые при изготовлении бланков ценных бумаг и документов с определенной степенью защиты и являющиеся элементами (средствами) защиты их от подделки или содержащие элементы и/или средства защиты от подделки. Данное определение прописано и в государственных стандартах Республики Беларусь (СТБ 996/ОР, СТБ 997/ОР, СТБ 1106-98) [2–4]. Определение же защитной голограммы в стандарте следующее: «защитная голограмма – это голограмма, выполненная с использованием совокупности технологий, предотвращающих возможность ее несанкционированного воспроизведения» (СТБ 997/ОР) [2].

Кроме того, **голограмма как средство защиты** бланков строгой отчетности, в соответствии с отмеченным выше Положением, **относится к изображениям со специальными эффектами** и обязательна к нанесению на достаточно большой круг защищенных до-

Аннотация

В статье рассмотрены основные виды голограмм, используемых и как средство защиты документов от подделки и как средство контроля подлинности или контроля доступа. Представлено современное состояние нормативной правовой базы Республики Беларусь в области защиты от подделки документов с определенной степенью защиты в части использования голограмм как средств защиты и технические требования к ним. Рассмотрены основные способы нанесения голограммы на защищенный документ, а также средства и методы защиты голограмм в зависимости от их вида.

кументов (паспорта, визовые марки, различные сертификаты, пластиковые карты, проездные документы, акцизные марки и контрольные знаки) как отдельное средство защиты, так и в комплексе с иными защитными средствами [1; 5].

При этом голограмма, выполненная в виде самоклеящейся марки-наклейки, может выступать и как самостоятельный защищенный документ или бланк строгой отчетности (в случае ее нумерации), и как средство защиты и контроля подлинности различных объектов (фармацевтических препаратов, лазерных дисков и пр.), и как средство контроля доступа – голограмма как составляющая различного рода пломб.

Наиболее же полным определением голограммы как средства защиты документов, на наш взгляд, может быть следующее: *голограмма – это сформированная на каком-либо носителе интерференционная структура, преобразующая методом дифракции падающее на нее световое излучение в изображение с определенными амплитудно-фазовыми, частотными (цветовыми) и, в ряде случаев, поляризационными свойствами, предотвращающая возможность ее несанкционированного воспроизведения, и используемая в качестве средства защиты бланков строгой отчетности, ценных бумаг и документов с определенной степенью защиты, информации на документах, различного рода объектов.*

Техническими требованиями к защитным голограммам при использовании их в качестве средств защиты бланков строгой отчетности и стандарте (СТБ 996/ОР) и в Положении об основных требованиях, предъявляемых к уровню защищенности бланков строгой отчетности, являются следующие [1; 3]:

- запись защитной голограммы должна производиться с разрешением не менее 10 000 dpi с использованием технологии имидж-матрикс и (или) с использованием метода электронно-лучевой литографии, допускающего наличие комбинированных участков с аналоговой записью;
- защитная голограмма должна иметь оригинальный дизайн и микротекст высотой не более 40 мкм.

При изготовлении защитной голограммы должны использоваться [1; 3]:

- изображения с кинеграммными и объемными эффектами, с участками деметаллизации и (или) иными участками, способными пропускать излучения видимой и прилегающих (инфракрасной и ультрафиолетовой) областей спектра;
- скрытые изображения, идентифицируемые техническими средствами;
- голографические рисунки, содержащие линии высокого разрешения толщиной не более 30 мкм с кинематическим эффектом.

При этом, с экспертной точки зрения, голограмма представляет собой комплексное средство защиты, относимое как к уровню физико-химической защиты документов, в частности к физическим методам защиты, основанным на физических свойствах объектов и веществ, так и к уровням технологической (особенности материалов основы, фольги и клея) и полиграфической защиты, поскольку одним из свойств ее является защита от копирования, а в самой голограмме могут быть реализованы такие элементы защиты, как микропечать, гильоширные элементы и защитные сетки, скрытые изображения и пр.

Рассмотрим основные виды голограмм, используемых и как средство защиты документов от подделки и как средство контроля подлинности или контроля доступа:

– *радужная голограмма.* Самый простой вид голограмм и давно используемый в документах и как защита различного рода объектов. При различных углах наклона голограммы к пучку света можно видеть объект с объемным эффектом в разных направлениях – можно «повернуть» изображение влево и вправо. При повороте же голограммы вверх или вниз изменяется цвет объекта в соответствии с цветами радуги;

– *2D голограмма.* Голограмма плоского объекта, например штрихового рисунка. На ее основании с помощью оптических дифракционных решеток записано изображение, имеющее различную окраску отдельных областей. Такая голограмма дает яркий декоративный эффект, хорошо видна даже при слабой освещенности и чаще всего используется как декоративное средство контроля подлинности объектов;

– *2D/3D голограмма.* Голограмма, на которой фиксируются несколько плоских изображений, находящихся как бы на разном расстоянии от поверхности голограммы. При этом объекты могут казаться расположенными как внутри голограммы, так и парящими над ее поверхностью. Этим достигается дополнительный эффект объемности;

– *3D голограмма (стереограмма или объемное изображение).* Наиболее совершенный и трудновоспроизводимый вид голограммы, изготавливаемый путем записи на одну пластину до нескольких десятков голограмм объекта, сфотографированного с разных ракурсов. 3D голограмма дает оптический эффект объемного изображения предмета при рассмотрении с различных сторон. Возможно также ее изготовление с записью движущегося объекта, правда, для получения адекватного визуального эффекта необходимо хорошее освещение;

– *image-matrix голограмма.* Этот тип голограмм базируется на изображениях компью-

терной графики, что позволяет создавать яркие контрастные голограммы с кинетическими эффектами. Поскольку изображение состоит из отдельных областей, в очень маленькую голограмму может быть помещено огромное количество элементов защиты и контроля подлинности;

– *комбинированная голограмма*. Голограмма, состоящая из элементов, записанных различными голографическими методами, цифровым и аналоговым, и совмещенных с высокой точностью. Комбинирование различных изображений и голографических эффектов является очень чувствительным к любым микроскопическим изменениям в данных структурах, что влечет за собой искажение закодированной информации. Эти особенности практически исключают подделку голограммы. Отмеченные элементы идентифицируются при помощи специальных устройств, изготовленных в соответствии с требованиями раскодировки таких защитных структур;

– *юниграмма*. Юниграмма представляет собой отражающий слой с нанесенным на него латентным изображением, которое можно увидеть только при помощи специального прибора (идентификатора). Контроль подлинности может быть осуществлен визуально с использованием идентификатора латентного изображения (поляроида) и лабораторными методами при помощи специального оборудования;

– *RGB-голограмма*. Голограмма в натуральных цветах, иначе с полной передачей цвета, – голограмма, которая при определенном угле освещения дает естественные цвета. Перед оптической записью изображение разбивается на красную (R – red), зеленую (G – green) и синюю (B – blue) составляющие цвета. После отдельной записи этих составляющих на голограмму – на ней виден объект с полной передачей всех цветов и оттенков;

– *кинеграмма*. Вид голограмм с многопозиционными изображениями, создающими оптический эффект движения, который наблюдается при изменении направления освещения и угла зрения;

– *информационная голограмма*. Голограмма, в которую записана информация, невидимая невооруженным глазом (текст, штрих-код и проч.). Для ее считывания используются специальные приборы, как правило, соединенные с персональным компьютером. Такие голограммы называются также машиносчитываемыми. Они применяются в основном на пластиковых карточках, где высокое качество поверхности позволяет получить высокий уровень распознавания изображения;

– *голограмма с машиночитаемыми кодами*. На участке голограммы формируется зона,

которая обладает способностью отражать падающий на нее свет в одном или нескольких заданных направлениях. Комбинируя варианты срабатывания датчиков можно заложить достаточно большое количество двоичных кодов. Для считывания кода используется специальный прибор. Голографическое изображение, или небольшой его участок, освещается лазерным излучением определенной длины волны. По уровню сигнала, поступающего от датчиков, производится расшифровка кода и, например, подтверждение подлинности голограммы;

– *частично деметаллизированная голограмма*. Этот технологический прием позволяет придать краям локальной голограммы или полосы дифракционной фольги ажурный вид. Возможно размещение достаточно мелких текстов. Существует три способа проведения деметаллизации: механический отрыв слоя напыленного металла с помощью клея; удаление металла лазерным лучом; надпечатка маслом (перед процессом напыления металла на пленке маслом печатается какое-либо изображение, а в зоне напыления пары масла препятствуют осаждению металла);

– *голограмма с лазерными метками или скрытыми изображениями, считываемыми специальными лазерами*. В хорошо защищенных голограммах применяются дополнительные защитные элементы в виде скрытых внеплоскостных изображений со специфическими и нестандартными геометрическими характеристиками. Распознавание производится при помощи портативных или стационарных лазерных устройств. В качестве альтернативы (или дополнения) возможно использование магнитных меток внутри материала, считываемых при помощи портативного датчика.

По способу нанесения голограммы на защищенный документ (бумажный либо пластиковый) различают горячую припрессовку и наклеивание, а также различают и два типа голограмм: голограмму-наклейку и голограмму-фольгу горячего тиснения (ФГТ). У наклейки есть клеевой слой с постоянной липкостью, который позволяет наклеить ее в любой момент на изделие, а у ФГТ клеевой слой термоактивируется под действием горячего штампа и лаковый слой с металлизацией приклеивается к бумаге. Наклейка нанесена на антиадгезионную подложку, от которой она легко отлипает, а ФГТ поставляется на тонкой ПЭТ пленке, от которой отделяется при припрессовке.

Горячая припрессовка как способ нанесения голограмм наиболее надежен для защищенных документов на бумажной основе и пластиковых карточек. В этом случае голограммы изготавливаются в виде фольги горячего тиснения, ко-

торая часто используется в полиграфии для отделки золотом корешков и крышек переплетов книг. В состав голографической фольги входит тонкая лавсановая основа толщиной примерно 20 мкм и несколько слоев толщиной не более 5 мкм, несущих изображение OVD. Снаружи она покрывается твердым клеевым составом, размягчающимся при нагревании.

В процессе нанесения голограммы нагретый металлический штамп, располагающийся на специальном устройстве – «позолотном прессе», придавливает фольгу к бумаге. При этом она дополнительно соединяется по краям размягченным клеем. Затем фольга отделяется и на бумаге остается голограмма, удалить которую без разрушения практически невозможно. Этот метод пригоден для защиты бланков строгой отчетности, изготовленных как на бумаге, так и на основе поликарбоната и ПВХ-пластика.

Наклеивание как способ нанесения голограмм на бланк строгой отчетности применяется, если на документ по каким-либо причинам нельзя или нецелесообразно нанести голограмму методом горячего тиснения. Либо голограмма сама по себе представляет бланк строгой отчетности, исполненный в виде наклейки. Особой сферой применения наклеек является защита информационных объектов, в частности компьютеров, и кассовых аппаратов от несанкционированного вскрытия. В данном случае необходимо изготавливать голографические наклейки либо пломбы таким образом, чтобы они разрушались при попытке отделения от объекта защиты.

Практически любая голограмма должна иметь защиту от повторного использования. Для голограммы-наклейки необходимо обратить внимание на предотвращение ее повторного использования. Правильный выбор связующего приводит к саморазрушению (деметаллизации) при попытке ее отрыва от поверхности документа или защищаемого объекта. Наиболее просто это реализуется при использовании в качестве основы эластичной полимерной пленки. При попытке отклеить происходит деформация подложки и, как следствие, разрушение лаковых слоев с микрорельефом.

Другой вариант – слой слабого клея между подложкой и лаковыми слоями с микрорельефом. В результате отклеивания получается чистая подложка и основной клей с лаковыми слоями, которые уже невозможно перенести на другую основу.

Для защиты от вскрытия упаковки применяются голографические наклейки с частичным разрушением. В данном случае уничтожению подлежат небольшие участки голографического изображения, в более или менее явной форме изменяющие внешний вид наклейки.

Существует также деление голограмм на разрушаемые и неразрушаемые. Неразрушаемые голограммы предназначены лишь для идентификации подлинности документа или иного объекта, но не защищают от риска переклейки голограммы на другой документ (объект), поскольку лавсановую основу и лак с нанесенным голографическим рельефом соединяет специальный разделительный слой (релиз-слой). От него зависит, как будет вести себя голограмма при попытке отклеить ее от документа. Если он обеспечивает хорошее сцепление лака с основой, то отклеивание голограммы произойдет по клею, либо она оторвется вместе с частью бумаги-основы документа.

Разрушаемая голограмма чаще всего используется для защиты документа от внесения в него несанкционированных изменений или от переклейки самой голограммы, если она представляет собой защищенный документ (контрольный знак, марку, акциз и проч.). В данном случае разделительный слой специально делают таким, чтобы связь лакового слоя с лавсаном была минимальной. Тогда при попытке отклеивания голограммы лавсановая пленка легко отходит от лакового слоя, который полностью или частично остается на документе или объекте (в случае голограммы как части акцизной марки). Даже если постараться аккуратно приклеить пленку обратно, следы такого разрушения легко видны невооруженным глазом, что свидетельствует о попытке отклеивания.

Существуют так называемые случайно разрушаемые голограммы. При этом релиз-слой может наноситься на всю поверхность пленки, и тогда при отрывании голограммы лаковый слой может полностью или частично остаться на документе, а основа из лавсана отделиться. После такой операции голограмму восстановить уже невозможно, т.к. тонкий лаковый слой без основы не обладает необходимой механической прочностью. Нельзя заранее сказать и в каком месте голограммы начнется разрушение голографического слоя, поэтому такой материал и называется материалом со случайным или полным разрушением (full release).

Если релиз-слой с помощью печатной машины нанести в виде определенного рапортного рисунка, например, шахматной доски или сот, то отделение лака от основы произойдет только в определенных местах. При этом отделившийся слой будет иметь определенный рисунок. Про такие материалы говорят, что они обладают селективным разрушением. Преимуществом их является то, что они хорошо держатся на поверхности за счет неразрушаемой части поверхности и очень легко разрушаются в местах нанесения release-слоя. Кроме того, узор

разрушаемой голограммы служит дополнительным идентификатором ее подлинности.

Если вместо алюминия нанести на голограмму слой прозрачного диэлектрика, то поверхность будет отражать не более 10-20 % падающего света и голограмма будет практически прозрачной, т.е. через нее будет видна поверхность, на которую она наклеена. При освещении же ярким светом легко увидеть голографические эффекты.

Прозрачные голографические материалы используются в тех случаях, когда надо защитить документ таким образом, чтобы не было механического доступа к его поверхности, но, в то же время, можно было легко увидеть информацию на поверхности, например фотоизображение, подписи или оттиски печати.

Прозрачные голографические материалы используются и как обычные самоклеящиеся этикетки (голограммы-наклейки) и в виде прозрачных ламинатов, которые прикрепляются к поверхности бумаги или пластика с помощью горячего ламинирования. Наиболее часто данный вид голографической защиты используется в паспортах, визовых марках, различных идентификационных документах и как самостоятельное средство защиты и как элемент защиты ламинирующих пленок.

Нельзя не отметить и важность свойств клеевого слоя голограммы. Основная функция клеевого слоя – прочно соединять голографическую наклейку с поверхностью, на которую она нанесена. Однако в некоторых случаях к клею могут предъявляться особые требования.

Кроме того и сама голограмма, помимо физических характеристик, может и должна иметь элементы защиты, а именно: микротексты с размером знаков менее 0,1 мм, что недостижимо в обычной полиграфии, различные по сложности гильоши – фоновые, внедренные в какой-нибудь элемент изображения или наложенные на любую часть голограммы, флип-флоп эффект (switch-эффект) – смена одного изображения другим в зависимости от угла зрения, скрытые изображения, контролируемые специальным прибором.

Достаточно часто защитные голограммы имеют нумерацию, в т.ч. и собственную. Нумерация голограмм чаще всего наносится способами термотрансферной печати (номер наносится черной краской с помощью специального термопринтера, аналогичного принтерам для нанесения штрих-кодов) или лазерной гравировки (номер выжигается лазером в отражающем слое голограммы – в этом месте наклейка становится прозрачной, и сквозь номер виден материал,

на который голограмма наклеена, что делает голограмму стойкой к самому эффективному способу подделки – физическому копированию).

При этом следует учитывать, что если номер, нанесенный термопечатью, не очень стоек к физическим и химическим воздействиям (истиранию, действию органических растворителей), но позволяет экономить средства, то лазерная гравировка несколько дороже, но дает полную защиту от копирования голограммы и устойчива к любым воздействиям – ее невозможно изменить или удалить, не повредив саму голограмму. Поэтому термонумерацию имеет смысл использовать в случае отсутствия жестких требований к «живучести» нумерации, а лазерную же нумерацию необходимо применять, когда основными требованиями являются нестираемость номера и высокая надежность защиты голограммы от копирования. Также, поскольку термопринтеры достаточно доступны, то термонумерацию или иную индивидуальную информацию можно непосредственно наносить на уже готовые голограммы в момент оформления документа.

При необходимости как средство защиты и контроля подлинности используется персонализация голограмм, которая заключается в нанесении на изготовленный заранее стандартный голографический фон каких-либо уникальных элементов. Основные способы персонализации – тиснение цветной фольгой (на голограмму припечатывается одноцветное изображение, в отличие от переливающегося фона оно сохраняет цвет при повороте голограммы) и лазерная маркировка (по шаблону выжигается отражающий (блестящий) слой фона, и в этом месте наклейка становится прозрачной – т.е. уникальный элемент будет того цвета, который имеет поверхность, на которую наклеена голограмма).

Все рассмотренные нами средства и методы защиты как самих голограмм, так и их возможности не являются исчерпывающими и вне всяких сомнений будут изменяться и дополняться с развитием голографических технологий. Одно является неизменным – голограммы всегда будут использоваться для защиты от подделки и контроля подлинности документов и круг защищаемых ими объектов со временем будет расширен.

В частности, одними из наиболее вероятных вариантов использования защитных голограмм могут стать: голограмма-наклейка, заменяющая оттиск печати или личную подпись, информационная голограмма с биометрическими данными в качестве визы либо в виде пропуска на особо охраняемые объекты.

Список использованных источников

1. Об утверждении Положения об основных требованиях, предъявляемых к уровню защищенности бланков строгой отчетности, а также специальным материалам для защиты их от подделки: постановление М-ва финансов Респ. Беларусь от 1 марта 2002 г., №29 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – №32. – 8/7851.
2. Ценные бумаги и документы. Термины и определения: СТБ 997-96. – Введ. 01.07.1997. – Минск: Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 1997. – 20 с.
3. Ценные бумаги и документы. Общие требования: СТБ 996-96. – Введ. 01.07.1997. – Минск: Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 1997. – 16 с.
4. Ценные бумаги и документы. Средства и методы защиты. Термины и определения: СТБ 1106-98. – Введ. 01.10.1999. – Минск: Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 1999. – 20 с.
5. О внесении дополнений и изменений в Положение об основных требованиях, предъявляемых к уровню защищенности бланков строгой отчетности, а также специальным материалам для защиты их от подделки: постановление М-ва финансов Респ. Беларусь от 30.08.2010 г., №95 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – 8/22751.

Дата поступления: 02.11.2011

Annotation

The article describes the main types of holograms, used as a means of protecting documents from forgery and as a means to control authentication or access control. Presented by the current state of the regulatory framework of the Republic of Belarus in the field of protection against forgery of documents with a certain degree of protection regarding the use of holograms as a means of protection and technical requirements for them. Also presented the main ways of applying the hologram as a means of protection of document, as well as means of protection and methods to protect holograms depending on their type.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ**ЗАЩИЩЕННОСТЬ ВОДИТЕЛЬСКОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ
НОВОГО ОБРАЗЦА КАК БЛАНКА СТРОГОЙ ОТЧЕТНОСТИ И КАК
ДОКУМЕНТА С ОПРЕДЕЛЕННОЙ СТЕПЕНЬЮ ЗАЩИТЫ ОТ ПОДДЕЛКИ**

Бочарова О.С.
канд. юрид. наук

Рябченко Ю.В.

ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции
Республики Беларусь»

Аннотация

В статье проводится сравнительный анализ реализованных средств защиты в новом белорусском национальном водительском удостоверении с системами защиты аналогичных документов в странах Евросоюза и СНГ, а также с требованиями по защите данного вида документа, изложенными в международных нормативных актах.

Здесь же представлено мнение экспертов по защите от подделки водительского удостоверения нового образца (конца 2010 года) как бланка строгой отчетности и как уже полностью оформленного документа.

Данное мнение базируется на основе анализа законодательства в области защиты от подделки документов с определенной степенью защиты, а также на результатах экспертизы данного бланка и документа, проведенной в ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции Республики Беларусь» и высказанных замечаниях и предложениях.

Республика Беларусь является одной из стран-участниц международной Конвенции о дорожном движении 1968 г. (далее – Конвенция).

Основной целью Конвенции являлось «...Облегчить международное дорожное движение и повысить безопасность на дорогах путем принятия единообразных правил движения...» [1].

«Транспортное средство считается находящимся в «международном движении» по территории какого-либо государства, если оно:

- i) принадлежит физическому или юридическому лицу, имеющему обычное местожительство вне этого государства;
- ii) не зарегистрировано в этом государстве;
- iii) временно ввезено в него» [1].

28 марта 2006 г. вступили в силу принятые ООН поправки к международной Конвенции о дорожном движении 1968 года.

В новой редакции Конвенции был представлен расширенный список требований, призванных упростить условия допуска иностранных граждан одних государств к участию в дорожном движении на территории других государств.

Принятые поправки от 2006 г. предусматривали введение нового образца национального водительского удостоверения для каждой страны-участницы. Исходя из этого, переход на новый образец национального водительского удостоверения в Республике Беларусь, в соответствии с новой редакцией приложения 6 к Конвенции, должен был состояться не позднее чем через пять лет после ее вступления в силу, т.е. до 28 марта 2011 г.

Согласно положениям статьи 41 Конвенции Договаривающиеся стороны обязались признавать любое национальное водительское удостоверение, соответствующее предписаниям приложения 6 к Конвенции [1].

Дополненный текст приложения 6 к Конвенции (*Новое приложение применимо с 29 марта 2011 г.*) содержит рекомендации по внешнему виду и содержанию документа – национального водительского удостоверения. Так, указанные рекомендации определяют:

- материал основы документа (пластик либо бумага);
- размер удостоверения. Предпочтительно, чтобы размеры удостоверения из пластика составляли 54 x 86 мм;
- внешний вид (цветовой тон (предпочтительно розовый), название документа «Водительское удостоверение» на национальном языке, отличительный знак либо название страны, выдавшей удостоверение, номер удостоверения);
- шрифт и места, отведенные для внесения записей, должны определяться национальным законодательством при условии соблюдения положений пунктов 6 (Фотография владельца) и 7 (Подпись владельца);
- язык (текст на национальном языке и/или транслитерация латинскими буквами);
- содержание сведений о водителе (владельце удостоверения);
- категории и подкатегории транспортных средств, на которые распространяется действие удостоверения, должны быть представлены пиктограммами;
- иные дополнительные сведения [1].

При этом отмеченные рекомендации часть сведений устанавливали как обязательные для внесения, а также содержали дополнительные сведения, которые государства могли вносить руководствуясь национальным законодательством.

Национальным законодательством на удостоверении может предусматриваться также место для хранения информации, вводимой электронным образом.

Указаний о принятии мер к защите от подделок документа – национального водительского удостоверения – в положениях Конвенции не содержится.

В Европейском Союзе (ЕС) с целью ратификации международной Конвенции была принята директива 2006/126/ЕС Европейского Парламента и Совета от 20 декабря 2006. Данная директива предусматривала «...устранить существующие различия в правилах, установленных на территории Государств-членов и установить единообразный образец национального водительского удостоверения...» [2].

В директиве отмечалось значение правил о водительских правах как «...существенные элементы общей транспортной политики, способствующие улучшению дорожной безопасности, и облегчающие свободное движение людей...» [2].

Принимая условия Конвенции, директива устанавливала единую модель национальных водительских удостоверений стран ЕС и вносила свои рекомендации по их внешнему виду, содержанию сведений и системе защиты.

В директиве указано, что «...Государства-члены должны предпринять все необходимые шаги, чтобы избежать любого риска подделки водительских удостоверений, включая водительские удостоверения, выпущенные перед вступлением в силу этой директивы...» [2].

Особое внимание в директиве отводится защите национального водительского удостоверения как документа от различного рода подделок в целом, кроме того отдельное внимание уделено защите как на уровне материалов, так и на уровне реквизитов данного документа.

Так директива определила возможные способы фальсификации водительского удостоверения, а именно [2]:

- полная подделка – производство полностью поддельных бланков водительских удостоверений в виде нового объекта (пластиковой карты), который имеет большое сходство с оригинальным документом, либо возможности дублирования оригинала документа;
- частичная подделка водительского удостоверения путем внесения изменений в персональные данные оригинального документа.

Директива отмечала необходимость создания системы защиты документа, состоящей из защиты бланка документа от отмеченных выше видов подделок, как на уровне материалов основы и полиграфического оформления, так и на уровне реквизитов документа, включая защиту персонализированных данных. С этой целью положения директивы устанавливали минимальные обязательные требования о применении следующих средств защиты документа [2]:

1) использование в качестве основы бланка водительского удостоверения материала, не обладающего выраженной собственной люминесценцией в УФ-лучах;

2) применение в дизайне полиграфического оформления документа элементов защиты, препятствующих сканированию и копированию, а именно:

- использование радужной печати – ирисового раската красок;
- использование многоцветной печати защитными красками;
- использование позитивных и негативных гильоширных изображений;
- не использование цветов из системы CMYK, поскольку используемые цвета должны препятствовать цветodelению;
- выбор не менее двух специальных составных цветов;
- использование микротекстов;

3) использование специальных средств защиты от фальсификации фотографии, а именно оптикопеременных красок и частичное нанесе-

ние в зоне выполнения фотографии защитной фоновой сетки;

4) использование лазерной гравировки для внесения персональных данных и, как вариант, дублирования фотографии.

Кроме того, для защиты водительских удостоверений должно быть использовано не менее трех из следующих средств защиты (дополнительные средства защиты):

- цветопеременные краски *;
- термохромные (термопеременные) краски*;
- индивидуальные* голограммы;
- использование лазерных изображений*;
- флуоресцентные ультрафиолетовые чернила для печати видимых и «невидимых» изображений;
- радужная печать;
- цифровые водяные знаки в фоновом режиме;
- ИК-краски или фосфоресцирующие краски;
- тактильно определяемые символы *.

Государства-члены имеют право устанавливать и собственные дополнительные средства защиты. При этом, средства защиты, отмеченные звездочкой, предпочтительнее, поскольку они позволяют сотрудникам правоохранительных органов любых государств производить проверку действия карты без каких-либо специальных средств.

Для защиты бланка национального водительского удостоверения от полной подделки рекомендовалось применение как обязательных к использованию средств защиты, так и дополнительных средств защиты (на усмотрение отдельных государств ЕС) [2].

Материалом-основой для изготовления бланков национальных водительских удостоверений стран ЕС директива устанавливала пластиковую карточку из поликарбоната, изготовленную в соответствии с международными стандартами (ISO 7810 (Карты идентификационные. Физические характеристики) и ISO 7816 (Идентификационные карты. Карты с микросхемой с контактами) [2].

Материал (пластиковая карточка из поликарбоната) для изготовления бланков национальных водительских удостоверений стран ЕС выбирался с учетом его долговечности по сравнению с другими материалами основы, поскольку срок службы поликарбоната превышает 10 лет. Также поликарбонат позволяет использовать более широкий спектр средств защиты от подделки как бланка документа, так и всего документа в целом, включая защиту персонализированных данных.

С целью реализации использования более широкого спектра средств защиты от подделки бланков национальных водительских удостове-

рений стран ЕС предусматривалось их изготовление, в том числе и внесение персонализированных данных о владельце документа, в едином эмиссионном центре каждого государства. Выбор единого эмиссионного центра обуславливался, прежде всего, высокой ценой на производственное оборудование.

Другим существенным обстоятельством применения пластиковой карты как основы документа являлось изготовление и использование в перспективе пластиковой карточки с контактным и (или) бесконтактным чипом (ISO 7816. Идентификационные карты. Карты с микросхемой с контактами). При этом в чипе могла содержаться более полная информация о ее владельце (домашний адрес, номер страховки, группа крови, иные медицинские данные и т.д.), включая закодированные данные, доступные отдельным службам (полиция, страховая организация, медицинские службы и т.д.).

В целях обеспечения международных обязательств Российской Федерации, связанных с вступлением в силу 28 марта 2006 г. поправок к Конвенции о дорожном движении 1968 г., касающихся требований к национальному водительскому удостоверению, – был издан приказ Министерства внутренних дел РФ от 13 мая 2009 г. №365 «О введении в действие водительского удостоверения» [3]. Указанный документ содержал описание бланка водительского удостоверения, заимствованного по образцу стран Евросоюза, и устанавливалась его степень защищенности (группа Б).

В Республике Беларусь решением Постоянной комиссии по обеспечению безопасности дорожного движения при Совете Министров Беларуси было принято решение об изготовлении бланка национального водительского удостоверения по образцу этого документа в Евросоюзе.

В нашей стране, в соответствии с «Основными требованиями к государственным знакам, бланкам ценных бумаг и документов с определенной степенью защиты, а также средствам их защиты», утвержденными Комитетом государственных знаков при Министерстве финансов Республики Беларусь 18 ноября 1996 г., бланк водительского удостоверения был отнесен к документам группы Б [4].

С введением в действие изменений и дополнений в Положение об основных требованиях, предъявляемых к уровню защищенности бланков строгой отчетности, а также специальным материалам для защиты их от подделки [5; 6], бланк водительского удостоверения нового образца, изготовленный на пластиковой основе, отнесен к документам группы Бб – «идентификационные документы, в том числе электронные, с контактным и (или) бесконтактным

чипом: водительские удостоверения, национальные карты, карты малого приграничного движения и т.п.».

Минимальные требования к уровню защиты бланков строгой отчетности (в ред. постановления Минфина от 30.08.2010 г. №95) [6] определяют перечень средств и количество элементов защиты, предусмотренных для документов группы Б6, включая обязательные, а именно:

- специальные включения – 1*;
- специальные свойства покрытий – 1*;
- изображения со специальными эффектами (голограммы) – 1*;
- способ печати – 3 (обязательный);
- защитная краска – 2 (обязательный);
- фоновая сетка – 2 (обязательный);
- фоновая сетка типа «аура»*;
- фоновая сетка с модуляцией толщины линий*;
- гильоширные элементы – 2*;
- антикопировальный растр – 1 (обязательный);
- латентное (скрытое) изображение – 1 (обязательный);
- микротекст – 3 (обязательный);
- графические ловушки – 7 (обязательный);
- нумерация – 2 (обязательный);
- специальные растровые элементы – 2*.

Цифры в позициях обозначают минимальное необходимое и достаточное количество элементов или средств защиты, предусмотренное для документов конкретных групп. При этом средства защиты, отмеченные звездочкой, могут быть взаимно заменены на каждом из уровней защиты (технологический, полиграфический, физико-химический) в процессе предварительной криминалистической экспертизы. Усиление же системы защиты путем количественного увеличения тех или иных элементов защиты не требует назначения дополнительных криминалистических исследований [5].

В силу принятых поправок и возникла необходимость в изготовлении нового образца водительского удостоверения в виде пластиковой карты, используя возможности предприятий Республики Беларусь, имеющих лицензию на изготовление защищенных документов, в частности НТУП «Крипототех».

Изготовление рассматриваемого документа – национального водительского удостоверения Республики Беларусь нового образца – осуществляется в несколько этапов:

- изготовление защищенного бланка документа;
- внесение персонализированных данных;
- нанесение специального пленочного покрытия (ламината) для защиты персонализированных данных.

Для изготовления бланка документа по согласованию с МВД Республики Беларусь была выбрана пластиковая основа из поликарбоната, спеченного в монолитную структуру, которая после заполнения документа (внесения информации о владельце) соединяется в единый блок термическим способом и покрывается с обеих сторон защитной пленкой горячего ламинирования с голографическими элементами защиты в виде стилизованных графических изображений и текста.

По мнению авторов, при принятии в нашей стране за образец водительского удостоверения по примеру Евросоюза, необходимо было учесть следующее.

Пластиковая карточка из поликарбоната дает возможность использования максимально широкого спектра средств защиты, таких, например, как перфорация и лазерное гравирование, позволяющие дублировать нумерацию, дополнительно выполнять категорию транспортного средства, фото и персональные данные владельца документа.

Указанные способы защиты дают возможность максимально надежно защитить персональные данные от несанкционированного внесения изменений в документ. А в случае внесения этих изменений, дают возможность лицу, не обладающему специальными познаниями, оперативно установить факт подделки.

Также необходимо было учесть, что при выборе пластика, как материала основы документа, в перспективе предполагалось использование контактных и (или) бесконтактных чипов, содержащих дополнительную информацию о владельце.

В Республике Беларусь разработчиками не в полной мере были учтены вышеуказанные широкие возможности поликарбоната как основы документа. Разработчики ограничились лишь защитой документа от полной подделки и, по мнению авторов, недостаточно внимания уделили защите документа от частичной подделки.

Поэтому в настоящее время недостаточная защита от частичной подделки документа позволяет вносить в бланк национального водительского удостоверения любые изменения, при этом маскируя следы этих воздействий.

В целом, по мнению авторов, при разработке и изготовлении самого бланка документа изготовитель учел необходимые минимальные требования группы Б6 (за исключением одного обязательного элемента – дублирование нумерации бланка) и изготовил бланк защищенным только от полной подделки, исключаяющей его полное воспроизведение и копирование.

По результатам предварительной экспертизы защищенности от подделки бланков ценных бу-

маг и документов с определенной степенью защиты, изготовление которых не допускается без предварительной экспертизы их защищенности от подделки, проведенной в декабре 2010 г. в ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции Республики Беларусь», в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 декабря 2001 г. №1846, экспертом был сделан следующий вывод:

«...Бланк «Водительское удостоверение» (пластиковая карта) МВД Республики Беларусь недостаточно защищен от частичной подделки.

Персонализированный выбранным способом документ «Водительское удостоверение» (пластиковая карта) МВД Республики Беларусь недостаточно защищен от подделки.

Оперативный контроль подлинности данного персонализированного документа крайне затруднен...» [7].

Также было установлено, что изображения и текстовая информация не устойчивы к физическому и химическому воздействию, что позволяет вносить любые изменения в персональную информацию. При этом следы указанных воздействий удаляются или маскируются (скрываются) шлифованием пластиковой карты, при этом не осуществляется воздействия на элементы оформления документа, выполненные типографским способом [7].

Появление любого нового вида документа, отражающего потребность в фиксации отношений в обществе, притягивает внимание криминальных структур. Его подделка или имитация в последующем может стать источником значительной части преступных действий.

Также следует учесть и возможность использования белорусского национального водительского удостоверения за рубежом, где ни оперативный контроль подлинности этого документа, ни возможность считывания закодированной информации будут просто невозможны.

Государство должно обеспечить координацию, правовое регулирование и контроль над изготовлением и обращением защищенных документов, оперативное реагирование на появление подделок, информационное и техническое обеспечение всех уровней разработки, производства и контроля подлинности ценных бумаг и документов со специальной защитой от подделки.

По мнению авторов, необходимо безотлагательное внесение дополнительных предложений по обеспечению должной защиты и обеспечения оперативного контроля подлинности данного документа. В качестве рекомендаций можно привести следующие:

- выполнять персонализацию с использованием метода гравирования, поскольку поликарбонатная основа документа не только позволяет использовать данный способ персонализации, но и изначально, исходя из своих свойств, предполагает предпочтительное использование данного метода;

- выполнять двойную (дублирующую) нумерацию методом гравирования по поликарбонату;

- выполнять дополнительное фотоизображение методом гравирования, либо методом лазерной перфорации;

- использовать более сложную графику для голографического и текстового изображения защитной ламинирующей пленки;

- выполнять дополнительное «невидимое» фотоизображение владельца красящим веществом со специальными свойствами (видимое в УФ-лучах);

- нанесение голографического изображения на собственно поликарбонатную основу документа;

- использовать цветопеременную (ОВИ) краску для печати отдельных элементов защиты, в т.ч. и на ламинирующей пленке;

- использовать ламинирующую пленку, разрушающуюся при попытке отделения.

Применение хотя бы трех из предложенных выше рекомендаций позволит повысить уровень защищенности национального водительского удостоверения, а также продемонстрирует возможности предприятий Республики Беларусь по изготовлению защищенных документов до того момента, пока основным информационным и защитным средством документа из пластика станет контактный или бесконтактный микрочип.

Также, считаем необходимым на этапе разработки такого рода защищенных документов и выбора средств и методов защиты использовать специальные знания и практический опыт экспертов по техническому исследованию документов Министерства юстиции и МВД Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Конвенция о дорожном движении. Вена. 8 ноября 1968 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://6pl.ru/asmap/convODD.htm>. – Дата доступа: 25.10.2011.
2. DIRECTIVE 2006/126/EC OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 20 December 2006 on driving licences (Recast) (Text with EEA relevance) // Official Journal of the European Union 30.12.2006 (1) OJ C 112, 30.4.2004.
3. О введении в действие водительского удостоверения: приказ М-ва внутренних дел РФ от 13 мая 2009 г., №365 // Рос. газета. – 2009. – №132.
4. Основные требования к государственным знакам, бланкам ценных бумаг и документов с определенной степенью защиты, а также средствам их защиты, утв. Комитетом гос. знаков при М-ве финансов Респ. Беларусь 18 ноября 1996 г.
5. Об утверждении Положения об основных требованиях, предъявляемых к уровню защищенности бланков строгой отчетности, а также специальным материалам для защиты их от подделки: постановление М-ва финансов Респ. Беларусь от 1 марта 2002 г., №29 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – №32. – 8/7851.
6. О внесении дополнений и изменений в Положение об основных требованиях, предъявляемых к уровню защищенности бланков строгой отчетности, а также специальным материалам для защиты их от подделки: постановление М-ва финансов Респ. Беларусь от 30.08.2010 г., №95 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – 8/22751.
7. Заключение предварительной экспертизы защищенности от подделки, проведенной в декабре 2010 г. в ГУ «ЦСЭИК Министерства юстиции Республики Беларусь».

Дата поступления: 27.10.2011

Annotation

The article presents a comparative analysis of the means of protection in the new Belarusian national driver's license with the protection system of similar documents in the EU and the CIS, as well as with the requirements for the protection of forgeries of this type of document, set in international regulations.

It also provided expert opinion to protect against counterfeiting driver's license of a new sample (late 2010) as a form of strict accountability, and as an executed document.

This view is based on the analysis of legislation in the field of protection against forgery of documents with a certain degree of protection, as well as on the results of the expertise of this document held in the «Centre of forensic expertise and criminalistics of the Ministry of Justice of the Republic of Belarus» with the comments and suggestions.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ДОГОВОР КАК ОБЪЕКТ
ИССЛЕДОВАНИЯ СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ****Светличная Т.А.****Станкевич А.А.****Шумак Г.А.**

канд.юрид.наук, доцент

ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции
Республики Беларусь»**Аннотация**

В настоящей статье рассматриваются вопросы использования для целей судебно-экономической экспертизы мало изученного в ее теории объекта – гражданско-правового (хозяйственного) договора. Авторами проведен экономико-правовой анализ накопленных знаний о договоре как объекте судебно-экономической экспертизы и его использовании при экспертном исследовании. Приведены обоснования отнесения договора к объектам судебно-экономической экспертизы, в том числе к основным.

Изменение правовых и экономических условий хозяйствования и обусловленное ими изменение видов экономических правонарушений влечет появление новых или изменение существовавших ранее объектов исследования судебно-экономической экспертизы, как непосредственных, так и материальных носителей о них.

В рыночных условиях хозяйствования одним из новых объектов исследования судебно-экономической экспертизы, в отношении которого перед судебным экспертом-экономистом нередко ставятся вопросы, является гражданско-правовой договор субъекта хозяйствования (далее – договор). Его новизна имеет относительный характер, поскольку в специальной литературе советского периода он упоминается в составе объектов судебных экономических экспертиз –

судебной экономической экспертизы хозяйственной деятельности, планово-экономической (судебной планово-экономической) экспертизы [1, с.106; 2, с. 31–33, 35, 133, 135, 136, 139–141]. В современной литературе договор называется в составе объектов судебно-экономической, судебной финансово-экономической, судебно-бухгалтерской экспертиз [3–10]. В литературе по судебно-экономической экспертизе, как советского периода, так и современной, вопросы методик исследования договора не рассматриваются. В ней в аспекте исследования договора экспертом-экономистом рассматриваются, как правило, вопросы компетенции последнего.

Так, в специальной литературе конца советского периода [2, с. 31–33, 35, 133, 135, 136, 139–141] отмечается, что при переходе к рыночной экономике предметом экономических экспертиз, наряду с установлением фактических данных о совершении отдельных хозяйственных операций и выполнении отдельных экономических показателей, является установление фактических данных о выполнении отдельных договоров. При этом авторами договор отнесен к объектам судебной планово-экономической экспертизы (необходимо отметить, что в юридической литературе [11] применительно к плановой экономике отличительным и особо выделяемым признаком хозяйственных договоров являлся их плановый характер). Авторами, исходя из предлагаемых ими этапов планово-экономической деятельности предприятия, включающей разработку плановых заданий; выполнение плановых заданий и представление отчетности об их выполнении; кон-

троль за планово-экономической деятельностью, задачи планово-экономической экспертизы разделяются на 3 группы:

- в составе первой группы названа, в частности, задача по установлению соответствия плановых заданий (показателей) договорам;

- в составе второй – в частности, задача по установлению выполнения договора, в том числе объема производства продукции основной номенклатуры и ассортимента согласно договорам на поставку продукции;

- в составе третьей – в частности, установление нарушений, допущенных при планировании, выполнении планов и составлении отчетности о выполнении договорных обязательств.

Отдельными современными авторами [7, с. 139–140, 147–150] в числе задач, решаемых судебно-экономической экспертизой при исследовании договоров, называются: подтверждение документально достоверности формирования договорной цены; установление рациональности условий заключенного договора, согласованных форм расчетов; установление соответствия содержания договора экономическому смыслу совершенных фактов хозяйственной деятельности; подтверждение документально правильности осуществляемых расчетов между сторонами договора.

Другими авторами [6, с. 174–178] рассматриваются комплексно проблемы компетенции экспертов-экономистов при решении вопросов по делам, связанным с возмещением убытков, причиненных неисполнением договорных обязательств. В частности, ими предлагается и обосновывается установление пределов компетенции экспертов-экономистов при решении вопросов по таким делам осуществить в структуре элементов состава правонарушения; по каждой группе состава правонарушения называются задачи, которые могут решаться судебным экспертом-экономистом. Например, по мнению этих авторов:

- при решении вопросов, связанных с установлением факта наступления имущественного ущерба или упущенной выгоды от невыполнения договорных обязательств, эксперт-экономист определяет лишь экономическую сторону убытков – размер потерь потерпевшей стороны независимо от оснований их возникновения; при определении размера потерь эксперт-экономист устанавливает характер последствий неисполнения договорного обязательства;

- при установлении противоправности поведения определенного лица специальные знания экспертов-экономистов могут использоваться для документального подтверждения фактов неисполнения или ненадлежащего исполнения определенным лицом договора. Экспертам-

экономистам могут быть поставлены вопросы о документальном подтверждении исполнения обязательства: а) надлежащему лицу; б) надлежащим лицом; в) надлежащим предметом; г) в надлежащем месте; д) в надлежащие сроки;

- участие экспертов-экономистов в выявлении причинной связи между противоправным поведением лица и убытками, возникшими у потерпевшего от неисполнения договорных обязательств, состоит в установлении на основании исследования представленных документов, что: а) неисполнение договора предшествовало во времени возникновению убытков у потерпевшего; б) другие события, с которыми может быть связано наступление убытков, не происходили;

- участие экспертов-экономистов в установлении вины лица в наступлении убытков от неисполнения договорных обязательств состоит в установлении при исследовании представленных документов, что: а) санкционирование или выполнение операций, которые были осуществлены с нарушением договора, относилось к компетенции определенного лица; б) операции, совершенные с нарушением договора, были санкционированы или выполнены определенным лицом.

Кроме того, по мнению указанной группы авторов, по рассматриваемой ими категории дел эксперти-экономисту может быть поручено установление, подтверждается ли документально: а) осуществление кредитором определенных мероприятий, направленных на уменьшение ожидаемых убытков; б) осуществление кредитором определенных действий, которые оказывают содействие увеличению размера вреда.

В то же время, по мнению ряда современных авторов, договор объектом судебно-бухгалтерской, судебно-экономической экспертиз не является. При этом одной группой авторов [12, с. 13] это объясняется тем, что договор представляет собой намерение сторон совершить какую-либо сделку (факт хозяйственной деятельности), но не ее осуществление, а не установление наличия договора в документах организации свидетельствует только об отсутствии документа-основания совершения этого факта. Другой группой авторов [13, с. 141, 149–150] одной из причин, по которым договор к объектам судебно-экономической экспертизы они не относят, называется возможное заведомое искажение намерений в письменной форме договора, влекущее выводы оперативных работников о не отражении в бухгалтерском учете гражданско-правовых сделок и возбуждение уголовного дела. По их мнению, в таких случаях выводы судебно-экономической экспертизы не соответствуют результатам оперативных и налоговых проверок, что осложняет предва-

рительное расследование и судебное разбирательство из-за возникших противоречий между доказательствами.

Вместе с тем, как представляется авторам настоящей статьи, договор должен являться объектом судебно-экономической экспертизы по следующим основаниям.

Первое. Исходя из положений Теории судебной экспертизы [14, с. 84], предмет судебно-экономической экспертизы можно определить как факты, устанавливаемые экспертом-экономистом при исследовании содержащих экономически значимую информацию документов, которые свидетельствуют о наличии (отсутствии) обстоятельств, относящихся к предмету доказывания по уголовному или гражданскому делу, делу об административном правонарушении, хозяйственному спору. Известно, что экономически значимая информация образуется в процессе осуществления экономической деятельности (экономических отношений и управления ею, которые выполняются посредством экономических функций планирования, учета, анализа, контроля [15, с.25; 16, п.10; 17, группы 2411, 2441]. Поскольку любая информация подлежит документированию ее обладателем в соответствии с требованиями делопроизводства, установленными законодательством Республики Беларусь [18, статьи 1, 19; 19, п.3], объектами судебно-экономических экспертиз являются документы, отражающие осуществление экономической деятельности, а также ее планирование, учет, анализ, контроль [2, с.32; 16, п.10]. В Перечень типовых документов юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, образующихся при документировании управленческих функций, в частности, по финансам, бухгалтерскому учету и отчетности, внешнеэкономической деятельности, входит договор [20, статьи 74, 120, 121, 147, 184, 240, 301].

Второе. Анализ положений Гражданского кодекса Республики Беларусь, в котором закреплены нормы гражданского права и теории права [21–23] и который регулирует основные виды экономических отношений, показывает, что договор имеет особое значение для целей осуществления экономической деятельности (экономических отношений) и функций управления ею, т.е. для планирования, учета, анализа, контроля.

Так, согласно ст. 7 ГК Республики Беларусь [21] договоры и иные сделки являются одним из видов юридических фактов – обстоятельств, с которыми нормы гражданского права связывают возникновение, изменение и прекращение гражданских правоотношений, т.е. и прав и обязанностей субъектов хозяйствования. При этом договор является наиболее распространенным юридическим актом.

В соответствии с Гражданским правом [22, с. 36] гражданское правоотношение является юридической формой определенных экономических отношений, характеризующей единство правовой формы и экономического содержания. Возникновение правоотношения не поглощает экономической сущности правовых связей: именно при реализации правоотношения удовлетворяются экономические и другие интересы тех субъектов, которые вступают в конкретную правовую связь.

Общая теория государства и права [23, с. 440] определяет правовые отношения как юридическую форму общественных отношений, представляющую собой возникновение на основе правовых норм и определенных жизненных обстоятельств связи конкретных субъектов права, обладающих взаимными субъективными правами и обязанностями, гарантированными государством. При этом подчеркивается, что различные общественные отношения, будучи урегулированными правом, приобретают правовую форму; но объективно формирующиеся в обществе отношения, прежде всего экономические, будучи урегулированными правом, при всех обстоятельствах сохраняют свой объективный характер [23, с. 439–440].

Согласно Общей теории государства и права [23, с. 442] правоотношения имеют свою особую структуру, включающую ее обязательные элементы: субъекты правоотношения; субъективные права и обязанности сторон правоотношения; объекты правоотношения; фактическое (реальное) поведение субъектов правоотношения.

Анализируя структурные элементы правоотношения в контексте существующей в теории правоотношения проблемы его содержания, авторы Общей теории государства и права [23, с. 456] приходят к выводу, что субъективные права и обязанности лишь предполагают возможность или необходимость определенного поведения. Они представляют собой юридическую форму правоотношения, которая должна быть наполнена реальным содержанием. Таким реальным содержанием может быть только фактическое взаимодействие, взаимообусловленное поведение участников правоотношений, т.е. их деятельность, осуществляемая в соответствии с имеющимися у них взаимными субъективными правами и обязанностями [23, с. 456]. Как отмечают авторы [23, с. 457], исходя из вывода, что субъективные права и обязанности составляют юридическую форму правоотношения – его внешнее выражение, а реальное поведение сторон – его содержание, становятся понятными и объяснимыми возможные противоречия между субъективными правами и обязанностями участников правоотношения и их фактиче-

ским поведением. Также становится понятным, почему могут быть фиктивные правоотношения (фиктивные договоры дарения, купли-продажи и др.). По их мнению, именно при такой оценке соотношения содержания и формы правоотношения возможно теоретическое обоснование борьбы с фиктивными сделками, причиняющими вред обществу [23, с. 456–457].

Фактическое (реальное) поведение субъектов правоотношения как их деятельность, осуществляемая в соответствии с имеющимися у них взаимными субъективными правами и обязанностями [23, с. 456], – является предметом бухгалтерского учета. В соответствии со ст. 9 Закона Республики Беларусь «О бухгалтерском учете и отчетности» [24] каждый факт этой деятельности подтверждается первичным учетным документом, имеющим юридическую силу. Счета бухгалтерского учета, перечень которых установлен Типовым планом [25], предназначены для отражения только свершившихся фактов хозяйственной жизни [26, с. 7].

Из приведенных положений Гражданского права и Общей теории государства и права, а также Закона №3321-ХІІ [22–24] следует, что использование договора для целей судебно-экономической экспертизы позволяет выявить соответствие (не соответствие) фактического поведения сторон договора его экономическому содержанию.

Кроме того, приведенные положения теории права о форме правоотношения и его содержании опровергают мнение той группы авторов [13, с. 141, 149–150], которые не признание договора объектом судебно-экономической экспертизы объясняют тем, что не соответствие действительных отношений партнеров письменной форме договора влечет не соответствие выводов судебно-экономической экспертизы результатам оперативных и налоговых проверок.

Третье. Анализ нормативных правовых актов в сфере бухгалтерского учета показывает, что договор имеет особое значение для целей его ведения, поскольку совершение и документальное оформление ряда операций с активами; признание доходов и определение сумм доходов от реализации по видам деятельности и операционных, внереализационных доходов и расходов; формирование сумм дебиторской задолженности; совершение и документальное оформление операций с обязательствами осуществляются на основании договора и в соответствии с его условиями.

Так, п. 47 Инструкции №127 [27] определено, что на основании договора и оформленных в установленном законодательством порядке документов совершается выбытие объектов основных средств вследствие продажи, обмена, внесения в качестве вклада в уставный

фонд и в других случаях, установленных законодательством. Пунктом 64 Инструкции №133 [28] установлено, что на основании договоров или других документов и разрешения руководителя организации или уполномоченных лиц оформляется реализация материалов путем составления товарно-транспортной или товарной накладной. Данной Инструкцией [28] также со ссылкой на условия договора установлены, в частности, правила учета:

- сумм требований к поставщикам при излишней оплате, произведенной в связи с несоответствием цен, указанных в сопроводительных документах, ценам, предусмотренным в договоре (завышение цен) (п.33);

- полученной возвратной тары у поставщика при возникновении разницы между ее фактической себестоимостью и ее стоимостью, указанной в договоре (п.94);

- затрат покупателя по ремонту залоговой тары, полученной от поставщиков, если в соответствии с условиями договора ее ремонт производится покупателем (п.98).

В соответствии с п.п. 3, 5, 15, 18 Инструкции №181 [29] наличие договора или иного документа, предусмотренного законодательством, предоставляющего организации право на получение доходов по видам деятельности (выручки от реализации) и операционных доходов, является одним из трех названных в ней обязательных условий признания их в бухгалтерском учете. Указанная Инструкция [29] определяет: выручка от реализации – денежные средства либо иное имущество в денежном выражении, полученные или подлежащие получению в результате реализации товаров, готовой продукции, работ, услуг по ценам, тарифам в соответствии с договором (п.2); операционные доходы – доходы от отдельных операций, не относящихся к видам деятельности организации, состав которых приведен в Инструкции №89 (комментарий к счету 91 «Операционные доходы и расходы») (п.9). Согласно Инструкции №89 (комментарий к счету 91 «Операционные доходы и расходы») [30] к операционным доходам относятся, в частности, доходы от продажи основных средств. Пунктом 23 Инструкции №118 [31] определено, что в сумме на основании договора и документов, оформленных в установленном законодательством порядке, принимается к бухгалтерскому учету выручка от реализации при выбытии основных средств в результате продажи.

Согласно п.п. 116, 117 Инструкции №133 [28] сформированные поставщиком суммы дебиторской задолженности, в случаях оплаты покупателем сверх договорной цены продукции (товара) стоимости тары и работ по транспортировке и погрузке продукции (товара), включа-

ют, наряду со стоимостью продукции (товара) по ценам реализации, стоимость тары и работ по транспортировке и погрузке продукции (товара).

В соответствии с п. 19 Инструкции №181 [29] и Инструкцией №89 (комментарий к счету 92 «Внереализационные доходы и расходы») [30] за нарушение условий договоров штрафы, пени, неустойки, полученные, присужденные судом или признанные организацией-должником, являются внереализационными доходами. Согласно п. 21 Инструкции №182 [32] и Инструкции №89 (комментарий к счету 92 «Внереализационные доходы и расходы») [30] за нарушение условий договоров штрафы, пени, неустойки, уплаченные или признанные организацией к уплате, являются внереализационными расходами. Инструкции №181 (п.12) [29] и №182 (п.13) [32] определяют внереализационные доходы как доходы от операций, непосредственно не связанных с производственной деятельностью организации; внереализационные расходы – убытки и потери по операциям, не связанным с производственной деятельностью организации, и тем операциям, которые не приводят к появлению в будущем экономических выгод организации.

Из п. 62 Инструкции №180 [33] следует, что проверка наличия документов, подтверждающих основание для начисления и списания соответствующих сумм, и правильности расчетов является содержанием инвентаризации обязательств. Закон №3321-ХІІ (ст. 2) [24] определяет обязательства как задолженность организации, которая возникает в результате хозяйственных операций, совершенных до отчетной даты, и погашение которой приведет к уменьшению активов или увеличению капитала. Согласно Закону №3321-ХІІ (ст. 11) [24] обязательства принимаются на бухгалтерский учет на основании сумм, указанных в договорах, исполнительных документах или иных документах. Данным Законом (ст.ст. 2, 9) [24] установлено, что основание совершения хозяйственной операции является одним из обязательных реквизитов первичного учетного документа.

Из Инструкции №89 (раздел «Забалансовые счета») [30] следует, что для целей бухгалтерского учета договор является не только основанием совершения хозяйственной операции, но и основанием ее отражения на балансовых либо на забалансовых счетах. Последние служат для обобщения информации о наличии и движении ценностей, не принадлежащих предприятию, но временно находящихся в его пользовании или распоряжении либо на хранении, условных прав и обязательств, а также для контроля отдельных хозяйственных операций. Согласно данной Инструкции (раздел «Забалансовые счета») [30] бухгалтерский учет

на забалансовых счетах осуществляется, в частности, в случае:

- поступления арендатору основных средств, если по условиям договора аренды имущество должно учитываться на балансе арендодателя;
- передачи арендодателем основных средств, если по условиям договора аренды имущество должно учитываться на балансе арендатора (нанимателя);
- получения пользователем права на использование нематериальных активов на основании лицензионных и иных аналогичных договоров;
- поступления и движения запасов, в оплате которых отказано в результате нарушения договорных обязательств (несоответствие ассортимента, качеству, срокам поставки запасов, техническим условиям и т.п.), а также запасов, которые согласно договору запрещено использовать до уплаты их стоимости;
- поступления в переработку и использования (возврата) давальческого сырья, не оплачиваемого организацией-изготовителем;
- поступления и реализации (возврата) запасов на основании договора комиссии, консигнации и других подобных договоров;
- получения гарантий в обеспечение выполнения обязательств и платежей, а также обеспечений, полученных под товары, переданные другим организациям (лицам);
- выдачи гарантий в обеспечение выполнения обязательств и платежей.

Названные активы и обязательства учитываются на соответствующих забалансовых счетах в оценке или по ценам либо в сумме, указанной в договорах, и исходя из условий договоров.

Из приведенных положений нормативных правовых актов о применении договора для целей бухгалтерского учета следует, что хотя договор документом, подтверждающим осуществление факта хозяйственной деятельности, не является:

- отсутствие в документах субъекта хозяйствования договора, указанного в первичном учетном документе в качестве основания совершения отраженной в нем хозяйственной операции, может являться причиной дачи судебным экспертом-экономистом условного ответа на вопрос;
- не указание в первичном учетном документе договора, как основания совершения хозяйственной операции, может являться причиной составления судебным экспертом-экономистом сообщения о невозможности дачи заключения;
- не соответствие в первичном учетном документе сведений условиям договора, указанного в этом документе в качестве основания совершения отраженной в нем хозяйственной операции, может свидетельствовать о не соответствии действительных отношений партнеров письменной форме договора.

Кроме того, приведенные положения нормативных правовых актов о применении договора для целей бухгалтерского учета опровергают мнение авторов: как той группы, которые не признают договор объектом судебно-бухгалтерской экспертизы объясняют тем, что договор представляет собой намерение сторон совершить какую-либо сделку (факт хозяйственной деятельности), но не ее осуществление [12, с. 13]; так и той группы, которые не признают договор объектом судебно-экономической экспертизы объясняют тем, что не соответствие действительных отношений партнеров письменной форме договора влечет не соответствие выводов судебно-экономической экспертизы результатам оперативных и налоговых проверок [13, с. 141, 149–150].

Четвертое. В современной юридической литературе, как и в литературе советского периода, в аспекте хозяйственного договора, как разновидности гражданско-правовой сделки, рассматриваются, хотя и дискуссионные, положения о его плановости [34; 35]. Так, по мнению одних авторов [34, раздел 4.1], хозяйственный договор выступает в качестве средства планирования — на основе заключаемых договоров формируется производственная программа предприятия, разрабатываются бизнес-планы и инвестиционные планы; договор выполняет также функцию оценки результатов хозяйственной деятельности. По мнению других [35], плановый характер хозяйственного договора в современных условиях трактуется следующим образом: заключение хозяйственного договора есть следствие реализации определенных запланированных мероприятий, в т.ч. на основании бизнес-планов при осуществлении предпринимательской деятельности. При этом бизнес-планирование обязательно для применения либо в зависимости от субъектного состава, либо в зависимости от осуществляемых видов деятельности [36, п.п.1, 2; 37, п.п.1, 4].

Таким образом, проведенный анализ специальной литературы и нормативных правовых актов показывает, что не отнесение отдельными авторами договора к объектам судебно-экономической экспертизы обоснованным не является.

Использование договоров для целей судебно-экономической экспертизы в специальной литературе подробно не рассматривается. Отдельными авторами [7, с. 125–147] договор упоминается при решении в рамках судебно-бухгалтерской экспертизы вопросов установления правильности:

- формирования первоначальной стоимости объекта основных средств при его поступлении исходя из договорной цены;
- формирования стоимости объекта основных средств при его выбытии и отражения на счетах бухгалтерского учета исходя из направлений

его выбытия по условиям договора (продажа, безвозмездная передача, в качестве вклада в уставный фонд, в совместную деятельность и др.);

- отражения на счетах бухгалтерского учета балансовых либо забалансовых основных средств и запасов исходя из вида и условий договора (получение либо передача в аренду основных средств или их купля-продажа; поступление давальческого сырья либо купля-продажа или оставление на хранении материальных ценностей и др.);

- определения величин и отражения на счетах бухгалтерского учета сумм, уплаченных или полученных за нарушение договорных обязательств, исходя из условий договоров;

- определения величин и отражения на счетах бухгалтерского учета сумм дебиторской и кредиторской задолженности исходя из наличия договоров и их условий.

При этом, как указанными авторами [7, с. 125–126], так и некоторыми другими [3, с. 31], договор относится к вспомогательным (промежуточным, дополнительным) объектам судебно-экономической экспертизы. По принятой в судебно-экономической экспертизе исторически классификации ее объектов на основные и вспомогательные [2, с. 32–35; 38, с. 7; 39, с. 194]:

- к вспомогательным объектам или иным материалам дела относятся, как правило, материалы проверки (ревизии), заключения экспертов, протоколы допросов свидетелей, подозреваемых, обвиняемых, неофициальная документация и др.;

- к основным объектам относятся документы, отражающие осуществление субъектом хозяйствования экономической деятельности и управление ею, составленные с применением методов соответствующих для каждого рода данного класса судебной экспертизы базовых наук экономического профиля. В указанных объектах содержатся данные, являющиеся непосредственными объектами судебно-экономических экспертиз.

Из приведенной классификации объектов судебно-экономической экспертизы следует, что в ее основание положены критерии места и метода (формы и содержания) составления документов.

Договор как документ, содержащий экономическую информацию, образуется в процессе управления субъектом хозяйствования экономической деятельностью (экономическими отношениями). То есть, исходя из места составления и содержания, он является основным объектом судебно-экономической экспертизы. Кроме того, хотя в формировании условий договора участвуют специалисты субъекта хозяйствования, осуществляющие различные функции управления [16, п.10], а договор подписывает руководитель

субъекта хозяйствования либо уполномоченное им лицо, каждый из специалистов подтверждает указанные им в проекте договора данные своей подписью (визой) [19, п.п.3, 61]. То есть, исходя из формы составления, в части экономической информации договор также является основным объектом судебно-экономической экспертизы.

Таким образом, проведенный анализ специальной литературы и нормативных правовых актов показывает, что отнесение вышеназванными авторами договора к вспомогательным объек-

там судебно-экономической экспертизы обособленным не является.

Проведенное исследование вопросов использования для целей судебно-экономической экспертизы гражданско-правового договора позволяет авторам настоящей статьи сделать вывод о том, что договор является объектом судебно-экономической экспертизы и относится к ее основным объектам. Это требует разработки теоретико-методических основ его экспертного исследования.

Список использованных источников

1. Классификация судебных экспертиз и типизация их задач (Материалы к Ученому совету). – М.: ВНИИСЭ, 1977. – 134 с.
2. Пошюнас, П.З. Судебная ревизия и судебно-экономические экспертизы / П.З. Пошюнас. – Вильнюс: Минтис, 1990. – 232 с.
3. Богомолов, А.М. Судебная финансово-экономическая экспертиза по делам о незаконном получении кредита и банкротстве / А.М. Богомолов. – М.: ПРИОР, 2002. – 176 с.
4. Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: науч. изд. / под общ. ред. канд.хим.наук Т.П. Москвиной. – М.: АНТИДОР, 2004. – 482 с.
5. Рудницький, В.С. Судово-бухгалтерська експертиза економічних правопорушень (опорний конспект): навч. посібник / В.С. Рудницький, Р.Ф. Бруханський, П.Я. Хомин. – К.: ВД «Професіонал», 2004. – 304 с.
6. Педь, И.В. Пределы компетенции судебных экспертов-экономистов при решении вопросов определения убытков, причиненных правонарушениями / И.В. Педь, Ю.М. Лысенков / Криминалистика и судебная экспертиза: междувед. науч.-метод. сб. – Киев, 2004. – Вып. 52. – С. 173–178.
7. Савин, А.А. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учеб. пособие / А.А. Савин, А.А. Савин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Вузовский учебник, 2009. – 263 с.
8. Сорокотягина, Д.А. Теория судебной экспертизы: учеб. пособие / Д.А. Сорокотягина, И.Н. Сорокотягин. – Ростов н/Д: Феникс, 2009. – 440 с. – (Библиотека студента).
9. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учеб. пособие для студентов вузов / Е.Р. Россинская [и др.]; под ред. Е.Р. Россинской, Н.Д. Эриашвили. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – 383 с.
10. Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и практика: науч.-практ. пособие / под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Изд-во Юрайт; ИД Юрайт, 2010. – 535 с. – (Настольная книга специалиста).
11. Прохоров, А.Я. Хозяйственный договор и его роль в условиях рыночных отношений / А.Я. Прохоров // Промышленно-торговое право. – 2004. – №03 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронные ресурсы] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
12. Кеворкова, Ж.А. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учеб. пособие / Ж.А. Кеворкова, А.А. Савин. – М.: Вузовский учебник, 2007. – 129 с.
13. Дмитриенко, Т.М. Судебная (правовая) бухгалтерия: учебник / Т.М. Дмитриенко, С.Г. Чаадаев. – М.: ПРОСПЕКТ, 1999. – 336 с.
14. Россинская, Е.Р. Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зимин; под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Норма, 2009. – 384 с.
15. Шеремет, А.Д. Теория экономического анализа: учебник / А.Д. Шеремет. – 2-е изд., доп. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 367 с. – (Высшее образование).
16. Рекомендации по разработке примерных структур и штатных нормативов численности работников аппарата управления коммерческих организаций государственной формы собственности и организаций с долей собственности государства в их уставных фондах более 50 процентов, утв. постановлением М-ва труда и соц. защиты Респ. Беларусь от 09.03.2004 г. №25 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
17. Общегосударственный классификатор Республики Беларусь ОКРБ 014-2007 «Занятия», утв. постановлением М-ва труда и соц. защиты Респ. Беларусь 30.10.2007 г. №139 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
18. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Респ. Беларусь от 10.11.2008 г., №455-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
19. Инструкция по делопроизводству в государственных органах и организациях Республики Беларусь, утв. постановлением М-ва юстиции Респ. Беларусь от 19.01.2009 г., №4 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.

20. Перечень типовых документов органов государственной власти и управления, организаций Республики Беларусь, индивидуальных предпринимателей по организации системы управления, ценообразованию, финансам, страхованию, управлению государственным имуществом, приватизации, внешнеэкономическим связям с указанием сроков хранения: приложение к постановлению Гос. комитета по архивам и делопроизводству Респ. Беларусь от 06.08.2001, №38 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
21. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 г., №218-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
22. Гражданское право: учебник для вузов. Часть первая / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Т.И. Илларионовой, канд. юрид. наук, доц. Б.М. Гонгало и канд. юрид. наук, доц. В.А. Плетнева. – М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА М., 1998. – 464 с.
23. *Вишневский, А. Ф.* Общая теория государства и права: учеб. пособие / А. Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский; под общ. ред. проф. В.А. Кучинского. – 2-е изд., доп. – Минск: Амалфея, 2004. – 688 с.
24. О бухгалтерском учете и отчетности: Закон Респ. Беларусь от 18.10.1994 г., №3321-XII // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
25. Типовой план счетов бухгалтерского учета, утв. постановлением М-ва финансов Респ. Беларусь 30.05.2004 г., №89 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
26. *Крупнова, А.В.* Типовой план счетов 2004 года / А.В. Крупнова // Вестн. М-ва по налогам и сборам Респ. Беларусь. – 2003. – № 34. – С. 6–12.
27. Инструкция об отражении в бухгалтерском учете хозяйственных операций с основными средствами, утв. постановлением М-ва финансов Респ. Беларусь 20.12.2001 г., №127 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
28. Инструкция по бухгалтерскому учету запасов, утв. постановлением М-ва финансов Респ. Беларусь 12.11.2010 г., №133 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
29. Инструкция по бухгалтерскому учету «Доходы организации», утв. постановлением М-ва финансов Респ. Беларусь 26.12.2003 г., №181 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
30. Инструкция по применению Типового плана счетов бухгалтерского учета, утв. постановлением М-ва финансов Респ. Беларусь 30.05.2004 г., №89 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
31. Инструкция по бухгалтерскому учету основных средств, утв. постановлением М-ва финансов Респ. Беларусь 12.12.2001 г., №118 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
32. Инструкция по бухгалтерскому учету «Расходы организации», утв. постановлением М-ва финансов Респ. Беларусь 26.12.2003 г., №182 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
33. Инструкция по инвентаризации активов и обязательств, утв. постановлением М-ва финансов Респ. Беларусь 30.11.2007 г., №180 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
34. Хозяйственное право: Общая часть: пособие / А.В. Жук [и др.]. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
35. *Бакиновская, О.А.* К вопросу о понятии и признаках хозяйственного договора / О.А. Бакиновская, Ю.А. Амельчяна // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
36. О создании дополнительных условий для инвестиционной деятельности в Республике Беларусь: Декрет Президента Респ. Беларусь 06.08.2009 г., №10 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
37. Положение о разработке, утверждении, экспертизе, согласовании и реализации прогнозов развития коммерческих организаций на пять лет, бизнес-планов их развития на год, бизнес-планов инвестиционных проектов, утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь 08.08.2005 г., №873 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. Версия 4000.00.52 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
38. Актуальные вопросы судебно-бухгалтерской экспертизы: сб. науч. тр. – М.: ВНИИСЭ, 1978. – Вып. 34. – 100 с.
39. Современные возможности судебных экспертиз: метод. пособие для экспертов, следователей и судей. – М., 2000.

Дата поступления: 14.10.2011

Annotation

The present article discusses the problems, connected with the use of such a theoretically little-studied – a civil (economic) contract – for the purposes of forensic economic examination.

The authors have carried out an economic and legal analysis of the accumulated knowledge about the contract as an object of forensic economic examination and its use in the expert study. The substantiation of the contract to be referred to the objects, including, to those core, of forensic economic examination is done.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ**СИСТЕМНОСТЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ – КАТЕГОРИЧЕСКИЙ
ИМПЕРАТИВ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОГО ПОЗНАНИЯ**

Бордюгов Л.Г.
канд. юрид. наук

Донецкий научно-исследовательский
институт судебных экспертиз
Министерства юстиции Украины

Аннотация

В работе рассмотрены вопросы, характеризующие процесс судебно-экспертного познания, как специальную познавательную процедуру. Показано, что процесс исследования, как центральное звено судебно-экспертного познания, немислим без использования специальных знаний. Существенным признаком специальных знаний является их системность.

Познание – это творческая деятельность субъекта, ориентированная на получение достоверных знаний о мире [1, с. 795].

Готтлоб Фреге определял познание «как деятельность, которая не создает познаваемого, а лишь схватывает существующее» [2, с. 30].

Выдающийся немецкий философ Генрих Рикерт писал, что познание не может быть воспроизведением или отражением объектов, «оно есть скорее преобразующее... их понимание» [3, с. 139]... «всякое познание есть скорее продукт преобразующего понимания действительности» [3, с. 169].

Вопросы теории познания рассматривались многими зарубежными и отечественными философами [4–9].

Природу познания, его возможности, отношение знания к реальности изучает гносеология или теория познания.

Теория познания изучает всеобщее в познавательной деятельности человека безотносительно к тому, какова сама эта деятельность: повседневная или специализированная, профессиональная [10, с. 202].

В данной работе нас будет интересовать такая специфическая профессиональная деятельность, как судебно-экспертная. А следовательно, будут интересовать вопросы судебно-экспертного познания, которые недостаточно освещались в судебной экспертологии.

По своей сущности судебно-экспертное познание есть разновидность познания конкретного факта. Оно основано на тех же принципах, что и любой другой вид познания в ходе расследования и судебного рассмотрения дела. Вместе с тем, оно отличается не только своей процессуальной формой, но и, что не менее важно, средствами и методами [11, с. 5].

Следует отметить, что судебно-экспертное познание подобно научному познанию, хотя и не идентично с ним, поскольку научное познание рассматривается как общественно-исторический процесс и является предметом исследования гносеологии. Судебно-экспертное же познание должно рассматриваться как субъективный процесс, как деятельность по исследованию определенных объектов судебной экспертизы, что является предметом методологии судебной экспертизы.

Судебно-экспертное познание, будучи профессиональным видом деятельности, осуществляется по определенным научным канонам, в нем используются специальные методы исследования, а также оценивается качество получаемых результатов

на основе принятых научных критериев. Процесс судебно-экспертного познания включает в себя: объект (объект исследования), субъект (судебный эксперт), метод исследования (используемые на основе специальных знаний экспертные методики), результат (заключение судебного эксперта). Если говорить о структуре судебно-экспертного познания, то оно состоит из таких основных элементов: специальные знания – исследование – вывод.

Несмотря на индивидуальность и специфику решения экспертных задач, можно назвать некоторые общие правила, лежащие в основе исследовательского процесса и составляющие сущность метода Декарта для получения нового знания:

- ничего не принимать за истинное, что не представляется ясным и отчетливым;
- трудные вопросы делить на столько частей, сколько нужно для их разрешения; начинать исследование с самых простых и удобных для познания вещей и восходить постепенно к познанию трудных и сложных;
- останавливаться на всех подробностях, на все обращать внимание, чтобы быть уверенным, что ничего не опущено [12, с. 57].

Не вызывает сомнения тот факт, что судебно-экспертная деятельность реализуется через процесс судебно-экспертного познания.

Важнейшим принципом любого познания, в том числе и судебно-экспертного, является принцип системности знания. Системность выступает, с одной стороны, как фактор интеграции судебно-экспертного знания, а с другой стороны – как категорический императив судебно-экспертного познания.

Системные представления и методологические средства отвечают потребностям современного качественного анализа, раскрывают закономерности интеграции, участвуют в построении многоуровневой и многомерной картины действительности. Они играют существенную роль в синтезе и систематизировании научных знаний [13, с. 57].

Судебно-экспертное познание характеризуется двумя аспектами: прежде всего своей процессуальной регламентацией, и тем, что оно присуще специальному субъекту – судебному эксперту, т.е. лицу, которое обладает специальными знаниями.

Понятие «специальные знания» довольно широко исследовалось в юридической литературе. Одним из первых и наиболее часто цитируемых является определение, данное А.А. Эйсманом, который утверждал, что специальные – «это знания не общеизвестные, не общедоступные, не имеющие массового распространения, короче, это знания, которыми

располагает ограниченный круг специалистов» [14, с. 91].

Существуют и другие менее или более развернутые определения понятия специальных знаний. Так, например, Ю.Г. Корухов относит к специальным знаниям их совокупность в определенной области науки, техники или искусства, применяемых в целях доказывания [15, с. 17–18].

Е.Р. Россинская под термином специальные знания понимает «систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем прохождения специальной подготовки или профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе ... судопроизводства» [16, с. 7].

Авторы учебного пособия «Судебная экспертиза» Д.А. Сорокотягина и И.Н. Сорокотягин считают, что «специальные знания – это системно-структурная характеристика теоретических знаний и практических навыков, умений, в области конкретной науки, техники, искусства и ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта, не являющимися общедоступными и общеизвестными и применяемые в порядке, установленном законом» [17, с. 61].

Г.И. Грамович утверждает, что «...специальными в уголовно-процессуальном значении будут систематизированные научные знания, умения и навыки в определенной области человеческой деятельности (исключая знания в области материального и процессуального права), полученные в результате целенаправленной профессиональной подготовки и опыта работы, которые используются в целях собирания доказательственной и ориентирующей информации о преступном деянии, а также способствуют разработке технических средств и приемов работы с доказательственными и установления существенных обстоятельств, имеющих значение для дела» [18, с. 12].

Из этих определений видно, что многие ученые, говоря о специальных знаниях, обращают внимание на их системность. Таким образом, существенным признаком специальных знаний является их системность, т.е. такая совокупность знаний, приведенных в определенный порядок на основании определенных теоретических принципов, которая объединяет отдельные разрозненные знания в целостную органичную систему.

Процесс судебно-экспертного познания в самом общем виде представляет собой решение различного рода задач, возникающих в ходе расследования и рассмотрения судами уголовных, гражданских, административных и хозяйствен-

ных дел. Решение возникающих при этом проблем достигается путем использования особых приемов, способов (методов), позволяющих перейти от того, что уже известно, к новому знанию. Такая система приемов (способов) обычно и называется методом.

Ю.Г. Плесовских совершенно справедливо проводит аналогию между процессом судебно-экспертного познания и методологией судебно-экспертного исследования. При этом он утверждает, что методология судебно-экспертного исследования содержит знания о том:

- какие методы (приемы, способы) научного познания надлежит использовать в познании объектов экспертного исследования;
- какими приемами, способами познания следует проводить ту или иную исследовательскую процедуру;
- каково содержание конкретных методов (приемов, способов), используемых для познания объектов экспертного исследования;
- каким образом взаимосвязаны методы в процессе познания объектов экспертного исследования [19, с. 79].

Таким образом, судебно-экспертное познание представляет собой специальную познавательную процедуру, которая на основании использования специальных знаний направлена, во-первых, на исследование объекта судебной экспертизы, во-вторых, на составление соответствующего документа – заключения судебного эксперта.

Заключение судебного эксперта дает возможность устанавливать факты, которые были неизвестны суду, следователю и эксперту до проведения экспертизы, то есть устанавливает новые факты, новые знания об объекте исследования.

Процесс исследования, как центральное звено экспертного познания, немислим без осмысления сути явлений и процессов. Мышление является высшим познавательным процессом. Оно представляет собой порождение нового знания, активную форму творческого отражения и преобразования человеком действительности. Мышление порождает такой результат, какого ни в самой действительности, ни у субъекта познания на данный момент времени не существует [20, с. 43]. Мышление – это особого рода теоретическая и практическая деятельность, предполагающая систему включенных в нее действий и операций ориентировочно-исследовательского, преобразовательного и познавательного характера [21, с. 275]. Мышление индивидуально, но на его характер существенный отпечаток накладывает та деятельность, в которой оно проявляется, состав понятий, которыми оно оперирует.

В наше время общенаучным стилем мышления многие исследователи называют системный стиль мышления [22–24]. Особенности системного мышления в судебно-экспертном познании проявляются в умении структурировать информацию об объекте судебной экспертизы как о системе, о его внешних и внутренних связях, будущем состоянии.

Под системным мышлением понимается мышление, учитывающее все положения системного подхода. Основная идея системного подхода заключается в том, что части следует рассматривать в неразрывном единстве с целым, но так, чтобы целостность при этом не нарушалась и части продолжали бы составлять систему.

При системном подходе к решению экспертной задачи системный анализ играет роль инструмента, с помощью которого:

- объект экспертизы представляется в качестве системы;
- объект экспертизы моделируется как система, что позволяет в полной мере выявить и оценить его качества и свойства;
- объект экспертизы исследуется как система с целью оценки его качеств и свойств при изменении состояния, а также анализа его влияния на окружающую среду.

Все сказанное выше позволяет сделать следующий вывод: решение экспертной задачи системным методом предполагает, что судебный эксперт пользуется системным анализом, руководствуясь при этом основными принципами и положениями системного подхода [25, с. 15].

Судебно-экспертному исследованию присуща постоянная методологическая рефлексия, т.е. исследование объектов экспертизы, выявление их специфики, свойств и связей всегда сопровождается не только наличием необходимых экспертных методик, но и их совершенствованием, а также осознанием методов и приемов, которые используются в данных методиках, и посредством которых исследуются объекты судебной экспертизы.

Основная цель судебно-экспертного исследования, а следовательно, и судебно-экспертного познания – «служить средством установления фактов, подлежащих доказыванию» [26, с. 6] по уголовному, гражданскому, административному или хозяйственному делу. Это достигается преимущественно рациональными средствами и методами, но, разумеется, не без участия живого созерцания и внерациональных средств. Отсюда характерная черта судебно-экспертного познания (что является также принципом судебно-экспертной деятельности) – объективность, т.е. устранение не присущих предмету исследования субъективистских мо-

ментов для реализации «чистоты» его рассмотрения.

В специальной литературе встречается утверждение, что результат познания зависит от познающего субъекта (в данном случае судебного эксперта), «от состояния его органов чувств (зрение, осязание, обоняние, слух), от его внимательности, опыта, знаний, владения техническими приемами исследования, умения логично мыслить, овладения научной методологией экспертного познания и других качеств. Иногда вывод зависит даже от концепции, которой придерживается эксперт в том или ином спорном либо недостаточно ясном вопросе» [27, с. 9]. Однако это утверждение является спорным, поскольку результат судебно-экспертного познания (вывод судебного эксперта) должен базироваться на объективном исследовании

и не должен зависеть от состояния органов чувств познающего субъекта (судебного эксперта) или же от концепции, которой он придерживается в спорных либо недостаточно ясных вопросах, поскольку в противном случае выводы разных судебных экспертов при исследовании одного и того же объекта могут быть противоречивыми, что в принципе недопустимо.

Таким образом, методология судебно-экспертного исследования как процесса судебно-экспертного познания, специальные знания, которые применяются при производстве судебных экспертиз, образуют целостную систему, направленную на расширение возможностей экспертных исследований, повышение доказательственного значения экспертных выводов и в конечном итоге на установление истины по делу.

Список использованных источников

1. Всемирная энциклопедия: Философия / Гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.
2. Фреге, Г. Логика и логическая семантика: сб. тр. / Г.Фреге; Пер. с нем. Б.В. Бирюкова; под ред. А. Кузичевой: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.
3. Рикерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г.Рикерт / Сост. А. П. Полякова, М. М. Беляева; пер. с нем. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
4. Найссер, У. Познание и реальность / У. Найссер / Вступ. ст. и общ. ред. Б.М. Величковского; пер. с англ. В.В. Лучкова. – М.: Прогресс, 1981. – 232 с.
5. Рейтман, У.Р. Познание и мышление. Моделирование на уровне информационных процессов / У.Р. Рейтман / Под ред. А.В. Напалкова; пер. с англ. – М.: Мир, 1968. – 400 с.
6. Николис, Г. Познание сложного. Введение / Г. Николис, И. Пригожин; пер. с англ. – М.: Мир, 1990. – 344 с.
7. Лекторский, В.А. Субъект, объект, познание / В.А. Лекторский. – М.: Наука, 1980. – 358 с.
8. Баксанский, О.Е. Когнитивные науки: от познания к действию / О.Е. Баксанский, Е.Н. Кучер. – М.: КомКнига, 2005. – 184 с.
9. Микешина, Л.А. Философия познания. Полемиические главы / Л.А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.
10. Алексеев, П.В. Философия: учебник / П. В. Алексеев, А.В. Панин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 608 с. – (Классический университетский учебник).
11. Новые информационные технологии в судебной экспертизе: учеб. пособие / Э.В. Сысоев [и др.]. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. – 84 с.
12. Карпенков, С.Х. Концепции современного естествознания: учебник для вузов / С.Х. Карпенков. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 2003. – 488 с.
13. Пушкарева, Е.А. Философское фундаментальное знание в системе современного образования / Е.А. Пушкарева // Философия образования. – 2008. – №3 (24) – С. 55–61.
14. Эйсман, А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование / А.А. Эйсман. – М.: Юрид. лит., 1967. – 152 с.
15. Корухов, Ю.Г. Правовые основания применения научно-технических средств при расследовании преступлений: лекция для студентов ВЮЗИ / Ю.Г. Корухов. – М.: Юрид. лит., 1974. – 28 с.
16. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. – М.: Норма, 2005. – 656 с.
17. Сорокотягина, Д.А. Судебная экспертиза: учеб. пособие / Д.А. Сорокотягина, И.Н. Сорокотягин. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 336 с.
18. Грамович, Г.И. Тактика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений: учеб. пособие / Г.И. Грамович. – Минск: Минс. высш. шк. МВД СССР, 1987. – 66 с.
19. Плесовских, Ю.Г. Судебно-экспертное исследование: методология, методика, метод / Ю.Г. Плесовских // Известия ИГЭА. – 2005. – № 3–4 (44–45). – С. 77–79.
20. Ширяева, В.А. Новая образовательная область знания как ресурс развития мышления / В.А. Ширяева. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – 232 с.

21. *Немов, Р.С.* Психология: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн. / Р.С. Немов. – 4-е изд. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – Кн. 1: Общие основы психологии. – 688 с.
22. *Новик, И.Б.* Вопросы стиля мышления в естествознании / И.Б. Новик. – М.: Политиздат, 1975. – 144 с.
23. *Решетова, З.А.* Формирование системного мышления в обучении: учеб. пособие для вузов / З.А. Решетова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 344 с.
24. *Гараедаги, Д.* Системное мышление. Как управлять хаосом и сложными процессами. Платформа для моделирования архитектуры бизнеса / Д. Гараедаги. – Минск: «Гревцов Паблішер», 2007. – 480 с.
25. *Берг, Л.В.* Системный метод решения проблем / Л.В. Берг. – Краснодар: Центр переподготовки и повышения квалификации кадров, 1996. – 68 с.
26. *Шляхов, А.Р.* Задачи судебной экспертизы / А.Р. Шляхов // Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР: сб. науч. тр. – М.: ВНИИСЭ, 1980. – Вып.42. – С. 3–26.
27. *Вермель, И.Г.* Вопросы теории судебно-медицинского заключения / И.Г. Вермель. – М.: Медицина, 1979. – 128 с.

Дата поступления: 29.09.2011

Annotation

In work questions which characterize process of judicial-expert knowledge, as special informative procedure are considered. It is shown that research process as the central link of judicial-expert knowledge, it is inconceivable without use of special knowledge. An essential sign of special knowledge is their system.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ ВЫПОЛНЕНИЯ РЕКВИЗИТОВ ДОКУМЕНТА, НАНЕСЕННЫХ ПРИ ПОМОЩИ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ И МАТЕРИАЛОВ ПИСЬМА

Тихонова В.И.

Захарова Т.А.

Одесский НИИ судебных экспертиз

186

Аннотация

В статье рассмотрены проблемные вопросы, возникающие при установлении последовательности нанесения реквизитов документов, выполненных при помощи современных средств и материалов письма, и даны предложения по этим вопросам.

На разрешение судебно-технической экспертизы документов (СТЭД) очень часто ставятся вопросы об установлении давности выполнения документов. В СТЭД решаются задачи, связанные с определением абсолютной и относительной давности изготовления документа. Однако, определить абсолютную давность изготовления документа не всегда удастся, поэтому в экспертной практике чаще всего решаются вопросы об установлении относительной давности изготовления документа. При определении относительной давности преимущественно устанавливается хронологическая последовательность нанесения пересекающихся штрихов. Таким исследованием определяется, изготовлен документ на заранее заготовленном бланке (чистом листе бумаги) с имеющимся оттиском печати, подписью или же все части документа выполнены в принятой последовательности.

Возможность решения этого вопроса обусловлена наличием хотя бы одного пересечения штрихов сопоставляемых записей, текста и подписи, текста и оттиска печати, а также чувствительностью методов исследования. При изучении пересекающихся штрихов учитываются их свойства: цвет, оттенок, микроструктура, рельефность, способность к влажному копированию, люминесценции, а также наличие посторонних включений. Имеющаяся методика установления хронологической последовательности нанесения пересекающихся штрихов основана на установлении взаиморасположения штрихов на этих участках и предполагает применение комплекса методов исследования [1; 2].

В настоящее время появились новые средства и материалы письма, которые не приведены в имеющейся методике и исследование которых имеет свои особенности.

В данной статье рассматриваются проблемные вопросы по установлению последовательности выполнения в документах печатного текста, нанесенного электрофотографическим способом при помощи лазерного принтера, и оттиска печати, подписи при наличии или отсутствии участков их взаимного пересечения.

В Одесском НИИСЭ проведен ряд экспериментов по установлению последовательности нанесения пересекающихся штрихов, выполненных разными средствами и материалами письма.

Изучая участки пересечения штрихов печатного текста, выполненного электрофотографическим способом при помощи лазерного принтера, и оттисков печати, подписи с целью установления последовательности их нанесения, установлено, что наиболее эффективным и дающим результаты является метод влажного копирования на отфиксированную фотобумагу, увлажненную водно-спиртовым раствором, с последующим изучением откопированных штрихов при помощи прибора «Regula» и программы «VScore» в красной и ближней инфракрасной зонах спектра. При применении данного метода штрихи тонера не копируются и в местах пересечения штрихов имеются четкие перерывы либо штрихов печатного текста, либо штрихов подписи, оттиска печати, что позволяет прийти к определенному выводу.

По мнению авторов, является нецелесообразным применение метода копирования штрихов на ПВХ-пленку, смоченную ацетоном, дихлорэтаном и т.п., в случае решения (не решения) вопроса о последовательности выполнения текста при помощи лазерного принтера и подписи (нанесения оттиска печати) методом влажного копирования на отфиксированную фотобумагу, увлажненную водно-спиртовым раствором, поскольку последующее применение метода копирования штрихов на ПВХ-пленку, смоченную ацетоном и т.п., приводит не только к повреждению документа, но и к неправильным выводам (имеющаяся методика предполагает применение всех методов исследования).

Для установления последовательности нанесения пересекающихся штрихов печатных текстов, выполненных при помощи лазерных принтеров и подписей, оттисков печатей экспертами применяется метод механического удаления тонера с поверхности бумаги путем разрыхления тонера тонкой иглой с последующим снятием его с целью изучения поверхности бумаги под штрихами. Если на поверхности бумаги после снятия тонера остаются штрихи оттиска или подписи, делается вывод о том, что текст нанесен поверх оттиска печати, подписи; если же на поверхности бумаги эти штрихи отсутствуют (снимаются вместе с тонером), делается вывод о том, что оттиск печати, подпись выполнены поверх печатного текста. Применение такого метода возможно после фиксации участков пересечения штрихов и только при наличии нескольких участков их пересечения. Затруднено решение вопроса о последовательности нанесения пересекающихся штрихов печатных текстов, выполненных при помощи лазерных принтеров и слабоокрашенных оттисков печатей, нанесенных клише, изготовленным фотополимерным способом, либо подписи, выпол-

ненной пастой для шариковых ручек, т.е. когда красящее вещество оттиска, подписи на участках пересечения со штрихами печатного текста располагается на поверхности бумаги с просветами.

Экспериментальными исследованиями выявлена временная зависимость нанесения тонера и мастики на поверхность бумаги, которая отобразилась на результатах копирования участков пересечения штрихов, нанесенных при помощи лазерного принтера и оттиска печати. При нанесении оттиска печати на печатный текст по истечении 5 минут после печати при влажном копировании на отфиксированную фотобумагу штрихи тонера не откопировались, а штрихи оттиска печати прерывались; при нанесении оттиска на печатный текст через 20 минут после печати текста – штрихи тонера не откопировались, а штрихи оттиска были непрерывными (лазерный принтер – копир «HP Color Laserjet CP 1215», штемпельная краска «trodal 9051»), что, по мнению авторов, может быть связано с временными химическими преобразованиями тонера и штемпельной краски в местах их наложения. Для решения данного вопроса необходимо комплексное исследование экспертами по СТЭД и экспертами-химиками состава тонера разных марок, штемпельной краски и результатов копирования в местах их пересечения в зависимости от времени нанесения.

Спорным является решение вопроса о том, что выполнено первоначально – печатный текст или подпись в том случае, если подпись пересекается только с одной печатной строкой, например: «директор ...», расположенной значительно ниже основного текста, а с основным текстом не пересекается. Возможно ли по результатам пересечения штрихов одной печатной строки и подписи делать вывод о последовательности выполнения всего печатного текста документа и подписи в том случае, когда основной текст и строка выполнены при помощи одного типа принтера, а установить допечатку невозможно. Как показывает экспертная практика, положительное решение такого вопроса очень часто приводит к вызовам в суд и назначению повторной экспертизы.

С осторожностью необходимо подходить к решению вопроса о последовательности нанесения пересекающихся штрихов в том случае, если штрих печатного текста пересекается только на одном незначительном участке со штрихом подписи, выполненным пастой для шариковых ручек, оттиска печати, нанесенного клише, изготовленным фотополимерным способом, т.е. со штрихами, в которых красящее вещество распределяется с просветами.

Все чаще на экспертизу поступают документы, в которых отсутствуют участки пере-

сечения штрихов печатного текста, подписи, оттиска печати. Это можно объяснить тем, что методики, применяемые экспертами МЮ Украины, не имеют грифа «Для служебного пользования». Поэтому, изучение этих методик недобросовестными пользователями позволяет подделывать документы таким способом, чтобы невозможно было решить вопрос о последовательности выполнения реквизитов документов (нет участков пересечения их штрихов).

При отсутствии участков пересечения штрихов экспертами могут решаться вопросы о последовательности выполнения реквизитов документов в том случае, когда печатный текст выполнен при помощи лазерного принтера, а подпись – пастами для шариковых ручек синефиолетового цвета и чернилами для гелевых ручек синего цвета. Для решения таких вопросов применяется метод, изложенный в статье «Установление последовательности выполнения в документах реквизитов при отсутствии участков их пересечения» [3]. Данный метод базируется на том, что микрочастицы тонера, расположенные поверх рукописных штрихов, сохраняют свой первоначальный вид, либо имеют вид выпуклых объемных зерен разной формы черного цвета с глянцевым блеском, либо слегка приплюснутых объемных частиц разной формы серо-черного цвета с блеском. Микрочастицы тонера, расположенные под рукописными штрихами, имеют вид плоских пятен разных форм и размеров, имеющих серо-черный ореол и радужный (от желтого до темно-розового) блеск. Интенсивность блеска и цветовой оттенок микрочастиц зависят от вида и цвета материала письма, которым выполнен рукописный штрих. Поверхность микрочастиц тонера плоская в результате раздавливания пишущим узлом стержня в процессе выполнения штрихов.

Описанный метод не позволяет решать задачу по установлению последовательности нанесения текста, выполненного при помощи лазерного принтера, и нанесения оттисков печати (штампа, факсимиле) штемпельными красками. Это обусловлено тем, что при нанесении оттисков отсутствует локальное давление на штрихи (как при выполнении шариковым пишущим узлом).

Исходя из изложенного, предлагается:

- при решении вопроса о последовательности нанесения пересекающихся штрихов текста, выполненного при помощи лазерного принтера, и оттиска печати, подписи применять, как наиболее эффективный и дающий результаты, метод влажного копирования на отфиксированную фотобумагу, увлажненную водно-спиртовым раствором, с изучением откопировавшихся штрихов в красной и ближней инфракрасной зонах спектра; последующее применение метода копирования штрихов на ПВХ-пленку, смоченную ацетоном, диметилформамидом, циклогексаном нецелесообразно;

- применять такой метод, как механическое удаление тонера с поверхности бумаги с целью изучения наличия (отсутствия) штрихов подписи, оттиска печати (штампа, факсимиле) на поверхности бумаги под штрихами, только после фиксирования участков пересечения штрихов и при наличии нескольких участков их пересечения;

- продолжить исследования с целью установления результатов копирования штрихов, нанесенных при помощи лазерного принтера, и оттиска печати в зависимости от времени нанесения тонера и мастики на поверхность бумаги и от их состава;

- продолжить исследование реквизитов документов, не имеющих участков взаимного пересечения, в целях определения последовательности их выполнения.

Список использованных источников

1. Гусев, А.А. Установление хронологической последовательности выполнения пересекающихся штрихов / А.А. Гусев // Судебно-техническая экспертиза документов. – М., 1973. – Вып.5. – С. 57–77.
2. Фурлетов, В.И. Установление относительной давности выполнения записей в документах / В.И. Фурлетов // Судебно-техническая экспертиза документов. Особенная часть. – М., 1993. – Вып. 3. – С. 51–90.
3. Торопова, М.В. Установление последовательности выполнения в документах реквизитов при отсутствии участков их пересечения / М.В. Торопова // Теория и практика судебной экспертизы. – М., 2006. – №1. – С. 125–127.

Дата поступления: 20.09.2011

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

ПИСЬМО КАК ОБЪЕКТ ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ

Эйдельман А.Б.
Государственная служба
медицинских судебных экспертиз

Развитие и современное состояние исследования нарушений письма при психических расстройствах

Письмо является сложной психической деятельностью, включающей как познавательные, речевые, двигательные, так и эмоциональные процессы. Механизм письменной деятельности целесообразно изучать через исследование письма больных различными психическими расстройствами, так как эти расстройства проявляются в нарушениях всех этих процессов: познавательных, речевых, двигательных и эмоциональных. Уже первые попытки наблюдения за письмом душевнобольных выявили высокую диагностическую значимость получаемых сведений и позволили поставить вопрос об их клиническом и судебно-экспертном использовании (П.И. Ковалевский, В.Н. Образцов, А. Эрленмейер, Р. Костер, Е. Крепелин и др.). Однако дальнейшего развития данное направление в изучении письма не получило. Вместе с тем, своеобразие и практическая значимость выявленных нарушений, равно как и необходимость их более детального исследования, отмечались многими отечественными и зарубежными психиатрами (В.П. Сербский, С.С. Корсаков, В.П. Осипов, В.А. Гиляровский). Большое значение

этому вопросу придавали криминалисты, в отдельных статьях которых указывалось на необходимость изучения патологических признаков письма для развития судебной экспертизы и решения новых экспертных задач (Е.Ф. Буринский, Л.Е. Ароцкер, В.Ф. Орлова, В.В. Томилин и др.) [1–3]. Среди немногочисленных исследований, направленных на развитие этого аспекта в изучении письма, можно назвать работы В.Н. Суровкина и В.П. Юдина, Т.В. Лесовской, М.В. Бобовкина [4–6].

Особенности письма психически больных привлекали внимание исследователей давно. Но, несмотря на имеющиеся исследования по данному вопросу, нарушения письма при психических расстройствах не до конца изучены. Поэтому, исследование данной проблемы является весьма актуальной не только для современной судебной психологии и психиатрии, но и, прежде всего, для судебной экспертизы письма.

Актуальность развития этого направления не исчерпана, так как в его суть никто из исследователей пока не проник. Причиной является то, что для раскрытия этого явления необходимо познание меха-

Аннотация

В данной статье рассматривается развитие и современное состояние исследования нарушений письма при психических расстройствах, раскрываются психофизиологические основы механизма письма и его психологические особенности. Также описываются результаты экспериментально-психологического исследования нарушений письма больных различными психическими расстройствами.

низма письма, а также **механизма** сбивающих воздействий. Нами была предпринята попытка изучить сбивающие факторы, связанные с психической патологией, под влиянием которых изменяются признаки письма.

Для исследования были выбраны наиболее распространенные в судебно-психиатрической практике психические патологии: органические психические расстройства, шизофрения и близкие к ней расстройства, маниакальные состояния, синдром зависимости от алкоголя, так как квалификация данных состояний имеет важное юридическое значение.

Используя метод привлечения естественнoнаучных знаний других наук, мы также попытались изложить психофизиологические основы и психологические особенности механизма письма. Для подтверждения полученных результатов было проведено экспериментально-психологическое исследование особенностей письма больных различными психическими расстройствами. В результате были выявлены графические, письменно-речевые нарушения письма. Также были установлены статистически значимые (корреляционные) взаимосвязи между нарушениями письма и психическими расстройствами.

Патологии письма при психических расстройствах посвящено не так много исследований. Данная проблема рассматривалась, прежде всего, в работах криминалистов (В.Н. Суровкин, В.П. Юдин, Б.М. Комаринец, В.В. Томилин, В.А. Трубникова, М.В. Шванкова, Г.А. Самойлов, В.Ф. Орлова, Ю.Н. Погибко, А.А. Куприянова и др.). Еще Е.Ф. Буринский в своей работе «Судебная экспертиза документов» (1903 г.) говорит о зависимости между физической природой человека и строением его почерка (физиографологии), подчеркивая важность изучения изменений почерка при нервных и душевных болезнях [1]. Исследования проводились и врачами-неврологами и психиатрами с целью диагностики психических и неврологических расстройств. Особое значение имеют работы немецкого врача А. Эрленмейера и психиатров А. Гросса, А. Дьеля, М. Майера. Данные исследования были основаны на клинических наблюдениях и были направлены на установление особенностей письма психически здоровых и больных лиц в целях диагностики. Огромный вклад в разработку психофизиологии и патологии письма внес русский психиатр В.Н. Образцов. В своей работе «Письмо душевнобольных» (1904 г.) он видит в письме «пособие по изучению психиатрии, пополняющее наши сведения при клиническом изучении картины страдания, способствующее постановке диагноза,

прогноза и дифференциальной диагностики, а также иллюстрирующее собой колебания в течении болезни» [7, с. 72]. Большое значение в изучении патологии письма имеют работы таких советских нейропсихологов, как Э.С. Бейн, О.П. Кауфман, А.Р. Лурия и др. [8–10]. Эти ученые исследовали письмо у людей, перенесших черепно-мозговые травмы, ранения, кровоизлияния и опухоли различной степени тяжести и локализации. Особый вклад в изучение нейропсихологической организации письменного процесса и его нарушений при локальных поражениях мозга внес А.Р. Лурия.

Психологами нарушения письма изучались также в рамках коррекционной психологии и логопедии. Впервые на нарушения чтения и письма как на самостоятельную патологию речевой деятельности указал А. Куссмауль в 1877 г. Патология чтения и письма рассматривалась как единое расстройство письменной речи, возникающее преимущественно у детей с умственной отсталостью.

Интерес к диагностированию психопатологических состояний человека по признакам письма наблюдается и в работах графологов с конца XIX века. Графологи в то время стремились выявить и систематизировать признаки почерка, с помощью которых можно формулировать выводы об отдельных свойствах, качествах, состояниях писавшего лица, в том числе – психопатологических. Однако исследования графологов того времени были подвергнуты серьезной критике, а их подход был признан псевдонаучным.

Современные исследования нарушений письма при психических расстройствах представлены, прежде всего, докторской диссертацией М.В. Бобовкина «Теория и практика судебно-диагностической экспертизы письма лиц, находящихся в психопатологическом состоянии» [6]. В своей работе автор излагает результаты экспериментального исследования особенностей письма людей, находящихся в психопатологическом состоянии, приводит систематизацию патологических признаков письма, описывает созданную им методику. Бобовкиным были выделены признаки письма, характерные для различных психических расстройств: шизофрении, маниакально-депрессивных состояний, алкогольной интоксикации, расстройств личности, других психотических и непсихотических расстройств.

Наиболее изучены нарушения письма при шизофрении. Огромный вклад в разработку данной проблемы внесла Т.В. Лесовская, которая изучала особенности письма больных шизофренией в сравнении с рукописями здоровых лиц. В рамках своей диссертации ею

были выделены варианты нарушений письма при шизофрении: изменение графики письма, «непроизвольные ошибки», признаки символизма, неадекватное употребление письменных знаков и прописных букв, своеобразное топографическое оформление рукописей и др. [5]. Б.М. Комаринец также рассматривал проблему нарушений письма при психических расстройствах и выделил две группы болезненных изменений письма. В первую группу он включил патологические признаки письменной речи: аграфия, общая затрудненность письма, регресс письма, параграфия, смысловые и логические неправильности, болезненная вычурность письма. Во вторую группу входят патологические изменения почерка: атаксия, волнистость штрихов, патологические изменения общих признаков почерка (микрография, утрата навыка связного письма и другие графические особенности) [6].

Психофизиологические основы и психологические особенности механизма письма

Понятие письма рассматривалось исследователями различных научных дисциплин: психологами, физиологами, медиками, лингвистами, криминалистами. Понятие письма, почерка и письменной речи особенно подробно описано учеными-криминалистами, специалистами, работающими в сфере судебно-почерковедческой и судебно-автороведческой экспертизы. Общепринятым на сегодняшний день в криминалистике является следующее определение рассматриваемого понятия: «Письмо – это дополнительное к звуковой речи средство общения людей, осуществляемое при помощи различного рода графических знаков, отражающих в определенной форме звуковую речь и служащих для передачи этой речи на расстояние и закрепления ее во времени» [3, с.7].

Для раскрытия механизма письма особенно важно изучить его психологические особенности. В психологии письмо рассматривают как высшую психическую функцию в единстве двигательной (графической) и смысловой стороны. Такие виднейшие ученые отечественной психологии, как А.Р. Лурия, Л.С. Цветкова, Л.С. Выготский рассматривали письмо как сложный психический процесс, не выделяя в его структуре отдельно почерковые и письменно-речевые навыки, а относили письмо наряду с чтением к виду письменной речи. Так, автор многочисленных исследований в области нейропсихологии речи Л.С. Цветкова отмечает: «Письменная речь и, в частности, один из ее видов – письмо – это сложный психический процесс, который до сих пор все

еще недостаточно изучен, несмотря на большой интерес исследователей различных областей научного знания к этой проблеме» [11].

Л.С. Цветкова выделяет такую особенность письма как более позднее появление в психической сфере человека по сравнению с другими высшими психическими функциями как в историческом, так и в генетическом аспекте. Эта особенность играет большую роль в изучении роли и места письма в психической сфере, в формировании и взаимодействии высших психических функций, в изучении мозговых основ письма, возникновения и путей его формирования. По поводу значения письма в психической деятельности ребенка Л.С. Выготский писал, что «... письмо вызывает к жизни развитие всех тех функций, которые у ребенка еще не созрели» [12, с.277]. Л.С. Выготский отмечал, что обучение письменной речи формирует у детей способность произвольного оперирования собственными умениями, осознания и произвольного владения устной речью, что в свою очередь является важнейшим условием формирования и самой письменной речи. Без этих двух условий развития устной речи и произвольного и осознанного поведения, оперирования собственными действиями «... письменная речь вообще невозможна» [12, с. 269]. Грамматика и письмо обеспечивают ребенку возможность подняться на высшую ступень в развитии речи и других высших психических функций.

История развития письма указывает на то, что по своему психологическому содержанию письмо опосредованно внешними знаками или символами, по мере развития письма происходило постепенное упрощение и обобщение символов, письмо формировалось от образности к связи с речью.

Письмо является сложной осознанной формой речи и речевой деятельности. Однако в психологическое содержание письма входят помимо речи и процессы восприятия разной модальности – зрительной, слуховой, пространственной, а также двигательные процессы кинестетической и кинетической природы, зрительные образы – представления буквенных знаков, оперативная память и т.д. О взаимодействии этих психических процессов в формировании письма свидетельствует история его развития, а также распад письма при поражениях мозга, вызывающих нарушение ряда психических функций, взаимодействие которых является основой, на которой и формируется письмо.

Сложность письма обнаруживается при сравнительных исследованиях письма и устной речи, которые различаются по происхождению, способу формирования и протекания, психологическому содержанию и функциям [11]. Что

касается происхождения, то устная речь возникает у ребенка на втором году жизни, а письмо – на пятом-седьмом. Устная речь формируется непосредственно в процессе общения со взрослыми людьми, а письменная речь формируется сознательно, в процессе осознанного и произвольного обучения. Способы возникновения и развития письма с самого начала выступают как осознанные действия, и только постепенно письмо автоматизируется и превращается в плавно протекающий навык. Этим оно отличается от устной речи, формирующейся непроизвольно и протекающей автоматически. На ранних этапах овладения письмом каждая отдельная операция является изолированным, осознанным действием, написание слова распадается для ребенка на ряд задач: выделить звук, запомнить его, обозначить его соответствующей буквой, запомнить ее, написать. По мере развития навыков письма психологическая структура его меняется. Отдельные операции выпадают из-под контроля сознания, автоматизируются, объединяются и превращаются в моторный навык, обеспечивающий в дальнейшем сложную психическую деятельность – письменную речь.

Наиболее четкие различия устной и письменной речи наблюдаются в психологическом содержании этих процессов. Устная речь реализуется в разговорной речи при наличии общей ситуации, которая создает контекст, внутри которого упрощается передача и прием информации. Эмоционально-выразительные средства устной речи помогают коммуникации, более точной и экономной передаче и приему информации (жесты, мимика, паузирование). Мотивы письменной речи также возникают позже, и сами они более абстрактны и интеллектуалистичны [11].

Письменная речь – это особый осознанный и произвольный речевой процесс, речь-монолог. Л.С. Выготский писал, что письменная речь, имея тесную связь с устной речью, не повторяет историю развития устной речи. «Письменная речь не есть также простой перевод устной речи в письменные знаки, и овладение письменной речью не есть просто усвоение техники письма» [12, с.263]. Письменная речь требует для своего развития абстракции: ребенок должен абстрагироваться от чувственной, звучащей и произносимой речи, пользоваться не словами, а представлениями слов. Одна из главных отличительных особенностей письменной речи заключается в том, что она мыслится, а не произносится.

Таким образом, психологическими особенностями письменной речи являются: произвольность, осознанность, абстрактность, позднее формирование на основе внутренней речи (письменная речь – ключ к внутренней речи по Х. Джексону) в процессе специального обу-

чения, протекает по правилам развернутой грамматики» и по словам А.Р. Лурии «является существенным средством в процессах мышления».

А.Р. Лурия раскрывает психологическое содержание процесса письма, подчеркивая, что он начинается с определенного *замысла (задачи)*, который либо возникает у пишущего, либо же предлагается ему. Пишущий должен *запомнить* подлежащую записи фразу, далее он должен сохранить нужный *порядок ее* написания. Замысел необходимо с помощью внутренней речи в дальнейшем превращать в развернутую структуру фразы, части которой должны сохранять свой порядок.

В процессе письменной деятельности выделяют этап анализа звукового состава слова, в котором происходит выделение последовательности звуков, составляющих слово и превращение их в фонемы; этап перевода выделенных фонем в зрительную графическую схему (графему); этап превращения подлежащих написанию оптических знаков (букв) в нужные графические начертания [10, с. 19–21].

Психофизиологические основы механизма письма, прежде всего, представлены работами Н.А. Бернштейна, П.К. Анохина, И.П. Павлова и А.Р. Лурии. На основе учения этих авторов письменно-двигательный процесс рассматривается как сложная саморегулирующаяся функциональная динамическая система. Анализ данных теорий позволяет описать психофизиологические основы письма следующим образом. Навык письма носит условно-рефлекторный характер. Обучение письму представляет собой образование временных связей в коре больших полушарий головного мозга обучающегося. Благодаря упражнению устанавливается связь между слышимым, произносимым, представляемым или читаемым звуком или словом, и их написанием, с одной стороны, и движением руки, с другой стороны. Основными нервными процессами при формировании навыка письма являются процессы возбуждения и торможения, возникающие в различных центрах коры больших полушарий головного мозга. По мере овладения навыком письма между процессами возбуждения и торможения наступает определенная согласованность, уравновешенность, что создает функциональную систему – *динамический стереотип*, формирующийся по механизму временных связей. По мере упрочения динамического стереотипа навык письма все более автоматизируется.

Письмо представляет собой функциональную систему, включающую афферентный синтез сигналов, поступающих в ЦНС от двигательного, зрительного, слухового, тактильного анализатора, в результате чего формируется принятие

решения писать. После принятия решения вступает в действие письменно-двигательная программа, которая обеспечивает включение соответствующих периферических органов анализаторов (пишущая рука, верхний плечевой пояс, зрение) и получение результата – рукописи.

Процесс письма осуществляется по принципу рефлекторного кольца. Рефлекторный ответ не является заключительным этапом условного рефлекса. Обязательна обратная афферентная информация о рефлекторном действии, позволяющая исправлять его с учетом конкретной обстановки (коррекция по ходу выполнения), а также прогнозировать последующие действия, требующиеся по намеченной программе («акцептор действия»).

Афферентные сигналы приходят в разные чувствительные центры головного мозга и соответственно переключаются на моторные пути на *разных уровнях*. Письмо – это сложное движение, в котором участвуют пять уровней построения движений по Н.А. Бернштейну. Многоуровневая структура письма включает как высшие кортикальные сенсомоторные системы, так и нижележащие субкортикальные.

Письмо как высшая психическая функция осуществляется при помощи слухового анализа, проговаривания (артикуляции) слова, которое необходимо написать, перешифровки подлежащих написанию звуков в графические образы («фонем» в «графемы»), интегрировании последовательных серий движений, сливания отдельных импульсов в плавные «*кинетические мелодии*», а также сохранения замысла письма. Мозговая организация данных функций включает *височную, затылочную, нижнетеменную и нижнелобную* области левого полушария.

Экспериментально-психологическое исследование нарушений письма при психических расстройствах

Теоретическую основу нашего исследования составляет *теория системной динамической локализации высших психических функций*, разработанная в отечественной нейропсихологии Л.С. Выготским и А.Р. Лурия [10; 12; 13]. Эта теория опирается на общепсихологическую теорию, разработанную Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, А.Р. Лурия, П.Я. Гальпериным, А.В. Запорожцем, Д.Б. Элькониным и др., а также на концепцию функциональных систем П.К. Анохина, работы Н.А. Бернштейна, И.П. Павлова, А.А. Ухтомского.

Высшие психические функции – сложные формы осознанной психической деятельности, осуществляемые на основе соответствующих мотивов, регулируемые соответствующими це-

лями и программами и подчиняющиеся всем закономерностям психической деятельности. Вслед за А.Р. Лурия мы рассматриваем *письмо* как высшую психическую функцию, наиболее сложную, осознанную форму речевой деятельности. Для обработки результатов мы использовали *систему общих признаков почерка*, принятых в судебно-почерковедческой экспертизе, а также *систему психопатологических признаков письма*, выделенных М.В. Бобовкиным. В исследовании участвовало 55 пациентов Республиканского научно-практического Центра психического здоровья, а также лица, находящиеся на судебно-психиатрической экспертизе (28 женщин, 31 мужчина). Результаты, полученные в экспериментальной группе, сравнивались с результатами, полученными в группе людей, не имеющих диагнозов психических расстройств (40 мужчин, 15 женщин). Пациентам предлагалось написать письменный рассказ по сюжетной картине А. Лактионова «Письмо с фронта», письменный пересказ и письмо под диктовку короткого рассказа. Рукописи анализировались с помощью качественного анализа особенностей письма, в результате чего был проведен частотный и корреляционный анализ. В результате исследования были выявлены графические, письменно-речевые нарушения письма, а также особенности письменной речи, отражающие нарушения мышления у больных органическими психическими расстройствами, шизофренией и близкими к ней расстройствами, синдромом зависимости от алкоголя, а также пациентов с маниакальными состояниями. Также были установлены статистически значимые корреляционные взаимосвязи между нарушениями письма и психическими расстройствами.

В письменной продукции больных *органическими психическими расстройствами* проявились нарушения всех компонентов письменного акта: графического, пространственно-ориентационного, письменно-речевого и нарушения мышления. Имеют место необычное строение письменных знаков, снижение координации движений первой группы, замедленный темп письма, малая или интервальная связность почерка, распад букв на элементы, макрография букв, грубые лексические, орфографические и пунктуационные ошибки, нарушение грамматического строя речи, параграфия, контаминации, моторные и речевые персеверации, произвольные ошибки. Нарушения пространственной организации письма проявились в отсутствии полей, неустойчивости размера интервалов между строками и направления линии письма в строке, извилистой линии письма в строке.

В рукописях больных *шизофренией и близких к ней расстройств* имеет место снижение

координации движений второй группы, быстрый темп, большая связность письменных знаков, сильный нажим, необычное строение письменных знаков, макрография и микрография букв, нарушение грамматического строя речи, телеграфный стиль, грубые орфографические и пунктуационные ошибки, обилие знаков пунктуации либо полное их отсутствие, аграфия, моторные и речевые персеверации, произвольные ошибки (исправления, утрата и лишние элементы букв, слов). Нарушение пространственной организации письма проявилось, прежде всего, в необычном размещении рукописи на листе (письмо колонкой и другие), а также отсутствии полей, неустойчивом размере интервалов между строками и направлении линии письма в строке.

В рукописях больных с **маниакальным состоянием** отмечается быстрый темп письма, сильный нажим, необычное строение письменных знаков, макрография, большой размер интервалов между строками и словами. Нарушения письменной речи не выявлены. Письменная речь развернутая, многоречивая, со множественными ассоциациями и актуализацией ассоциаций фантастического содержания.

В письменной продукции больных с **синдромом зависимости от алкоголя** имеются графические нарушения письма в виде снижения координации движений первой группы, замедления темпа письма, малой связности почерка, нарушения пространственной ориентации текста в виде неустойчивого интервала между строками и направления линии письма в строке, извилистой формы линии письма. Нарушения письменной речи и мышления выявлены не были.

Корреляционный анализ показал, что существует взаимосвязь между психическими расстройствами и нарушениями письма. **Органические психические расстройства** коррелируют с такими признаками письма, как нарушение координации движений первой группы, замедление темпа письма, уменьшение связности письменных знаков (связность интервальная или малая), увеличение размера букв до макрографии, распад букв на элементы, нарушение грамматического строя речи, грубые орфографические и пунктуационные ошибки, контаминации письменных знаков, двигательные и речевые персеверации, произвольные ошибки (утрата элементов и лишние элементы букв).

При **шизофрении и близких к ней расстройствах** наиболее чувствительными к изменениям выступили такие особенности письма, как увеличение связности почерка, повышение темпа письма, необычное размещение рукописи на листе бумаги. **Синдром зависимости от алкоголя** коррелирует с замедлением темпа письма. **Маниакальные состояния** взаимосвязаны с увеличением темпа письма, а также размера расстояния между строками.

Таким образом, в письме больных органическими психическими расстройствами имеют место нарушения всех компонентов письма: графического, пространственно-ориентационного, письменно-речевого, а также нарушения мышления. У больных шизофренией и близкими к ней расстройствами наиболее выражены нарушения мышления, письменной речи, а также пространственной ориентации текста. В письме больных с маниакальным состоянием – нарушения мышления, больных синдромом зависимости от алкоголя – графические нарушения.

Необходимо также отметить, что исследуемые группы расстройств (органические психические расстройства, шизофрения и близкие к ней расстройства, маниакальные состояния и синдром зависимости от алкоголя) являются наиболее часто встречаемыми в судебной психолого-психиатрической практике. Поэтому изучение нарушений письма именно этих групп расстройств имеет особое значение.

Особенности письма больных различными психическими расстройствами особенно важны для судебной психолого-криминалистической экспертизы письма предсмертных записок. Знание признаков почерка и письменной речи, характерных для той или иной группы психических расстройств, позволит эксперту сделать предположение о возможном психопатологическом состоянии писавшего на момент выполнения предсмертной записки в условиях невозможности проведения психолого-психиатрического обследования.

Дальнейшие исследования нарушений письма при психических расстройствах, направленные на познание механизма письма и механизма влияния на него сбивающих воздействий, имеют большое значение для развития теоретических основ криминалистической диагностики письма и создания новых методик решения диагностических задач.

Список использованных источников

1. *Буринский, Е.Ф.* Судебная экспертиза документов / Е.Ф. Буринский. – СПб.: Труд, 1903. – 352 с.
2. *Орлова, В.Ф.* Судебно-почерковедческая диагностика / В.Ф. Орлова; Гос. учреждение Рос. Федер. Центр судеб. экспертизы при Минюсте России. – 2-е изд. – М.: Наука, 2006. – 207 с.
3. *Томилин, В.В.* Физиология, патология и судебно-медицинская экспертиза письма / В.В. Томилин. – М.: Медгиз, 1963. – 235 с.
4. *Суровкин, В.Н.* К особенностям почерка психических больных / В.Н. Суровкин, В.П. Юдин // Судебная экспертиза. – Иваново, 1934. – С. 56–76.
5. *Лесовская, Т.В.* Особенности письма больных шизофренией: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.01.06 / Т.В. Лесовская; Центр. науч.-исслед. ин-т судебной психиатрии им. Сербского. – М., 1977. – 16 с.
6. *Бобовкин, М.В.* Теория и практика судебно-диагностической экспертизы письма лиц, находящихся в психопатологическом состоянии: моногр. / М.В. Бобовкин. – Волгоград: ВА МВД России, 2005. – 336 с.
7. *Образцов, В.Н.* Письмо душевнобольных / В.Н. Образцов. – Казань, 1904. – 238 с.
8. *Бейн, Э.С.* О нарушении письма при военной травме мозга / Э.С. Бейн // Неврология военного времени: Теория и практика (Сб. ст.) / Акад. мед. наук СССР, Ин-т неврологии; под ред. Н. И. Гращенкова. – М.: Акад. мед. наук СССР, 1949. – Т. 1. – С. 177–188.
9. *Кауфман, О.П.* Оптическая аграфия при локальных ранениях мозга / О.П. Кауфман // Неврология военного времени: Теория и практика (Сб. ст.) / Акад. мед. наук СССР, Ин-т неврологии; под ред. Н. И. Гращенкова. – М.: Акад. мед. наук СССР, 1949. – Т. 1. – С. 230–246.
10. *Лурия, А.Р.* Очерки психофизиологии письма / А.Р. Лурия // Письмо и речь: Нейролингвистические исследования. – М.: Академия, 2002. – С. 10–76.
11. *Цветкова, Л.С.* Нейропсихология счета, письма и чтения: нарушение и восстановление / Л.С. Цветкова. – М.: Юристъ, 1997. – 256 с.
12. *Выготский, Л.С.* Избранные психологические исследования. Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка / Л.С. Выготский; под ред. А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия. – М.: АПН РСФСР, 1956. – 520 с.
13. *Лурия, А.Р.* Язык и сознание / А.Р. Лурия. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 319 с.

Дата поступления: 25.10.2011

195*Annotation*

This article discusses the development and present state of research of writing violations of mental disorders, reveals physiological basis of the mechanism of writing and its psychological characteristics. It also describes the results of experimental psychological investigation of writing violations of patients with different mental disorders.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ДАННЫМ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МОРФОФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ КРОВЕНОСНОЙ СИСТЕМЫ ПРИ ТРАВМЕ

Артюшкевич В.С.
Государственная служба
медицинских судебных экспертиз

196

Аннотация

На основании данных литературы и собственных исследований проведен анализ морфофункционального состояния кровеносной системы в остром периоде механической травмы. Приведены макро- и микроскопические признаки местной и общей реакции организма на травму.

Механическая травма в структуре судебно-медицинских экспертиз занимает ведущее место. Основными вопросами, подлежащими разрешению при ее экспертизе, являются установление механогенеза, прижизненности и давности повреждений. Ответ организма на травму проявляется в виде местных и общих изменений, прямо или косвенно указывающих на функцию органов кровообращения, а также поврежденных органов и тканей в посттравматическом периоде.

Несмотря на значительное количество публикаций, диагностика прижизненности и давности повреждений остается актуальной и требует дальнейшего изучения. На основании данных литературы и собственных наблюдений проведен анализ морфофункциональных изменений кровеносной системы в остром периоде механической травмы. Местная сосудистая реакция на травму изучалась в ссадинах, кровоподтеках, ранах.

Патоморфология ссадин, в том числе состояние сосудистого русла, обуславливается глубиной травматического повреждения кожи [1]. В поверхностных ссадинах повреждаются верхний или средний слои эпидермиса; верхний, средний и частично базальный слои, которые лишены сосудов. Микроскопически в поверхностных ссадинах наблюдается гиперемия в сосочковом слое дермы.

При микроскопическом исследовании глубоких ссадин отмечаются очаговые кровоизлияния в дерме, на границе дермы и подкожной клетчатки; диффузные – в подкожной клетчатке. Вазомоторная реакция в области ссадин характеризуется капиллярной гиперемией, которая развивается сразу или через некоторое время после травмы, обычно после кратковременного спазма сосудов. При продолжительном спазме артерий полнокровия сосудов не наблюдается или оно выражено слабо. Сосудистая реакция в области ссадины может быть обусловлена не только местным повреждением кожи, но и общим ответом организма на травму. При травме, сопровождающейся выраженной кровопотерей, сосуды кожи и подкожной клетчатки, как депо крови, участвуют в общем ответе организма на травму, направленном на сохранение гомеостазиса. Первоначальный спазм сосудов, который может сохраняться длительное время, сменяется расширением и полнокровием капилляров, мелких вен и артерий.

Через 30 минут после травмы в сосудах отмечается сепарация плазмы от форменных элементов крови, плазматизация сосудов, плазматическое пропитывание их стенки, выход жидкой части крови в околососудистое пространство. Через 30-60 минут после нанесения повреждения в капиллярах и венах увеличивается количество лейкоцитов, отмечается их пристеночное расположение. Происходит нарушение реологических свойств крови: стаз, агрегация эритроцитов, сепарация плазмы от форменных элементов крови. Отек дермы, наблюдающийся в первый час после травмы, становится более выраженным к 3-4 часу. При давности травмы 3-6 часов по периферии ссадины отмечается зона гиперемии, характеризующаяся полнокровием сосудов микроциркуляторного русла собственно кожи. Среди эритроцитов в сосудах имеется небольшое количество лейкоцитов. Через 16 часов сосуды в области ссадины умеренно кровенаполнены, в состоянии нормотонуса.

В очаге кровоподтека сразу после травмы отмечается венозная гиперемия. По периферии кровоизлияния в сетчатом слое кожи, подкожной клетчатке, на границе собственно кожи и подкожной клетчатки наблюдается спазм артерий [2; 3], который разрешается через 30-40 минут [4]. К концу первого часа после травмы отмечается значительное расширение и полнокровие капилляров, мелких вен и артерий. Через 30-40 минут в сосудах увеличивается количество лейкоцитов, к 1-2 часу наблюдается их пристеночное расположение, появляются небольшие периваскулярные скопления клеток вначале по краю кровоизлияния, а затем и в самом кровоподтеке. В сосудах повышено количество плазмы, наблюдается плазматическое пропитывание их стенок. Вследствие повышения проницаемости стенок кровеносных и лимфатических сосудов в первые 30 минут после травмы развивается периваскулярный отек, достигающий выраженного развития к 2-3 часу. При давности травмы 6-8 часов сосуды микроциркуляторного русла в области кровоподтека полнокровны, в них повышено количество клеток белой крови и плазмы, в отдельных сосудах – фибриновые тромбы. Стенка артериол в состоянии плазматического пропитывания. Через 12 часов после травмы на фоне полнокровия сосудов отмечается уменьшение гиперемии в очаге кровоизлияния. С увеличением давности травмы происходит постепенное снижение полнокровия в очаге повреждения.

В микроциркуляторном русле ран сразу после травмы развивается спазм сосудов, который имеет различную длительность. В опытах на животных, при нанесении резаных ран кожи,

вазоконстрикция сохранялась от нескольких секунд до пяти минут [5]. Длительность спазма сосудов терминального русла довольно вариabильна, зависит от многих факторов, в первую очередь от тяжести травмы и величины кровопотери и может составлять от нескольких минут до часов.

При давности травмы 10-15 минут в периферической зоне раны реактивные изменения в виде капиллярного полнокровия поверхностного и глубокого сосудистых сплетений дермы сочетаются со спазмом артерий на границе кожи и подкожной клетчатки [2; 6]. В большинстве случаев гиперемия развивается вслед за разрешившимся спазмом сосудов.

Через 30-60 минут после травмы полнокровие сосудов микроциркуляторного русла глубоких слоев дермы и прилежащих тканей в области раны резко выражено. В сосудах отмечается пристеночное расположение лейкоцитов, стаз, агрегации эритроцитов. При давности травмы 1-3 часа гиперемия в области раны сохраняется. В сосудах – пристеночное расположение лейкоцитов, миграция их через сосудистую стенку и периваскулярное расположение клеток. В сосудах микроциркуляторного русла отмечаются стаз, агрегация эритроцитов, сепарация плазмы от форменных элементов крови, фибриновые тромбы. Вслед за полнокровием и расширением сосудов, замедлением кровотока и сепарацией плазмы от форменных элементов отмечаются признаки повышенной проницаемости сосудистой стенки для белков крови. В первые 30-60 минут после травмы наблюдается внесосудистое скопление плазмы. Отек нарастает с увеличением давности травмы, достигая выраженного развития к 3-4 часу. Полнокровие и расширение капилляров, мелких вен и артерий сохраняется в течение 12 часов после травмы. К 12-16 часам полнокровие несколько ослабевает, а к концу 1-2 суток в очаге повреждения наступает нормализация кровотока.

Местные изменения кровообращения в очаге травматического повреждения мягких тканей (ссадинах, кровоподтеках, ранах) носят однотипный характер и первоначально развиваются в микроциркуляторном русле. Вазомоторная реакция имеет фазовый характер, проявляющаяся в виде спазма и последующего расширения сосудов. Расстройство кровообращения характеризуется агрегацией и стазом эритроцитов, тромбозом сосудов, сепарацией плазмы от форменных элементов крови, повышением проницаемости и плазматизацией сосудистой стенки, пристеночным стоянием лейкоцитов, миграцией их через сосудистую стенку и периваскулярным скоплением, выходом плазмы из сосудов и развитием периваскулярного отека.

Любое механическое повреждение органических и тканевых структур, исключая поверхностные ссадины, сопровождается повреждением кровеносных сосудов, характер которого определяется видом травмирующегося предмета и механогенезом травмы. При ранении сосудов острыми предметами основную роль в генезе повреждений сосудистой стенки играет внешний травмирующий фактор. Повреждение распространяется от наружного к внутреннему слою стенки сосуда. Раны имеют ровные края и острые концы. При полном пересечении сосудов, особенно артериальных, концы их расходятся, просвет зияет.

Морфогенез повреждений сосудистой стенки при тупой травме обусловлен прямым травматическим воздействием на сосуд, продольным и поперечным растяжением сосуда в результате сжатия, кручения или сочетанием всех факторов. При тупой травме тела разрывы кровеносных сосудов могут возникать не только в месте приложения травмирующей силы, но и по протяжению сосуда [7]. В генезе таких повреждений в большинстве случаев лежит гемодинамический фактор, обусловленный резким повышением кровяного давления вследствие ретроградного тока крови, что наблюдается при сильном сотрясении тела в случаях удара в живот, падении с высоты, транспортной травме, сдавлении тела тупыми предметами. Сочетание гемодинамического действия с резким повышением внутригрудного и внутрибрюшного давления приводит к перерастяжению и разрыву сосудистой стенки. Разрывы чаще происходят в стенке крупных артерий, реже – в магистральных венозных сосудах. Низкое кровяное давление в венах, эластичность сосудистой стенки, значительный просвет сосудов нивелируют действие гемодинамической силы на стенку венозных сосудов.

В результате гемодинамического действия возникают неполные и полные разрывы сосудистой стенки. При неполных разрывах повреждаются внутренний и средний слои стенки сосуда. Кровь по раневому каналу распространяется между слоями сосудистой стенки, образуя муфто- и карманообразные геморрагии. Полные разрывы сосудов характеризуются поперечным, реже – продольным расположением, обильным переваскулярным кровоизлиянием.

Заживление поврежденных сосудов в значительной степени определяется их видом и калибром. Капиллярное кровотечение характерно для поверхностных ран и глубоких ссадин, обычно останавливается самопроизвольно. Излившаяся кровь сворачивается в ране или на месте ссадины в виде отдельных капель. При микроскопическом исследовании повреж-

денные капилляры выглядят в виде спавшихся, запустевших тяжей. Восстановление кровотока в очаге повреждения осуществляется за счет сохранившихся и вновь образующихся капилляров.

Повреждения вен, в силу особенностей строения стенки и кровотока, заживают быстрее, чем ранения артериальной стенки. Закрывание раны может происходить в результате спадения вены с последующим сливанием стенки и тромбоза сосуда, а затем срастанием краев раны с одновременным образованием грануляционной ткани и организацией тромба.

Образование тромба в области сосудов дефекта сосудистой стенки и закрытие просвета сосуда происходит преимущественно в венах и артериях небольшого калибра. Менее вероятна обтурация тромбом крупной артерии в силу скорости кровотока, препятствующего тромбообразованию. При разрыве сосуда кровь проникает между слоями его стенки, раневая полость заполняется кровяным свертком. Происходит быстрое свертывание крови и тромбообразование, концы сосуда закрываются тромботическими массами с последующей организацией тромба, которая начинается на 2-3 день. В тромб врастают клеточные элементы и капилляры со стороны стенки сосуда. Эндотелий покрывает поверхность тромба, нарастет на края и дно раны, в последующем образуя компактный слой. В тромб врастают клеточные элементы и капилляры со стороны стенки сосуда. Элементы крови распадаются, резорбируются и замещаются соединительной тканью. В заживлении ран участвуют и соединительнотканые элементы субэндотелия. В ближайших к ране участках средней и наружной оболочек сосудистой стенки наблюдается лейкоцитарная инфильтрация, к которой позже присоединяются лимфоцитарная, гистиоцитарная, фибробластическая. Развивающаяся грануляционная ткань заполняет полость раны, замещая тромботические массы. Адвентиция сосуда утолщается, замещается плотной соединительной тканью. Рубцовая ткань заполняет полость раны и соединяет ее края.

Общая сосудистая реакция организма на травму, осложненную острой кровопотерей и травматическим шоком, развивается вслед за местной или одновременно с ней, и направлена на сохранение гемо- и гомеостаза, централизацию кровообращения. Это осуществляется за счет генерализованного спазма преимущественно периферических артерий и артериол, что приводит к редукции периферического кровотока, уменьшению емкости сосудов, перераспределению крови, поддержанию кровяного давления при дефиците объема циркулирующей крови.

Восстановление и сохранение массы циркулирующей крови при острой кровопотере

осуществляется быстро действующими распределительными механизмами: поступлением в сосудистое русло крови из кровяных депо, лимфы и тканевой жидкости, клеток костного мозга. Опорожнение и обескровливание кровяных депо (селезенки, печени, костного мозга, подкожной клетчатки, скелетных мышц) начинается сразу после кровотечения и заметно выражено в первые 30-60 минут после травмы.

В остром периоде травмы (первые минуты и часы), осложненной кровопотерей, изменения в сосудах носят функциональный характер. Основным проявлением функционального состояния является тонус сосудов, который определяется по состоянию эндотелия, эластической мембраны, мышечного слоя, диаметру просвета и толщине стенки сосуда. Первой реакцией на травму, осложненную кровотечением, является спазм сосудов, который отмечается в артериях мышечного типа, артериолах, капиллярах, венах и мелких венах. Степень вазоконстрикции зависит от величины кровопотери и тяжести травмы. Спазм сосудов сменяется расширением и полнокровием, переходящим в нормотонус.

Сосудистая реакция на травму, осложненную кровопотерей, имея общую закономерность, характеризуется рядом регионарных отличий, обусловленных строением и функциональными особенностями органов и тканей. Спазм сосудов в коже, подкожной клетчатке, скелетных мышцах в зависимости от тяжести травмы удерживается от нескольких минут до часов. Спазм резистивных сосудов в печени наблюдается в первые 20-30 минут после травмы.

При острой кровопотере в легких на фоне малокровия капилляров межальвеолярных перегородок отмечается спазм артерий респираторного уровня. Сосуды более крупного калибра неравномерно кровенаполнены. В первый час после травмы происходит спазм как артериальных, так и венозных сосудов. При давности травмы более двух часов отмечается парез артериальных и спазм венозных сосудов. В зависимости от тяжести травмы и величины кровопотери спазм сосудов в легких обычно разрешается от нескольких минут до 2-3 часов, сменяясь расширением и полнокровием сосудов малого круга кровообращения [8].

Компенсаторной сосудистой реакцией почек на кровопотерю является развитие шунтированного кровотока. При этом капилляры клубочков малокровны, спавшиеся. Артерии и артериолы коркового слоя в состоянии выраженного спазма, который удерживается до 1-2 часов. Сосуды юкстамедуллярной зоны расширены, полнокровны. Сосуды мозгового слоя умеренно кровенаполнены, некоторые в состоянии дистонии

и пареза. Селезенка, как депо крови, сразу реагирует на острую кровопотерю путем выброса крови в общее кровяное русло, что приводит к малокровию пульпы и уменьшению массы органа. При разрывах селезенки отмечался устойчивый спазм артерий на разных уровнях сосудистого русла, который наиболее выражен был в центральных артериях. Он начинался сразу после травмы и удерживался на протяжении всего посттравматического периода (до 12-16 часов).

При черепно-мозговой травме сужение сосудов в оболочках и веществе мозга может сохраняться от нескольких часов до суток после травмы.

В силу специфики ангиоархитектоники и кровообращения реакция сосудистой системы костного мозга имеет свои особенности. При кровопотере, не превышающей 500 мл, сосудистая реакция в большинстве случаев отсутствует или выражена незначительно. Сосуды в состоянии нормотонуса, стенка их не изменена. Сужение просвета артерий и артериол отмечалось при кровопотере свыше 1000 мл и давности травмы не менее 10 минут. Истинного классического спазма артерий в большинстве случаев не наблюдалось. Сужение и закрытие просвета сосудов происходило за счет набухания эндотелия, переориентацией его клеток. В артериолах отмечалось утолщение, набухание и гомогенизация стенки. Такое состояние сосудов сохранялось в течение нескольких часов после травмы. Одним из признаков острой кровопотери является плазматизация истинных и особенно синусоидальных капилляров.

Заключение

Ответ организма на травму и кровопотерю проявляется в виде местных и общих сосудистых изменений, прямо или косвенно указывающих на функцию органов кровообращения в посттравматическом периоде.

Вазомоторная реакция является первым и немедленным ответом организма на травму, осложненную кровопотерей, первоначально развивается в терминальном кровеносном русле, имеет фазовый характер и направлена на сохранение гемо- и гомеостаза.

Сосудистая реакция, имея общие закономерности, характеризуется рядом регионарных отличий, обусловленных строением и функциональными особенностями органов и тканей, что следует учитывать при диагностике давности травмы.

Характер морфофункционального состояния кровеносной системы в остром периоде механической травмы может быть использован для установления прижизненности и давности повреждений.

Список использованных источников

1. *Артюшкевич, В.С.* Патоморфология ссадин кожи / В.С. Артюшкевич // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. – Минск, 2010. – Вып. 2/28. – С. 189–193.
2. *Науменко, В.Г.* Гистологический и цитологический методы исследования в судебной медицине / В.Г. Науменко, Н.А. Митяева. – М.: Наука, 1980. – 304 с.
3. *Громов, А.П.* Судебно-медицинская травматология / А.П. Громов, В.Г. Науменко. – М.: Медицина, 1977. – 368 с.
4. *Капустин, А.В.* Гистологические и гистохимические показатели давности возникновения кровоподтеков и пергаментных ссадин / А.В. Капустин, В.С. Черноков, В.И. Тищенко // Давность происхождения процессов и объектов судебно-медицинской экспертизы и вопросы переживаемости тканей и органов: сб. науч. тр. – М., 1973. – С. 51–53.
5. *Мяделец, О.Д.* Морфологические критерии определения давности прижизненных ран кожи / О.Д. Мяделец // Материалы 1-го съезда Белорусской государственной службы судебно-медицинской экспертизы. – Минск, 2000. – С. 155–159.
6. *Гаилов, А.Г.* Некоторые вопросы идентификации орудия травматизации по результатам микроскопического исследования / А.Г. Гаилов // Второй Всесоюзный съезд судебных медиков: тезисы докл. – М., Минск, 1982. – С. 149–150.
7. *Артюшкевич, В.С.* Повреждения кровеносных сосудов при механической травме / В.С. Артюшкевич // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. – Минск, 2007. – Вып. 2/22. – С. 189–193.
8. *Артюшкевич, В.С.* Сосудистая система в остром периоде травмы / В.С. Артюшкевич // Высокие технологии в морфологии, их значение в клинике и перспективы внедрения в практическое здравоохранение // Материалы 1-го съезда патологоанатомов Республики Беларусь. – Минск, 2006. – С. 70–71.

Дата поступления: 09.08.2011

АВТОМАТИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**АВТОМАТИЗАЦИЯ
ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ**ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ЭКСПЕРТНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ ДО СТЕПЕНИ ИХ СМЕШЕНИЯ****Дода И.Г.**

канд. филол. наук

Завгороднев С.М.**Михайленко Г.В.**

канд. юрид. наук

Резинский В.В.

д-р техн. наук, доцент

ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции
Республики Беларусь»

При решении экспертных задач по установлению сходства до степени смешения товарных знаков необходимо устанавливать вид объекта и выявлять его конкретные признаки (комплекс признаков). Вопрос о сходстве товарных знаков до степени смешения – это вопрос о том, правильно ли идентифицирует потребитель по знаку коммерческий источник происхождения товара (услуги), либо оценит вторичный знак как оригинальный, что, в конечном счете, приведет к их смешению. В данном случае, другими словами, решается задача по установлению возможности ошибочной идентификации потребителем конкретного, индивидуально-определенного коммерческого источника происхождения товара (услуги). Причем необходимым и достаточным выводом будет заключение о наличии вероятности такой ошибочной идентификации, тогда как вывод о тождественности следует рассматривать как достоверно установленный факт.

При такой идентификации потребитель руководствуется сохранившимся в его памяти образом оригинального знака, состоящего из системы признаков, которые в своей совокупности образуют индивидуально-характерный комплекс признаков, на основании которого в данном случае и осуществляется сравнение. Именно наличие такого комплекса признаков, который может быть воспринят человеком и отражен в его памяти, является необходимым условием идентификации.

Известно, что системы признаков, присущих объектам интеллектуальной собственности, состоят из взаимосвязанных признаков составляющих их элементов. При этом отдельный элемент такой системы может владеть своей системой признаков, которую можно охарактеризовать как индивидуальный комплекс признаков. Это означает, что в действительности возможна идентификация как объекта в целом, так и отдельных его элементов. Другими словами, идентификация товарного знака экспертом (комиссией экспертов) может осуществляться даже по отдельному элементу, обладающему индивидуально-характерным комплексом признаков.

Сравнительный анализ совпадающих и различающихся признаков товарных знаков является основанием для формирования экспертных заключений.

Аннотация

В современной жизни потребитель поставлен перед необходимостью выбирать товар (услугу) из числа многих родственных (однородных) товаров, которые маркируются сходными по внешнему виду изображениями. Обычно считается, что товарный знак похож до степени смешения с иным товарным знаком, если схож по своим объективным признакам, что обуславливает вероятность введения потребителей в заблуждение. Для разрешения таких спорных случаев требуется вмешательство соответствующих специалистов или экспертов. В связи с этим предлагаются конкретные рекомендации по проведению экспертных исследований товарных знаков до степени их смешения.

Формирование выводов осуществляется на основе законов и приемов логики и правильного мышления. Этот процесс является постепенным – от формирования отдельных частных выводов к формированию общих, являющихся ответами на поставленные перед экспертами вопросы.

Общая методика проведения экспертиз обозначений товарных знаков, как и общие методики судебных экспертиз других видов, определяется следующими основными и взаимосвязанными стадиями экспертного исследования:

- подготовительная;
- раздельного исследования объектов экспертизы;
- сравнительного исследования;
- оценка результатов исследования и формулирование экспертных выводов.

На подготовительной стадии выполняется следующее:

1) ознакомление с процессуальным документом (постановлением, определением) и выяснение задач, подлежащих решению при проведении экспертизы;

2) обзор представленных материалов дела для определения их состава в целях установления соответствия представленных материалов;

3) внешний осмотр объектов исследования (вещественных доказательств и образцов) в целях установления фактов их целостности, наличия повреждений или изменений (обусловленных неправильной упаковкой или транспортировкой) и т.д.;

4) выдвижение экспертных версий и составление программы проведения исследований;

5) подготовка информационной, аппаратно-программной, инструментальной баз и т.п.

На этапе раздельного экспертного исследования изучаются общие, родовые (групповые) и отдельные признаки каждого объекта (зарегистрированных товарных знаков, противопоставленных обозначений, других противопоставленных объектов, образцов) и материалов дела в целях выявления их свойств и признаков, необходимых и достаточных для решения экспертной задачи.

Если на данном этапе будет установлено, что материалы дела недостаточны для решения поставленной задачи (например, отсутствуют материалы заявки на выдачу свидетельства на товарный знак и др.), то эксперт в установленном порядке направляет ходатайство о предоставлении дополнительных материалов. Аналогичное ходатайство направляется также в том случае, если на этапе раздельного исследования будет установлено, что представленные материальные носители (напри-

мер, фотографии, ксерокопии) неполно или неточно воспроизводят исследуемые объекты. Если этот недостаток нельзя устранить за счет получения дополнительных отображений объектов, проведение дальнейших исследований представляется невозможным.

В результате раздельного исследования каждого из объектов определяются комплексы признаков, используемые при последующих сравнительных исследованиях. При этом важно, чтобы обнаруженные у объектов признаки были сопоставимы, т.е. отражали однородные свойства объектов.

При проведении раздельного исследования эксперты могут использовать общенаучные (описание, наблюдение, эксперимент, измерение и др.) и специальные (инструментальные, математические, лингвистические и др.) методы судебных экспертиз.

Сравнительное исследование изображений и обозначений товарных знаков и знаков обслуживания состоит из последовательных сравнений: 1) общих; 2) родовых (групповых); 3) отдельных (особых) признаков. При этом важно выявлять и учитывать взаимосвязи и взаимообусловленности между признаками разного уровня, а также возможные влияния одних свойств объектов на проявление других их свойств в соответствующих признаках. Таким образом, задача по установлению сходства до степени смешения товарных знаков, даже в тех случаях, когда индивидуально-характерные комплексы признаков объектов не совпадают полностью, имеет явно выраженные признаки идентификационной задачи.

Более того, решение задачи по установлению факта сходства до степени смешения основано на выявлении, анализе и последовательном сравнении не только общих и родовых (групповых), но и отдельных признаков объектов в их взаимосвязи, что характерно для методики идентификационных экспертных исследований.

Задачей сравнительного исследования товарных знаков является установление совпадений и/или различий сравниваемых объектов. Сравнительное исследование состоит из следующих этапов:

1) сравнение общих признаков, результаты которого позволяют решить вопрос о различии;

2) сравнение родовых, видовых и групповых признаков, которое позволяет решить вопрос о принадлежности объектов к одному роду, виду и группе;

3) сравнение отдельных признаков (особенностей), на основании которого, с учетом вышеупомянутых сравнений, устанавливается

факт наличия или отсутствия индивидуальной тождественности.

В экспертизе всего комплекса наименований товарных знаков и знаков обслуживания наиболее применимыми являются известные методы сравнения изображений: простое сопоставление, сочетания и наложения изображений, наложение сеток и др. В основном при сравнениях товарных знаков используются простые визуальные и компьютерные методы анализа изображений. Могут быть применены и иные методы экспертного исследования, на чем следует остановиться более подробно. Известно, что смешение товарных знаков может быть следствием графической, фонетической или семантической схожести объектов целиком или их доминирующих элементов [1]. Вместе с этим, такие признаки взаимосвязаны, сходство по признакам даже одного вида может быть достаточным для смешения.

Проанализируем вначале товарные знаки и знаки обслуживания, представленные на исследование в виде словесных обозначений. Экспертное исследование такого типа объектов осуществляется при помощи лингвистического вида анализа, используя, например, семантические, ассоциативные, фонетические, коммуникативные, графические и др. критерии. Например, к основным признакам графического сходства словесных обозначений относятся следующие признаки:

- общее зрительное впечатление;
- вид шрифта;
- алфавит, буквами которого написано слово;
- графическое написание с учетом характера букв (печатные или письменные, заглавные или строчные и т.д.);
- расположение букв по отношению друг к другу;
- цвет или цветовое сочетание.

При производстве экспертизы словесных обозначений в части графического сходства следует учитывать, что зрительно-визуальное восприятие таких товарных знаков может усилить либо ослабить сходство/различие сравниваемых обозначений. Например, во-первых, если в качестве словесного обозначения будет использоваться оригинальное (своеобразное) его графическое исполнение, то обозначение может утратить свой словесный характер и плавно трансформируется в изобразительное обозначение. Соответственно, и экспертиза таких обозначений должна будет проводиться в соответствии с требованиями, предъявляемыми к изобразительным обозначениям. Во-вторых, в экспертной практике могут встречаться случаи, когда сравниваемые сло-

весные обозначения выполнены одинаковым шрифтом в совпадающей или различной графике («MALVA» – «МАЛЬВА»; «ЖИВИЦА» – «ЖИВИЦА», «TIDE» – «ТАИД» и т.д.), имеющие общую или различающуюся фонетическую или семантическую основу. Тогда при определении сходства/различия подобных обозначений эксперту-филологу может потребоваться провести социолингвистическую ассоциативную связь (изучить контекст, значение, смысл и т.д.) между рассматриваемыми словесными обозначениями. Вместе с тем, графическое сходство отдельных словесных обозначений товарных знаков в ряде случаев не может выступать в качестве основного и самостоятельного критерия. Очевидно, тогда потребуется использование в экспертизе иных методов исследования, а в ряде случаев желательно использовать и результаты социологических опросов.

Экспертное установление звукового или фонетического сходства словесных обозначений товарных знаков определяется на основании следующих лингвистических признаков:

- наличие близких и совпадающих звуков;
- близость звуков;
- расположение близких звуков и звукосочетаний по отношению друг к другу;
- наличие совпадающих слогов и их расположение;
- число слогов;
- место совпадающих звукосочетаний в их составе;
- близость состава гласных;
- близость состава согласных;
- характер совпадающих частей;
- вхождение одного обозначения в другое;
- ударение.

Приведенные лингвистические признаки, на основании которых определяется звуковое подобие словесных обозначений, могут учитываться как каждый в отдельности, так и в различных сочетаниях. Известно, что в составе словесных обозначений товарных знаков могут использоваться как сочетания слов, так и сложные по структуре слова, имеющие в своем составе несколько полнозначных основ, образующих структурно-семантическое единство. Такие слова образуются либо объединением двух и более полнозначных слов или их частей в цельнооформленный комплекс по определенному лексическому образцу («ВКУСНАЯ МИНУТКА»; «ДОКТОР ТЕН»; «WATER MOON» и т.д.). В ряде случаев элементы сложного слова могут являться однородными в смысловом (а также и в формальном) отношении. Однако, гораздо чаще, в составе сложного слова элементы не являются однородными по их смыс-

ловой функции. То есть между ними могут существовать более сложные смысловые отношения: один из элементов определяет (доминирует) или уточняет в каком-либо отношении другой элемент сложного слова («ТЕХНОСИТИ»; «MEGASPELL»). В таком случае речь идет о сильных и слабых элементах сложных словесных обозначений. При этом, сильные элементы являются оригинальными и определяющими словами («СИТИ»; «SPELL»), а слабые элементы не несут охранноспособных функций таких номинаций («ТЕХНО»; «MEGA»). При сравнительном анализе словесных обозначений товарных знаков следует учитывать именно сходство/различие опорных элементов слов в отличие от уточняющих компонентов («MEGASNELL»; «MEGASPELL»). Иногда сравниваемые словесные обозначения товарных знаков могут быть представлены в латинизированном виде (буквами латинского алфавита) или транслитерировано. Поэтому при установлении фонетического сходства надо знать произношение сравниваемых лексем и составляющих их составных частей, а также применяемые ударения. В отдельных случаях может быть проведен перцептивный акустический анализ темпоральных, динамических и спектральных параметров ритмической схемы анализируемого слова, что покажет их близость (или разность) акустических параметров. Это может также способствовать созданию сходных (различных) звуковых образов в слуховом восприятии пользователей и потребителей.

При установлении смыслового (семантического) сходства словесных обозначений товарных знаков до степени смешения используются несколько иные критерии. Основными из них являются:

- близость заложенных в обозначениях понятий, идей, мнений (в частности, совпадение значения обозначений в разных языках);
- совпадение одного из элементов обозначений, на который падает логическое ударение и который имеет самостоятельное значение;
- противоположность заложенных в обозначениях понятий, идей, суждений.

В экспертном исследовании должна производиться проверка словесных обозначений товарных знаков с учетом определения места лексической единицы в языковой системе анализируемого языка (например, в словарях современного русского языка, соответствующих электронных словарях, размещенных в ресурсах Интернета). При этом, определяется лингвистический статус каждого сопоставимого словесного обозначения либо его эквивалента в языке, устанавливаются формально-

содержательные характеристики слова, его семантика (например, «НЕЗАБУДКИ... ДЛЯ ВАС» – «НЕЗАБУДКА»; «МЕЛОДИЯ СНА» – «МУЗЫКА СНА»; «КОСМО» – «КОСМО MARKET»).

При семантическом анализе словесных обозначений, созданных искусственных путем (слов, аббревиатур), может оказаться, что в толковых и в электронных словарях не будет обнаружено искомого словесного образования. И, соответственно, такие слова не могут иметь явно выраженных семантических признаков («AWC»; «DIACOR»; «MIMS» и др.). В таких случаях потребуются осуществить анализ искусственного образования путем его деления на самостоятельные части (элементы). Каждый из элементов должен быть проверен в соответствующем лексикографическом источнике и определено его место в языковой системе языка в контексте восприятия (сознания) потребителя товаров и услуг. Однако, в методологическом плане не всегда допустимо расчленение композитов на составные части и отождествление этих элементов с самостоятельными словами. Исследование происхождения и функционирования отдельных языковых единиц в современном языкознании следует проводить очень осторожно, ведь некоторые элементы могут в сложном слове выступать в качестве словообразовательных формантов или же самостоятельной номинацией, что может впоследствии привести к ошибочным результатам.

Другим аспектом исследования является установление факта тождественности или сходства до степени смешения товарных знаков и знаков обслуживания, представленных либо чисто графическим изображением, либо комбинацией графического изображения и словесного. Решение по первому вопросу (о тождественности) не представляет существенных трудностей. Как было отмечено выше, данная задача решается известными методами сравнения изображений: простое сопоставление, сочетания и наложения изображений, наложение сеток и др. Решение по второму вопросу (смещение товарных знаков) представляет определенные трудности.

Как известно из практики, при определении сходства изобразительных, комбинированных и объемных обозначений товарных знаков первое впечатление является наиболее влиятельным, а последующий анализ способен выявить отличие обозначений из-за различия отдельных элементов. Так как при зрительном восприятии осмотр объекта преимущественно начинается с его внешнего контура, то он же и запоминается в первую очередь. Следовательно, первоначально определение степени

сходства обозначений необходимо начинать с сопоставления сходства их внешней формы, не считая незначительную разницу в других деталях обозначений. Следует отметить тот факт, что на данное время не существует метода формализации исследований товарных знаков на предмет их сходства до степени смешения. Формализация – это методика приведения результатов исследования к единому числу (величине), которое позволяет принять решение о сходстве либо различии двух исследуемых товарных знаков до степени смешения.

По нашему мнению, наиболее эффективным методом решения поставленной задачи (формализация исследований) является применение аппарата корреляционной функции (далее – КФ). КФ – это функция, входными параметрами которой являются два графических изображения, а выходным число со значением от -1.0 до $+1.0$, характеризующее степень сходства двух исследуемых графических изображений. Чем больше полученное значение, тем больше сходство изображений (для тождественных изображений $КФ=1$).

Применяя аппарат КФ, можно получить порог P и доверительный интервал α , которые используются при сравнительном анализе двух товарных знаков на их сходство до степени смешения. Принятие решения о сходстве изображений товарных знаков до степени смешения выполняется следующим образом. С помощью созданного программного комплекса «ТМРogog» [2] определяется значение КФ для исследуемых изображений. В случае если $КФ > P + \alpha$, то принимается решение о сходстве изображений товарных знаков до степени смешения. Если $КФ < P - \alpha$, то изображения не схожи. Если $P - \alpha \leq КФ \leq P + \alpha$, то необходимы дополнительные исследования частных графических признаков (описывается ниже).

Метод определения порога P и доверительного интервала α следующий. По базе аналогов товарных знаков (в частности, такая база есть в «Национальном центре интеллектуальной собственности») с помощью соответствующей функции программного комплекса «ТМРogog» проводится сравнение всех представленных изображений с их аналогами. По полученным значениям КФ определяется порог P , а по гистограмме распределения величин КФ определяется доверительный интервал α . Подробно данный метод описан в [3].

Как было отмечено выше, в случае, если $P - \alpha \leq КФ \leq P + \alpha$, необходимо проводить дополнительные исследования на предмет выявления совпадающих и несовпадающих частных графических элементов. Для проведения таких исследований в программный комплекс

«ТМРogog» включена соответствующая функция. Эта функция позволяет выделить совпадающие и несовпадающие графические элементы при сравнении изображений двух товарных знаков, что существенно облегчает проведение исследований и уменьшает субъективность принятия решения.

Как показала практика сотрудничества со специалистами «Национального центра интеллектуальной собственности», одним из важнейших признаков сходства изображений товарных знаков являются доминирующие элементы. Доминирующий элемент в товарном знаке – это такой элемент (или группа элементов), который за счет своих определенных характеристик преимущественно привлекает внимание потребителей и, по сравнению с другими элементами, играет наиболее значимую роль при сопоставлении ими определенного товара и производителя. По результатам проведенных исследований в программный комплекс «ТМРogog» была введена дополнительная функция, позволяющая выделять на товарных знаках доминирующие элементы и проводить их сравнительный анализ с использованием методики порогового значения, описанного выше. С описанием данной функции и ее эффективностью можно ознакомиться в литературе [4]. Особую актуальность метод выделения и сравнения доминирующих элементов приобретает при процедуре регистрации товарных знаков, где нужно определить, есть ли в базе зарегистрированных товарных знаков аналог вновь регистрируемому знаку. В данном случае методика позволяет ускорить процесс регистрации и уменьшить субъективизм при определении существования аналога среди зарегистрированных товарных знаков.

В итоге результатом сравнительного исследования является установление совпадений и различий признаков сравниваемых объектов. Для этой стадии характерно применение приемов логического обобщения и абстрактного мышления. Абстрагирование в данном случае направлено на определение общего и особенного, внутренних связей и закономерностей проявлений объектов и, в конечном счете, сущность явлений, которые изучаются. Результаты исследования в заключении эксперта должны быть тщательно зафиксированы (описаны, а в необходимых случаях и проиллюстрированы наглядным материалом).

Обычно при сравнительном исследовании выявляются как совпадающие, так и различающиеся признаки. Оценка должна быть дана и тем и другим. Вопрос первичности и последовательности оценки признаков не имеет однозначного решения в литературе. Это следует

решать в соответствии с конкретной ситуацией экспертного исследования. В практике экспертизы товарных знаков оценка обычно начинается по совпадающим признакам. Однако совпадение признаков еще не свидетельствует о тождественности объектов. Выявленным совпадениям и расхождениям в признаках обязательно должна быть дана оценка, которая обычно осуществляется на стадии обобщения и оценки результатов экспертного исследования.

Важным методическим условием является требование о необходимости рассмотрения обозначений товарных знаков в целом, что, однако, не исключает необходимости выяснения влияния отдельных элементов на смешение. В исследовании сначала необходимо выяснить принадлежность элементов к существенным или несущественным, а уже потом определить какие именно элементы должны сравниваться. Соответственно, различие в несущественных деталях не может служить основанием для признания обозначений несхожими, а наличие в составе сравниваемых обозначений

одинаковых или похожих элементов усиливает сходство обозначений в целом.

Таким образом, в результате применения на практике предлагаемых организационных и методических приемов, использования широкого спектра методов исследования изображений товарных знаков, специального программного обеспечения может быть заложена основа для разработки экспертной методики, которая позволит:

- выработать единый подход к исследованию товарных знаков на предмет их сходства до степени смешения;
- облегчить и ускорить проведение исследований по решению спорных вопросов о сходстве товарных знаков;
- ускорить регистрацию товарных знаков, что обусловлено автоматизацией поиска аналогов по базе зарегистрированных товарных знаков;
- уменьшить субъективизм при проведении исследований о сходстве или различии товарных знаков путем использования предложенного метода формализации.

Список использованных источников

208

1. Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.palatapp.ru/met3.shtml>. – Дата доступа: 28.09.2011.
2. Программный комплекс для исследования товарных знаков и обозначений при проведении судебных экспертиз / С.М. Завгороднев [и др.] // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции Республики Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2011. – Вып. 1/29. – С. 187–193.
3. Формализация метода исследования товарных знаков по графическим изображениям / И.Г. Дода [и др.] // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции Республики Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2011. – Вып. 1/29. – С. 182–186.
4. Особенности исследования товарных знаков на программном комплексе «ТМРого» / Т.Е. Габа [и др.] // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции Республики Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2011. – Вып. 2/30. – С. 219–222.

Дата поступления: 11.10.2011

Annotation

In the modern world, consumers are faced with the need to choose a product (a service) from a number of similar (homogeneous) goods marked by images that are similar in appearance. The trademark is usually considered to be confusingly similar with another trademark if it is similar in its objective characteristics, which may probably mislead consumers. To resolve such contentious cases, the intervention of specialists or experts is required. Therefore, specific recommendations on conducting expert researches on confusingly similar trademarks are offered.

**АВТОМАТИЗАЦИЯ
ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ**КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ МЕТОД СРАВНЕНИЯ
ГРАФИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ****Завгороднев С.М.****Коляда А.А.**

д-р физ.-мат. наук

Ревинский В.В.

д-р техн. наук, доцент

Сиверский Ф.А.ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции
Республики Беларусь»

Известно, что для установления сходства до степени смешения обозначений товарных знаков обычно применяются визуальный (графический), звуковой (фонетический) и лингвистический (семантический) методы. При этом первый из указанных методов является наиболее приспособленным к компьютерным реализациям. Благодаря значительным успехам развития современных технологий цифровой обработки изображений, он позволяет достичь существенного повышения достоверности, уровня объективности и производительности экспертного анализа.

Как следует из литературных источников и опыта работы экспертов по исследованию товарных знаков, в настоящее время не существует четкой методики, позволяющей принять однозначное решение о сходстве товарных знаков до степени смешения. При принятии решения о сходстве изобразительных, комбинированных и объемных обозначений товарных знаков вполне оправданным считается применение принципа первого впечатления. Обоснованием приоритетности первого впечатления служит тот факт, что именно это впечатление является ближайшим к восприятию знака потребителями. Правило, базирующееся на указанном принципе, предполагает, что, несмотря на обнаруженные после первого впечатления о сходстве знаков отличия сравниваемых обозначений по отдельным элементам, все же следует руководствоваться первым впечатлением.

На основе нейрофизиологического исследования зрительной системы живых организмов было установлено, что начальным шагом процесса распознавания изображения является обнаружение изменения яркости. В соответствии с данным выводом при зрительном восприятии осмотр объекта, как правило, начинается с его внешнего контура. Поэтому

он запоминается в первую очередь. Следовательно, определение степени сходства обозначений товарных знаков нужно проводить, ориентируясь, прежде всего, на сходстве их внешних форм без учета незначительных отличий в других деталях обозначений. Для получения адекватных объективных оценок степени сходства графических изображений товарных знаков успешно может быть применен аппарат корреляционной функции (КФ) [1 (§19.1); 2(§7)].

Аннотация

В статье исследуются проблемы применения аппарата корреляционной функции в задаче сравнения товарных знаков по их графическим изображениям. Исходя из принципа «первого впечатления», дана математическая формализация требуемой модификации корреляционного метода и рассмотрены ключевые этапы ее компьютерной реализации: выделение контурных компонент изображений, синтез базового алгоритма корреляционного сравнения и его качественный анализ (валидация).

Настоящая статья посвящена проблемам формализации и компьютерной реализации корреляционного метода для исследования товарных знаков по их графическим изображениям.

1. Базовые обозначения и терминология

1.1. $\lfloor a \rfloor$ и $\lceil a \rceil$ – наибольшее и наименьшее целые числа (ЦЧ), соответственно, не большее и не меньшее вещественной величины a .

1.2. $\lceil a \rceil$ – ближайшее к a ЦЧ, определяемое как

$$\lceil a \rceil = \begin{cases} \lfloor a \rfloor, & \text{если } a < \lfloor a \rfloor + 0,5, \\ \lceil a \rceil, & \text{если } a \geq \lfloor a \rfloor + 0,5. \end{cases}$$

1.3. $\text{sgn}(a)$ – знаковая функция вида

$$\text{sgn}(a) = \begin{cases} 0, & \text{если } a \geq 0, \\ 1, & \text{если } a < 0. \end{cases}$$

1.4. $X = \{x | C\} = \{x\}_C$ – множество всех x , удовлетворяющих условию C .

1.5. $|X|$ – мощность (число элементов) множества X .

1.6. $X \times Y = \{\forall (x, y) | x \in X, y \in Y\}$ – декартово произведение множеств X и Y .

1.7. $Z_m = \{0, 1, \dots, m-1\}$, $Z_m^- = \{-\lfloor m/2 \rfloor, -\lfloor m/2 \rfloor + 1, \dots, \lfloor m/2 \rfloor - 1\}$ (m – натуральное число).

1.8. $A = [a_{i,j}] = [a_{i,j}]_{i=1, \dots, k, j=1, \dots, l}$ – матрица из элементов $a_{i,j}$, имеющая k строк и l столбцов.

1.9. $F = \{f(x, y)\} = \{f(x, y)\}_{(x,y) \in \Omega}$ – изображение, заданное на кадре $\Omega = Z_W \times Z_H$ шириной W и высотой H точек (x, y) ; $f(x, y)$ – яркость (интенсивность) в точке (x, y) .

1.10. $A(x, y; L_1 \times L_2) = \{\forall (x+i, y+j) | i \in Z_{L_1}^-, j \in Z_{L_2}^-; L_s = 2w_s + 1, w_s \text{ – неотрицательное ЦЧ } (s=1, 2)\}$ – прямоугольная апертура в плоскости изображения с центром (x, y) и размерами L_1 и L_2 точек (пикселей) по горизонтали и вертикали соответственно.

1.11. Γ_F – множество точек кадра Ω , отвечающее наиболее значимой (для решаемой задачи) части изображения F , содержащей внешний контур.

1.12. $P\{E\}$ – вероятность события E .

1.13. $\text{HIST}_F(f; \Omega') = (N(f; \Omega')/N(\Omega'))$ – гистограмма относительных частот по явлению значения f в изображении F на некоторой области Ω' кадра ($N(f; \Omega') = |\{f(x, y) \in F | f(x, y) = f, (x, y) \in \Omega'\}|$, $N(\Omega') = |\Omega'|$).

1.14. $\text{HIST}_F(\Omega') = \{\text{HIST}_F(f; \Omega')\}_{f \in F}$ – гистограмма изображения F на области $\Omega' \subseteq \Omega$ по множеству F упорядоченный по возрастанию значений f яркости.

1.15. $\nabla f = \text{grad } f(x, y) = (\partial f(x, y)/\partial x, \partial f(x, y)/\partial y) = (g_1(x, y), g_2(x, y))$ – вектор градиента скалярной функции $f(x, y)$.

1.16. $g(x, y) = |\nabla f|$ – градиент функции $f(x, y)$, вычисляемый по Евклидовой или абсолютной метрикам согласно формулам: $g(x, y) = (g_1^2(x, y) + g_2^2(x, y))^{0.5}$ и $g(x, y) = |g_1(x, y)| + |g_2(x, y)|$ соответственно.

2. Методологические и алгоритмические средства выделения контуров

Исходной предпосылкой предлагаемой версии корреляционного метода для оценки сходства до степени смешения товарных знаков по их графическим изображениям служит принцип «первого впечатления». Его реализация требует выделения на исследуемом изображении $F = \{f(x, y)\}_{(x,y) \in \Omega}$ внешнего контура. При этом в рамках применяемого подхода достаточно ограничиться формированием на кадре Ω некоторого множества Ω_F , которое включает совокупность точек, отвечающих контуру. Сформулированная базовая концепция корреляционного варианта визуального (графического) метода сравнения товарных знаков позволяет свести операцию выделения контура к формированию соответствующе-

го связанного множества Ω_F , а также существенно сократить объем необходимых вычислений.

Задача выделения контуров объектов фактически требует выполнения в том или ином виде сегментации изображения [3–5], т.е. его декомпозиции на компоненты, отличающиеся друг от друга значениями некоторой характеристики – обычно яркости. Как правило, алгоритмы сегментации используют одно из двух базовых свойств сигнала яркости: разрывность и однородность [1; 3; 5]. В первом случае изображение разбивается на составные части по признаку резкого изменения яркости (перепадов). Во втором случае декомпозиция осуществляется на однородные (по выбранным критериям) области.

Наиболее общий способ детектирования разрывов состоит в применении некоторой, скользящей маски – матрицы, чаще всего третьего порядка:

$$C = \begin{bmatrix} c_1 & c_2 & c_3 \\ c_4 & c_5 & c_6 \\ c_7 & c_8 & c_9 \end{bmatrix}, \quad (1)$$

где $c_i (i = \overline{1,9})$ – специально подбираемые константы (веса). Выполняемая процедура основана на вычислении «скалярного произведения» маски (1) на фрагмент

$$F_{x,y} = \begin{bmatrix} z_1 & z_2 & z_3 \\ z_4 & z_5 & z_6 \\ z_7 & z_8 & z_9 \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} f(x-1, y-1) & f(x, y-1) & f(x+1, y-1) \\ f(x-1, y) & f(x, y) & f(x+1, y) \\ f(x-1, y+1) & f(x, y+1) & f(x+1, y+1) \end{bmatrix} \quad (2)$$

обрабатываемого изображения $F = \{f(x,y)\}$, интерпретируемых как векторы, полученные путем конкатенации строк матриц (1) и (2), т.е. на расчете линейной комбинации

$$g_{x,y} = (C, F_{x,y}) = \sum_{i=1}^9 c_i z_i. \quad (3)$$

При этом центральному элементу фрагмента $F_{x,y}$ изображения F ставится в соответствие значение $g_{x,y}$ выражения (3). После выполнения с использованием типовой вычислительной схемы (3) процедуры детектирования разрывов для всех $(x,y) \in \Omega$ формируется изображение $G = \{g_{x,y}\}_{(x,y) \in \Omega}$, которое должно содержать необходимую информацию о разрывах, а следовательно, и о контурных точках.

Операция отделения объектов обычно реализуется с помощью градиентного и порогового методов выделения контуров [1; 3; 5]. Остановимся подробнее на градиентной технологии обнаружения локальных разрывов сигнала яркости – яркостных перепадов, которые в совокупности определяют контуры объектов. В одномерном

случае перепад характеризуется высотой, углом наклона и координатой центра склона. Будем считать, что яркостные перепады разделяют области изображения с примерно одинаковой яркостью. В рамках градиентной технологии исходное изображение F подвергается обработке, обеспечивающей усиление яркостных перепадов. При этом используются преобразования типа (3). В результате получается изображение $G = \{g(x,y)\}$, отражающее подчеркнутые изменения яркости. Затем для изображения G выполняется операция сравнения с порогом, позволяющая определить местоположение на кадре Ω искомой области Ω_F , отвечающей контурному перепаду. Он может быть описан массивом $S = \{s(x,y)\}$ двучастных признаков

211

$$s(x,y) = \text{sgn}(T_k - g(x,y)) = \begin{cases} 1, & \text{если } g(x,y) > T_k, \\ 0 & \text{в остальных случаях,} \end{cases} \quad (4)$$

где T_k – ограничивающий порог, подбираемый либо экспериментальным путем, либо на основе гистограммы $\text{HIST}_G(\Omega)$ распределения значений элементов градиентного изображения G .

В рамках предлагаемого решения для формирования G применяется градиентный оператор Собела [1; 3; 5], определяемый парой масок:

$$C_1 = \begin{bmatrix} -1 & 0 & 1 \\ -2 & 0 & 2 \\ -1 & 0 & 1 \end{bmatrix}, \quad C_2 = \begin{bmatrix} -1 & 2 & -1 \\ 0 & 0 & 0 \\ 1 & 2 & 1 \end{bmatrix}. \quad (5)$$

Соотношения типа (3) для компонент вектора градиента – $\nabla f = (g_1(x,y), g_2(x,y))$ имеют вид:

$$g_1(x,y) = (C_1, F_{x,y}) = (f(x+1,y-1) + 2f(x+1,y) + f(x+1,y+1)) - \\ (f(x-1,y-1) + 2f(x-1,y) + f(x-1,y+1)); \quad (6)$$

$$g_2(x,y) = (C_2, F_{x,y}) = (f(x-1,y+1) + 2f(x,y+1) + f(x+1,y+1)) - \\ (f(x-1,y-1) + 2f(x,y-1) + f(x+1,y-1)). \quad (7)$$

Искомые элементами изображения G являются значения модулей $g(x,y) = |\nabla f|$ векторов ∇f , вычисленные с использованием (6) и (7), а также одной из метрик (евклидовой или абсолютной), описанных в 1.16.

Отметим, что сумма элементов каждой из градиентных масок (5) равна 0. Поэтому на однородных областях изображения F (имеющих примерно одинаковые значения яркости) величины (6) и (7)

близки к 0. В отличие от этого элементы, принадлежащие контуру на изображении G , принимают достаточно большие значения. Модуль $g(x,y)$ вектора градиента $\nabla f = (g_1(x,y), g_2(x,y))$ равен максимальной скорости изменения функции $f(x,y)$ в точке (x,y) , причем максимум достигается в направлении вектора градиента. Следовательно, направление контура в точке (x,y) определяется формулой

$$\alpha(x,y) = \left[\frac{\pi}{2} + \arctg \frac{g_2(x,y)}{g_1(x,y)} \right]_{\pi},$$

где $\alpha(x,y)$ – угол наклона ∇f к оси абсцисс ($\alpha(x,y) \in [-\pi/2; \pi/2)$); через $|a|_{\pi}^-$ обозначается симметрический остаток от деления a на π , определяемый равенством $a = |a|_{\pi}^- + \lfloor a/\pi \rfloor \pi$.

Точность процедуры определения массива S признаков контурных элементов (см.(4)) зависит от выбора порога T_{κ} . Ввиду однородности (по яркости) множества элементов изображения F , не относящихся к точкам разрыва, мощность этого множества превышает количество элементов, относящихся к контурному перепаду. Следовательно, гистограмма $HIST_G(\Omega)$ распре-

деления модулей $g(x,y)$ векторов ∇f достигает глобального максимума вне контура. Обозначим соответствующее этому максимуму значения $g(x,y)$ через g_0 . Пусть $g_1 = 2g_0$ и $g_2 = \max_{(x,y) \in \Omega} \{g(x,y)\}$. Тогда для выбора порога T_{κ} применим правило

212

$$T_{\kappa} = \gamma \sum_{g=g_1}^{g_2} g HIST_G(g; \Omega), \quad (8)$$

где γ – понижающий коэффициент ($\gamma \in [0;1]$).

Вполне понятно, что множество единичных элементов изображения S , отвечающих внешнему контуру, должно быть связным и иметь наибольшую мощность по сравнению с дру-

гими такими множествами. Ниже приведен алгоритм выделения на S требуемых областей (компонент), удовлетворяющих условию восьмисвязности.

Входные данные алгоритма: изображение $S = \{s(x,y)\}_{(x,y) \in \Omega}$ двучастных признаков контурных элементов, который описывается следующим аналогом правила (4):

$$s(x,y) = \begin{cases} 0, & \text{если } g(x,y) > T_{\kappa}, \\ 255, & \text{если } g(x,y) \leq T_{\kappa}. \end{cases}$$

Выходные данные: одномерный массив ACE_CC координат элементов связных компонент на S ; массив AA_CC начальных адресов (порядковых номеров слов в ACE_CC) наборов данных о связных компонентах; число N_CC связных компонент.

Тело алгоритма

ВСК.1. Положить $N_CC=0$, $A_CC=0$, $A=-1$, $B=0$.

ВСК.2. Присвоить переменной y начальное значение: $y=1$.

ВСК.3. Переменной x присвоить начальное значение: $x=1$.

ВСК.4. Если $s(x,y) \neq 0$, то перейти к ВСК.8.

ВСК.5. Выполнить действия по фиксации очередной новой связной компоненты: $N_CC = N_CC + 1$; $s(x,y) = N_CC$;

$$ACE_CC[A_CC] = zWy + x, \quad (9)$$

где W – ширина кадра изображения, z – z -координата элемента $s(x,y)$;

$$AA_CC[N_CC] = A_CC.$$

ВСК.6. Реализовать циклический процесс по обнаружению и регистрации элементов изображения S , обладающих свойством восьмисвязности по отношению к элементам формируемой компоненты, z -координаты которых записаны в массиве ACE_CC в словах с порядковыми номерами (относительными адресами) от A до B . Данный процесс включает последовательность шагов:

а) инкрементировать адресную переменную A ($A=A+1$);

б) из массива ACE_CC извлечь z -координату очередного элемента, а именно $z=Wu+v$ (u и v – соответствующие абсцисса и ордината);

в) для всех точек апертury $A(u,v;3 \times 3)$, кроме центра (u,v) , которым отвечают нулевые одноименные элементы изображения S , значение 0 в S заменить на N_CC , адресную переменную B инкрементировать ($B=B+1$) и в массив ACE_CC по относительному адресу B записать z -координату;

д) если $A \neq B$, то перейти к шагу а.

ВСК.7. Положить $A_CC = A+1$.

ВСК.8. Если $x \neq W-2$, то x инкрементировать ($x=x+1$) и перейти к ВСК.4.

ВСК.9. При $x=W-2$ и $y \neq H-2$ (H -высота кадра Ω) инкрементировать y ($y=y+1$) и перейти к ВСК.3.

ВСК.10. По достижении равенств $x=W-2$ и $y=H-2$ выполнить операцию $AA_CC[N_CC+1]=A_CC$ и завершить работу алгоритма.

После реализации приведенного алгоритма в массиве ACE_CC будут находиться последовательности z -координат: $z_{1,n}, z_{2,n}, \dots, z_{k_n,n}$ ($k_n > 1$), элементов восьмисвязных компонент изображения

S ($n = \overline{1, N_CC}$; N_CC – число полученных компонент). Согласно (9) z -координата $z_{i,n}$ и соответствующая пара декартовых координат $(x_{i,n}, y_{i,n})$ ($i = \overline{1, k_n}$) связаны равенством

$$z_{i,n} = Wy_{i,n} + x_{i,n} (y_{i,n} = \lfloor z_{i,n} / W \rfloor, x_{i,n} = z_{i,n} - Wy_{i,n}). \quad (10)$$

Номер A_CC слова в массиве ACE_CC со значением $z_{1,n}$ является n -м элементом одномерного массива AA_CC . Таким образом, количество элементов n -й связной компоненты составляет $k_n = AA_CC[n+1] - AA_CC[n]$.

На основании вышеизложенного синтезирован алгоритм формирования множества Γ_F точек кадра Ω , отвечающего искомой контурной части изображения F . Приведем данный алгоритм.

Входные данные алгоритма: исследуемое полутоновое изображение $F = \{f(x,y)\}$ ($f(x,y) \in Z_{256}$).

Выходные данные: область определения Γ_F значимой части изображения F , которая включает необходимое множество контурных элементов, описываемая содержимыми массивов ACE_CC , AA_CC и переменной N_CC (см.(10)).

Тело алгоритма формирования контурного множества.

ФК.1. Для F рассчитать градиентное изображение $G = \{g(x,y)\}_{x,y} \in \Omega$ с применением (5)-(7) и одной из метрик, указанных в 1.16.

ФК.2. Построить гистограмму $HIST_G(\Omega) = \{HIST_G(g, \Omega)\}$ распределения значений модулей $g(x,y) = |\nabla F|$ векторов градиента ∇F на Ω по формулам, приведенным в пунктах 1.13, 1.14 с определением точки g_0 глобального максимума гистограммы, а также параметров $g_1 = 2g_0$ и $g_2 = \max_{(x,y) \in \Omega} \{g(x,y)\}$.

ФК.3. По расчетному соотношению (8) вычислить порог T_κ для сегментации градиентного изображения G на однородную (по яркости) и контурную составляющие.

ФК.4. Сформировать изображение $S = \{s(x,y)_{(x,y) \in \Omega}\}$ признаков контурных элементов по правилу

$$s(x,y) = \begin{cases} 0, & \text{если } g(x,y) > T_\kappa, \\ 255, & \text{если } g(x,y) \leq T_\kappa. \end{cases}$$

ФК.5. С помощью процедуры ВСК.1–ВСК.10 на изображении S выделить восьмисвязные области нулевых элементов, представленные содержимыми массивов ACE_CC и AA_CC – множеством z -координат соответствующих точек кадра:

$$\{z_{1,1}, z_{2,1}, \dots, z_{k_1,1}; z_{1,2}, z_{2,2}, \dots, z_{k_2,2}; \dots; z_{1,N_CC}, z_{2,N_CC}, \dots, z_{k_{N_CC}, N_CC}\} \quad (11)$$

и набором относительных адресов:

$$\{A_1, A_2, \dots, A_{N_CC}, A_{N_CC+1}\}, \quad (12)$$

где N_CC – количество связных компонент; A_n – порядковый номер элемента $z_{1,n}$ в (11)

($n = \overline{1, N_CC}$), A_{N_CC+1} – увеличенный на 1 номер последнего элемента в (11); $k_n = (A_{n+1} - A_n)$ – число элементов n -й связной компоненты.

ФК.6. В качестве области определения искомой совокупности контурных элементов изображения F принять наиболее мощную связную компоненту из числа зарегистрированных в массивах ACE_CC и AA_CC (см.(11),(12)), т.е. множество

$$\Gamma_F = \{ \forall (x_i, y_i) | (x_i, y_i) = (x_{i,m}, y_{i,m}) (y_{i,m} = \lfloor z_{i,m} / W \rfloor, \\ x_{i,m} = z_{i,m} - W y_{i,m} (i = \overline{1, m})); m = \max \{k_1, k_2, \dots, k_{N_CC}\} \}. \quad (13)$$

ФК.7. Завершить работу алгоритма.

Восьмисвязность множества (13) допускает наличие в нем «дыр». Применение таких множеств в корреляционном методе сравнения товарных знаков по графическим изображениям, в принципе, может привести к снижению достоверности результата данной операции. Негативное влияние отмеченного фактора можно нивелировать путем расширения множества Γ_F за счет его дополнения точками, которые попадают в апертуры $A(x_{i,m}, y_{i,m}; 3 \times 3) (i = \overline{1, m})$

и не принадлежат (13). Следует также отметить, что качественные характеристики процесса сравнения товарных знаков корреляционным методом могут быть существенно улучшены, если при выполнении операции сравнения использовать не одно (наиболее мощное) связное множество (13), а все множества, описываемые наборами (11) и (12). При этом, однако, трудоемкость компьютерной реализации корреляционного метода возрастает.

3. Корреляционный метод сравнения графических изображений товарных знаков

Пусть на кадре Ω заданы графические изображения $T = \{t(x, y)\}_{(x, y) \in \Omega}$ и $F = \{f(x, y)\}_{(x, y) \in \Omega}$

соответственно зарегистрированного и представленного на экспертизу товарных знаков. Для простоты будем считать, что оба изображения: T и F , имеют одинаковые размеры W и H . Оставляя в стороне вопрос о поэлемент-

ном совмещении (привязке) изображений T и F , предположим, что наиболее значимой (для рассматриваемой задачи) части изображения T , включающей внешний контур, на кадре Ω отвечает некоторое множество точек – Γ_F типа (13). Тогда в качестве основы для расчета искомой меры сходства изображений T и F может служить корреляционная функция вида

$$R_{T,F}(i, j) = \sum_{(x, y) \in \Gamma_T} t(x, y) f(x + i, y + j) \quad ((i, j) \in Z_L^- \times Z_L^-; \\ L = 2w + 1, w - \text{фиксированное неотрицательное целое число}). \quad (14)$$

В (14) для каждой пары $(i, j) \in Z_L^- \times Z_L^-$ учитываются корреляционные связи между элементами $t(x, y)$ изображения T и элементами $f(x + i, y + j)$ изображения F при всех $(x, y) \in \Gamma_T$. Таким образом, вычисляется набор из L^2 КФ:

$$\mathbf{R}_{T,F}(\Gamma_T) = \{R_{T,F}(i, j) | (i, j) \in Z_L^- \times Z_L^-\}. \quad (15)$$

В простейшем случае, когда $w=0, L=1, Z_L^- = \{0\}$ и множество (15) содержит только одну КФ вида

$$\mathbf{R}_{T,F} = \mathbf{R}_{T,F}(0, 0) = \sum_{(x, y) \in \Gamma_T} t(x, y) f(x, y). \quad (16)$$

В (16) учитываются лишь корреляционные связи между одноименными элементами исследуемых изображений T и F на множестве Γ_T .

Идея о применении КФ (14) для оценки сходства графических изображений товарных знаков базируется на том, что большему значению КФ $\mathbf{R}_{T,F}(i, j)$ отвечает более высокая степень сходства T и F на Γ_T . Правомомерность данного утверждения вытекает из критерия минимума средней квадратической ошибки, которая в нашем случае определяется как

$$D_{T,F}(i, j) = \sum_{(x, y) \in \Gamma_T} (t(x, y) - f(x + i, y + j))^2. \quad (17)$$

Представим (17) в виде

$$D_{T,F}(i, j) = \mathbf{R}_{T,F} - 2\mathbf{R}_{T,F}(i, j) + \mathbf{R}_{T,F}(i, j), \quad (18)$$

где

$$\mathbf{R}_{T,F} = \sum_{(x,y) \in \Gamma_T} t^2(x,y); \quad (19)$$

$$\mathbf{R}_{T,F}(i,j) = \sum_{(x,y) \in \Gamma_T} f^2(x+i,y+j); \quad (20)$$

$\mathbf{R}_{T,F}(i,j)$ определяется соотношением (14).

Поскольку элементы $t(x,y)$ изображения Т фиксированы, то при возрастании величины $d^2 = (t(x,y) - f(x+i,y+j))^2$ ($d = (t(x,y) - f(x+i,y+j)) \in [t(x,y) - 255; t(x,y)]$) произведение $r(d) = t(x,y) f(x+i,y+j) = t(x,y)(t(x,y) - d)$, как функция аргумента d , убывает. Поэтому из (18)-(20) следует, что критерий минимума средней квадратической ошибки $D_{T,F}(i,j)$ равнозначен критерию максимума КФ $\mathbf{R}_{T,F}(i,j)$. При поэлементном совпадении $t(x,y)$ и $f(x+i,y+j)$ функция $\mathbf{R}_{T,F}(i,j)$ достигает своего максимума:

$$\mathbf{R}_{T,F}(i,j) = \sum_{(x,y) \in \Gamma_T} t^2(x,y).$$

Из сказанного ясно, что в случае совпадения Т с F взаимная корреляция $\mathbf{R}_{T,F}(i,j)$ должна быть велика, что приводит к малым значениям средней квадратической ошибки $D_{T,F}(i,j)$. Однако величина взаимной корреляции не всегда адекватно отражает отличия исследуемых изображений. Дело в том, что значения яркости $f(x+i,y+j)$ могут заметно отличаться (из-за действия шумов искажений, вызванных пространственной дискретизацией и квантованием) от соответствующих элементов $t(x,y)$ изображения Т. От отмеченного недостатка свободна нормированная взаимная корреляция:

$$K_{T,F}(i,j) = \mathbf{R}_{T,F}(i,j) / (\mathbf{R}_{T,T} \mathbf{R}_{F,F}(i,j))^{1/2}. \quad (21)$$

При полном совпадении изображения F с Т нормированная корреляция (21) принимает максимальное значение: $K_{T,F}(i,j) = 1$ (см. (19)-(21)). Минимально возможным значением введенной корреляционной характеристики является $K_{T,F}(i,j) = 0$.

Реализация излагаемого подхода к определению степени сходства товарных знаков по их графическим изображениям предполагает вычисление по расчетным соотношениям (14), (19)-(21) набора нормированных взаимных корреляций:

$$\mathbf{K}_{T,F}(\Gamma_T) = \{K_{T,F}(i,j) \mid (i,j) \in \mathbf{Z}_L^- \times \mathbf{Z}_L^-\}. \quad (22)$$

Решающее правило, базирующееся на критерии максимума нормированной взаимной корреляции, можно записать в виде

$$\max_{(i,j) \in \mathbf{Z}_L^- \times \mathbf{Z}_L^-} \{\mathbf{K}_{T,F}(i,j)\} > \mathbf{K}_{cx}, \quad (23)$$

где $\mathbf{K}_{cx}$ – установленный порог сходства изображений Т и F.

4. Корреляционный алгоритм сравнения товарных знаков

На базе изложенных положений аппарата корреляционной функции синтезирован алгоритм оценки уровня сходства товарных знаков по графическим изображениям. Далее раскрывается сущность и структурная организация алгоритма корреляционного сравнения.

Входные данные алгоритма:

Изображения $T = \{t(x,y)\}_{(x,y) \in \Omega}$ и $F = \{f(x,y)\}_{(x,y) \in \Omega}$ ($t(x,y), f(x,y) \in \mathbf{Z}_{256}$) соответственно зарегистрированного и представленного на экспертизу товарных знаков.

Выходные данные:

Уровень (показатель) К сходства изображений F и Т ($K \in [0;1]$), а также двузначный признак их совпадения в наиболее значимой части, определяемый как

$$s_{T,F} = 1 - \text{sgn}(K - K_{cx}) = \begin{cases} 1, & \text{если } K \geq K_{cx}, \\ 0, & \text{если } K < K_{cx}. \end{cases} \quad (24)$$

Тело алгоритма.

КС.1. С помощью процедуры ФК.1-ФК.7 (см. §2) для графического изображения Т зарегистрированного товарного знака выделить множество Γ_T точек кадра Ω , отвечающее контуру внешней формы знака.

КС.2. В соответствии с (14), (19)-(21) сформировать множество (22) нормированных взаимных корреляций – $\mathbf{K}_{T,F}(\Gamma_T)$.

КС.3. В множестве $\mathbf{K}_{T,F}(\Gamma_T)$ найти максимальный элемент:

$$K = K_{T,F}(i_0, j_0) = \max_{(i,j) \in \mathbf{Z}_L^- \times \mathbf{Z}_L^-} \{K_{T,F}(i,j)\} \mid (i_0, j_0) \in \mathbf{Z}_L^- \times \mathbf{Z}_L^-.$$

КС.4. Согласно правилу (24) определить признак $s_{T,F}$ совпадения графических изображений Т и F сравниваемых товарных знаков.

КС.5. Если $s_{T,F}=0$, то предъявленное на экспертизу графическое изображение F квалифицировать как не имеющее принципиально значимых признаков сходства с графическим изображением Т рассматриваемого зарегистрированного товарного знака.

КС.6. При $s_{T,F}=1$, принять решение, что по критерию максимума нормированной взаимной корреляции изображение F в наиболее значимой части совпадает с графическим изображением Т исследуемого зарегистрированного товарного знака с уровнем сходства $K = K_{T,F}(i_0, j_0) \in [0; 1]$.

КС.7. Завершить работу алгоритма.

Отметим, что требуемые для алгоритма КС.1–КС.7 процедуры выделения внешнего контура и расчета нормированных взаимных корреляций существенно упрощаются для бинарных изображений. Поэтому от исследуемых на сходство полутоновых изо-

бражений Т и F целесообразно перейти к их бинарным аналогам. В современной литературе по цифровой обработке изображений для решения данной задачи создан весьма развитый алгоритмический инструментарий [1; 3; 5].

5. Технология качественного анализа корреляционного метода для сравнения товарных знаков по графическим изображениям

Практическая реализация корреляционного алгоритма оценки сходства до степени смешения товарных знаков предполагает решение проблемы выбора подходящего значения порога K_{cx} , а также определение для него доверительного интервала: $(K_{cx}-\Delta; K_{cx}+\Delta)$ ($\Delta \in (0; 1)$), отвечающего заданной доверительной вероятности $P_{дов}$. Использование доверительного интервала повышает надежность (достоверность)

выводов эксперта. В рамках обозначенного подхода положительное решение о совпадении товарных знаков по их графическим изображениям принимается тогда, когда взаимная корреляция K , рассчитанная по корреляционному алгоритму КС.1–КС.7 для исследуемой пары товарных знаков, превышает $K_{cx}+\Delta$ и отрицательное при $K < K_{cx}-\Delta$. В остальных случаях, т.е. при выполнении неравенства

$$K_{cx}-\Delta \leq K \leq K_{cx}+\Delta, \quad (25)$$

необходимы дополнительные исследования. Значения порога K_{cx} и параметра Δ должны удовлетворять условию

$$P\{|K - K_{cx}| \leq \Delta\} \leq 1 - P_{дов} \quad (26)$$

в случае попадания K в область неопределенности, задаваемой неравенством (25) и условию

$$P\{|K - K_{cx}| > \Delta\} > P_{дов} \quad (27)$$

в случае выхода K за пределы указанной области.

Исходя из того, что нормированная взаимная корреляция K , вычисляемая по парам графических изображений – $\langle T, F \rangle$ сравниваемых товарных знаков в условиях извлечения F из множества изображений, отнесенных к одному классу, правомерно рассматривать как случайную величину, для определения искомых значений K_{cx} и Δ может быть применен излагаемый далее подход.

Согласно нормативам ВОИС товарному знаку при регистрации присваивается числовой индекс, характеризующий графическое изображение знака и определяющий его класс. В рамках осуществляемой индексации большие группы товарных знаков имеют одинаковые индексы. По этой причине из базы данных Национального центра интеллектуальной собственности РФ по индексам производятся выборки объемом

до нескольких тысяч знаков. Исходя из сказанного, при построении требуемой вероятностной схемы для получения K_{cx} и Δ в качестве первичной информационной основы используются указанные выборки изображений.

Предположим, что из базы товарных знаков, имеющих один и тот же фиксированный индекс, извлечен набор изображений: $F = \{F_1, F_2, \dots, F_N\}$ объемом N . Сформируем из элементов набора F множество пар изображений: $\Pi = \{\langle T, F \rangle | T, F \in F\}$ и, применяя корреляционный алгоритм КС.1–КС.7, рассчитаем для Π множество взаимных корреляций: $K = \{K_{T,F} | \langle T, F \rangle \in \Pi\}$. Упорядочивая элементы множества K по неубыванию, запишем его в виде

$$K = \{K_1, K_2, \dots, K_L\} \quad (K_1 \leq K_2 \leq \dots \leq K_L; L = N^2). \quad (28)$$

Параллельно с выполненными действиями (независимо) группа из n тестировщиков визуально исследует пары изображений набора F на предмет выявления сходства до степени смешения соответствующих товарных знаков

(согласно визуальному (графическому) методу). В результате для j -й пары изображений (в соответствии с нумерацией элементов в множестве (28)) формируются двузначные признаки

$$\delta_{i,j} = \begin{cases} 1 & \text{при обнаружении сходства изображение } j\text{-й пары } i\text{-м тестировщиком} \\ 0 & \text{в противном случае.} \end{cases} \quad (29)$$

$$(i = \overline{1, n}; j = \overline{1, L}).$$

Пусть $J = \{j_1, j_2, \dots, j_r\}$ – множество значений j в (29) таких, что $j_1 < j_2 < \dots < j_r$; $r \geq 1$; вектор вида

$$(\delta_{1,j_1}, \delta_{2,j_1}, \dots, \delta_{n,j_1}) \quad (30)$$

при всех $j < j_1$ является нулевым, при $j_1 \leq j < j_r$ имеет хотя бы одну нулевую и одну ненулевую компоненты, а при $j_r \leq j$ полностью состоит из единичных компонент. Принимая во внимание структуру векторов (30), элементы матрицы

$$\begin{bmatrix} \delta_{1,j_1} K_{j_1} & \delta_{1,j_2} K_{j_2} & \dots & \delta_{1,j_r} K_{j_r} \\ \delta_{2,j_1} K_{j_1} & \delta_{2,j_2} K_{j_2} & \dots & \delta_{2,j_r} K_{j_r} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ \delta_{n,j_1} K_{j_1} & \delta_{n,j_2} K_{j_2} & \dots & \delta_{n,j_r} K_{j_r} \end{bmatrix} \quad (31)$$

будем рассматривать как значения нормированной взаимной корреляции, группирующиеся около искомого порога K_{cx} . В соответствии с этим вычислим сначала выборочные средние и дисперсию случайной величины $K^{(i)}$ по выборке, которая представляет собой i -ю строку матрицы (31) для всех $i = \overline{1, n}$ по формулам:

$$\overline{K}^{(i)} = \frac{1}{n} \sum_{j \in J} \delta_{i,j} K_j, \quad (32)$$

$$S_i^2 = \frac{1}{n_i - 1} \sum_{j \in J} (\delta_{i,j} K_j - \overline{K}^{(i)})^2, \quad (33)$$

где $n_i = \sum_{j \in J} \delta_{i,j}$. Статистики (32) и (33) являются несмещенными оценками для среднего значения

$MK^{(i)}$ и дисперсии $\sigma_i^2 = DK^{(i)}$ случайной величины $K^{(i)}$ ($i = \overline{1, n}$) [6–8].

Для дисперсии статистики (32) верна оценка

$$DK^{(i)} \approx \tilde{S}_i^2 = S_i^2 / n_i. \quad (34)$$

Поскольку расчет выборочных статистик $\overline{K}^{(1)}, \overline{K}^{(2)}, \dots, \overline{K}^{(n)}$ базируется на решениях разных тестировщиков, то эти статистики, рассматриваемые как случайные величины, взаимно независимы. Поэтому согласно центральной предельной теореме [6; 7] характеристика

$$\overline{K} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \overline{K}^{(i)} \quad (35)$$

имеет асимптотически нормальное распределение со средним квадратическим отклонением (СКО)

$$\sigma = \sqrt{DK} \approx S = \frac{1}{n} \left(\sum_{i=1}^n \tilde{S}_i^2 \right)^{1/2}, \quad (36)$$

где $\tilde{S}_i$ – СКО величин $\overline{K}^{(i)}$, вычисляемое по (33), (34). Известно [6; 8], что закон распределения характеристики (35) можно считать нормальным при $n \geq 30$, а при $n < 30$ – распределением Стьюдента. В соответствии с этим, принимая в качестве искомого значения порога K_{cx} величину (35): $K_{cx} = \overline{K}$, при $n \geq 30$ полудлина Δ отрезка неопределенности – $[K_{cx} - \Delta; K_{cx} + \Delta]$, в корреляционном алгоритме КС.1–КС.7 оценки сходства до степени смешения товарных знаков (см.(25)), отвечающая

доверительной вероятности $P_{\text{дов}}$, определяется по правилу: $\Delta = T_n S$, где коэффициент T_n зависит от $P_{\text{дов}}$. Функция $T_n(P_{\text{дов}})$ описывается табличным способом. Если, например, $P_{\text{дов}} = 0,95$, то $T_n = 1,98$.

Таким образом, наиболее важные результаты представленных исследований по проблематике применения аппарата КФ в задаче сравнения графических изображений товарных знаков состоят в нижеследующем.

1. Проведена математическая формализация версии корреляционного метода для оценки уровня сходства товарных знаков по графическим изображениям, которая основана на принципе «первого впечатления». Важной отличительной особенностью предложенной реализации данного принципа является использование в процедуре расчета КФ неполных изображений, содержащих лишь элементы, группирующиеся в окрестности контурных частей. Это значительно сокращает объем необходимых вычислений.

2. Применяемый подход к выполнению операции сравнения товарных знаков корреляционным методом не требует построения контуров со всеми их атрибутами, а предполагает получение только соответствующих связных мно-

жеств. Это обеспечивает существенное упрощение результирующего алгоритма.

3. Разработаны принципиальные основы методики исследования качественных характеристик и выбора параметров синтезированного корреляционного алгоритма. Ключевой составляющей базовой вероятностной схемы методики служит матрица минимальных векторов значений взаимной корреляции, концентрирующихся в окрестности искомого порога сходства товарных знаков. Формирование указанной матрицы осуществляется по результатам работы алгоритма с учетом заключений группы тестировщиков при визуальном сравнении ими пар изображений из базы данных.

4. В рамках предложенной вероятностной схемы получены соотношения для расчета порога сходства товарных знаков в корреляционном алгоритме, а также соответствующего доверительного интервала, отвечающего установленной доверительной вероятности.

Список использованных источников

1. Прэтт, У. Цифровая обработка изображений / У. Прэтт. – М.: Мир, 1982. – Кн. 2. – 480 с.
2. Бейтс, Р. Восстановление и реконструкция изображений / Р. Бейтс, М. Мак-Доннелл. – М.: Мир, 1989. – 337 с.
3. Русин, Б.П. Системы синтеза, обработки та розпізнавання складноструктурованих зображень / Б.П. Русин. – Львів: Вертикаль, 1997. – 264 с.
4. Форсайт, Д.А. Компьютерное зрение. Современный подход / Д.А. Форсайт, Ж. Бонс. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. – 928 с.
5. Гонсалес, Р. Цифровая обработка изображений / Р. Гонсалес, Р. Вудс. – М.: Техносфера, 2005. – 1072 с.
6. Корн, Г. Справочник по математике для научных работников и инженеров / Г. Корн, Т. Корн. – М.: Наука, 1973. – 831 с.
7. Прохоров, Ю.В. Теория вероятностей: Основные понятия, предельные теоремы, случайные процессы / Ю.В. Прохоров, Ю.А. Розанов. – М.: Наука, 1987. – 400 с.
8. Гмурман, В.Е. Теория вероятностей и математическая статистика / В.Е. Гмурман. – М.: Высш. шк., 2003. – 479 с.

Дата поступления: 10.10.2011

Annotation

The article examines the problem of application of the correlation function device in order to compare trademarks by their graphic presentations. Based on the principle of «first impressions», the mathematical formalization of the required correlation method modification is given and the key stages of its computer implementation are examined: selection of contour components of images, synthesis of the correlative comparison basic algorithm and its qualitative analysis (validation).

АВТОМАТИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ НА ПРОГРАММНОМ КОМПЛЕКСЕ «ТМРОГО»

Габа Т.Е.

Куля А.В.

Сиверский Ф.А.

ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции
Республики Беларусь»

Голубев А.М.

Недвецкий Д.И.

Национальный центр
интеллектуальной собственности

Процесс сравнения двух товарных знаков с целью определения их сходства осуществляется непосредственно специалистом, выполняющим исследование. При этом возникают трудности, связанные со скоростью и субъективностью такого сравнения товарных знаков. Так, два специалиста могут дать различные заключения по одному и тому же вопросу. Согласно нормативам ВОИС торговому знаку при регистрации присваивается числовой индекс (класс), характеризующий его графическое изображение. Но ввиду малой селективности такой индексации большие группы товарных знаков имеют одинаковое значение индекса, а некоторые знаки могут принадлежать и нескольким индексам. В связи с этим в базе данных «Национального центра интеллектуальной собственности» по некоторым индексам производится выборка до нескольких тысяч товарных знаков, поэтому эксперту приходится проделать большой объем работы при регистрации нового знака, что сильно сказывается на времени принятия решения о регистрации. В связи с этим все актуальнее становится задача по автоматизации процесса поиска и помощи сравнения товарных знаков.

В Государственном учреждении «Центр судебных экспертиз и криминалистики Министерства юстиции Республики Беларусь» разработана программа для тестирования алгоритма сравнения товарных знаков «ТМРого», описанная в статье [1]. В ходе проверки ее работы на реальных задачах (товарных знаках) были выявлены следующие особенности, присущие некоторым товарным знакам: слабый контраст цветных изображений после их преобразования в градации серого, избыточный размер исходных изображений, наличие сложной структуры товарного знака, не позволяющей сравнивать их так, как воспринимает их человек. Для корректной работы программы в нее были добавлены следующие этапы предобработки: предварительное автоконтрастирование, которое растягивает диапазон яркости изображения на весь допустимый диапазон [2]; ограничение максимальных размеров при сравнении, для увеличения скорости работы, выделение доминирующего элемента, для правильного сравнения товарных знаков с точки зрения потребителя.

Из-за того, что товарные знаки могут иметь сложную структуру и состоять из множества различных элементов, значение корреляционной функции может неверно показывать степень схожести двух знаков, в сравнении

Аннотация

В статье рассматриваются особенности автоматизированного сравнения товарных знаков. Представлены примеры работы исследовательской программы «ТМРого». Описаны возникшие трудности при сравнении товарных знаков. Предложены методы их решения выделением доминирующего элемента на изображении.

с тем как их воспринимает человек. Так, значение функции схожести может быть невелико, даже при наличии одинаковых (или схожих) частей. Или же наоборот, различные по смыслу товарные знаки могут иметь высокое значение корреляционной функции из-за наличия большого количества совпадающих пикселей в их изображениях (общих второстепенных элементов, таких как рамка или фон).

На рисунке 1 представлен фрагмент программы «ТМРого» при сравнении схожих изображений, отличающихся лишь текстом.

Несмотря на то, что оба изображения имеют практически идентичные части, из-за наличия различающегося текста, занимающего значительный объем товарного знака, итоговое значение корреляционной функции относительно невелико. Обратный пример представлен на рисунке 2, здесь различные товарные знаки имеют схожую структуру (круглый контур и основной элемент, расположенный вертикально-новцентре), поэтому значение функции схожести для таких знаков достаточно велико, несмотря на их различие, очевидное для потребителей.

220

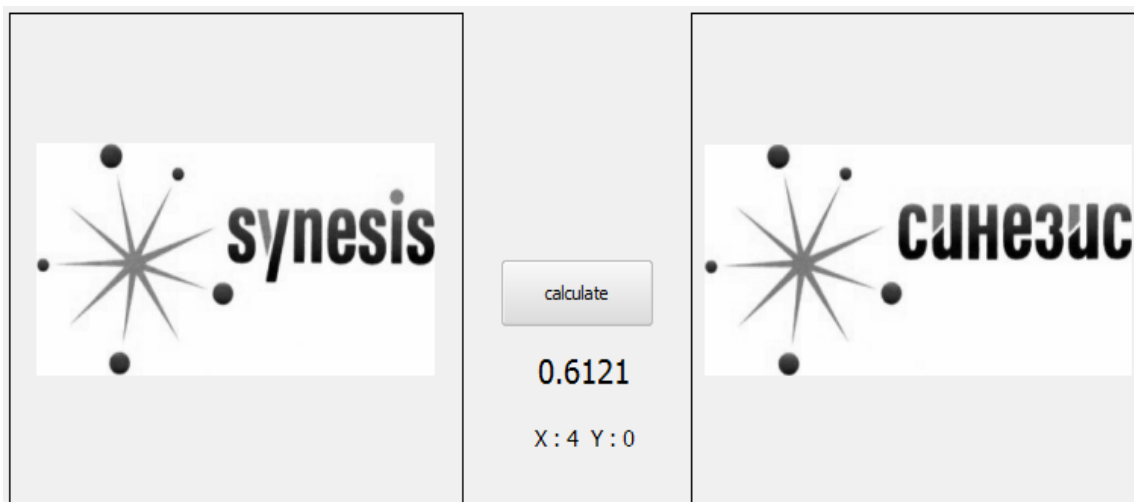

Рисунок 1 – Пример схожих товарных знаков с небольшим коэффициентом схожести

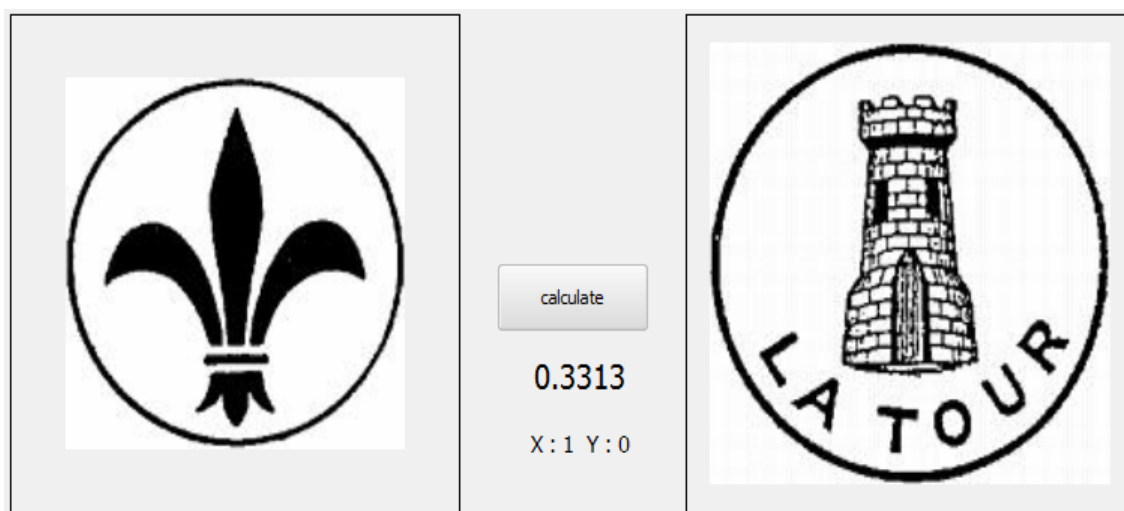

Рисунок 2 – Пример различных товарных знаков с относительно высоким коэффициентом схожести

Для того чтобы произвести корректное сравнение таких сложных комбинированных товарных знаков, необходимо выделять наиболее характерные элементы изображения товарного знака (доминирующие элементы). Доминирующий элемент товарного знака – это такой элемент, который за счет определенных характеристик преимущественно привлекает внимание потребителей и, по сравнению с другими элементами, играет наиболее значимую роль при выборе ими определенного товара. Доминирующее положение определенного элемента в составе знака может определяться геометрическим размером элемента, местом расположения элемента в плоскости изображения знака, смысловой нагрузкой элемента или влиянием элемента на зрительное или фонетическое восприятие знака в целом. К визуальным признакам, которые учитываются при решении вопроса относительно доминирования элемента в изображении товарного знака, относятся следующие признаки: топографические, размерные и цветные.

Изобразительные товарные знаки могут состоять из различных графических элементов: фигур, текста, чисел или их различных комбинаций. Даже у одной и той же компании могут быть различающиеся товарные знаки для товаров различных категорий. В большинстве случаев, человек без труда может распознать и выделить доминирующий элемент,

который и ассоциируется у потребителей с тем или иным производителем или товаром. Однако невозможно выделить доминирующие элементы автоматически. Существуют программы распознавания текста или выделения лиц на изображении, которые могут находить текст или геометрию лица на произвольном изображении, однако программно распознать все присутствующие элементы изображения невозможно. Поэтому невозможно определить смысловые нагрузки составных элементов и их влияние на зрительное восприятие. Но для человека такие задачи в большинстве своем являются обыденными.

Поэтому в программе «ТМРого» добавлена возможность выделения доминирующего элемента с помощью манипулятора «мышь». Пользователь осуществляет выделение прямоугольной области, содержащей изображение доминирующего элемента. В дальнейшем планируется добавить выделение произвольной области, содержащей изображения доминирующего элемента. При расчете коэффициента корреляции двух товарных знаков используется только выделенная область (если выделенная область отсутствует, то используется все изображение). Выделенные области товарных знаков масштабируются и вычисляется их функция схожести [1]. На рисунках 3 и 4 представлены результаты расчета функции схожести при выделении доминирующего элемента.

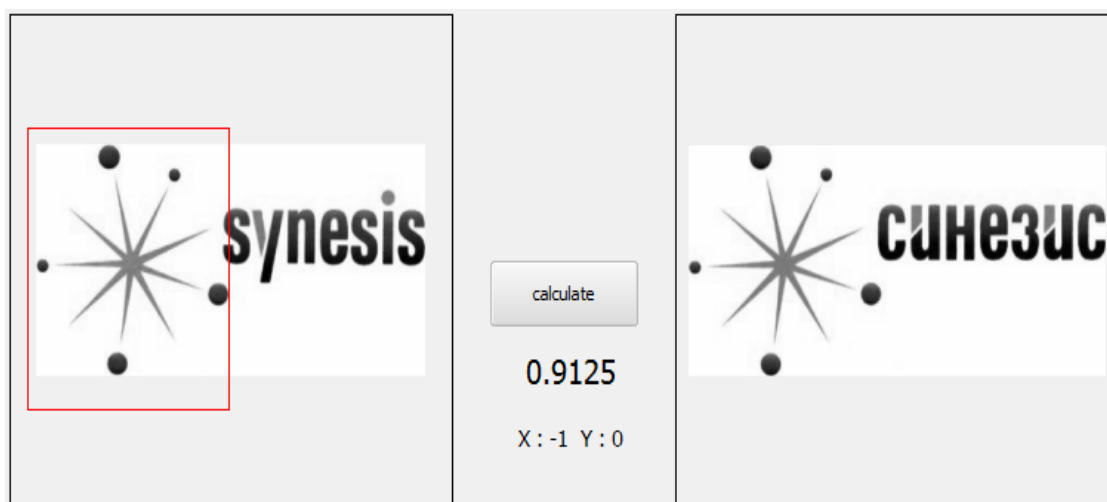

Рисунок 3 – Пример схожих товарных знаков при выделении доминирующего элемента

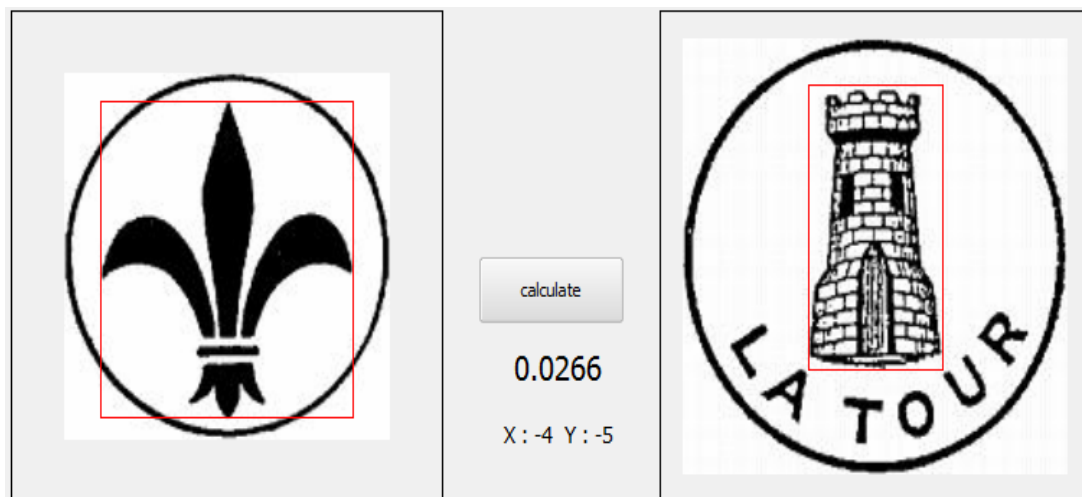

Рисунок 4 – Пример различных товарных знаков при выделении доминирующего элемента

222

После выделения доминирующих элементов результаты сравнения стали близки к тому, как эти знаки воспринимаются человеком. Так как доминирующие элементы на обоих товарных знаках рисунка 3 практически совпадают, то полученный результат ожидаемо близок к единице. Существенное различие выделенных доминирующих элементов товарных знаков на рисунок 4 приводит к результату, близкому к нулю. Таким образом, благодаря предварительной обработке изображения пользователем (выделение изображения доминирующего элемента), значительно повышается качество сравнения товарных знаков.

Однако товарные знаки могут иметь и несколько ключевых элементов, важных с точки

зрения восприятия их потребителем, например, логотип компании производителя и отличительный знак конкретного товара (логотип фирмы «Apple» яблоко и надпись «iPod»). В таком случае необходимо выделять все такие ключевые элементы товарного знака и сравнивать их отдельно с каждым элементом другого товарного знака для определения их схожести.

При создании программного комплекса для регистрации товарных знаков, доминирующие элементы и, если необходимо, другие значащие детали могут выделяться экспертом при добавлении товарного знака в базу данных и храниться в базе вместе с исходным изображением или в виде маски, что может значительно улучшить качество поиска сходных знаков.

Список использованных источников

1. Программный комплекс для исследования товарных знаков и обозначений при проведении судебных экспертиз / С.М. Завгороднев [и др.]. // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции Республики Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – Вып. 1/29. – С. 187–193.
2. Гонсалес, Р. Цифровая обработка изображений / Р. Гонсалес, Р. Вудс. – М.: Техносфера, 2005.

Дата поступления: 11.10.2011

Annotation

The article examines the main features of trademarks automated comparison. It includes examples of work of the Research program «TMPorog». Some difficulties encountered when comparing trademarks are described. To avoid them, a method is proposed to select the dominant element of the image.

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО	5	
ЕРМОЛИНСКИЙ П.М.	7	<i>Генезис становления и развития уголовного законодательства об охране окружающей среды от загрязнения</i>
ТКАЧЕВ И.А.	10	<i>Причинная связь и бездействие как основания уголовной ответственности при расследовании дел о преступных нарушениях правил охраны труда и техники безопасности*</i>
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	19	
ЗОРИН Р.Г.	21	<i>Криминалистическое и уголовно-процессуальное исследование форм взаимодействия сторон защиты и обвинения в процессе доказывания в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь*</i>
ЗАЙЦЕВА Е.А.	27	<i>«Правовые экспертизы» и некоторые проблемы возбуждения уголовных дел в отношении специальных субъектов*</i>
АШИТКО В.П.	33	<i>Особенности процессуальной деятельности прокурора на заключительном этапе предварительного расследования*</i>
БЛАГАРЕНКО О.В. БРАНЧЕЛЬ И.И.	40	<i>Правовой статус результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе*</i>
ГОРОВАЯ И.А.	47	<i>Виды и значение классификаций оснований к прекращению уголовного преследования. Критерии отнесения оснований к реабилитирующим*</i>
ШАЛЬКЕВИЧ И.А.	53	<i>Допрос эксперта в суде по уголовным, гражданским делам и делам об административных правонарушениях</i>
КРИМИНОЛОГИЯ	59	
ВОЙТОВА Д.А. РОЧЕВА Е.А.	61	<i>Оптимизация практики назначения наказания в виде лишения свободы в контексте Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения*</i>
АНАНИЧ В.А. КЛИМ А.М.	67	<i>Криминологическая типология взяточничества*</i>
КЛИМ А.М.	72	<i>Психология взяточничества*</i>
МАКСИМЕНЯ С.А.	79	<i>Вопросы эффективности профилактики повторных преступлений, совершенных несовершеннолетними*</i>
КРИМИНАЛИСТИКА	85	
БАСЕЦКИЙ И.И. СКАЛДИН А.В.	87	<i>Территориальный мониторинг ситуации (оперативной обстановки) в сфере противодействия преступности*</i>

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

БАШАН А.В.
ГОРШЕНКОВ С.А.	91	О сущности защиты и безопасности, гарантируемых государством лицам, оказывающим конфиденциальное содействие оперативным подразделениям*
БРАНЧЕЛЬ И.И.	95	Гарантии неприкосновенности при проведении оперативно-розыскных мероприятий*
ЕРМОЛОВИЧ Д.В.	102	Виды и признаки способов совершения мошенничества в отношении имущества физических лиц*
БОРОВИК П.Л.	109	Аспекты проблемы расследования преступлений, связанных с детской порнографией, в криминалистической и криминологической литературе*
ГУЩА Ю.А.	116	Современная гносеологическая парадигма расследования преступлений, совершаемых должностными лицами в сфере экономических отношений*
ГОРШЕНКОВ С.А.	121	Сравнительный анализ законодательства некоторых зарубежных стран по вопросам организации обеспечения безопасности лиц, содействующих правоохранительным органам*
СКАЧЁК Р.В.	127	Опасность для движения – «отправная точка» анализа механизма дорожно-транспортного происшествия*
	131	
ДОДА И.Г.
ЕГОРОВ К.С.	133	Совершенствование и трансформация методов исследования цифровых фонограмм при решении комплекса задач криминалистической экспертизы звукозаписей*
ЕГОРОВ К.С.
ФЕТНЯЕВ И.Ю.	139	Аналитическое обобщение возможностей второго класса современных математических моделей обработки голосовых сигналов для моделирования тембра голоса*
ЦЫБОВСКИЙ И.С.
КОТОВА С.А.
СИДОРЕНКО Л.П.
ЗАБЛОЦКАЯ Е.А.
ВЕЛИЕВ А.В.
ЛУКАШКОВА О.Н.	148	Экспертное исследование вещественных доказательств по делам, связанным с безлицензионным отстрелом диких животных (браконьерством)*
ШУКАН Л.А.
САПУН В.П.
ПРОХОРОВА Е.А.
РОВИНСКАЯ Л.Б.
САПУН И.А.	155	Особенности распределения и варьирования твердых антропогенных включений в почвах городских газонов*
БОЧАРОВА О.С.
РИТВИНСКАЯ Т.Ю.
КУЧИН А.П.	161	Голограмма как средство защиты от подделки ценных бумаг, документов и различных объектов и контроля их подлинности*

БОЧАРОВА О.С. РЯБЧЕНКО Ю.В.	167	Защищенность водительского удостоверения нового образца как бланка строгой отчетности и как документа с определенной степенью защиты от подделки*
СВЕТЛИЧНАЯ Т.А. СТАНКЕВИЧ А.А. ШУМАК Г.А.	173	Гражданско-правовой договор как объект исследования судебно-экономической экспертизы*
БОРДЮГОВ Л.Г.	181	Системность специальных знаний – категорический императив судебно-экспертного познания*
ТИХОНОВА В.И. ЗАХАРОВА Т.А.	186	Проблемные вопросы установления относительной давности выполнения реквизитов документа, нанесенных при помощи современных средств и материалов письма
ЭЙДЕЛЬМАН А.Б.	189	Письмо как объект диагностического исследования психических расстройств*
АРТЮШКЕВИЧ В.С.	196	Морфофункциональное состояние кровеносной системы при травме
АВТОМАТИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	201	
ДОДА И.Г. ЗАВГОРОДНЕВ С.М. МИХАЙЛЕНКО Г.В. РЕВИНСКИЙ В.В.	203	Организационно-методические приемы экспертного исследования товарных знаков до степени их смешения*
ЗАВГОРОДНЕВ С.М. КОЛЯДА А.А. РЕВИНСКИЙ В.В. СИВЕРСКИЙ Ф.А.	209	Корреляционный метод сравнения графических изображений товарных знаков*
ГАБА Т.Е. КУЛЯ А.В. СИВЕРСКИЙ Ф.А. ГОЛУБЕВ А.М. НЕДВЕЦКИЙ Д.И.	219	Особенности исследования товарных знаков на программном комплексе «ТМРogod»

К сведению авторов

В редакцию статьи представляются на бумажном и электронном (файлу присвоить фамилию автора) носителях.

К статьям прилагаются сведения об авторе (авторах): Ф.И.О. (полностью), место работы, должность, ученая степень и звание, контактный телефон, e-mail и подпись.

Рукописи статей, учитываемых в качестве **научных публикаций по теме диссертационных исследований**, публикуются в рубрике «Научные публикации». Они представляются, как правило, в объеме не менее 14 000 печ. знаков, включая пробелы между словами, что соответствует 8 страницам текста через 2 интервала, но не более 30 000 печ. знаков (в этот объем входят текст, таблицы, рисунки, список источников). Научные статьи должны содержать следующие элементы: аннотацию на русском и английском языках (до 10 строк), введение, основную часть, заключение с четко сформулированными выводами, список использованных источников (ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте), дату поступления в редакцию. Научные публикации по теме диссертационных исследований пользуются правом первоочередного опубликования в сборнике.

Статьи иного характера представляются в текстовом редакторе Microsoft Word, формат бумаги А4, шрифт Times New Roman, кегль 11, объем – до 15 страниц через 2 интервала.

226

Авторы несут ответственность: за подбор и точность приведенных фактов, цифр, цитат, правовых сведений, имен и иной информации; за содержание в материалах данных, не подлежащих открытой публикации; за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями. Авторы также гарантируют отсутствие в рукописи нецитированных заимствований из Интернета и других источников.

Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование поступающих рукописей статей и оставляет за собой право выбора материалов для опубликования, без письменного объяснения причины отклонения. Редакция предоставляет возможность первоочередного опубликования статей, представленных лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения.

Редакция также может опубликовать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения авторов.

Плата за опубликование научных статей редакцией не взимается.